

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 7 (87)

Academic Journal

Series: *International relations.*
Regional Studies

Moscow 2012

ВЕСТНИК РГГУ
№ 7 (87)

Научный журнал

Серия «Международные отношения.
Регионоведение»

Москва 2012

УДК 327(05)
ББК 66.4я5

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Серия «Международные отношения. Регионоведение»

Редакционная коллегия:

В.В. Минаев – ответственный редактор

А.З. Арсенян

Г.Г. Водолазов

А.Д. Воскресенский

А.В. Гущин

В.Б. Жиромская

В.И. Журавлёва

А.С. Левченко

А.В. Мельцов

А.В. Николаев

М.В. Опарина

О.В. Павленко

Т.А. Шаклеина

*Все сведения, представленные в статьях,
даны по состоянию на январь 2011 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

История международных отношений и внешней политики России

О.В. Павленко

Геополитическое проектирование «большой европейской войны»
в 1910–1914 гг.: российский ракурс 11

С.А. Романенко

Межэтнические противоречия, региональное самосознание
и политические союзы в южной части Средней Европы
в конце XIX – начале XX в. 39

А.В. Гуцин

Установление восточных границ независимого
польского государства в 1918–1923 гг. 50

В.И. Журавлёва

Русский «Другой» в американской политической карикатуристике:
от века XIX к веку XXI 64

М.М. Сиротинская

«Вы хотите встать под защиту американского флага?
Тогда вы получите ее!»: «Дело Кошты» в освещении
газеты «The New York Times» 97

Д.Н. Андросова

Обучение студентов из социалистических стран
в вузах СССР (1956–1964): правовой аспект 108

Д.С. Качков

Возвращение постсоветской России в мировую политику
в освещении французских СМИ 117

Проблемы мирового развития: глобальное и региональное измерения

В.И. Денисов

Корейский ядерный кризис: перспективы урегулирования 129

<i>О.А. Хлопов</i>	
Российско-китайское энергетическое сотрудничество в контексте глобальных геоэкономических изменений	140
<i>А.Г. Сенокосов</i>	
БРИК – новый формат интеграции стран – лидеров развивающегося мира	153
<i>Д.А. Журавлёв</i>	
Коммуникационный аспект терроризма в постмодернистской Системе: театр террора и общество спектакля	163
<i>В.В. Бедрвань</i>	
Механизмы информационной войны США против Ирака в начале XXI в.	186
<i>Т.Ф. Сабитов</i>	
Влияние «хиспэникс» на позиционирование образа современного иммигранта в США	196
<i>Н.С. Самаркина</i>	
Экспортные возможности США и РФ на мировом рынке вооружений в начале XXI в.	207
<i>М.А. Елфимов</i>	
«Закон народов» Джона Роулса и его место в теории международных отношений	217
<i>З.Т. Алиев</i>	
Влияние экологических аспектов на политику социально-экономического развития государств	226
Страны постсоветского зарубежья в международных процессах	
<i>А.С. Левченко</i>	
Украинско-чешские отношения: 1991–2010 гг.	233
<i>С.М. Маркедонов</i>	
Процесс нормализации армяно-турецких отношений: проблемы, вызовы, перспективы	245
<i>Е.В. Васильев</i>	
Роль и значение «концепции внешней дуги» в белорусской внешней политике	257

<i>И.А. Баскакова</i> Сотрудничество России и Казахстана по вопросам безопасности	266
--	-----

<i>И.Е. Ханова</i> Казахстанско-узбекистанские отношения и их место в современной геополитической системе	278
---	-----

Научная жизнь

<i>В.И. Журавлёва</i> Русистика/советология в США, американистика в России: опыт взаимных репрезентаций	287
Abstracts	298
Сведения об авторах	307

CONTENTS

History of International Relations and Foreign Policy of Russia

<i>O.V. Pavlenko</i> Geopolitical Planning of the “Big European War” in 1910–1914: Russian View	11
<i>S.A. Romanenko</i> Interethnic Contradictions, Regional Consciousness and Political Alliances in the Southern Middle Europe (end of the 19 th – beginning of the 20 th century)	39
<i>A.V. Guschin</i> The Determination of Polish Eastern Borders in 1918–1923	50
<i>V.I. Zhuravleva</i> The Russian “Other” in American Political Cartoons: from the 19 th Century to the 21 st Century.....	64
<i>M.M. Sirovinskaia</i> “Do You Claim the Protection of the United States? Than You Shall Have It!” The “Kostza-Affair” as Seen by “The New York Times”	97
<i>D.N. Androsova</i> The Students from Socialist Countries in Soviet Universities (1956–1964): Legal Aspect	108
<i>D.S. Kachkov</i> Post-Soviet Russia’s Re-entry into the World Politics as Seen by French Mass Media	117

Global and Regional Dimensions of World Development

<i>V.I. Denisov</i> Korean Nuclear Crisis: Prospects of Settlement	129
<i>O.A. Khlopov</i> Russian-Chinese Energy Cooperation in the Context of Global Geoeconomic Changes	140

<i>A.G. Senokosov</i>	
BRIC as a New Integration Framework for Leading Countries of the Developing World	153
<i>D.A. Zhuravlev</i>	
Communicative Aspect of Terrorism in the Postmodern System: the Theater of Terror and the Society of the Spectacle	163
<i>V.V. Bedran</i>	
Mechanism of U.S. Anti-Iraq Information War at the Beginning of the 21 st Century	186
<i>T.F. Sabitov</i>	
Hispanics Influence on the Image of Contemporary Immigrant in the United States	196
<i>N.S. Samarkina</i>	
Export Potential of Russia and the United States on the World Weapons and Military Equipment Market at the Beginning of the 21 st Century	207
<i>M.A. Elfimov</i>	
John Rawl's "The Law of Peoples" and its Role in International Relations Theory	217
<i>Z.T. Aliev</i>	
Ecological Aspects of the National Socio-economic Development Policy	226
Post-Soviet States in the Context of International Relations	
<hr/>	
<i>A.S. Levchenkov</i>	
Ukraine-Czech Relations: 1991–2010	233
<i>S.M. Markedonov</i>	
The Armenian-Turkish Normalization Process: Problems, Challenges, Prospects	245
<i>E.V. Vasilyev</i>	
Role and Significance of the "Conception of External Bulge" in Belarus Foreign Policy	257

I.A. Baskakova
Russia-Kazakhstan Cooperation in the Security Sphere 266

I.E. Khanova
Kazakhstan-Uzbekistan Relations within Modern Geopolitical System 278

Academic Events

V.I. Zhuravleva
Russian/Soviet Studies in the United States, American Studies
in Russia: Mutual Representations 287

Abstracts 298

General data about the authors 309

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

О.В. Павленко

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ «БОЛЬШОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЫ» В 1910–1914 ГГ.: РОССИЙСКИЙ РАКУРС

В статье рассматриваются военные мобилизационные планы и прогнозы большой европейской войны, которые разрабатывались высшими военными экспертами в России в 1910–1913 гг. Они смогли достаточно точно предвидеть ход Первой мировой войны. Уже к 1912 г. в российской элите сформировалось устойчивое представление о том, что западная граница империи представляет наибольшую опасность. Реалии блоковой дипломатии трансформировали образ «Запада» и «западной угрозы» того времени. Англия и Франция, как союзники России по Антанте, исключались из дискурсов «враждебности». Образы Германии и Австро-Венгрии, напротив, приобретали в геополитических текстах совершенно особый смысл. В статье не рассматриваются публицистические сочинения, только кабинетные материалы, представляющие «экспертный уровень» внешней политики.

Ключевые слова: Первая мировая война, геополитика, Россия, Австро-Венгрия, Германия, милитаризация.

После Первой мировой войны сразу вспыхнули острые споры среди военных, политиков и интеллектуалов. Победителям и побежденным не давал покоя вопрос: кто виноват в том, что конфликты между великими державами переросли в кровавую мировую бойню, унесшую жизни почти восьми миллионов человек? Межвоенный период прошел в острых дискуссиях. В послевоенном мире вопрос о вине приобретал ключевое международно-правовое и гуманитарное значение. Проигравшие страны были объявлены победившей Антантой виновными за все неслыханные бедствия и потери. С самого зарождения Версальско-Вашингтонская система

международных отношений оказалось расколотой на два мира – победителей и побежденных.

В 1920–1930-е годы в Германии, Австрии, Франции, Великобритании были изданы многотомные сборники дипломатических документов. Прежние донесения и соглашения, хранившиеся в государственных архивах под грифом «совершенно секретно», ранее недоступные даже многим государственным сановникам, теперь были опубликованы. Только с одной целью – доказать, что своя страна стремилась дипломатическими путями разрешить все возмущавшее число территориальных и экономических конфликтов¹. Вина возлагалась на «другие» нации. Подобные «формулы вины» органично вошли не только в бесконечные политические дебаты, журналистские рассуждения и общественные споры. Они стали также объектом ожесточенной научной полемики, которую развернули национальные историографии победивших и побежденных стран.

На примере трагической истории XX в. можно проследить, как изменялись интерпретации и формулы вины под влиянием текущих политических интересов и ситуаций. Прошлое и настоящее скреплялось в одних случаях общей печатью исторической вины, в других – триумфальной победы. На этой основе в исторической памяти рождались новые моральные императивы и мотивации, создавались новые символы коллективной идентичности, образы жертв и героев минувшей войны.

В России большевики рассекретили массив дипломатических документов последнего десятилетия империи, на скорую руку опубликовав их зимой 1917–1918 гг. Раскрывая тайны царских канцелярий, они демонстративно снимали с себя всякую ответственность за обязательства рухнувшей монархической власти, а также разоблачали «сговоры» буржуазных правительств. Уже в 1920-е годы издатели «Красного Архива», продолжившего дипломатические публикации, признавали, что первые опыты «были сделаны наспех, конец тогда был бы разговорам о “виновниках”, не потому, чтобы не было виновных, а потому что виноваты были *все* – и гораздо больше, чем думали о ком бы то ни было»².

Многотомные издания дипломатических источников стали фундаментом, на основе которого национальные историографии возвели концепции и теории о процессе зарождения Первой мировой войны. Ведь он имел общеевропейский масштаб, охватывал фактически все крупные и малые страны Европы. Но в эпицентре этого вихря великодержавных самолюбий и амбиций, честолюбивых устремлений европейских монархов, военных стратегов, больших и мелких политиков, биржевых дельцов и «новых баронов» было особое восприятие войны, которое породила эпоха империализма.

Общеизвестно, что дипломатические переговоры в июле 1914 г. были лишь вершиной айсберга, но под темными водами были скрыты десятилетние процессы подготовки к войне. Речь идет не только о военной, мобилизационной практике, но и политической воле европейских элит к войне, их моральной готовности к большому кровопролитию под национальными лозунгами и стягами. Как справедливо отмечает профессор Принстонского университета Эмилио Джентиле, «принцип национального суверенитета, основанный на национализме, стал наиболее универсальной демонстрацией процесса сакрализации политики в современном мире и воспроизвел значительное количество идеологий, культурных и религиозных традиций»³.

На эти сюжеты написаны многочисленные компетентные труды⁴. Большинство исследователей приходит к выводу, что не только Балканы были той зажигательной бомбой, которая изнутри взорвала благополучный европейский мир. Конфликты нарастали со всех сторон: Балканы, Китай, Марокко, лоскуточный Африканский континент... Острейшее переплетение англо-германских, германо-французских, русско-австрийских, германо-японских и прочих двусторонних и многосторонних противоречий.

На первый взгляд кажется, что тема досконально исследована. Но нередко реконструкция событий и процессов нуждается в детализации. В исторических исследованиях не бывает второстепенных деталей. Только сопоставление множества деталей позволяет почувствовать особый политический настрой начала XX столетия, ту феноменальную смесь великих иллюзий прогресса и фатального предчувствия войны, которой были проникнуты не только элитарные, но самые широкие социальные слои. Ожидание большой континентальной войны, которое неизбежно вызревало в популярных тогда идеологиях «национального эгоизма» и динамичном движении капиталов на всем колониальном мировом пространстве.

Данная статья написана на основе документов фонда 138 Секретного архива министра иностранных дел России. Несмотря на значительный объем опубликованных архивных источников, в богатейших коллекциях Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ МИД РФ) хранится еще много материалов, позволяющих дополнять и уточнять наши представления о ходе политических процессов накануне и во время Первой мировой войны. В статье будут последовательно рассмотрены два, тесно взаимосвязанных сюжета:

- прогнозы будущей войны, сделанные российскими военными экспертами в 1912–1913 гг.;
- сценарий большой войны на Босфоре в начале 1914 г.

Конечно, это только отдельные эпизоды обширного военно-политического и дипломатического процесса, в недрах которого вызревала Первая мировая война. Но на их примере можно проследить, насколько тесно были переплетены интересы великих держав, как трудно провести грань между «виновными» и «безвинно пострадавшими».

План мобилизации Генерального штаба России и угроза большой европейской войны (1910–1912 гг.)

Когда в европейских правительствах стали разрабатываться сценарии войны? Когда можно говорить о точке невозврата в политических решениях монархов и их кабинетов? Версий ответов на эти вопросы может быть несколько. В дипломатических и военно-стратегических документах каждой великой державы можно обнаружить соответствующие материалы. Но рабочие документы и превентивные военные проекты не могут считаться достоверным доказательством реальной подготовки к наступательной войне.

В начале XX в. Генеральные штабы всех без исключения великих держав с удвоенной энергией разрабатывали мобилизационные проекты на случай грядущей войны. Ее тень уже нависала над европейскими столицами. О вероятности «большой европейской войны» писали крупные газеты. Эту тему активно обсуждали в политических и светских салонах. О ней неоднократно писали в донесениях дипломаты. Эту угрозу использовали в своих целях военные министерства и Генеральные штабы, чтобы добиться существенного увеличения финансирования для модернизаций армий и флота.

Опыт войн конца XIX – начала XX в. (пруско-французской 1870–1871 гг., русско-турецкой 1877–1878 гг., русско-японской 1904–1905 гг.) свидетельствовал, что традиционные «постоянные крепости» уступают под напором новых видов артиллерии и техники. Все великие державы форсировали проекты военной модернизации.

В России стали постепенно осознавать будущую угрозу только после позорного поражения в войне с Японией, которое вызвало по всей стране ожесточенную общественную критику боевой подготовки армии и флота. Военные реформы 1906–1912 гг. продвигались тяжело, буксовали от постоянного недостатка финансирования, интриг и коррупции в высших бюрократических кругах, конкуренции между флотским и армейским начальством.

С 1909 г. военным министром был назначен В.А. Сухомлинов. Под его руководством началась военная модернизация 1909–

1913 г. Оценки деятельности В.А. Сухомлинова резко расходятся – от мнения о его высоких организационных качествах до крайне негативных суждений о том, что он допустил дезорганизацию армии накануне войны⁵. Личное расположение императорской четы к военному министру объяснялось его неиссякаемым оптимизмом, легкостью докладов, компромиссной позицией и умением улавливать настроения Николая II. Недаром император, зная о его конфликтах с лидерами Государственной думы А.И. Гучковым и М.В. Родзянко, сказал ему: «Что Вам с ними спорить – Вы мой министр».

Модернизация армии требовала колоссальных финансовых затрат. Но под влиянием модных тогда маринистских тенденций вопросы сухопутных вооруженных сил рассматривались во вторую очередь. В своих мемуарах В.А. Сухомлинов неоднократно упоминает о резких противоречиях с министром финансов и председателем Совета министров В.Н. Коковцовым.

«Большая программа по усилению армии» была разработана лишь к концу 1912 г. Только в октябре 1913 г. Николай II одобрил ее положения. Но понадобилось еще семь месяцев для окончательных согласований. Парадоксальная и по сути трагическая для России ситуация – программа была утверждена 24 июня 1914 г. и была рассчитана на четыре года. Хотя военное министерство приступило к ее реализации еще до окончательного утверждения, и были достигнуты определенные результаты, все же весь этот масштабный проект был сметен обрушившейся на европейские страны войной⁶.

Одним из наиболее интересных стратегических документов этого времени можно считать новый мобилизационный план. 30 мая 1910 г. по распоряжению императора Николая II была создана межведомственная комиссия под руководством генерал-майора А.С. Лукомского, начальника мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба⁷. Впоследствии во время Первой мировой войны он возглавил канцелярию Особого совещания по обороне государства, которое ведало регулированием военного производства и координировало фактически всю военную экономику.

Доверенное лицо генерала М.И. Драгомирова, он считался одним из наиболее авторитетных офицеров в вопросах мобилизации армии и ведения оперативных работ по сосредоточению армии к границе. С 1909 г. его карьера резко взлетела вверх на волне военных реформ. Тогда он возглавил не только мобилизационный отдел, но и приступил к работе по изменению прежнего Устава о воинской повинности 1874 г. Несмотря на незавершенность работы, эти меры все же позволили увеличить численность армии, более детально разработать правила призыва и разверстки контингента новобранцев.

Перед комиссией А.С. Лукомского была поставлена задача – разработать положения о подготовительном (предмобилизационном) периоде к войне. 2 мая 1912 г. в Совет министров был представлен совершенно секретный документ № 900. Это был проект Положения «О подготовительном к войне периоде», который несколько раз обсуждался руководителями Генерального штаба, дорабатывался и наконец, подписанный начальником Генштаба Я.Г. Жилинским, поступил на рассмотрение в правительство.

Проект был создан в расчете на международную ситуацию, которая характеризовалась весьма неопределенно: «открытию военных действий всегда предшествует более или менее длительный период дипломатических осложнений, коему присваивается наименование “подготовительного к войне периода”»⁸.

Была разработана особая процедура принятия решения о наступлении такого периода. Сначала три министра – военный, морской и иностранных дел, должны были прийти к общему мнению о неизбежности войны. После этого вопрос согласовывался на Совете министров, а затем поступал на рассмотрение императору. За ним закреплялось право на окончательное решение. Таким образом, накануне Первой мировой войны судьба России определялась, как в прежние столетия, только династической волей. Дипломатическое и военные ведомства оказывали лишь опосредованное влияние на процесс принятия решений. По сути, мобилизационный план закреплял личную ответственность императора в решении быть или не быть войне.

Важно было также подсчитать, во сколько обойдутся для России мобилизационные мероприятия, и за счет каких внутренних резервов будут финансироваться. Военные эксперты исходили из того, что соответствующее решение будет принято своевременно, и Россия будет иметь хотя бы один месяц на их развертывание.

Окончательный вариант положения был утвержден Николаем II 2 марта 1913 г., за полтора года до начала Первой мировой войны. Таким образом, оно разрабатывалось почти три года – с 1910 по 1913 гг. в соответствии с логикой военно-стратегического планирования того времени. Было выделено четыре варианта возможных политических осложнений по периметру границ России, которые могли повлечь военные конфликты:⁹

- осложнения на западной границе (общая стоимость мобилизационных мероприятий – 49 371 986 руб.);
- на Дальнем Востоке (20 166 233 руб.);
- на Кавказе (11 857 076 руб.);
- в Туркестане (12 783 784 руб.).

Естественно, при мобилизации потребовалось проводить необходимые меры на всех четырех направлениях – от западных рубе-

жей до Дальнего Востока. Приведенные суммы означали совокупный расход пяти ведущих министерств России: военного, морского, внутренних дел, путей сообщения и финансов. В целом речь шла о мобилизационных расходах, превышающих сто миллионов рублей. Огромная сумма по тем временам.

Обращает внимание, что именно западная граница рассматривалась как наиболее вероятная зона военного столкновения, требующая наибольших финансовых затрат. Основные координаторы мобилизационного проекта имели большой опыт работы в военных округах, прилегавших к западной границе: А.С. Лукомский – в Киевском военном округе, В.А. Сухомлинов – также в Киевском военном округе, затем он был киевским, подольским и волынским генерал-губернатором; Я.Г. Жилинский – в Варшавском округе¹⁰.

Еще при Александре III началось расширение системы укреплений на Висле. Как признавал в мемуарах В.А. Сухомлинов, «положение на Балканах и развивавшиеся там действия Австрии снова направляли наши помыслы на Запад как на будущий театр военных действий»¹¹.

Он вспоминает, что в 1912 г. в Париже состоялся примечательный разговор с начальником Генерального штаба Франции Жоффром относительно будущей войны: «Мы были с ним одного мнения: немецкий план направлен к тому, чтобы сначала сразить Францию несколькими решительными ударами, а затем обрушиться на Россию. Из этого мы вывели заключение, что нашей задачей является одновременное наступление на Германию с Востока и Запада»¹².

В России с тревогой наблюдали за ускоренным строительством железных дорог в Австро-Венгрии. Ведь именно железные дороги являлись тогда залогом успешной и ускоренной мобилизации. Французы были готовы участвовать в финансировании строительства железных дорог в России. Но только тех, которые имели бы военно-стратегическое значение и были направлены на западную границу. На ежегодных конференциях Генеральных штабов России и Франции разрабатывалась программа строительства сети железных дорог для реализации плана концентрации русских войск на Висле, чтобы «дать им возможность наступления на Восточную Пруссию в направлении на Алленштейн или Торн-Позен с такими силами, которые могли бы удержать 6 германских корпусов»¹³.

В.А. Сухомлинов приводит копию секретного письма министра финансов В.Н. Коковцова к министру иностранных дел С.Д. Сазонову от 17 июня 1913 г. № 639. В нем сообщается, что французское правительство готово было разрешить русскому правительству брать ежегодно на парижском рынке от 400 до 500 млн фр. в форме государственного займа или ценностей, обеспечиваемых государ-

ством для реализации программы железнодорожного строительства на стратегических линиях, предусмотренных французским Генеральным штабом. Вторым условием соглашения должно было стать увеличение наличного состава русской армии в мирное время. Французы настаивали на удвоении колеи на линиях: Брянск–Гомель, Пинск–Жабинка и Петербург–Тапс–Рига–Муравьев–Ковно, а также четырехкратном увеличении путей между Жабинкой и Брестом, Седлецом и Варшавой. Россия уже летом 1913 г., не дожидаясь окончательного оформления договоренностей, начала форсированное железнодорожное строительство. Предполагалось построить новые дороги: Рязань–Варшава, Лозовая–Ковель, Вильно–Ровно, Батраки–Пенза–Смоленск¹⁴.

Под «Кавказом» в документе значился потенциал Кавказского военного округа, куда входили также силы, которые в случае необходимости могли быть развернуты на Балканах. Удивительно, что в период, когда балканский полуостров вновь полыхал в огне междоусобных конфликтов, и градус напряженности поднимался с невероятной скоростью, военные ведомства отводили этому региону лишь третье место в списке опасных для России зон.

Угроза западной границы еще раз подтвердилась как раз во время подготовки проекта мобилизации, осень 1912 г. Как известно, во время Первой балканской войны объединенные силы балканских государств захватили большую часть европейской Турции. Усиление сербов на берегах Адриатики вызвало серьезные опасения в Вене. Австрия провела мобилизацию части своих вооруженных сил для сосредоточения их на сербской границе. Кайзер Вильгельм II выражал готовность поддержать Вену. Во время визита 22 ноября 1912 г. наследника Австро-Венгерского престола Франца-Фердинанда в Берлин и его переговоров с Мольтке и канцлером Бетманом-Гольвегом обсуждались стратегические планы на случай большой европейской войны. Для России тогда резко встал вопрос об объявлении мобилизации военных округов на границе с Австро-Венгрией. Царь собрал чрезвычайное совещание. Война, казалось, неминуемо надвигается на Европу. Но В.Н. Коковцов, председатель Совета министров, смог убедить собравшихся, что Россия не готова к ведению масштабных военных действий, военная организация страны находится в неудовлетворительном состоянии: «Нужно не шуметь и не бряцать оружием. В условиях начавшейся модернизации русской армии – быть особенно сдержанным во внешней политике»¹⁵. В итоге русская дипломатия смогла найти общие точки соприкосновения с австрийцами. Между Веной и Петербургом было принято решение выступить с заявлением о нерушимости территориального *status quo*¹⁶.

Этот шаг вызвал в балканских столицах резкую критику российской политики и откровенное разочарование. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов в циркулярном письме руководителям дипломатических миссий признавал, что в это время «раздавались упреки в том, будто война явилась для нас полною неожиданностью, что с нашей стороны произошло полное охлаждение к заветам прошлого, что Россия вступила в соглашение с Австрией, предавая интересы славян, и, наконец, что мы чуть ли не взяли на себя обязательство перед Европою – силою лишить балканские государства плодов их усилий и жертв». В ответ на большую критику и обвинения в предательстве славянских братьев, развернутую в русской и славянской прессе, С.Д. Сазонов спокойно отмечал: «На многих из этих упреков не стоило бы даже останавливать серьезного внимания»¹⁷. Тем не менее было достигнуто главное – устранение угрозы российско-австрийского военного столкновения, которое повлекло бы за собой неотвратимо большую европейскую войну.

В этом же году Петербург потряс один из первых громких шпионских скандалов. Жандармский подполковник С.Н. Мясоедов, служивший при военном министре и бывший с ним в самых дружеских отношениях, был обвинен журналистами в шпионаже в пользу Австро-Венгрии. «Дело Мясоедова» получило громкую огласку благодаря Государственной думе и прессе, которые требовали отставки военного министра В.А. Сухомлинова. Но Николай II тогда защитил своего доверенного министра. Жертвой этой акции стал помощник военного министра А.А. Поливанов, которого прочили на его место. Царь, напротив, отправил в отставку А.А. Поливанова. Вина же С.Н. Мясоедова осталась недоказанной. Все эти эпизоды на фоне серьезных обострений российско-австрийских дипломатических отношений во время Первой и Второй балканских войн вызывали ощущение опасности и крайней напряженности между Петербургом и Венной.

Таким образом, мобилизационные планы показывают, что в период 1910–1913 гг. в высших эшелонах власти России, несмотря на многочисленные мнения и противостоящие группировки, уже сложилось довольно устойчивое представление о том, что будущая война развернется на западной границе. Туда предполагалось стягивать основные средства и ресурсы. На мобилизационные мероприятия по периметру западной границы предполагалось потратить сумму, превышающую мобилизации по трем другим направлениям, вместе взятым. Именно западная граница была признана наиболее вероятным местом будущих военных действий, откуда исходит самая серьезная опасность для России. Соответственно, Германия и ее союзница – Австро-Венгрия воспринимались как главная угроза безопасности страны.

Прогноз будущей европейской войны от Морского Генерального штаба России (1912 г.)

При исследовании различных «моделей реагирования» особенную ценность представляет логика мышления военно-политических элит. Сквозь бюрократический язык документа проступает та картина мира, которая формировалась в сознании военных экспертов под влиянием текущей оперативной и дипломатической информации. Та сложная система выстраивания отношений «противник–союзник–нейтральное государство», которая динамично выстраивалась в мире под влиянием блоковой дипломатии.

3 февраля 1912 г. в Министерство иностранных дел к С.Д. Сазонову поступил секретный документ № 10 под названием «Памятная записка по поводу закона о флоте и судостроительной программы». Она разрабатывалась экспертами Морского Генерального штаба в 1911–1912 гг. Ее инициатором стал контр-адмирал князь А.А. Ливен, начальник штаба. Записка была полностью подготовлена 30 января 1912 г., получила одобрение морского министра И.К. Григоровича и по его указанию отослана министру иностранных дел.

Выходец из старинного курляндского рода, А.А. Ливен воспитывался в Германии, в берлинском кадетском корпусе. За его плечами была служба в Сибирской флотилии, на Балтийском флоте. 18 лет он провел на палубе корабля, по праву имел высокую репутацию боевого флотского офицера. Во время русско-японской войны командовал минной обороной Порт-Артура, затем дивизионом миноносцев. За храбрость был награжден золотым оружием. А.А. Ливен относился к когорте строевых адмиралов, по праву считавшихся гордостью русского флота.

После войны с Японией начался новый период его жизни. В 1908 г. он был прикомандирован к Морскому Генеральному штабу и в 48 лет был назначен председателем комиссии по описанию русско-японской войны. С этого времени князь А.А. Ливен стремился весь свой накопленный опыт направить на модернизацию флота. Популярной среди флотских офицеров была его книга «Дух и дисциплина нашего флота» (1908; 1914). Его карьера в высших эшелонах стремительно набирала силу: в 1908 г. он был назначен командиром 1-й минной дивизии Балтийского флота, а уже через три года исполнил обязанности начальника Морского Генерального штаба¹⁸.

В записке А.А. Ливена был сделан общий военно-стратегический анализ международной ситуации и описан наиболее вероятный сценарий ее развития. Особое внимание было уделено роли России. Этот документ представляет собой один из ярких примеров военно-политических прогнозов кануна Первой миро-

вой войны, составленных в духе популярных тогда маринистских концепций. В нем настоятельно подчеркивалась мысль, что общеевропейская война может успешно вестись только при условии сильного флота.

Но в России, как с горечью констатировал А.А. Ливен, «морское ведомство бойкотировалось со всех сторон». Поворот наметился только в 1910–1911 гг., когда были заложены четыре броненосца, и впервые была принята пятилетняя программа усиленного судостроения. Предполагалось к 1915 г. ввести в строй первую серию броненосцев, через год – вторую серию броненосных крейсеров¹⁹. Для сравнения уже в 1912 г. Германия, увеличивая ассигнования на морской флот с конца XIX в., смогла резко подняться в ряду морских держав с 6-го на 3-е место²⁰.

Отмечая невероятную динамику экономики Германии и возрастающую конкуренцию между Англией и Германией, А.А. Ливен делал вывод: «Состязание это ведется столь успешно с немецкой стороны, что Англия может в один прекрасный день для сохранения своего народного благосостояния, увидеть себя вынужденной прибегнуть к политическим репрессиям, и тогда неминуемо последует вооруженное столкновение». Рано или поздно оно неизбежно произойдет, поскольку «к этому решению уже многие годы явно и откровенно готовятся обе стороны»²¹. Особое внимание было уделено будущему России, для которой исход битвы двух европейских гигантов имел бы жизненно важное значение. Не вызывало сомнений, что с увеличением могущества Германии Россия окажется в изоляции и будет вытеснена из круга великих держав.

Сквозь призму будущего А.А. Ливен констатировал, что в современном мире есть только четыре основных государства – Германия, Англия, Франция и Россия. Но только от англо-германских взаимоотношений зависят все остальные международные интересы. Именно конкуренция между Германией и Великобританией приближает мир к большому конфликту «Тройственного союза против Тройственного Соглашения». В этом случае Россия не сможет избежать военного столкновения с Германией²².

Можно выделить несколько главных тезисов, выдвинутых А.А. Ливеном.

Во-первых, Германия является основным противником России. От нее исходит самая большая угроза российским жизненным интересам. В случае «немецкого господства над Балтийским морем, граница Германии начнется у Кронштадта и пройдет по всей нашей береговой черте. Двигаясь на Петербург, неприятельская армия проследует вдоль собственной базы и, кроме того, будет иметь возможность высадиться в непосредственной близости к столице,

укрепиться и уже оттуда начать операцию против войск, прикрывающих таковую. И тут-то повторится обстановка японской войны»²³.

Особо стоит обратить внимание на аргументацию, которая приводится в этом прогнозе. Как только Германия «политически достигнет гегемонии в Европе и окружит нас сплошным кольцом своего могущества от Норд-Капа до Малой Азии, Россия потеряет политическую самостоятельность <...> Уже теперь Швеция, Австрия и отчасти Турция находятся под немецким влиянием, Дания беспомощна перед своим великим соседом. Легко предвидеть, как Германская империя, оттеснив Францию и Англию к западу и сделавшись хозяином Немецкого моря и Английского канала, станет бесспорным вершителем судеб всех вышеупомянутых второстепенных государств. Тогда России, отделенной от остального мира сплошной полосой Германской империи, останется лишь смотреть на весь белый свет сквозь немецкие очки, и от доброй воли Германского императора будет зависеть решение, оставит ли он нам существовать в нынешнем виде или оттеснит нас от берегов Балтийского и Черного морей в глубину нашей равнины, где для нас наступит новый многовековый период одичания»²⁴. В этих словах проступает основной русский геополитический страх – потерять территории и морские пути, оказаться зажатыми на евразийском пространстве без прямых выходов в Европу.

Прогноз с предельной ясностью показывал, что Россия встанет перед вызовом самому своему существованию. В случае войны Германия будет стремиться вытеснить Россию с берегов Балтийского моря. Соответственно «балтийский вопрос» был чреват для России потенциальной германской угрозой. Недаром А.А. Ливен упомянул недавнюю войну с Японией.

Еще сравнительно недавно, в первое десятилетие XX в., российская дипломатия колебалась между двумя центрами мировой силы – англо-французским союзом и Германией. Петербург, подобно маятнику, отклонялся то в одну, то в другую сторону.

Как известно, после неудачи с Японией Россия решила с Германией, пытаясь разрешить возможные морские конфликты мирным путем.

Осознавая, что именно Балтийское море может стать в ходе германской экономической экспансии яблоком раздора между Россией и Германией, Петербург пошел на подписание ряда секретных протоколов и деклараций о соблюдении status quo в его акватории. Эти документы, подписанные Россией и Германией, а также еще двумя прибрежными государствами Балтики – Швецией и Данией в 1907–1908 гг., констатировали «наличие полной общности интересов» в балтийской политике и стремление к

поддержанию «теперешнего территориального порядка вещей»²⁵. Хотя особого практического значения договоренности не имели, обе страны тайно и явно делали шаги навстречу, зондируя интересы друг друга.

Очередной поворот в дипломатии России произошел в 1910 г., когда во время встречи в октябре в Потсдаме Вильгельм II предложил Николаю II заключить соглашение о взаимном нейтралитете в случае международного кризиса в Европе. Получив столь откровенное предложение, которое перечеркнуло бы союзнические соглашения с Францией и Великобританией, Николай II его отверг. «Потсдамское свидание» стало своеобразным рубежом в российско-германских дипломатических отношениях²⁶.

Памятная записка контр-адмирала А. Ливена, датированная февралем 1912 г., еще несла на себе отпечаток прежних дипломатических колебаний. В среде высших морских офицеров господствовали антигерманские настроения, поэтому он столь эмоционально и настойчиво доказывал губительность для России сохранения нейтралитета в случае европейской войны. Недоверие к германской политике и опасение германской угрозы, как лейтмотив, постоянно звучат в этом тексте.

В этой связи важен один эпизод в российско-германских дипломатических отношениях. Во время посещения Берлина в 1913 г. председатель Совета министров В.Н. Коковцов убеждал Вильгельма II и канцлера Бетмана-Гольвега в том, что России нужен сейчас мир, как никакой другой великой державе. Наметившийся экономический подъем требует больших вложений и политической стабильности. Так же миролюбиво отвечал ему и немецкий император. Обе стороны сделали вид, что поверили друг другу. Но, выступая перед русской делегацией, Вильгельм II не смог сдержаться и откровенно высказался о состоянии российско-германских отношений: «Я должен только сказать вам прямо – я вижу надвигающийся конфликт двух рас: романо-славянской и германизма, и не могу не предvarить вас об этом <...> Если война неизбежна, то я считаю безразличным, кто начнет ее»²⁷.

Во-вторых, Россия должна укреплять стратегический союз с Англией. Это сближение «следует всячески поддерживать», чтобы «не потерять Прибалтийский край с Петербургом»²⁸. В доказательство был приведен сценарий будущей войны, разработанный А.А. Ливеном. Начиная войну против Англии, Германия сначала займет Голландию и Бельгию. Англия и Франция будут вынуждены ответить. Тогда последует прямое столкновение англичан и немцев в Ла-Манше. Далее война распространится на все морское пространство. Предстоящее кровопролитие будет длительным и

изматывающим. Победит тот, кто будет иметь глубокий тыл и значительные внутренние ресурсы.

Русские прекрасно осознавали сильные и слабые стороны германской армии. Хорошо оснащенная и обученная сухопутная армия Второго Рейха могла рассчитывать на успехи в континентальных сражениях. Но Англия превосходила ее своим флотом. В прогнозе предсказывалось, что, обрушив на Францию сухопутную силу, Германия не сможет долго противостоять Англии на море: «Надеясь с помощью союзников и превосходной численностью своих сухопутных сил сокрушить Францию и задержать всякое вмешательство со стороны России, она, однако, не может рассчитывать на успех наступательных действий в море»²⁹.

Будущая война будет вестись на два фронта. Россия, связанная союзным договором с Францией, будет обязана выступить на стороне Антанты против Германии и Австро-Венгрии. Другого не дано, поскольку нейтралитет в этой войне равносильно тому, чтобы Россия «согласилась участвовать в сооружении собственного гроба»³⁰.

Но необходимо учитывать, что на западном фронте Англия и Франция будут воевать вместе, а на восточном фронте Россия останется один на один с Германией и Австро-Венгрией. Более того – «будет совершенно изолирована от наших союзников».

В записке А.А. Ливена весьма скептически расценивались военные возможности Франции: «От Франции наряд ли можно ожидать энергичных действий. Республика с демократическим правительством, политика которой находится с одной стороны под влиянием еврейских финансистов, а с другой – под давлением общественного мнения, не способна к военной инициативе»³¹.

Русские больше доверяли французам, чем англичанам, легче договаривались с ними по спорным вопросам. Российско-французская дипломатия, активная и очень дружественная в этот период, основывалась на обоюдном прагматичном интересе. Франции нужны были полные гарантии, что в случае войны с Германией Россия сразу же двинет многочисленные массы своих солдат на западную границу. Русская армия должна была оттянуть на себя германские и австро-венгерские части с западного фронта. А русскому правительству нужны были французские капиталы для инвестирования в проекты модернизации³².

Англии же отводилась совершенно особая роль союзника, сильного в военном отношении, от действий которого во многом будет зависеть исход европейской войны. В стратегическом отношении военный союз с Англией имел для русских неизмеримо большее значение. А.А. Ливен делал вывод, что России следует «поддерживать Англию в этой борьбе, но, не имея флота, мы ничего предпри-

нять не можем, а только рискуем потерять Прибалтийский край с Петербургом, так как защищать побережье сухопутными силами физически невозможно»³³.

В-третьих, России следует всеми способами избежать возможных военно-политических осложнений, потому что к будущей войне страна не готова. Анализируя вероятный сценарий большой войны, А.А. Ливен не скрывал, что для России она будет тяжелейшим испытанием. Не только потому, что «мы будем удалены от наших союзников», но прежде всего, из-за отсутствия сильного флота. По его расчетам, России потребовались бы 10–20 лет на реализацию полноценной программы строительства современного флота. Поэтому он настаивал, что в ближайшей перспективе наступление войны необходимо оттягивать всеми возможными способами.

В-четвертых, подчеркивалась особая значимость черноморских проливов для российских геополитических интересов.

Проблема черноморских проливов была самым тесным образом связана для российской политики с ситуацией на Балканах, стратегическими интересами в Средиземноморье, и, конечно, экономическими выгодами от черноморской внешней торговли. Помимо стратегического значения, Черное море давало России огромный экономический эффект. Уже к 1910 г. вывоз его портов составлял 43,3% всего русского экспорта.

А.А. Ливен подчеркивал: «Сообщение с внешним миром нашей родины ограничено двумя узкими проливами: Босфором и Бельтом. Для развития нашей экономической и торговой самостоятельности необходимо, во что бы то ни стало, держать их открытыми. Пока равновесие сил европейских держав не позволяет одной из них сделаться исключительно хозяином этих проливов, наше собственное влияние может обеспечить нам сравнительно свободное сообщение»³⁴.

Но если в этом документе он ограничился выделением темы проливов в контексте внешнеполитических интересов России, то уже осенью 1912 г. в связи с дипломатическими дискуссиями вокруг перекаривания карты европейской Турции, поставил ее в ряд ключевых стратегических направлений российской политики. С.Д. Сазонову необходимо было получить военно-морскую экспертизу, чтобы определить позицию и интересы России перед Лондонским совещанием послов.

А.А. Ливену было поручено подготовить соображения относительно геополитического положения проливов. Этот вопрос обсуждался, по-видимому, в самом спешном порядке. 25 ноября 1912 г. была подготовлена записка А.А. Ливена и записка Немица, и в этот же день морской министр И.К. Григорович направил ее в министерство иностранных дел.

А.А. Ливен настойчиво подчеркивал геополитическую значимость вопроса о проливах: «Положение, созданное войной на Балканах, снова выдвигает вопрос о Босфоре и Дарданеллах. В виду исторического стремления России к свободному выходу в Средиземное море и возможности в ближайшее время сделать дальнейший шаг к достижению этой заветной цели, надлежит тщательно обдумать каждое наше движение, чтобы действительно расчистить себе кратчайший путь к успеху, а не создавать основания будущих преград. <...> Очевидно, что при такой обстановке обеспеченное сообщение Черного моря с внешним миром уже является и в будущем явится в неизмеримо большей степени вопросом первостепенной важности для свободного развития нашего государства»³⁵.

Он считал, что для России важно «присоединить к государству не только Малую Азию и Балканский полуостров, но и все острова греческого архипелага, не исключая Крита, при обязательном условии господства над Черным и Эгейским морями посредством первоклассного флота». Но такое решение вопроса «вряд ли окажется и в будущем осуществимым для одной России»³⁶. При современном состоянии русского флота бесполезно даже пытаться захватить ближайшие к проливам территории на европейском и малоазиатском берегах. А.А. Ливен был против проектов захвата Верхнего Босфора. Но настаивал на том, чтобы российская дипломатия не допустила усиления какой-нибудь одной державы в районе проливов. Желательно было оставить их у самой слабой – Турции.

Такую же рекомендацию морское министерство дало С.Д. Сазонову в вопросе о судьбе островов Эгейского моря, захваченных Грецией. Смысл сводился к тому, что с точки зрения российских геополитических интересов было безразлично – будет ими обладать Греция или Турция, но только не Австрия. А.А. Ливен давал устные разъяснения по этому поводу управляющему отделом Ближнего Востока князю Трубецкому. Его мысли были учтены при формировании общей позиции русской делегации на совещании послов в Лондоне. Россия готова была передать острова Греции при условии их полной нейтрализации и уничтожения военно-морских укреплений³⁷.

Таким образом, рассмотренные документы, подготовка которых проходила примерно в один период – с 1910 г. до весны 1913 г., позволяют сделать вывод, что в высших политических и военных кругах России не исключалась вероятность общеевропейской войны уже в краткосрочной перспективе. В записке А.А. Ливена с достаточной точностью был предсказан ход будущих военных действий. Действительно, в Первой и Второй мировых войнах Германия стремилась отсечь Россию от Балтийского побережья и захватить

Петербург. Именно западная граница становилась ареной ожесточенных сражений. Но Россия, обладая колоссальными людскими ресурсами и обширным пространством, в военно-техническом отношении серьезно отставала как от основного противника – Германии, так и от главной союзницы – Великобритании. «Балтийский вопрос» для российской политики имел не только торгово-экономическое значение. Выход к северо-западным морским путям означал вовлеченность России в большую европейскую политику. Не менее значимы были средиземноморские и азиатские морские пути, выход в которые был возможен через узкую полосу проливов Босфор и Дарданеллы. Петербург был готов идти на создание своей системы сдержек и противовесов на Балканском полуострове, чтобы не допустить чьего-либо протектората над проливами.

Геополитический подход А.А. Ливена получил одобрение высших чиновников. Тогда же он был возведен в ранг вице-адмирала и до лета 1912 г. много усилий положил на разработку малой судостроительной программы, которая прошла утверждение в Государственной думе. Хотя осуществить это было трудно. Большинство лидеров партий, памятуя разгром флота во время русско-японской войны, скептически относилось к планам его восстановления и модернизации. В.Н. Коковцов во многом способствовал тому, чтобы масштабная военно-морская программа, которая требовала почти полмиллиарда рублей, была утверждена. Бюджетные дискуссии отшумели. Но России так и не осталось времени для реализации планов модернизации флота. А.А. Ливен рассчитывал создать сильный флот ко второму десятилетию XX в.

Князь А.А. Ливен умер неожиданно, при невыясненных обстоятельствах в 1914 г., как раз накануне Первой мировой войны. Он срочно возвращался в поезде из отпуска в Венеции в Петербург.

Особое Совецание 31 декабря 1913 г.

В европейских столицах прекрасно понимали идею-фикс русских относительно проливов. Всякий раз, когда одна из великих держав пыталась сблизиться с Россией, то, как правило, предлагала дипломатическую поддержку в вопросе о статусе проливов. Так действовал Наполеон III сразу после Крымской войны, затем – в 1860–1870-е годы австро-венгерская дипломатия, кайзер Вильгельм II на рубеже веков; наконец, во время Первой мировой войны карту проливов разыгрывала французская политика.

Тактика России на Балканах в это время выстраивалась в зависимости от конкретной геополитической ситуации, но сохранялись

два регулирующих принципа – приоритет собственных интересов и сохранение равновесия сил в регионе. Россия стремилась не допустить чрезмерного усиления одного из балканских государств или одной великой державы. Поэтому так ревниво и жестко относился Петербург к австрийским политическим комбинациям на балканском полуострове, а также к любой угрозе появления «гегемона на Балканах»³⁸.

В высококомпетентном исследовании В.Н. Виноградова «Черноморские проливы, конец XIX в.: взгляд из Петербурга и из Лондона» показана дискуссия в российской историографии относительно роли проливов для российской имперской политики. Он критически оценивает подход исторической школы М.Н. Покровского, согласно которому вопрос о проливах рассматривался как ключевой для всей внешней политики России. В.Н. Виноградов пишет: «Живучести представления о доминирующей роли Проливов и заботах ведомства на Певческом мосту способствовало чуть ли не массовое сочинительство проектов их захвата – маниловщина ведь явление типическое, прожектерство свойственно человеческой натуре, особенно русской. Исследователи же проявляли, а на Западе проявляют склонность представить частное творчество того или иного чиновника, даже высокопоставленного, за выражение официального внешнеполитического курса»³⁹. И все же дипломатические источники, особенно первых десятилетий XX в., убеждают нас в том, что не случайно в российских исторических исследованиях возник довольно устойчивый «флюс» (по выражению В.Н. Виноградова) относительно проливов.

С этой темой связан еще один сюжет, точнее сценарий несостоявшейся войны. Его можно обнаружить в записи Особого совещания российских министров от 31 декабря 1913 г. Она помогает лучше понять логику внешнеполитического планирования в высших эшелонах власти.

31 декабря 1913 г. в Петербурге состоялось Особое совещание глав силовых министерств России под председательством статс-секретаря В.Н. Коковцова. Поводом послужила всеподданнейшая записка министра иностранных дел С.Д. Сазонова, разосланная за неделю до совещания. Министры должны были обсудить ряд поставленных в ней тезисов и выработать согласованную позицию. Экстренность этого заседания как раз накануне Нового года объяснялась рядом обстоятельств.

Российский императорский кабинет чрезвычайно волновали действия германской военной миссии в Константинополе. С октября 1913 г. российское посольство вело в Берлине тайные переговоры, действуя через ближний круг кайзера Вильгельма. Россия не могла примириться с тем, чтобы германский генерал Лиман фон Сандерс

командовал первым корпусом турецкой армии в Константинополе, а его сопровождало сорок «лучших офицеров германской армии». По мнению военного министра В.А. Сухомлинова, Германия замышляла реорганизацию турецкой армии, а это могло вызвать появление новой угрозы на кавказской границе России⁴⁰. Петербург настаивал на отставке генерала Сандерса. Но переговоры в Берлине не давали ощутимых результатов. Отчаявшись воздействовать на Берлин переговорными методами, С.Д. Сазонов предлагал министрам сообща выработать «способы понуждения Турции».

Здесь необходимо сделать отступление, чтобы описать непрямую ситуацию в личных и служебных отношениях, сложившуюся между участниками этого совещания. Все они относились к самой высшей, узкой прослойке царской бюрократии, в которую входили только лица, принимавшие ответственные политические решения, делавшие регулярные доклады императору и владевшие большим объемом информации государственного уровня.

Ведущую роль в дискуссии, состоявшейся между ними 31 декабря 1913 г., играл В.Н. Коковцов, сделавший за короткий срок блестящую государственную карьеру⁴¹. Его продвижению во многом содействовал С.Ю. Витте, после отставки которого В.Н. Коковцов был назначен министром финансов. С 1911 г. став председателем Совета министров, он сохранил за собой также и министерство финансов, тем самым объединив в своих руках важнейшие государственные функции. Но не смог удержаться на такой высоте. Через три года, в 1914 г., был уволен царем со всех своих должностей. Вплоть до крушения империи находился в полуопале.

Причин крушения столь блистательной карьеры было много. Одна из них – стремление В.Н. Коковцова самостоятельно влиять на внешнеполитические стратегии России. Он был убежденным противником втягивания страны в вооруженные конфликты, неоднократно публично заявлял: «Я – убежденный враг войны и считаю постоянное усиленное вооружение в некоторых странах опасным до последней степени»⁴². Но это не мешало В.Н. Коковцову с таким же убеждением отстаивать многомиллионные программы военной модернизации для России. Тем не менее он относился с большим недоверием к действиям министра иностранных дел С.Д. Сазонова, считая его сторонником «воинственного национального курса». Все более расширяя сферу своего влияния на дипломатию, В.Н. Коковцов активно принимал у себя послов великих держав, позволял высказывать в беседе с ними свои идеи, не очень считаясь с курсом, проводимым С.Д. Сазоновым.

Возможно, В.Н. Коковцов обладал большим дипломатическим талантом и тактом, чем министр иностранных дел. Ему действи-

тельно удавалось провести успешные переговоры в сложнейших ситуациях и достичь *modus vivendi*. Но слишком самостоятельная позиция не соответствовала тем меркам, которые Николай II в поздний период империи отводил для своих министров. С осени 1913 г. царь стал уже открыто проявлять недоверие к В.Н. Коковцову и отчасти даже ревность к его внешнеполитическим контактам. Ему был предложен трудный пост посла в Берлине для благовидного удаления из столицы. Но он отказался, сославшись, что более необходим здесь, в Петербурге⁴³. Все это серьезно обострило его отношения с двумя основными участниками совещания в канун нового года в Петербурге – с С.Д. Сазоновым и военным министром В.А. Сухомлиновым, которые хорошо знали расклад в придворных сферах и с нескрываемой радостью ожидали близкое падение председателя Совета министров.

Более того, В.Н. Коковцов прекрасно осознавал настроения при дворе и фаталистическое восприятие Николаем II кризисной международной ситуации. После поездки в Берлин, где он пытался убедить Вильгельма II в необходимости свернуть миссию генерала фон Сандерса в Константинополе, царь принял его в Ливадийском дворце в Крыму. Это был один из последних его докладов императору. В.Н. Коковцов рассказывал о встречах в Берлине, настроениях при дворе Вильгельма II, тревожном впечатлении о близости и неотвратимости войны. Николай II довольно равнодушно выслушал рассказ: «Он ни разу не прервал меня за все время моего изложения и упорно смотрел прямо мне в глаза, как будто ему хотелось поверить в искренность моих слов. Затем, отвернувшись к окну, у которого мы сидели, он долго всматривался в расстилавшуюся перед ним безбрежную морскую даль и, точно очнувшись после забытья, снова упорно посмотрел на меня и сказал приведенные уже мной его слова, закончивши их загадочной мыслью: “На все Воля Божья!”»⁴⁴.

В последний день декабря 1913 г. высшим чиновникам России предстояло также обсудить вопрос о неотвратимости военных действий.

Их дискуссия была подробно зафиксирована в журнале Особого совещания, составленном сотрудниками первого департамента МИД статским советником Бюцовым и титулярным советником Сукиным. Она проливает свет на отношение русской политической элиты к перспективе общеевропейской войны.

Ситуация в Константинополе вокруг германской военной миссии была накалена до предела. Предполагалось, что на этом совещании будут разработаны предложения, с которыми российский кабинет обратится к своим союзникам – Англии и Франции для

консолидированного воздействия на Турцию и Германию. Первой мерой мог стать, по предложению С.Д. Сазонова, финансовый бойкот, затем – отзыв дипломатических представителей стран Антанты из Константинополя. В качестве крайней меры не исключались и военные действия. Было выдвинуто предложение, чтобы десант с русских судов занял Трапезунд. В это время английский флот мог бы захватить Бейрут или Смирну. С.Д. Сазонов успел переговорить с английским послом Дж. Бьюкененом и нашел у него понимание.

Этот план войны на Босфоре был с воодушевлением воспринят военным и морским министрами, а также начальником Генерального штаба Я.Г. Жилинским. Военные сразу стали обсуждать стратегические возможности флотского десанта, а также важность усиления численности войск Кавказского военного округа⁴⁵.

Генерал Жилинский располагал агентурными сведениями о том, что Турция готовится к войне с Грецией. Момент выбран удачно, поскольку турки не смогут оказать серьезного сопротивления, когда русские войска двинутся к Баязиду. Он считал, что необходимо блокировать турецкий флот, чтобы воспрепятствовать переброске турецких войск в Малую Азию через Черное море. Черноморский флот России нужно повести к Босфору, чтобы держать Константинополь под страхом удара. Эту мысль сразу поддержал С.Д. Сазонов, предположивший, что демонстрация силы на Босфоре может вызвать смятение в турецкой столице и даже революцию.

Между министрами, все более вдохновлявшимися перспективой победоносной войны, только В.Н. Коковцов сохранял повышенную осторожность. Он трезво рассуждал, что решительные военные действия России повлекут военное вмешательство Германии. В конечном счете все это может привести к крупному общеевропейскому конфликту⁴⁶. Он прямо поставил перед министрами вопрос: «Желательна ли война с Германией и может ли Россия на нее идти?»

Тогда мнения резко разделились. С.Д. Сазонов разделял позицию В.Н. Коковцова о «принципиальной нежелательности войны с Германией», но в то же время считал, что Россия уже в состоянии успешно вести такую войну. Военный министр и начальник Генерального штаба вообще «категорически заявили о полной готовности России к единоборству с Германией, не говоря уже о столкновении один на один с Австрией»⁴⁷.

Особо интересна логика рассуждений министра иностранных дел С.Д. Сазонова, который считал, что «в действительности для Германии не представляется особенно опасным выступление России при поддержке одной лишь Франции. Обе державы вряд ли способны нанести Германии смертельный удар, даже в случае успехов на поле сражения, являющихся всегда гадательными. Борьба же при

участии Англии может явиться роковой для Германии, которая ясно сознает опасность быть доведенной при английском выступлении в шестинедельный срок до полной социальной внутренней катастрофы. Англия страшна Германии, и в сознании этого кроется причина ненависти, питаемой немцами к растущей мощи Великобритании»⁴⁸.

С.Д. Сазонов имел твердое убеждение в непреодолимой военной силе Англии. Но в отличие от памятной записки А.А. Ливена, в которой предсказывалась длительная и кровопролитная война, министр иностранных дел, по-видимому, предполагал, что конфликт будет разрешен в короткий срок. Эту же иллюзию «блицкрига» испытывали политики и военные не только в Петербурге, но и в Лондоне, Париже и Берлине. С.Д. Сазонов настаивал на прямых консультациях с Лондоном. Только при поддержке Англии и полной согласованности военных действий, Россия, по его мнению, может планировать занятие Трапезунда, Эрзерума и Баязида. Этот взгляд разделяли и все присутствовавшие военные на особом совещании⁴⁹. А начальник Генерального штаба даже настаивал на необходимости мобилизации Кавказского военного округа.

Только В.Н. Коковцов продолжал сохранять скептическое отношение к перспективе войны на Босфоре. Он предлагал ограничиться лишь финансовыми мерами воздействия на Турцию, не провоцировать Германию на активные военные действия. Но он остался в меньшинстве. Ему приходилось неоднократно охлаждать пыл министров, в воображении которых уже мелькали очертания Константинополя и плескались волны Босфора.

Подводя итоги дискуссии, В.Н. Коковцов довольно жестко подчеркнул, что считает «войну величайшим бедствием для России». Что говорилось другими в ответ на эти слова, запись умалчивает. Сохранилась лишь сухая констатация в журнале – «к каковому мнению присоединяются и остальные члены Совещания»⁵⁰.

Итоги были подведены В.Н. Коковцовым в нескольких тезисах. С одной стороны, в них была выражена мысль о необходимости «крайне осторожного и дружного образа действий, дабы избежать, если окажется возможным обострения конфликта, могущего иметь последствием общеевропейскую войну»⁵¹. Также подчеркивалось, что «в случае необеспеченности активного участия как Франции, так и Англии, не представляется возможным прибегнуть к способам давления, могущим повлечь войну с Германией»⁵². Соответственно предлагалось «в качестве первой действенной меры» объявить финансовый бойкот Турции после согласования позиций с Францией и Англией. Россия была готова разделить финансовую ответственность с Францией перед французскими держателями турецких государственных бумаг.

С другой стороны, в восьмом тезисе не исключалась вероятность военных действий. В случае невыполнения требования России об отставке германских командиров в Константинополе могли быть введены «известные подготовительные меры военного характера, как то: усиление частей на Кавказе» с возможно меньшей общественной оглаской. Особо обращает внимание следующая запись – «вслед за угрозой, если к таковой придется прибегнуть, можно было бы без задержки приступить к ее реализации»⁵³. Результаты совещания были подготовлены для представления Николаю II.

Более всего удивляет в этой ситуации одно обстоятельство. Россия приступила только в 1913 г. к реализации программ модернизации. Масштабные проекты по армии и флоту только проходили стадию утверждения, запускались отдельными частями. Еще не решены были вопросы по составлению смет и формированию организационных, институциональных структур. Среди военных экспертов, высших чиновников государства сложилось к этому времени отчетливое понимание, что России необходимо, по крайней мере, 5 лет на военную модернизацию. Все соответствующие документы проходили через канцелярии военного и морского министров, начальников их Генеральных штабов. Обладая всей необходимой информацией, реально представляя положение вещей в армии и на флоте, высшие военные чины все же рвались в бой. Ведь они твердо заявляли о готовности к войне, даже готовы были начать мобилизацию Кавказского военного округа, если ультиматум России не будет удовлетворен со стороны Германии. С каких позиций можно расценивать такую степень ответственности (или безответственности) за принятие столь важного для страны политического решения? Или играли роль другие факторы, более значимые для высшей бюрократии, чем военные расчеты и прогнозы?

В.Н. Коковцов в своих воспоминаниях с горечью вспоминал, что на совещании его никто не слушал. Другие министры настойчиво объясняли ему, что в основе его пессимизма лежит недоверие к силе и энергии русского народа. Уже в эмиграции, мысленно возвращаясь в этот декабрьский день кануна нового 1914 г., он несколько раз в мемуарах подчеркивал мысль о том, что оставался чуть ли не последним среди высшего чиновничества, который пытался убедить царя отказаться от идеи войны.

Понятно, что послевоенные воспоминания бывших деятелей рухнувшей империи – совершенно особый тип источника. Все они – В.Н. Коковцов, В.А. Сухомлинов, так же как и С.Д. Сазонов и многие другие, в мемуарах настаивали на собственном миролюбии и нежелании войны. Крах империи, падение дома Романовых и всех прежней жизни, тяжелые годы эмиграции наложили

особый отпечаток на их памяти. Во всех текстах подобного рода проводится мысль, что во всем виновата придворная камарилья во главе с царем и его дядей, Великим князем Николаем Николаевичем. Но В.Н. Коковцов, действительно, прилагал все возможные усилия, чтобы остановить маховик надвигающейся войны. Даже осознавая, что такая позиция лишь ускорит крушение его карьеры. Или уже понимая, что терять нечего, царь вычеркнул его из ближайшего круга.

Министры снова вернулись к обсуждению проблемы Босфора в начале февраля 1914 г. На этот раз чрезвычайное совещание собралось у С.Д. Сазонова. Военный министр В.А. Сухомлинов не принимал в нем личного участия. В мемуарах он подчеркивал, что якобы никогда не разделял идею высадки десанта: «наш десант на Босфоре – дорогая игрушка и, сверх того, может стать опасной забавой еще в течение долгого времени». Он даже упомянул, что пытался показать Николаю II все технические сложности подобной операции, но, по его словам, царь дал ему понять, что «идея и цель всего вопроса имеют такое доминирующее значение, что технические детали отходят на задний план»⁵⁴. Тем не менее на этом втором совещании 8 февраля 1914 г. мнения разошлись. Дипломаты требовали сосредоточения мобилизационных сил около 200 тыс. чел. для обеспечения их переброски через Черное море. Представитель морского министерства объяснял им невыполнимость этой затеи.

Несмотря на сильные течения при петербургском дворе и в министерстве иностранных дел, направленные на реализацию идеи «десанта на Босфоре», русской дипломатии не удалось получить поддержку даже у французов. В результате многочисленных консультаций Париж дал понять, что всякое вмешательство в пределы азиатской Турции неминуемо повлечет англо-французские противоречия в разделе Смирны или Бейрута. Постепенно шум вокруг миссии О. Лимана фон Сандерса утих. В январе 1914 г. он получил повышение и был назначен генерал-инспектором турецкой армии, под этим благовидным предлогом выведен из непосредственного руководства гарнизоном Константинополя.

Российский план «понуждения Турции» и военного десанта на Босфоре так и остался на бумаге, одним из многочисленных нереализованных проектов кануна Первой мировой войны. В статье были рассмотрены лишь некоторые из них, разработанные достаточно узким кругом лиц, принимавших ответственные политические решения или оказывавших на них прямое влияние. На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

Во-первых, за период с 1910 по 1913 гг. в высших военных и дипломатических кругах России серьезно усилилось сознание «запад-

ной угрозы», исходящей от Германии и Австро-Венгрии. Если еще в 1912 г. Россия готова была к урегулированию международных конфликтов дипломатическими мерами, то уже к началу 1914 г. в высших эшелонах власти стала проявляться политическая воля и моральная готовность к большой европейской войне. Позиция союзников по Антанте, особенно Великобритании, играла в этой ситуации роль сдерживающего фактора.

Во-вторых, в последние предвоенные годы в российской элите сложилась внутренне противоречивая ситуация. Россия позже других великих держав приступила к модернизации армии и флота. Военные эксперты отчетливо осознавали всю ее неподготовленность к войне и серьезную опасность для нее быть втянутой в затяжную европейскую войну. Но великодержавные амбиции при дворе и опасения высших военных чинов оказаться в опале фактически перекрывали все прагматичные расчеты и надежды на реальный успех военной модернизации.

В-третьих, представленная статья не претендует на участие в историографической дискуссии о роли проливов во внешней политике России. Но как представляется, вопрос о проливах имел не только важнейшее экономическое и геополитическое значение. Подобно «Балтийскому вопросу», «проливы» были для всей российской системы своеобразными кодами великодержавности, каналами глобальных коммуникаций между Востоком и Западом. Это формировало особую чувствительность российской политики к любым новым явлениям, которые могли бы изменить status quo в их акваториях не в ее пользу.

Примечания

¹ Bayerische Dokumente zum Kriegsausbruch und zum Versailler Schuldspruch im Auftrage des Bayerischen Landtages. München; Berlin, 1922. IX. S. 197; Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914. Wien, 1915. XII. S. 115 (Österreich-Ungarn Rotbuch); Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914. Ergänzungen und Nachträge zum Österreich-Ungarischen Rotbuch. Bd. 1–3. Wien, 1919 (Republik Österreich. Staatsamt für Äußeres); British Documents on the origins of the war. 1898–1914 / Ed. by G.P. Gooch. Vol. 1–11. L., 1926–1938; Österreich-Ungarn Aussenpolitik von der bosnien Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Diplomatische Aktenstücke des Österreich-Ungarischen Ministeriums des Äußeren. Ausgewählt von L. Bittner. Bd. 1–9. Wien; Leipzig, 1930; Zur europäischen Politik 1897–1914. Unveröffentlichte Dokumente. Im amtlichen Auftrage hrsg. unter Leitung von B. Schwertfeger. Bd. 1–5. Berlin, 1919 (Документы бельгийского Министерства иностранных дел).

- ² *Покровский М.П.* Предисловие // Красный Архив. М., 1922. Т. 1. С. 5. В.В. Похлебкин сделал интересное наблюдение, что в первые послевоенные десятилетия определения войны на Западе и в советской России существенно различались. С 1918 г. органично закрепилось понятие «мировая война» (*Der Weltkrieg; World War; La Guerre Mondiale*). Но в зарождавшейся советской историографии с 1918 по 1932 гг. были распространены такие определения, как «четырёхлетняя война 1914–1918 гг.», «первая империалистическая война». Только с 1939 г. в общественной лексике стало появляться понятие «первая мировая война», которое окончательно утвердилось лишь с 1954 г. (*Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. 2. Кн. 3. М.: Международные отношения, 1999. С. 13)
- ³ *Gentile E.* Politics as Religion. Princeton: Princeton University Press, 2006. P. XVIII.
- ⁴ Можно указать только некоторые: История дипломатии. Т. 2: Дипломатия в новое время. 1872–1919 / Под ред. В.П. Потемкина. Сост.: В.М. Хвостов, И.И. Минц. М; Л.: Госполитиздат, 1945; В «пороховом погреб» Европы. 1878–1914 / Ред. В.Н. Виноградов, В.И. Косик и др. М.: ИНДРИК, 2003; *Шаццло К.Ф.* Россия перед первой мировой войной. М.: Наука, 1974; *Сказкин С.Д.* Конец австро-германо-русского союза. М.: Наука, 1974; История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. М.: Международные отношения, 1997; Российская дипломатия в портретах. Ч. 4. Участие России в борьбе за передел мира / Под ред. А.В. Игнатъева и др. М.: Международные отношения, 1992. С. 279–373; *Bridge F.R.* The Habsburg Monarchy among the Great Powers 1815–1918. Oxford: Berg Publishers, 1990; *Die letzten Jahre der Donaumonarchie.* Hrg. Von M. Cornwall. Wegberg: Magnus-Verlag, 2004; *Clay C.* König – Kaiser – Zar. Drei königliche Cousins, die die Welt in den Krieg triben. München: C. Bertelsmann Verlag, 2008. S. 494 (1 Auf., L., 2006).
- ⁵ См. подробнее: *Лукашевич А.М.* Предисловие // Владимир Александрович Сухомлинов. Воспоминания. Минск: Харвест, 2005. С. 3–35.
- ⁶ *Жилин А.* Большая программа по усилению русской армии // Военно-исторический журнал. 1974. № 7. С. 20–29.
- ⁷ См. об Александре Сергеевиче Лукомском (1885–1917) подробно: *Шендриков Е.А.* Военно-государственная деятельность генерала А.С. Лукомского (1885–1917). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003.
- ⁸ О подготовительном к войне периоде // АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив. Оп. 467. Ед. хр. 303/306. Л. 3.
- ⁹ Там же. Л. 14.
- ¹⁰ О Якове Григорьевиче Жилинском см. подробнее: *Базанов С.Н.* Начальник Генерального штаба от кавалерии Я.Г. Жилинский // Военно-исторический журнал. 2002. № 10 (510). С. 22–35.
- ¹¹ *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. Берлин, 1924; 2-е изд.: М.; Л., 1926. С. 215.
- ¹² Там же. С. 217.
- ¹³ Там же. С. 218.

- 14 Там же. С. 222–223. См. также: Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов бывшего императорского Российского министерства иностранных дел. М.: Издательство Народного комиссариата по иностр. делам, 1922.
- 15 *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919 / Сост. С.С. Волк. М.: Современник, 1991. С. 19–20.
- 16 Вопрос о status quo не имел принципиального значения для всех великих держав в этот период. Но договоренности подразумевали, что в случае нарушения status quo будут соблюдены следующие принципы: 1) незаинтересованность великих держав в территориальных приращениях; 2) принцип равновесия компенсаций между балканскими государствами (циркулярное письмо мин. ин. дел в Париже, Лондоне, Берлине, Вене, Риме, Константинополе; посланникам в Софии, Белграде, Цетинье, Афинах и Бухаресте. СПб., 18 (31) октября 1912 г. № 6782 // Красный Архив. М., 1926. Т. 3 (16). С. 15.
- 17 Там же. С. 15.
- 18 Об Александре Александровиче Ливене (1860–1914) см.: Словарь биографический морской. Автор-составитель В.Д. Доценко. СПб.: LOGOS, 2000. С. 58.
- 19 Памятная записка начальника Морского Генерального штаба кн. Ливена по поводу закона о флоте и судостроительной программе // АВПРИ. Ф. 138. Секретный Архив. Оп. 467, 1912 г. Ед. хр. 303/306. Л. 20 об.
- 20 Там же. Л. 23 об. –24.
- 21 Там же. Л. 17 об.
- 22 Там же. Л. 19.
- 23 Там же. Л. 20 об.
- 24 Там же. Л. 18–18 об.
- 25 Секретный протокол между Россией и Германией по Балтийскому вопросу, 16/29 октября 1907 г.; Декларация и меморандум России, Германии, Дании и Швеции по Балтийскому вопросу, 10/23 апреля 1908 г. // Сборник документов России с другими государствами. 1856–1917 гг. М.: Госполитиздат, 1952. С. 395–396, 400.
- 26 *Хвостов В.М.* Борьба Антанты и Австро–Германского блока (1908–1911 гг.) // История дипломатии... / Под ред. В.П. Потемкина. Т. 2. С. 200–202.
- 27 *Коковцов В.Н.* Указ. соч. С. 20. О беседах В.Н. Коковцова с императором Вильгельмом см. с. 134–166.
- 28 Памятная записка начальника Морского Генерального штаба кн. Ливена по поводу закона о флоте и судостроительной программе // АВПРИ. Ф. 138. Секретный Архив. Оп. 467, 1912 г. Ед. хр. 303/306. Л. 21 об.
- 29 Там же. Л. 19.
- 30 Там же.
- 31 Там же. Л. 19 об.
- 32 Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов бывшего императорского Российского министерства иностранных дел. М., 1922. С. 55–77.

- 33 Памятная записка начальника Морского Генерального штаба кн. Ливена по поводу закона о флоте и судостроительной программе // АВПРИ. Ф. 138. Секретный Архив. Оп. 467, 1912 г. Д. 303/306. Л. 21 об.
- 34 АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 303–308. Л. 17 об.
- 35 Эта записка была опубликована в Красном Архиве: Константинополь и проливы // Красный архив. М. 1924. Т. 6. С. 57–58.
- 36 Там же. С. 59.
- 37 Там же. С. 61.
- 38 Царское правительство о проблеме проливов в 1898–1911 гг. // Красный Архив. 1933. Т. 6 (61). С. 135–140; *Шеремет В.И.* Босфор. Россия и Турция в годы Первой мировой войны. М: АИРО-XX., 1995; *Кинятина Н.С.* Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1994; *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М.: Наука, 1985; *Искендеров П.А.* Балканские войны 1912–1913 гг. // В «покроховом погребке Европы». С. 476–508; Царское правительство о проблеме проливов в 1898–1911 гг. // Красный Архив. 1933. Т. 6 (61). С. 135–140.
- 39 *Виноградов В.Н.* Указ. соч. С. 95–96.
- 40 Журнал Особого Сопещения 31 декабря 1913 г. // АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 310. Л. 4–4 об.
- 41 О Владимире Николаевиче Коковцове (1853–1943) см.: *Векшина Ю.А.* Граф В.Н. Коковцов – государственный деятель Российской империи. СПб.: Нестор-История, 2008.
- 42 Красный архив. 1927. Т. 3. С. 208.
- 43 *Коковцев В.Н.* Указ. соч. С. 19.
- 44 Там же. С. 21; *Флоринский М.Ф.* Совет министров и Министерство иностранных дел в 1907–1914 гг. // Вестник ЛГУ. 1978. № 2. Вып. «История, языковедение и литература». С. 35–39.
- 45 Журнал Особого совещания 31 декабря 1913 г. // АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 310. Л. 10–11.
- 46 Там же. Л. 11.
- 47 Там же. Л. 10.
- 48 Там же. Л. 9.
- 49 Там же. Л. 10–11.
- 50 Там же. Л. 11 об.
- 51 Там же. Л. 12 об.
- 52 Там же. Л. 11 об.
- 53 Там же. Л. 13.
- 54 *Сухомлинов В.А.* Указ. соч. С. 224–226.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ,
РЕГИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЮЗЫ
В ЮЖНОЙ ЧАСТИ СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В статье рассматривается взаимосвязь трех важнейших элементов, определявших идеологию национальных движений народов Средней Европы в конце XIX – начале XX в. в процессе национального самоопределения. Большая часть этого региона входила в состав многонациональной Австро-Венгерской империи – монархии Габсбургов. Внутренние этнополитические конфликты оказались тесно связаны с взаимоотношениями Австро-Венгрии с соседними государствами. Составной частью национального самосознания, объединявшего народы в империю, было формирование их общей принадлежности к региону Средней Европы, стремившегося догнать Западную Европу и оттолкнуться от Восточной Европы. Альтернативой имперской организации этнополитического пространства могли выступить федерация, конфедерация и союзы независимых национальных государств.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, этнополитическое пространство, историко-географический регион, национализм, национальное самоопределение, межэтнические и межгосударственные конфликты, союзы государств, империя, федерация.

Историко-географический регион¹ Средней Европы состоит из двух субрегионов – Центральной Европы и Юго-Восточной Европы, то есть Балкан. До и после переустройства этого пространства после окончания Первой мировой войны этот регион относили также к Восточной Европе². Однако термин «Восточная Европа» (это понятие существовало с XVII–XVIII вв.), с 1945 по 1991 г. имел совершенно определенное военно-политическое и социально-идеологическое содержание.

В общественном сознании народов и идеологии национальных движений южной части Средней Европы укоренилась не французская и британская трактовка понятия «нация» как гражданской политической полиэтничной общности, а германская, рассматривавшая «нацию» как этническую общность. К этому добавилась и конфессиональная составляющая³. В коммунистической идеологии и официальной науке социалистических стран (в том числе и Югославии) термину «национализм», который чаще всего употреблялся вместе с прилагательным «буржуазный», придавался исключительно негативный смысл. Закономерно возникающий на определенном этапе исторического развития *национализм* также является одной из форм коллективного сознания, которая проявляет себя в разных типах национализма – этническом, политическом, культурном, экономическом и так далее. В более узком смысле, в качестве идеологии, этнический национализм – это «трактовка нации-этноса как высшей ценности и формы человеческой общности. Сопровождается идеей национального превосходства и исключительности, нередко он приобретает крайние формы (шовинизм), ведет к острым внутри- и межгосударственным конфликтам»⁴. Национализм (если трактовать нацию как этническую общность, иными словами – этнонационализм) тоже можно назвать и нравственным принципом (чувство любви к своей нации-этносу, верности и долга перед ней, а также представление о ее превосходстве – правовом, политическом, интеллектуальном, культурном – над другими нациями), и идеологией – системой взглядов, состоящих из национального самосознания, а также политических и иных требований, направленных на обеспечение интересов своей нации. Агрессивный этнический национализм ставит «свою» нацию-национальность превыше всего, отрицает не только права, но, зачастую, само существование других наций-этносов, соединяет «любовь» к своей общности с неприятием других.

Естественно, возникает проблема соотношения национализма как психологического и политико-идеологического феномена и основных типов политической идеологии, таких как консерватизм, либерализм, социализм, радикализм. Национализм, например, может быть радикальным по цели и методу ее достижения, но никак не связанным с радикализмом как с политической концепцией. Тип интегрального национализма (в том числе и в югославянском варианте) означал разрыв с демократической традицией XIX в., в крайнем случае – до Первой мировой войны. Кроме того, заметим, что, на наш взгляд, необходимо различать три разных явления: либеральный национализм, программу (или взгляды) либералов по национальному вопросу и «национал-либерализм» в том значении, которое ему придавал В.И. Ленин – стремление «буржуазии

разрешить национальный вопрос в рамках (границах) данного государства»⁵.

Однако трактовка понятия нация не была неизменной. Ответ на вопрос о том, гражданской или этнической (этноконфессиональной) общностью является нация принципиально разделяет национализм XIX в. и национализм XX в. Эволюцию национальной психологии и идеологии национальных движений народов Австро-Венгрии наглядно продемонстрировал начавшийся в конце XIX в. переход от демократического национализма к его новому типу. Последний отвергал демократию и либерализм, поскольку видел в них силу, разрушающую нацию/этнос. Причем в абсолют возводилась исключительно «своя» общность, «своя» этнос-нация, воспринимавшаяся как этническая, а не как территориальное сообщество граждан. Старый национализм XIX в. ставил целью освобождение всех наций. Национализм же нового типа, XX в., исходил из принципа «здорового» национального (этнического) эгоизма, игнорировавшего существование других наций и их интересы. Его интересовала только собственная нация. То есть он рассматривал нацию как некое органическое целое, гораздо более значимое, чем отдельная личность, любая социальная группа, тем более «чужая» нация и человечество в целом. И требовал безусловного подчинения личности национальным (понимаемым как этническая общность) интересам. Это размежевание между двумя историческими типами национализма явственно происходило в национальных движениях югославянских народов и приобретало политическую форму. Параллельно с этим в начале XX в. в идеологии национальных движений народов Австро-Венгрии, как и в Европе в целом соединялись этнонационализм и геополитика. А национальные движения фактически охватывали собой все формы общественного движения, поскольку окружающий мир воспринимался сквозь призму этничности. Однако это вовсе не означает, что демократический и либеральный национализм принадлежал исключительно к XIX в. Этот тип национализма также видоизменялся.

Типологизация национализма может быть и иной: национализм – это национализм нации, обладающей пусть и полиэтничным, но воспринимаемым как свое этническое государство, и национализм нации, не обладающей подобным государством и входящим в состав иноэтничного государства. Оба эти типа национализма являются разновидностями одного и того же феномена и поэтому имеют много общего в генезисе, структуре, функционировании и идеологии. В то же время их цели и приоритеты в практической политике прямо противоположны. Цель и приоритет национализма первого типа – сохранение и обустройство

уже существующего своего государства. Цель и приоритет национализма второго типа – национальное освобождение и создание своего собственного государства.

В протестном югославизме народов Австро-Венгрии существовали две тенденции – демократическая и унитаристская. Для сторонников первой было характерно признание этнической и политической индивидуальности каждого народа, даже в новообразованном государстве югославы (например, Хорватско-сербская коалиция, Югославянский комитет); последователи второй видели в сербах, хорватах и словенцах, не говоря уже о боснийских мусульманах – одну нацию-этнос. Это вело к отрицанию индивидуальности и прав народов, несмотря на факт их этнического родства (хорват Франко Поточняк, серб Светозар Прибичевич, словенец Янез Крек и другие). В этом югославистский унитаризм совпадал с сербским этническим унитаризмом; этнотерриториальные претензии были адресованы вовне, к другим государствам.

Однако у хорватов, сербов, словенцев и боснийских мусульман Австро-Венгрии существовал и антидемократический унитаризм моноэтнического типа, исходивший из интересов и прав исключительно одного – «своего» народа, соответственно хорватов, словенцев, сербов, мусульман. В данном случае он отрицал существование, индивидуальность и права других народов, ставя и этнотерриториальные проблемы уже не во внешний, а во внутренний контекст. К этому типу в конце XIX – начале XX в. можно отнести таких деятелей, как Йосип Франк и Стjepан Радич в Хорватии, Иван Шустершич в Словении, сербский радикал Яша Томич в Воеводине (Южной Венгрии). Национализм югославянских народов, будучи протестным национализмом, частично носил более демократический характер, чем австрийский и венгерский.

Начиная с середины XIX в., одной из главных идей сербского, хорватского и словенского национальных движений была принадлежность к Европе – то есть Европе Западной, воспринимавшейся как образец экономического и политического – демократического развития. Впоследствии это сочеталось и с осознанием принадлежности к Средней Европе и/или Балканам.

Отличительной чертой Юго-Восточной Европы как субрегиона запаздывающего развития, с одной стороны, и долговременного совместного (смешанного или чересполосного) проживания разных этносов при отсутствии четких (в том числе политических) границ этнических территорий, – с другой, было иное содержание принципа «одна территория – одна нация – одно государство». Он воспринимался как принцип «одна этническая общность (этнос, национальность) – одна территория – одна конфессия – одно государ-

ство». Окружающий мир воспринимался и воспринимается ими в первую очередь в этнических категориях. В сознании народов этого субрегиона было распространено отождествление понятий «нация» (в гражданском смысле) и «национальность» (в этническом смысле), и в результате утвердилась модель не полиэтничного государства-нации, а моноэтнического государства-национальности⁶. Следовательно, балканские народы, часто жившие на одной территории, объективно препятствовали политическому самоопределению друг друга, и самоопределение другого («соседа» и «брата») зачастую воспринималось каждым из них как сепаратизм и сецессия.

В этом и кроется одна из причин постоянной напряженности и многочисленных межэтнических и межгосударственных конфликтов в данном регионе. Вся история Балкан – Юго-Восточной Европы пронизана стремлением каждого народа – этнической общности найти исключительно для себя «справедливое» соотношение между территорией, которую данный народ считает своей этнической территорией, и территорией государства. Это – одна из основных посылок национальной психологии и идеологии национальных движений южнославянских народов, а впоследствии – национально-государственных интересов созданных ими государств. Такая постановка вопроса неизбежно вызывает этнотерриториальные конфликты, в особенности в условиях смешанного проживания разных этносов на одной территории.

Именно поэтому Первую мировую войну (впрочем, как и Вторую) следует рассматривать не только как конфликт двух военно-политических блоков и совокупность межгосударственных противоречий, но как результат межэтнических конфликтов в Средней Европе. После двух Балканских войн и Первой мировой войны и распада в начале XX в. четырех многонациональных империй – Османской, Австро-Венгерской, Российской и Германской, – постоянной и важнейшей проблемой во взаимоотношениях между независимыми балканскими государствами стал поиск наиболее выгодной, эффективной и безопасной организации этнополитического пространства, поиск путей поддержания стабильности и преодоления этнотерриториальных конфликтов.

Как средство обеспечения стабильности и преодоления этнотерриториальных конфликтов идеям организации на этнической почве противопоставлялись различные региональные – балканские и центрально-европейские проекты, выдвигавшиеся в разное время представителями разных политических сил в национальных движениях. Каждый проект предполагал не только разный состав участников, разные принципы организации, но и различные границы. В поисках альтернативы имперскому варианту организации эт-

нополитического пространства Средней Европы с середины XIX в. между собой конкурировали проекты организации, исходившие из этнического принципа, и различные варианты организации, исходившие из суверенитета государств. Балканские проекты, как правило, основывались на перспективе разрушения монархии Габсбургов, центрально-европейские – на сохранении территориальной целостности этого государства при условии его преобразования. В разное время и в разных обстоятельствах данные проекты выдвигали представители различных политических сил в национальных движениях – австрийские военные круги, венгерская оппозиция, южнославянские социал-демократы и другие силы. Пока существовала Австро-Венгрия – монархия Габсбургов, авторы этих планов в основном исходили из идеи ее территориального сохранения при изменении административно-политической системы, то есть превращения ее в федерацию или конфедерацию, объединение территорий или объединение народов. Достаточно вспомнить проекты второй половины XIX – первой половины XX в.: Дунайскую конфедерацию венгров Лайоша Кошута (в иной трактовке – Оскара Яси), Срединную Европу австрийского немца Феликса Людвига Шварценберга (вторая половина XIX в.) и германца Фридриха Науманна (1915 г.), Пан-Европу Рихарда фон Куденхофа-Калерги (1920-е годы), различные другие формы регионального сотрудничества балканских государств⁷. Хотя эти проекты и относились к одному региону, их политические и идеологические основы были совершенно различны.

Каждая концепция изначально предполагала не только разные принципы, но и разные территории и границы образований.

В начале XX в. социал-демократами была выдвинута идея Балканской федерации как формы осуществления социальной революции и урегулирования этнотерриториальных споров.

Иной вариант представляли собой политические и военные союзы независимых государств – например, Балканский союз 1912 г. (Болгария, Греция, Сербия и Черногория).

Вся история народов, населявших южную часть Средней Европы (Юго-Восточную Европу) – это попытка найти единственно «верное» и «справедливое» в глазах каждого отдельно взятого этноса-нации соотношение между этническими территориями и границами государств. Вопрос о судьбе, сути и формах национального самоопределения каждого проживавшего в Юго-Восточной и Центральной Европе народа, вопрос о судьбе и внутренних взаимоотношениях в полиэтнической общности южных славян и вопрос о судьбе и закономерностях развития Балкан как региона (в начале XX в. выделившийся из восточного вопроса в самостоятельную по-

литическую проблему) тесно переплетались между собой. Каждый из этих вопросов имел свою историю, свое содержание, свои моменты наибольшего или наименьшего обострения.

В каждый исторический момент возникали особые взаимосвязи, взаимозависимость и соотношение между проблемами самоопределения и идентификации собственно этнических, этно-региональной (южно- и югославянской) и политико-региональной общностей, которые могли приобрести и общеевропейские, и общемировые масштаб и значение.

Ни один балканский и южнославянский кризис не обошелся без международного вмешательства. Причем посредничество всегда было лишь одной из форм соперничества крупнейших держав. Создавался замкнутый круг: противоречия между мировыми державами, не отказавшимися от соперничества, стимулировали внутрибалканский конфликт. Конфликт же, в свою очередь, обострял отношения между мировыми державами, ибо воюющие стороны не могли не использовать неизбежные противоречия, порожденные соперничеством посредников-миротворцев.

А новые границы, определенные при участии посредников и устанавливавшие мир, неизбежно всегда рассматривались участниками конфликта как несправедливые, порождали новые претензии, обуславливали возникновение этнотерриториальных и межгосударственных конфликтов в будущем. Идеологическое оправдание, психологическую мотивацию и правовое обоснование стороны находили в естественном и государственном праве, в ссылках на этнодемографическую ситуацию, сложившуюся в тот или иной период.

«Внешний фактор» проявлялся на Балканах в разных формах. Это были и дипломатическая активность, и посредничество, и военное вмешательство для поддержки одной из сторон, и ввод частей регулярных армий, оккупация, и вмешательство во внутриполитическую борьбу в национальных движениях и независимых государствах, блокады, эмбарго, санкции и их нарушение. Вмешательство извне в межэтнические отношения и межгосударственные конфликты на Балканах приводило к различным последствиям: оно могло быть дестабилизирующим, конфликтогенным фактором, могло поддерживать напряженность, а могло предотвращать конфликт или способствовать его урегулированию, сохранению или поддержанию мира – в зависимости от интересов ведущих держав и общей тенденции в международных отношениях в данный исторический момент.

Тексты мирных договоров XIX–XX вв. свидетельствуют: проблемы и методы их решения остались теми же – разделение территорий, беженцы, имущественные права, поддержание мира

вооруженными силами... Именно поэтому можно говорить об историко-политической ответственности «великих держав» за происходящее.

Этот регион издавна был ареной соперничества и противоборства как отдельных государств, так и военно-политических блоков и экономических группировок. Региональные и межэтнические кризисы на Балканах в системе международных отношений выполняли разные функции и приводили к разным результатам в зависимости от конкретной исторической ситуации. Тенденция их развития может совпадать с общемировой, а может и противоречить ей. Региональные кризисы могут быть барометром международных отношений, могут взорвать или, напротив, стабилизировать общую ситуацию, вынудить соперничающие в этом регионе державы искать пути к компромиссу и совместной посреднической деятельности по урегулированию конфликта. То же относится и к влиянию международной ситуации на обострение, стабилизацию или ослабление региональных и межэтнических конфликтов на Балканах.

Хронология развития балканских кризисов, составной частью которых были и межюгославянские противоречия, а также войн с третьей четверти XIX в. до окончания первой мировой войны выстраивается в цепочку: 1875–1878 гг. (сербско-и черногорско-турецкая война и русско-турецкая войны); 1885–1886 гг. (сербско-болгарская война), 1903 (Илинденское восстание) и 1908 (аннексия Боснии и Герцеговины); 1912–1914–1919 (две Балканские войны и Первая мировая). Как видно, эти кризисы и порождавшие их процессы имели собственную динамику и периодизацию, которые не всегда совпадали с динамикой и периодизацией общего развития Европы и международных отношений в глобальном масштабе.

Балканские кризисы в XIX–XX вв. возникали по сугубо внутренним причинам. В их основе лежали и лежат этнические и политические процессы, протекавшие в регионе, в первую очередь процесс национального самоопределения каждого народа. Но в зависимости от состояния международных отношений и господствовавших в них в каждый данный момент тенденций возникало несколько вариантов развития: по способу разрешения – мирным или военным путем, по масштабу – сохранение кризиса в рамках двусторонних отношений, в границах региона или придание ему глобального характера.

Первая Балканская война была проявлением совместной борьбы за национальное самоопределение четырех балканских народов, три из которых были южнославянскими. Им противостояла Тур-

ция – государство, принадлежавшее иной культуре и цивилизации, в течение нескольких веков поддерживавшее свое господство вооруженной силой. В известном смысле со стороны Сербии это была война за Югославию, которая продолжилась во время Первой мировой войны. Она носила в какой-то мере этнический, но не религиозный характер.

Причиной Второй Балканской войны были этнотерриториальные притязания победивших государств, обусловленные все теми же процессами национального самоопределения нескольких народов, проживавших на одной территории. Она была вторым (после сербо-болгарской войны 1885–1886 гг.) случаем превращения межэтнических противоречий в межгосударственные по мере обретения балканскими (в том числе и родственными южнославянскими) народами государственной независимости. В этой войне религиозный фактор не играл никакой роли, а на первом месте стояли территориальные притязания государств. Увертюра к Первой мировой войне была сыграна межславянскими, средневропейскими и балканскими противоречиями.

Балканский кризис продолжился во время и в рамках Первой мировой войны, будучи одновременно одной из ее причин и составных элементов. Это обстоятельство и позволяет объединить события на Балканах 1912–1920 гг. (когда были подписаны последние мирные договоры с Венгрией и Турцией в рамках Версальской системы, касающиеся и границ на Балканах) в один период. В этот кризис были вовлечены не только Австро-Венгрия, Сербия, Черногория, Румыния и Болгария как государства, но и сербы, хорваты, боснийские мусульмане, словенцы, венгры и австрийские немцы. В рамках Первой мировой шла и своя особая война в регионе за тот или иной вариант национального самоопределения и установления того или иного этно-политического переструктурирования пространства региона.

Установленная после окончания войны система мирных договоров – Версальского, Нейского, Севрского, Сен-Жерменского и Трианонского лишь на время обеспечила стабильность после очередного этапа процесса национального самоопределения в Средней Европе. Национальные полиэтничные государства пришли на смену многонациональной империи. Однако найти форму государственного и межгосударственного устройства, обеспечивающего баланс между этническими территориями и административно-политическими границами, а также гарантировать существование новой формы национального самоопределения в регионе не удавалось еще долгие годы.

- ¹ Термин «регион» в научной литературе употребляется в нескольких значениях. Во-первых, близком значению слова «область» внутри государства, в данном случае, например, – Сербии. Во-вторых, как «историко-географический регион» – Балканы (Юго-Восточная) и Центральная Европа. В-третьих, в странах ЕС возникло понятие «еврорегион» – трансграничное сотрудничество сопредельных областей разных государств.
- ² О дискуссиях и историческом содержании понятий «регион», а также «Восточная Европа», «Средняя Европа», «Центральная и Юго-Восточная Европа», «Центрально-Восточная Европа» см., напр.: Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика / Отв. ред. О.В. Хаванова М.: Институт славяноведения и балканистики РАН; ГИИ МК РФ, 1997; Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / Отв. ред. Т.М. Исламов, А.И. Миллер. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995; Восточная/Центральная Европа: от изобретения прошлого к конструированию настоящего // Неприкосновенный запас. 2007. № 6 (56); *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003; *Исламов Т., Фрейдзон В.* Средняя Европа – миф, плод воображения или реальность? // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М.: Наука, 1992. С. 119–133; *Романенко С.А.* От государства-региона к региону государств. Австро-Венгрия и процесс национального самоопределения // Историческая и культурная ситуация в Центральной Европе: интеграционные процессы и национальная специфика (1867–1918). М.: ИСБ РАН, 1997. С. 14–21; *Он же.* Региональная идентичность в национальном самосознании хорватов // Регионализация посткоммунистической Европы / «Политическая наука». 2001. № 4. С. 110–130; Венгрия и Европа. Сборник эссе / Пер. с венгерского. М.: Новое литературное обозрение, 2002; *Романенко С.А.* Монархия Габсбургов, Средняя Европа и обретение Хорватией независимости // Австрийский альманах. Исторические и культурные параллели. Вып. 1. М.; Ставрополь: Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2004. С. 247–261; *Бибо И.* О смысле европейского развития и другие работы / Пер. с венг. М.: Три квадрата, 2004; *Стыкалин А.С.* Тофик Муслимович Исламов (1927–2004) как исследователь межнациональных и международных отношений в Средней Европе // Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений XII–XX вв. СПб.: Алетейя, 2009. С. 5; *Франтишек Д.* Славяне в европейской истории и цивилизации. М.: Языки славянской культуры, 2001; Центральная Европа как исторический регион / Отв. ред. А.И. Миллер. М.: ИСБ РАН, 1996; Центральная-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3-х т. М.: Наука, 2000–2002.
- ³ См., напр.: *Тишков В.А., Шнирельман В.А.* Введение // Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова и В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 4–36.

- ⁴ Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2004. С. 788.
- ⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 318; *Фрейдзон В.И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. Подъем освободительного движения в 1859–1973 гг. История, идеология, политические партии. М.: Наука, 1970. С. 95–96.
- ⁶ *Романенко С.А.* Процесс национального самоопределения народов Средней и Восточной Европы: итоги к концу 20 века // *Migracijske teme: Časopis za istraživanja migracija i narodnosti.* Zagreb. G. 10. Br. 3–4. Zagreb, prosinac 1994.
- ⁷ См., напр.: *Hazelsteiner H.* Ogleđi o modernizaciji u Srednjoj Europi / Prijevod s njemačkoga. Zagreb: Naprijed, 1997. S. 31–75.

УСТАНОВЛЕНИЕ ВОСТОЧНЫХ ГРАНИЦ НЕЗАВИСИМОГО ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1918–1923 ГГ.

В статье рассматривается процесс определения восточных границ польского государства после окончания Первой мировой войны. Большое значение автор уделяет внешнеполитическому фактору, характеризуя позицию стран – участниц Парижской мирной конференции и держав Антанты относительно восточной границы Польши и роль Советской России в процессе территориального разграничения.

Ключевые слова: Парижская мирная конференция, Восточная Галиция, разграничение, Антанта.

1918 г. стал переломным годом в польской истории. После полутора веков неволи, когда Польша была разделена между тремя великими европейскими империями, после участия в Первой мировой войне на стороне противоборствующих держав, поляки получили возможность воссоздать свою государственность. Тем не менее, учитывая сложившуюся внешнеполитическую конъюнктуру, сделать это можно было только при условии поддержки со стороны великих держав – победительниц в Первой мировой войне.

Ю. Пилсудский, несмотря на сильные позиции в самой Польше и получение им 22 ноября 1918 г. статуса временного начальника государства, не пользовался безусловной поддержкой со стороны Англии, Франции и США, так как в годы Первой мировой войны воевал вместе со своими боевыми организациями на стороне Австро-Венгрии. В то же время Польский национальный комитет со штаб-квартирой в Париже был признан союзниками в качестве официальной польской организации, а состоял он из политических противников Пилсудского – представителей польской национал-демократии во главе с Р. Дмовским. Понимание необходимости

внутриполитического компромисса перед лицом внешнего фактора, важность отстаивания на Парижской мирной конференции единой позиции вынудили начальника государства пойти на уступки, включив в правительство представителей правых, даже путем совершения «псевдопереворота» и «свержения» правительства Морачевского¹.

16 января 1919 г было сформировано новое польское правительство во главе с известным политическим деятелем и всемирно известным музыкантом И. Падеревским, которое вскоре было признано великими державами. Этот политический компромисс позволил польской делегации выступать на Парижской мирной конференции с более сильных единых позиций, несмотря на то, что различия в трактовке будущего территориального устройства польского государства и его границ у сторонников Пилсудского и национал-демократов сохранялись.

Перед началом мирной конференции поляки должны были учитывать два важнейших внешнеполитических фактора: первый состоял в том, что впервые в мировой истории один из участников мирной конференции – США, в лице президента В. Вильсона, выдвинул принятые в целом остальными державами теоретические принципы права наций самостоятельно определять свое будущее развитие. Второй фактор заключался в том, что великие державы-победительницы по-разному видели будущие границы Польши. Если Франция стремилась к максимальному усилению Польши в целях ослабления Германии и создания мощного буфера против Советской России, то Британия не хотела полного ослабления Германии, желая использовать последнюю как инструмент для ограничения французского влияния в Европе.

Окончательную позицию по вопросу о Польше британцы выработали в начале декабря 1918 г. В их меморандуме говорилось о необходимости совпадения государственных и этнических границ в восточной Пруссии, а также о том, что на территориях, на которые претендует Польша, должны быть проведены плебисциты. Эта позиция полностью расходилась с территориальными программами как Р. Дмовского, так и Ю. Пилсудского.

Базисными положениями программы Р. Дмовского были создание сильного унитарного государства с выходом к морю. При этом принцип права наций на самоопределение просто игнорировался, а главенствовал исторический принцип, основанный на необходимости возврата к исконным границам 1772 г. Ю. Пилсудский, напротив, выступал сторонником федерации с национальными государствами на Востоке, которые могли быть созданы после развала Российской империи по «национальным швам». Учитывая,

что первую скрипку в Париже играл Р. Дмовский, то в меморандуме, направленном Комиссии по делам Польши говорилось, что Польша должна получить границы 1772 г., при этом аргументация сводилась к сочетанию стратегических и этнических постулатов, в зависимости от того какие из них были выгоднее польской стороне. Однако все территориальные проекты поляков на Востоке столкнулись с препятствиями, как в лице Советской России, так и в лице национальных движений народов Восточной Европы, прежде всего украинцев, белорусов и литовцев, претендовавших на обретение собственной государственности.

Особенно острой была ситуация в Восточной Галиции, где украинцы после окончания войны по-прежнему представляли собой этническое большинство, несмотря на проводимую десятилетиями политику колонизации, в том числе и в культурно-религиозной плоскости. Наибольшее число украинцев проживало в сельской местности, в городах же, особенно в Львове, большим был процент поляков. Свыше половины жителей региона считали родным языком украинский, около трети – польский.

В целом изначально на дипломатическом уровне перевес в споре о Восточной Галиции был на польской стороне. Украинский вопрос после победы держав Антанты воспринимался многими на Западе как агитационный, инспирированный Центральными державами с целью обеспечить себе мир и благоприятную ситуацию на Востоке Европы, а не как вопрос этнического самоопределения украинского народа. Украинские дипломаты – представители Западно-Украинской народной республики (ЗУНР) – стремились ориентироваться на Великобританию и США. Первая, как соперник Франции не желала усиления Польши, что, по мнению украинских стратегов, делало ее объективным союзником решения украинского вопроса в пользу украинцев, а вторые должны были воспринять этническую аргументацию украинцев о праве украинского народа на самоопределение, в то время как поляки в отношении Восточной Галиции не могли использовать национальные аргументы, а только доводы исторического, экономического и военного характера².

Сразу после прибытия в Париж украинской объединенной делегации во главе с представителем УНР Г. Сидоренко (делегация двух украинских республик была единой, что основывалось на акте о воссоединения УНР и ЗУНР от 22 января 1919 г.), украинская дипломатия потерпела первое поражение – разведка союзников перехватила информацию о том, что украинские силы, сражающиеся против поляков, и командование германских войск, которые отступали с Востока, координируют свои действия против польских сил³. Все это укрепило позиции польской делегации.

Одним из ключевых вопросов, от которого зависело экономическое выживание ЗУНР, представлял вопрос об экспорте нефти⁴. Руководство ЗУНР в критической военной ситуации перед лицом превосходящих польских сил установило связи с венгерскими коммунистами, прося о продаже оружия в обмен на поставки нефти⁵. Это также нанесло по позициям украинцев серьезный имиджевый удар. Вместе с тем до начала конференции полякам не удалось, во многом благодаря позиции Великобритании и Д. Ллойд-Джорджа, добиться условий, при которых они могли бы военным путем, без вмешательства великих держав решить вопрос по Восточной Галиции. Кроме того, начало 1919 г. было периодом наивысших военных успехов украинцев, когда они контролировали практически всю территорию, на которую претендовали, кроме Львова, и требовали проведения границы с Польшей по линии реки Сан.

29 января 1919 г. Р. Дмовский представил польский проект территориального разграничения Восточной Галиции, согласно которому вся эта территория должна была войти в состав воссозданного польского государства. Он также обвинил украинцев в насилии в отношении поляков в Восточной Галиции. В конце февраля комиссия по делам прекращения огня на польско-украинском фронте во главе с генералом Бертелеми предложила свою линию разграничения и соглашение о прекращении огня, которое в условиях решительного наступления украинских войск, практически окруживших Львов и отрезавших его от Перемышля и от остальных районов Польши, было сорвано украинской стороной. Срыв перемирия и прекращения огня с сохранением войсками ранее занятых позиций оказался не на руку украинцам. Он привел к тому, что шанс выступить в качестве равного партнера, пусть даже в соглашении о прекращении огня, был упущен. В результате этого сама субъектность Украины пострадала. Не случайно впоследствии С. Петлюра и М. Омелянович-Павленко рассматривали срыв реализации проекта соглашения комиссии Бертелеми как серьезный просчет⁶. Безусловно, само принятие соглашения далеко не означало для украинцев реального прекращения войны, однако последующие события показали, что отказ от перемирия в еще большей степени развязал руки Варшаве и стоящей за ее спиной Франции.

В военном отношении с марта ситуация изменилась в пользу поляков. 19 марта 1919 г. вопрос о ситуации в Восточной Галиции был рассмотрен Высшим советом Антанты. Командующему польскими войсками в Восточной Галиции генералу Т. Розвадовскому и командующему Украинской галицкой армии (УГА) генералу М. Омеляновичу-Павленко была направлена телеграмма с требованием немедленно прекратить огонь и обеспечить сохранение армиями за-

нятых позиций и снять блокаду с города Львова. Также указывалось, что союзники готовы выслушать аргументацию сторон в Париже. Украинская сторона приняла условия. Украинские представители подчеркнули, что УГА сражается не только против поляков, но и против большевиков, что украинцы готовы к перемирию и за его срыв ответственны поляки. Утверждалось, что украинцы с радостью восприняли падение Австро-Венгерской империи и что именно австро-венгры виновны в том, что в Восточной Галиции сложилась ситуация, когда украинцы стали дискриминированным меньшинством по отношению к польскому большинству, однако польская сторона не отреагировала и вооруженная борьба продолжалась.

Примечательно, что Верховный Совет Антанты направил письмо Ю. Пилсудскому, в котором указывалось, что союзники прекратят оказывать Польше помощь и будут рассматривать как саботаж отказ от заключения перемирия в Галиции, если поляки не остановят свое наступление. При этом англичане обвиняли французов в том, что те сознательно затягивали отправку телеграммы, а также в том, что французы тайно проинформировали Варшаву о том, что они поддерживают военные усилия последних в Восточной Галиции. В ответ Ю. Пилсудский утверждал, что причиной польского наступления стали провокации украинцев и что для Польши, стоящей перед лицом угрозы комбинированного немецко-большевистского удара жизненно важным является достижение общей границы с Румынией. Истинные мотивы ответа Пилсудского проясняются при знакомстве с его письмом премьер-министру Польши И. Падевскому, в котором Пилсудский, в частности, писал о том, что пока западная граница польского государства юридически не оформлена, то на $\frac{9}{10}$ будущее Польши зависит от воли держав победительниц, что диктует необходимость тактически соглашательской политики в отношении восточных земель. Потом же, по мнению начальника государства, Польша будет представлять на Востоке мощную силу, с которой будут считаться все, включая великие державы⁷.

После выхода Красной Армии на реку Збруч и контрнаступления УГА против польских сил под Чортковым, симпатии союзников все более перед лицом большевистской угрозы стали склоняться в сторону Польши. 17 июня 1919 г. союзники в лице Комиссии по делам Польши предложили несколько вариантов решения вопроса и два варианта границы между Польшей и Восточной Галицией. Согласно первому варианту город Львов отдавался украинцам, согласно второму варианту Львов и нефтяной бассейн передавались Польше. В качестве вариантов статуса рассматривалась возможность с созданием администрации Восточной Галиции под мандатом Лиги Наций или великих держав, создание администрации под контро-

лем польского правительства с местной автономией, или установление временной власти с последующим проведением плебисцита. 25 июня было принято решение согласиться с компромиссным вариантом, при котором контроль над Восточной Галицией должна была взять на себя польская армия, а сама территория должна была получить автономный статус с последующим проведением плебисцита. 28 июня союзники приняли решение, позволяющее полякам использовать на фронте армию генерала Ю. Галлера, переброшенную из Франции. Решение о статусе Восточной Галиции, тем не менее, было негативно встречено в самой Польше. Польская сторона считала, что никакие правовые ограничения, учитывая то, что эта область исторически принадлежала Польше, вводиться не могут⁸.

Негативная реакция последовала и с украинской стороны – 2 июля украинская делегация выступила с нотой протеста, в которой все аргументы союзников достаточно убедительно опровергались. В частности, утверждалось, что именно УГА была реальной силой, которая противостояла большевикам, что никогда власть большевиков не распространялась на территорию Восточной Галиции, и что украинский народ будет продолжать борьбу за свою независимость и за создание государственности.

Для окончательного решения вопроса о Восточной Галиции была создана подкомиссия, которая провела целый ряд заседаний (украинцы проигнорировали приглашения на них, мотивируя это непризнанием решения союзников от 25 июня 1919 г.). В период работы комиссии польская дипломатия делала все, чтобы передвинуть линию возможной границы будущей автономии на запад с целью включить в будущую автономную единицу как можно больший процент польского населения, а после этого сосредоточила усилия, имея план узаконить включение Восточной Галиции в состав Польши.

21 ноября Высший совет под давлением англичан принял решение, согласно которому Польша наделялась мандатом на управление Восточной Галицией на 25 лет с последующим проведением плебисцита. Однако в течение последующего месяца Клемансо и поляки оказали такое сильное давление на Д. Ллойд Джорджа, что последний пошел на уступку, хотя и незначительную. Решением от 22 декабря Восточная Галиция передавалась Польше на 25 лет, но вопрос о территориальной принадлежности Восточной Галиции и ее статусе вновь мог быть поднят на обсуждение.

В 1923 г. решением Совета Послов Антанты территория Восточной Галиции была инкорпорирована в состав польского государства. Это произошло уже после отставки Д. Ллойд Джорджа и изменения в политике Лондона в сторону ликвидации «горячих» конфликтов

на континенте. Анализ обсуждения на Парижской мирной конференции 1919 г. ситуации вокруг Восточной Галиции и решений, принятых великими державами-победительницами относительно судьбы этого региона, позволяют заключить, что Восточная Галиция и ЗУНР стали во многом заложниками той ситуации, которая сложилась вокруг России – союзники были заинтересованы не только и не столько в исполнении вильсоновских принципов, а в обеспечении европейской безопасности от большевизма, рассматривая галицийский вопрос именно в этой плоскости.

При этом при всех недостатках организации ЗУНР следует признать, что само национальное движение, породившее это государственное образование, являлось ничем иным как национально-демократической революцией по своей сути, с определенными особенностями, схожей с национальными движениями других народов, ранее входивших в состав Австро-Венгрии. При этом украинцы Галиции должны были бороться за свое государство с соседями, которые также рассматривали эти территории или их часть как свои интегральные, исконные земли.

Украинцы к началу Парижской мирной конференции в качестве аргументов в оправдание своей позиции представить значительное число *faits accomplis*, которые могли бы быть использованы украинскими дипломатами. ЗУНР не рассматривалась союзниками как сила, способная составить реальный барьер продвижению Красной армии на Запад. Серьезным фактором, способствующим поражению ЗУНР, была ее военная и экономическая слабость, а также противоречия между элитами ЗУНР и УНР. Несмотря на это, ЗУНР стала в период своего короткого существования серьезным фактором в европейской политике, с которым западные державы все же вынуждены были считаться⁹.

Что касается ситуации в других регионах, то еще 5 февраля 1919 г. представители польских властей и немецкого командования подписали в Белостоке соглашение, по которому устанавливался порядок эвакуации немецких отрядов на Запад и предоставлялась возможность для продвижения польских частей на Восток. В первой декаде декабря 1918 г. Минск был занят большевистскими частями. 5 января поляки были вынуждены оставить Вильно, а на территориях, занятых Красной Армией, была создана Белорусская советская республика, которая потом была объединена с Литовской. Решение о создании Белорусской советской республики и впоследствии Литовско-Белорусской советской республики было вызвано, прежде всего, внешнеполитическими причинами. (Ранее белорусские земли входили в состав Западной области и не имели республиканского статуса.) Петроград стремился ограничить territori-

альные претензии Польши на белорусские земли и использовал при этом национальную карту, создавая видимость самоопределения литовцев и белорусов. В случае если войны избежать не удастся, то вновь созданные образования могли быть использованы в качестве буфера, то есть выполнять ту же функцию, что и созданные прибалтийские советские республики. На внешней арене отношение ко вновь созданной республике было скептическим, ее марионеточная сущность была очевидна, и польское правительство отказалось садиться за стол переговоров после соответствующих предложений белорусской стороны.

Текст поданной 3 марта 1919 г. Р. Дмовским ноты относительно восточных границ Польши гласил, что граница польского государства должна была проходить от порта Лиепая до Полоцка и далее на юг по реке Березина и далее к Припяти, вплоть до реки Ужицы на юго-западе. Минск и Каменец-Подольский должны были перейти, согласно этим предложениям, под польский контроль. Создание независимой Литвы не предусматривалось. Речь шла только об автономном крае в пределах Польши.

Однако Комиссия по делам Польши 12 апреля не приняла эту программу, отметив, что окончательное решение может быть принято только после установления в России законной власти. Комиссия, тем не менее, разработала собственный проект, согласно которому граница между Польшей и будущей белой Россией должна проходить по старой границе между Восточной Пруссией и Российской империей, далее оставляя Сувалки и Белосток Польше по Бугу до Хелма.

В начале 1919 г., в условиях проявления относительно негативной позиции Антанты в отношении польской восточной границы, поляки сами предприняли ряд шагов, направленных на установление как можно более выгодного ее варианта на востоке. 21 апреля они заняли Вильно, а Пилсудский обратился с воззванием к жителям Литвы, в котором говорил о создании гражданского правительства для решения вопроса о принадлежности территорий бывшего Великого княжества и о самоопределении жителей региона без какого бы то ни было давления со стороны Польши. Суть плана Пилсудского состояла в том, чтобы посредством заигрывания с общественным мнением и ковенскими политиками, прежде всего социалистического лагеря, переманить их на свою сторону и в конечном итоге включить Литву в орбиту влияния Польши. Однако в Ковно планы начальника государства вызвали резкое неприятие¹⁰, и с согласия великих держав была установлена демаркационная линия, ограничивающая дальнейшую возможность продвижения польских войск, то есть отделяющей Виленщину от остальной Литвы.

Вскоре польские войска взяли Минск, а затем фронт стабилизировался на линии Полоцк–Борисов–Бобруйск–Заслав–р. Збруч. Полякам удалось достичь соглашения с УНР (лидер С. Петлюра) о том, что по Збручу устанавливается демаркационная линия, а 11 декабря 1919 г. Петлюра, вопреки сопротивлению лидеров де-факто прекративший к тому времени существование ЗУНР, согласился признать польско-украинскую границу по Збручу.

Несмотря на фактическое предательство идеи единой Украины, во многом это был вынужденный шаг, ибо в военно-политическом отношении петлюровский режим, находясь в кольце врагов, стоял на краю гибели. 21 апреля 1920 г. в Варшаве был подписан договор между Польшей и УНР, в котором указывалось, что Польша без условий признает украинское государство, определялась общая граница, гарантировались права граждан и фиксировалось намерение заключить торгово-экономическую конвенцию.

Летом 1919 г. патрон Польши – Франция настаивала на взаимодействии поляков с А. Деникиным. Пилсудский вынужденно пошел на сближение с русским генералом, направив в его штаб польскую военную миссию. Польские власти не препятствовали также вербовке на подконтрольных им территориях добровольцев в белую армию, а затем дали возможность войскам генерала Н. Бредова укрыться на территории, контролируемой польской армией. Но победа А. Деникина – сторонника единой и неделимой России никак не входила в планы главы государства и его сподвижников, и летом 1919 г. он начал переговоры с Советской Россией.

В условиях поражения войск генерала Деникина и наступления поляков на советско-польском фронте надежды Антанты на победу белой России таяли. В результате 8 декабря 1919 г. Высший Совет Антанты принял решение, согласно которому линия границы переносилась до старой австро-русской границы, то есть практически до границы раздела 1795 г. без определения границы в Восточной Галиции. Польская администрация, согласно этому решению, могла брать на себя управление на землях, расположенных к западу от этой линии. 8 марта 1920 г. польское правительство выступило со своими мирными предложениями, которые снова излишне амбициозными. Они, в частности, предусматривали признание границы по линии 1772 г. и создание буферной зоны между этой линией и существующей линией фронта. Предусматривалась также возможность создания самостоятельного украинского государства на Правобережье, а население, которое проживало между предполагаемой линией границ и существующей линией фронта, могло бы принимать решение относительно того, гражданами какой страны они хотели бы быть. Белорусам было отказано в предоставлении государственности, им

предоставлялся только автономный статус. Также указывалось, что Польша не пойдет на изменение границы с Литвой в соответствии с историческим принципом, как того требовало литовское правительство в Ковно. Вильно должен был отойти к Польше. Минимальные польские требования к Белоруссии включали территории, лежащие к западу от линии: граница с Латвией – Западная Двина – Березина – впадение Припяти в Днепр. Предполагалось провести польско-украинское разграничение по линии Збруч–Горынь–Припять. Земли восточнее вошли бы в состав УНР, выполняющую роль буфера от России¹¹.

Эта польская концепция мира и территориального разграничения оказалась нереализованной – после провала переговоров с Советской Россией (они даже не начались из-за противоречий относительно места проведения), польские войска перешли в наступление. 7 мая они заняли Киев, однако впоследствии вынуждены были отступить под ударами конницы Буденного на Украине и войск М. Тухачевского в Белоруссии. Надежды на массовый энтузиазм украинцев при вступлении на территорию Центральной Украины войск Петлюры – союзника поляков – явно не оправдались. Новый польский кабинет министров во главе с В. Грабским, помимо организации обороны страны, главная миссия в которой, безусловно, принадлежала Ю. Пилсудскому, обратился с просьбой о посредничестве в мирных переговорах к западным державам. Однако предложения держав от 11 июля (нота Дж. Керзона) большевики отвергли. В ноте предлагалось остановить Красную армию на линии, обозначенной Верховным Советом Антанты 8 декабря 1919 г. в качестве разграничительной между Россией и Польшей (линия Керзона). При этом следует отметить, что Львов описывался в ноте так, как будто он отдавался Советской России, что вновь указывало на несогласие Британии с выходом польской границы в Восточной Галиции за пределы польских этнических границ. Польские войска должны были отступить за линию, предложенную в качестве границы Высшим Советом 8 декабря 1919 г. Вильно должен был быть передан Литве. Несмотря на невыгодные для Польши условия, советская сторона, принимая позитивную военную конъюнктуру, отклонила перемирие, и Красная армия продолжала наступление. Заключенное соглашение с союзниками в Спа, негативно оцениваемое в основном в польской историографии, тем не менее позволило выиграть время и начать активное сотрудничество с военно-дипломатической миссией Антанты, которая оказала огромную помощь полякам в ходе «чуда на Висле».

Однако Польша заплатила за это дорогой ценой. Ее территориальный спор с ЧСР решился явно в пользу последней. Кроме того,

поляки пошли на уступки в вопросе о Гданьске. Серьезным ударом для польской внешней политики было и поражение в ходе референдума о принадлежности Вармии и Мазур. Только 2,2% населения округа, где проводился референдум, высказалось за то, чтобы остаться в составе Польши, не желая входить в состав государства, воюющего со всеми сопредельными государствами. Результат показывает, что такое решение в пользу Германии было бы вынесено в любом случае, хотя многие польские историки объясняют это решение немецкой агитацией и поражениями на восточном фронте¹².

Соседи Польши, прежде всего Литва, заняли в советско-польском конфликте просоветскую позицию. Литовцы пропускали через свою территорию отряды Красной армии, а после занятия советскими войсками Виленщины между Советской Россией и Литвой был подписан договор, в котором предусматривалась передача Литве, помимо Вильно, Сморгони, Лиды и Гродно.

19 августа начались мирные переговоры между Польшей и Советской Россией в Минске, а за три дня до этого состоялось успешное контрнаступление польских войск под Варшавой. После освобождения этнической Польши стоял вопрос о силовом возвращении Вильно. Однако, учитывая позиции держав Антанты, Ю. Пилсудский организовал «бунт», который совершили отряды дивизии Л. Желиговского, состоящей частично из поляков, населяющих Виленский край. Без приказа они заняли Вильно, а затем здесь было образовано квазигосударство «Срединная Литва». 20 февраля 1922 г. избранный сейм в Вильно принял решение о вхождении Средней Литвы в состав Польши, что было явным нарушением всех международных норм. Вместе с тем союзники, несмотря на протесты и переговоры с Ю. Пилсудским, вынуждены были в очередной раз признать *fait accompli*. Литва же вплоть до Второй мировой войны официально считала (это было записано в Конституции) Вильно своей столицей, не нормализуя отношений с Варшавой.

В ходе мирных переговоров советская сторона предложила в качестве границы линию Гродно–Яловка–Немиров–Брест–Литовск–Дорогуск–Устилуг–восточнее Грубешова – через Крылов и далее к Раве Русской – восточнее Перемышля и Карпат, допуская возможные отклонения в пользу Польши в районах Белостока и Хелма¹³. Поляки же после тяжелых боевых действий, отказавшись от линии 1772 г., выступали за линию русско-германского фронта Первой мировой войны: Двинск–Вильно–Барановичи–Пинск–Луцк–р. Горынь–р. Збруч. Эту линию поддерживали, главным образом, национал-демократы в лице крупных деятелей польской дипломатии и представителей Польши на переговорах, перенесенных в

Ригу, – Я. Домбского и Ст. Грабского. Позиция самих белорусов, как представителей Советской Белоруссии так и БНР (последние так и не были официально признаны странами Антанты) никого не волновала. Белорусскому народу суждено было стать разорванным между двумя государствами.

Польская сторона согласилась на участие в переговорах представителей УССР, что фактически означало отказ от прежней поддержки УНР и от всей федеративной концепции на восточных границах. 23 сентября 1920 г. ВЦИК опубликовал заявление по вопросу об основах мирного соглашения между РСФСР и Польшей. В документе говорилось, что в основу мира следует положить «немедленное торжественное подтверждение как Польшей, так и РСФСР независимости Украины, Литвы, Белоруссии и признание независимости Восточной Галиции». Подчеркивалось, что советская сторона готова признать в качестве границы линию заметно восточнее линии Керзона¹⁴.

После сложных переговоров 12 октября 1920 г. сторонам удалось заключить прелиминарный договор, согласно которому Польша признавала суверенитет Украины и Белоруссии и граница в основном совпадала с линией немецких окопов – Дисна–Докшицы–р. Случь–Корец–Острог–р. Збруч. Таким образом, Белоруссия оказывалась разделенной, граница проводилась не по этническому принципу, верх брала инкорпорационная теория национал-демократов, и национальные меньшинства на востоке – украинское и белорусское, просто инкорпорировались в состав Польши.

18 марта 1921 г. Рижский мир был подписан. Обе стороны согласились признать право белорусов и украинцев на государственность. Польша обязалась уважать права национальных меньшинств на своей территории. Соответствующие обязательства брались ей еще после подписания Малого версальского договора в 1919 г.¹⁵ В составе Польши оставались земли Виленской, Гродненской и Минской губерний – всего 113 тыс. кв. км с населением около 4 млн чел. (в советской части территория Беларуси включала лишь 6 уездов Минской губернии с территорией едва превышающей 52 тыс. кв. км и населением 1,5 млн чел.). Небольшая часть территории передавалась Польше как компенсация за финансовые убытки. Кроме того, Советская Россия должна была выплатить полякам компенсацию в 30 млн рублей золотом за вклад в развитие экономики России. На территории Советской России осталось около миллиона поляков и свыше 150 тыс. русских осталось по результатам территориального разграничения на территории Польши. Кроме того, на территории Польши оказывались миллионы белорусов и украинцев. Граница в целом проходила на 50–100 км западнее той линии, которую

большевики предлагали в качестве новой границы в январе 1920 г. Вся Восточная Галиция переходила в состав Польши, а новая граница шла примерно по линии второго раздела Речи Посполитой – от реки Западная Двина через территорию западной Белоруссии по реке Збруч до устья Днестра.

Лишь в течение 1920-х годов к Белоруссии были присоединены так называемые восточные районы – значительные территории бывших Витебской и Гомельской губерний. Это делалось во многом по внешнеполитическим соображениям – с целью показать, что национальные права последних в СССР в отличие от Польши не ущемляются и имеют возможность, в случае возникновения нового конфликта с Польшей, использовать национальный фактор для дестабилизации внутренней ситуации в Польше¹⁶. Расширение Белорусской республики в рамках СССР привело к тому, что многие лидеры национального движения в Западной Белоруссии стали ориентироваться на СССР, а обычное население благоприятно воспринимало восточного соседа, что впоследствии сказалось в ходе операции по занятию советскими войсками территории Западной Белоруссии в сентябре 1939 г.

Во второй половине 1922 г. после окончательной делимитации границы в Силезии территориальные пределы Польши были окончательно определены. На территории в 388 тыс. кв. км проживало 27 млн человек. 15 марта 1923 г. польско-советская граница и фактическая граница между Польшей и Литвой были признаны великими державами. Оформление границ молодого польского государства закончилось. На Востоке оно осуществилось по инкорпорационному сценарию, причем Польша не получила серьезной поддержки западных держав в ходе переговоров в Риге, которые были заинтересованы в сохранении напряженности на восточных границах Польши, как фактора давления на последнюю. И эта напряженность, безусловно, сохранялась. Во многом это было связано с тем, что в состав польского государства были включены территории с преобладающим непольским населением, которое не было лояльно настроено по отношению к польским властям, да и последние были явно не готовы реализовывать концепцию равноправного взаимодействия титульной нации и меньшинств. Что же касается межгосударственных отношений, то сам Ю. Пилсудский и многие представители польской политической и военной элиты понимали, что мир, достигнутый с Россией и Германией, непрочен, однако головокружение, возникшее от внезапного успеха, на значительный период затмило реальную картину.

Победа Польши, как ее трактовали в самой Варшаве, произошла в тот период, когда основные конкуренты – Россия и Германия,

были серьезно ослаблены. Однако разность потенциалов между странами сохранялась, что в 1930-е годы остро проявилось как в политическом и экономическом, а с началом Второй мировой войны и в военном отношении.

Примечания

- ¹ *Матвеев Г.Ф.* Пилсудский. М.: Молодая Гвардия, 2008. С. 256–257.
- ² Исследования по истории Украины и Белоруссии / Отв. ред. М.В. Дмитриев. М.: Центр украинистики и белорусистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 1995. С. 152.
- ³ Papers relating to the foreign relations of the United States. The Paris Peace Conference 1919. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1942–1947. Vol. 3. P. 980–982.
- ⁴ *Deruga A.* Polityka wschodnia polska wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918–1919). Warszawa: KiW, 1969. S. 247.
- ⁵ Sprawy polskie na Konferencji Pokojowej w Paryżu 1919 r. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1965. T. 1. S. 73.
- ⁶ Исследования по истории Украины и Белоруссии. С. 157.
- ⁷ Sprawy polskie na Konferencji Pokojowej w Paryżu 1919 r. T. 2. S. 333.
- ⁸ *Karski J.* Wielkie mocarstwa wobec Polski 1919–1945. Od Wersalu do Jałty. Lublin, 1998.
- ⁹ *Макарчук С.* Українська республіка галичан. Львів, 1997. С. 182–184.
- ¹⁰ *Матвеев Г.Ф.* Указ. соч. С. 272.
- ¹¹ Там же. С. 278–279.
- ¹² *Kamiński M.K., Zacharias M.J.* Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1918–1939. Warszawa: Wyd-wo Polskiej Akademii Nauk, 1998. S. 44–45.
- ¹³ История дипломатии. В 3 т. М.: ОГИЗ, 1945. Т. 3. 1919–1939 гг. С. 38.
- ¹⁴ Документы внешней политики СССР. В 24 т. М.: Госполитиздат, 1959–2000. Т. 3. С. 204–206.
- ¹⁵ СПКР. В. 1965–1968. S. 123–130.
- ¹⁶ *Ольшанский П.Н.* Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 – март 1921 г.). М.: Наука, 1969. С. 139–140.

РУССКИЙ «ДРУГОЙ»
В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КАРИКАТУРИСТИКЕ:
ОТ ВЕКА XIX К ВЕКУ XXI

В статье исследуются визуальные репрезентации Российской империи/СССР/постсоветской России в политической карикатуре США, что позволяет выявить роль образов демонического и романтического русского «Другого» в формировании американской идентичности в длительном временном диапазоне. Автор анализирует политические карикатуры как ценный исторический источник, так как американские карикатуристы выражали в графической форме то, что не всегда поддавалось вербализации, и актуализировали скрытые оценочные суждения американцев по поводу других наций, их характера и перспектив развития, а также участвовали в формировании национальной идентичности, выстраивая определенную иерархию стран и народов, создавая ментальную карту мира, определяя место и роль в нем Соединенных Штатов Америки. Политические карикатуры являются одновременно индикатором общественных предпочтений и предрассудков и механизмом формирования стереотипов восприятия.

Авторский анализ политической карикатуристики приближает к более глубокому пониманию устойчивых американских мифов о России («Империя Зла» и рассуждения об «Извечной Руси» – Россия как демонический «Другой»; страна, готовая в одночасье трансформироваться в соответствии с западной моделью развития и включиться в универсальный процесс модернизации, ведущий к созданию «Соединенных Штатов России» – Россия как романтический «Другой») и позволяет выявить коммуникативные стратегии, использованные для кодирования американского общественного мнения (цивилизация vs. варварство, демократия vs. деспотизм, свобода vs. рабство, Запад vs. Азия/Восток, Свет vs. Тьма).

Написанная на основе карикатур, опубликованных на страницах американской прессы в XX – начале XXI вв., ставшая результатом плодотворного сотрудничества с профессором Дэвидом Фоглесонгом, предлагаемая вниманию читателя статья акцентирует внимание: 1) на изучении политики США по отношению к России в рамках имагологии международных

отношений; 2) на анализе внешней политики США как поля конструирования национальной идентичности и выявлении роли русского «Другого» в выстраивании американской «Я»-концепции; 3) на формировании представлений о своеобразных «циклах надежд и разочарований», которые американское общество не раз переживало в связи с видением перспектив модернизации России, возникавшим не только на основе анализа реалий ее развития, но и под влиянием американского социокультурного контекста.

Ключевые слова: российско-американские отношения, имагология, визуальные образы, этнические стереотипы, идентичность, политический/культурный миф.

«Восприятие России в Америке времен холодной войны включало страхи (иногда обоснованные) и фантазии (иногда сюрреальные), которые вместе образовывали идеологически очень мощный сплав. Теперь, в особенности с окончанием холодной войны, мы можем, наконец, признать, что образ России и Восточной Европы в нашем сознании был культурной конструкцией, результатом “изобретения”», благодаря которому американцы более остро ощущали свою идентичность¹.

Эти слова американского историка и культуролога Л. Вульфа могли бы стать эпиграфом к данной статье, так как его наблюдение работает применительно и к более раннему периоду в истории двусторонних отношений, а также получает особое подтверждение при обращении к визуальным репрезентациям Российской империи/СССР/постсоветской России как «Другого» в изображениях, созданных американскими карикатуристами. Они использовали наработанные коммуникативные стратегии, посредством которых осуществлялось кодирование общественного мнения, закреплялись долгосрочные мифы о России и стереотипы ее восприятия. Возникшие в Соединенных Штатах еще на рубеже XIX–XX вв. они актуализировались в связи с созданием советской России и, в особенности, в период биполярного противостояния в рамках «*ememy studies*», сохранив свое значение вплоть до настоящего времени².

В методологическом плане изучение образа России в США вписывается в имагологию международных отношений как научное направление, основанное на социокультурном подходе³. Оно ориентировано на исследование ментальной (воображаемой) географии, транснациональных образов, стереотипов восприятия и мифов, на сопоставление «Своего» и «Чужого» и на понимание роли «Других» в выстраивании национальной «Я-концепции». Безусловно, оппозиция «Я–Другой» в чем-то ограничена, но

она имеет право на существование как особая исследовательская практика, так как с ее помощью возможно расширить наше понимание устройства международной системы государств, механизмов формирования внешнеполитической риторики и, как верно заметил И. Нойманн, «придать онтологический статус разнообразным акторам мировой политики»⁴. Следовательно, имагология международных отношений – это не просто изучение процесса взаимовосприятия с позиции того, насколько совокупность представлений отличалась от реальности. Это, прежде всего, поиск ответов на вопросы: почему реальность воображалась так, а не иначе; за счет каких дискурсивных практик создавался образ другой страны и другого народа и насколько он был подвижен; какова логика вербального и визуального письма, использованного для его конструирования. Речь должна идти не только о рефлексии, но и о саморефлексии, ибо ответ на вопрос «почему» кроется в социокультурном контексте, порождающем инациональный образ, который трактуется сквозь призму базовых культурных ценностей общества, его проецирующего, а также с учетом национальной внутри- и внешнеполитической «повестки дня».

Применительно к имагологии российско-американских отношений «Свое» американское есть точка отсчета для восприятия «Другого»/«Иного» русского. И наоборот. Следовательно, изучение образа России в США связано с пониманием матрицы национальных и культурных символов американцев, их гражданской религии как совокупности мифов, олицетворяющих национализм, с анализом процесса формирования национальной идентичности посредством использования русского «Другого» в качестве конституирующего, с рассмотрением внешней политики Соединенных Штатов как поля конструирования национальной «Я-концепции». Это не значит, что реалии развития Российской империи/СССР/постсоветской России не влияли на эволюцию ее образов и поддержание долгосрочных трендов ее восприятия по другую сторону Атлантики. Несомненно, влияли. Ни один долгосрочный миф не может возникнуть и регенерироваться без опоры на реальные события и явления. Однако в контексте изучения имагологии российско-американских отношений нас будет интересовать, прежде всего, ответ на вопрос о мотивациях, стоявших за интерпретациями этой реальности и определявших актуализацию одних ее характеристик и маргинализацию других. В США формировались в прошлом и продолжают формироваться в настоящем такие образы России, которые соответствуют внутри- и внешнеполитическим американским интересам, что определяет иерархию этих образов, превращая их в доминирующие или периферийные⁵.

Начиная с рубежа XIX–XX вв., карикатуристы США вносили особый вклад в решении данной задачи. Созданные в карикатуристике образы Российской империи/СССР/постсоветской России вписывались в основные американские дискурсы о России с характерным для них видением перспектив ее модернизации, конструированием образов романтического и демонического русского «Другого», репертуаром смыслов⁶ и структурой оппозиций. На протяжении прошлого столетия политические карикатуры играли важную роль в формировании визуального обрамления долгосрочных американских мифов о России, что приводило к искажению ее образа в массовом сознании, к распространению нереалистических ожиданий в отношении ее скорого переустройства, к свехупрощению истории России, к слишком общим представлениям о ее политической культуре, а также к преувеличению «русской угрозы» для интересов США.

Типологически карикатуры, избранные в качестве объекта анализа в данной статье, относятся к группе «cartoons of opinion». Их можно определить как политические, хотя провести четкую грань между социальной и политической карикатуристкой в том, что касается способа подачи материала, порой достаточно трудно. Обязательной атрибутикой карикатур, связанных с международными отношениями, является наличие в них национальных символов, выполняющих важную смысловую нагрузку. Анализ этих визуальных текстов позволяет выявить скрытые оценочные суждения американцев по поводу других наций, их исторического прошлого и будущего, так как с помощью политических карикатур происходила в прошлом и продолжает осуществляться в настоящем своеобразная классификация стран и народов. В силу своей образности и запоминаемости политические карикатуры превращаются в мощное пропагандистское оружие. Апеллируя к национальным чувствам, символам и мифам, карикатуристы способствуют национальной консолидации американцев посредством конструирования воображаемой карты мира, определения роли в нем Соединенных Штатов Америки, а также поддержания образов дружественных или враждебных «Других». На протяжении всего XX в., как, впрочем, и раньше, хотя и не в таком масштабе, политическая карикатуристка использовалась в США для организации противодействия или, напротив, оказания поддержки определенному внутри- и внешнеполитическому курсу, ибо она позволяла задействовать такой важный механизм как сатира и выразить чувства и настроения, зачастую с трудом поддающиеся вербализации. Таким образом, политические карикатуры – это и иллюстрация существовавших в обществе настроений, предрас-

судков и стереотипов, без чего визуальные тексты не могли быть прочитаны и поняты аудиторией, и механизм конструирования новых общественных предпочтений и мифов.

Политические карикатуры нередко присутствуют в исторических работах. Однако исследователи, как правило, используют их в качестве иллюстраций, а не источника, требующего применения специфической методики анализа. В итоге вне поля зрения историков остается содержащаяся в карикатурах информация об обществе, порождавшем и воспринимавшем эти графические тексты, о его видении себя и окружающего мира. Применительно к истории взаимоотношений России и США можно назвать две известные публикации, ориентированные на использование политических карикатур – ставшая классической монография Т. Бейли, опубликованная на первом этапе холодной войны⁷, и книга П. Файлени⁸. И в том, и в другом случае карикатуры привлекались в качестве иллюстраций.

Лишь с недавнего времени исследователи, занимающиеся имагологией российско-американских отношений, начали уделять должное внимание карикатурам как источнику особой видовой характеристики⁹. В связи с этим перед историком встает несколько задач: собрать информацию об авторе, хотя это не всегда возможно, так как мы располагаем биографическими данными о наиболее известных карикатуристах и в лучшем случае отрывочными сведениями о фигурах менее значительных; рассмотреть способ подачи материала, оценив язык и символику карикатуры; определить ее взаимосвязь с другими медийными текстами; обозначить ее целевое назначение; составить представление об аудитории-реципиенте. При этом следует избегать обобщений и выводов, сделанных на основе одной или двух карикатур; необходимо формировать подборки текстов из газет и журналов разной партийной принадлежности, выходящих в различных регионах страны; не стоит забывать о том, что карикатуристы были вынуждены считаться с мнением редактора и общей политикой периодического издания; и, наконец, нельзя не учитывать эволюцию представлений, сделав ее также объектом анализа¹⁰.

Вот уже более века американские карикатуристы вносят весомый вклад в формирование культурного измерения политики США по отношению к России, начиная с того времени, когда на рубеже XIX–XX вв. она впервые начала играть роль конституирующего «Другого», принимавшего участие в формировании национальной идентичности американцев¹¹. Подчеркну, не просто «Другого», потому что «Другим» она была и раньше, так же как и Соединенные Штаты были «Другим» для России. Однако на протяжении большей

части XIX в. именно Европа выполняла роль конституирующего «Другого» для обеих стран. И через общее ощущение периферийности по отношению к европейскому центру русские и американцы обнаруживали сходения в своем развитии. Кроме того, до конца XIX в. в США не возникало желания перестроить Российскую империю, ощущения того, что русские ждут помощи из-за океана в своем стремлении создать «Соединенные Штаты России».

Заметим, опубликованные в США в годы холодной войны обобщающие работы по российско-американским отношениям изобиловали аналогиями между царским режимом и советским¹², политики и дипломаты, а также эксперты-советологи усматривали в советском экспансионизме прямое продолжение империалистической политики Российской империи и связывали агрессивную природу СССР с ее наследием¹³, а журналисты и карикатуристы апеллировали к демоническим образам России, сформировавшимся еще в ее бытность Российской империей.

В начале XX в., в период первого кризиса в российско-американских отношениях (1903–1905 гг.), в США была организована и первая «имиджевая война» против России, в ходе которой карикатуристы не просто визуализировали ее образы, сформированные в рамках различных дискурсов о ней, но и оттачивали приемы подачи «визуального послания». А если это так, то правомерно предположить живучесть американских мифов о России и сложность процесса их деконструкции, готовность к их регенерации в связи с очередным «похолоданием климата» двусторонних отношений. Именно это произошло на рубеже XX–XXI вв. и нашло отражение в карикатуристике.

В процессе восприятия американцами событий, происходивших по другую сторону Атлантики в XX в., наблюдались постоянные колебания от эйфории универсализма к мифу об «извечной Руси», от вдохновения по поводу скорой вестернизации России к пессимизму по поводу ее «восточности», от веры в готовность гражданского общества сломить ксенофобию правителя/правительства и в способность либералов возглавить конструктивный процесс модернизации к рассуждениям о неизменности русского национального характера и «русской угрозе» интересам США. И эта смена настроений неизменно обыгрывалась в политической карикатуристике, участвуя в актуализации одних составляющих российской действительности и маргинализации других и тем самым поддерживая американские мифы о России.

Первый своеобразный цикла надежд (на перспективы модернизации России) и разочарований (ее итогами) приходится на революцию 1905–1907 гг., следующий – на революцию 1917 г., по-

следний – на распад СССР и окончание холодной войны. Однако и между этими мощными всплесками своеобразной «крестоносной лихорадки», как убедительно показал Д.С. Фоглесонг в своей последней книге, американцы предпринимали попытки экспорта собственных символов веры, технологических новаций и экономических теорий, наконец, достижений массовой культуры, участвуя в непрерывном «крестовом походе» за обновление Российской империи, Советского Союза и постсоветской России и укрепляясь в своей вере в особое предназначение Соединенных Штатов нести свет свободы народам других стран.

У этих мессианских настроений было четыре измерения: политическое (оппозиция политическому режиму в России и ощущение ответственности за процесс ее реформирования, превращение этой страны в объект глобальной миссии Америки по демократизации мира), экономическое (заманчивые перспективы экономической экспансии и участие в модернизации экономики России); религиозное (продвижение рациональной веры вместо ортодоксальной и неверия, проекция манихейского мировидения на позиционирование образа России в США); а также гуманитарное (голодающая и нищая Россия как объект помощи богатой и процветающей Америки).

На фазе подъема цикла надежд и разочарований на первое место выступали либерально-универсалистские мифы, обрамлявшие образ романтического «Другого» и формировавшие репертуар смыслов либерально-универсалистского дискурса о России: о российских революциях XX столетия как порожденных низами, руководимых либералами и происходящих по образцу Великих революций Запада; о способности российского общества к быстрой вестернизации; о русском народе, противостоящем ксенофобствующей власти и ожидающем помощи из-за океана; о сопричастности американцев процессу реформирования России; наконец о том, что у нее нет другого выбора, кроме как, пустившись вдогонку, следовать путем демократии и капитализма, проложенным ранее более развитыми западными странами.

На фазе спада преобладание получали русофобские мифы, игравшие важную роль в поддержании образа демонического «Другого» и формировавшие репертуар смыслов консервативно-пессимистического дискурса о России: об «извечной Руси» и ее обреченности на вечное отставание от Запада в силу чужеродности западной культуре; о неизменности национального характера русских; об отнесении России к восточному/азиатскому, что создавало основу для упрощенных схем восприятия, прочно укоренившихся во внешнеполитическом мышлении, историографии и обществен-

ном сознании. Именно в рамках этих схем осмысливалась традиция авторитарной власти государства российского, которой приписывались исключительно византийские, агрессивные инстинкты и экспансионистские намерения.

Безусловно, эти два дискурса не исчерпывали многообразия представлений американцев о России в XX в. Параллельно представители русофильского дискурса рассуждали о ее праве на инаковость, вдохновлялись достижениями русской культуры и представлениями о медленных темпах ее модернизации, инициированных сверху. В широком смысле в основе расхождений взглядов представителей этих трех основных дискурсов, к которым в период Первой русской революции добавился еще и радикальный с характерной для него идеей особого социального послания русских, лежало позиционирование национального характера и русской православной цивилизации¹⁴. Кроме того, как в прошлом, так и в настоящем в Соединенных Штатах раздаются голоса «реалистов», призывающих к отказу от актуализации отдельных составляющих развития России и необходимости формирования ее многоликого образа.

Наконец, с рубежа XIX–XX вв. ведут свой отсчет два долгосрочных тренда восприятия России в США.

Во-первых, это стремление выстраивать отношения не с реальной страной, а с воображаемой, не столько исходя из более близкого знакомства с российской действительностью, сколько из представлений о ней, становившихся проекцией мессианского рвения американцев, их политических идеалов, идеологического вдохновения, экономических амбиций, гуманитарного альтруизма и религиозного энтузиазма.

Во-вторых, это стремление рассматривать внешнюю политику России как продолжение ее внутривнутриполитического режима. А это типичный пример проекции вовне одной из основополагающих саморепрезентаций Соединенных Штатов, основанной на уверенности в том, что они действуют на мировой арене исходя из демократического характера своего политического строя.

Однако все вышесказанное не отменяет того факта, что до начала холодной войны с ее четко разделенными и всеохватывающими представлениями о Советском Союзе, конфликты между американскими репрезентациями выявляли значительно большую подвижность. И автор отдает себе в этом отчет.

Его наблюдения выстраиваются на основе анализа материалов периодических изданий как национального, так и регионального значения, различного характера и партийной принадлежности¹⁵.

Можно выделить три сквозных сюжета, присутствующих на протяжении всего XX в. в американских политических карикатурах,

посвященных России: Россия как демонический «Другой», Россия как романтический «Другой», правители России как воплощение Добра и Зла.

Безусловно, вне поля зрения автора осталось многообразие сюжетов по «русской теме», выписанных американскими карикатуристами в XX в. Тем не менее представленные тексты позволяют обозначить сюжеты-рефрены, способствовавшие закреплению стереотипов восприятия России в массовом сознании, а также представить визуальные образы, обрамлявшие долгосрочные мифы о ней.

Российская империя /СССР/постсоветская Россия как демонический «Другой»

Демонический образ России как огромной тюрьмы, возникший на Западе благодаря писаниям маркиза де Кюстина, был актуализирован либеральным журналистом Дж. Кеннаном и востребован в США на рубеже XIX–XX вв. Именно тогда карикатуристы отработывали основные приемы «визуального послания» о России: Варварство vs. Цивилизация, Рабство vs. Свобода, Восток vs. Запад, сохранившие свое значение в последующем.

В политической карикатуристике Россия представала как «Империя Зла» и «Царство Тьмы», как своеобразный «темный двойник» США, что помогало американцам переживать периоды смут и разочарований и укреплять веру в преимущество собственной модели развития. Стремление высветить многочисленные «темные лики» России (в особенности Советского Союза) объяснялось, с одной стороны, существовавшим там режимом, а с другой тем, что в XX в. «русская карта» активно использовалась в США во внутривнутриполитической игре, а русский «Другой» в формировании американской идентичности.

Приведем несколько примеров. Варварского облика казак, убивающий невинных женщин и детей в период Кишиневского погрома, а также демонстрантов и забастовщиков во время Первой русской революции, никуда не исчез из американской карикатуристики после 1917 г. И вот он уже вламывается в светлый «дом» Европейской цивилизации из Тьмы Советской России¹⁶, или черной тучей «Анархия» нависает над Соединенными Штатами¹⁷. Звон американского Колокола Свободы (аналогия «Радио Свободы») раздражает слух советских лидеров, поработивших народ, а Александр Солженицын предстает в облике Авраама Линкольна как освободитель от рабства большевизма¹⁸.

Образ России-тюрьмы неизменно присутствовал в американской карикатуре на протяжении всего XX в., будь то Российская империя как тюрьма для революционеров, представителей национальных и религиозных меньшинств, или Советский Союз как тюрьма для диссидентов¹⁹ (рис. 1). В итоге Россия открывалась взору американцев страной, поглощенной тьмой политического и гражданского рабства, которую необходимо озарить светом прав и свобод²⁰ (рис. 2).

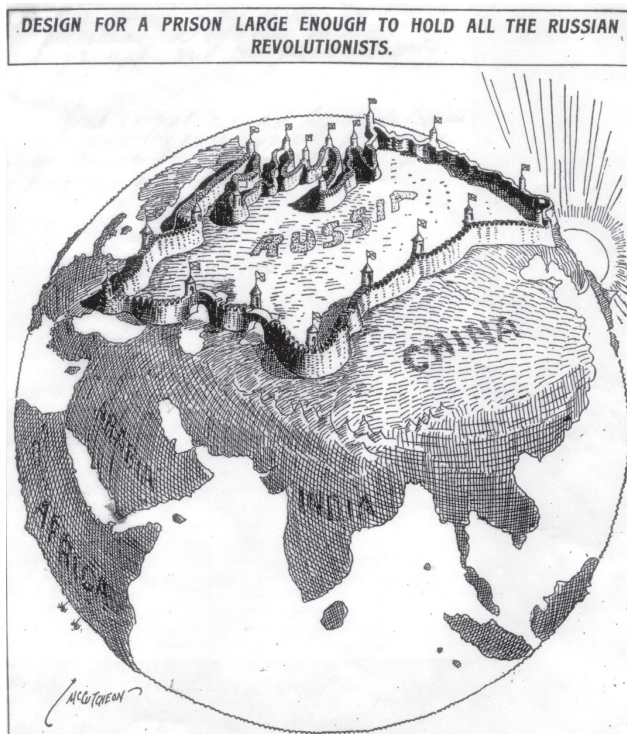

Рис. 1. Российская империя как тюрьма, 1905

После 1917 г. американские карикатуристы активно интегрировали в свои тексты анималистические образы Советской России. Причем на смену Русскому Медведю пришли – змея как изначальный символ Зла, спрут, крыса, стервятник²¹.

Можно провести любопытные аналогии между использованием образа Российской империи и постсоветской России как демонического «Другого».

Рис. 2. Советский Союз как страна непроглядной тьмы, 1945

В начале XX в. после Кишиневского погрома, когда в условиях всплеска расового насилия в самих Соединенных Штатах общественные и религиозные деятели, журналисты и издатели газет заявляли о том, что еврейские погромы в России неизмеримо хуже, чем линчевания в США, американские карикатуристы создали в ответ серию рисунков, акцентирующих внимание на использовании русского «Другого» во внутривнутриполитических целях: К. Мейбелл изобразил рыдающего Николая II, который отмахивается от американской петиции протеста, «пребывая в печали» по поводу линчеваний в Дэлавере, а Дж. Маккатчеон нарисовал Дядю Сэма, бросающего камни в «русский огород», в то время как за его спиной в «стеклянном американском доме» участники антинегритянских погромов преследуют свои жертвы²².

В начале XXI в. в связи с нарушением прав человека и издевательствами над заключенными в тюрьме на военной базе Гуантанамо, где с 2002 г. содержались захваченные в плен международные террористы, карикатуристы визуализировали метафору «американского ГУЛАГа», появившуюся на страницах

американской прессы²³. На одной из карикатур мы видим надпись перед базой Гуантанамо, гласящую: «Не так плоха, как советский ГУЛАГ» (рис. 3), а на другой из разговора Дяди Сэма и Дяди Джо узнаем о том, насколько первого огорчает сравнение базы Гуантанамо со сталинским ГУЛАГом, вредное для его имиджа, и насколько второй считает страхи первого напрасными, ибо большая часть человечества слишком молода или невежественна, чтобы знать о ГУЛАГе, а остальная – арабы²⁴.

Рис. 3. «Американский ГУЛАГ», 2005

Перед нами визуальная характеристика политики двойных стандартов США, о которой С. Коэн писал в 2006 г.: «Когда НАТО подступает к ближним и дальним рубежам России, стремясь включить в зону своего влияния бывших членов советского блока, это называется “борьбой с терроризмом” и “защитой новых государств”; когда Москва протестует против этого, ее обвиняют в стремлении мыслить категориями холодной войны. Когда Вашингтон вмешивается в политику Грузии и Украины, это называется “продвижение демократии”, когда Кремль делает тоже самое, его обвиняют в “неоимпериализме”»²⁵.

Со всей очевидностью это проявилось в период войны на Кавказе в августе 2008 г., когда в американских СМИ развернулась

своеобразная «имиджевая война» против России, в которую карикатуристы внесли особый вклад. На страницах газет и сайтах появилась целая галерея ненасытных Русских Медведей, пожирающих огромные куски близлежащих территорий, что должно было символизировать имперские амбиции современной России – достойной преемницы Советского Союза (образ усатого «Владимира Сталина»), а старая метафора «Давид vs. Голиаф» возвращала американцев к началу XX в. Вот только в период Русско-японской войны в роли Давида выступала маленькая вестернизированная Япония, временно поименованная «Янки Востока» и ставшая объектом агрессии огромной деспотичной Российской империи, а теперь маленькая демократическая Грузия, ставшая объектом агрессии авторитарной постсоветской России.

Американские эксперты признают, что и в начале XXI в. мнение о России во многом зависит от того, на каком месте в мире американцы хотели бы видеть свою собственную страну, что «российскую карту» пытаются использовать в борьбе за власть левые интеллектуалы, республиканцы и демократы, что Россия по-прежнему прекрасно подходит для игры во внутреннюю политику в самих Соединенных Штатах²⁶. В докладе Совета по международным отношениям США, публикация которого в 2006 г. наделала немало шума по обе стороны Атлантики, вообще звучал открытый призыв сохранить в качестве одной из внешнеполитических задач Вашингтона помощь процессу демократизации России²⁷.

Российская империя /СССР/постсоветская Россия
как романтический «Другой»:
американский «крестовый поход»
за дело русской свободы

Впервые американцы включились в своеобразный «крестовый поход» по переустройству России на рубеже XIX–XX вв. и его пик пришелся на период Первой русской революции, следующие два самых масштабных «крестовых похода» происходили в 1917 г. и в связи с распадом СССР. Подводя малоутешительные итоги последнего из них, С. Коэн констатировал: «Политика администрации Клинтон – это фактически крестовый поход с целью трансформировать посткоммунистическую Россию при президенте Ельцине в копию Америки с помощью спонсируемых Соединенными Штатами реформ, – в первую очередь и главным образом, экономической “шоковой терапии”. Этот крестовый поход был (и остается) официальным проектом, но он очаровал и инвесторов, и ученых, и

журналистов, которые, решая свои профессиональные (и непрофессиональные) задачи, стали его миссионерами»²⁸.

А в том, что народ России хочет и может следовать американской модели развития и ждет помощи из США в проведении реформ, американцев на протяжении всего XX в. убеждали русские политические деятели различного толка, приезжавшие за океан с пропагандистскими целями, революционеры-эмигранты и советские диссиденты.

Излюбленной коммуникативной стратегией карикатуристов в данном случае становилась игра на образах «Тьмы» и «Света». Это могло быть Солнце Свободы, неизменно встающее из-за океана, озаряющее Россию своим светом и разгоняющее тучи невежества и деспотизма над головой русского народа; это могла быть Статуя Свободы, животворящий свет от факела которой проникал и в имперскую, и в советскую, и в постсоветскую Россию, поддерживая борцов за ее либерализацию; это мог быть русский/советский народ, разрывающий оковы рабства и встающий из темноты навстречу Свету новой жизни (напомним, то был свет не только политической, но и религиозной свободы). А еще это могло быть изображение рук, протянутых через океан и полных сверкающих американских долларов²⁹.

Пожалуй, одной из самых ярких карикатур на эту тему стала созданная Ф. Морганом в период Первой русской революции и приуроченная к празднованию 4 июля: Дядя Сэм освещает факелом «Свобода и Независимость», скованного цепями мужика, олицетворяющего Россию. У ног узника валяются пачки американских долларов, а сам он вопрошает, глядя на счастливое лицо Дяди Сэма: «Интересно, а у меня когда-нибудь будет такое славное 4 июля». Текст имеет двойной смысл. В нем выражен и мессианский порыв американцев, и их представление о России – «темном двойнике» США³⁰ (рис. 4).

А вот как выглядел Советский Союз на обложке журнала «Collier's» в начале холодной войны (рис. 5).

Однако на фазе спада цикла надежд и разочарований, когда очередная русская революция превращалась в революцию по-русски, когда терпели крах мессианские помыслы американцев, их политические и религиозные амбиции, происходил отказ от романтического образа русского народа и на первое место выходили рассуждения о рабелепных восточных людях, невежественных и неспособных пользоваться свободой. Карикатуристы неизменно улавливали эти изменения настроений, создавая запоминающиеся образы. Вот как они выглядели, например, в 1906 г.³¹ и в 1917 г.³² (рис. 6, 7).

Рис. 4. Русские мечты о Дне независимости, 1905.

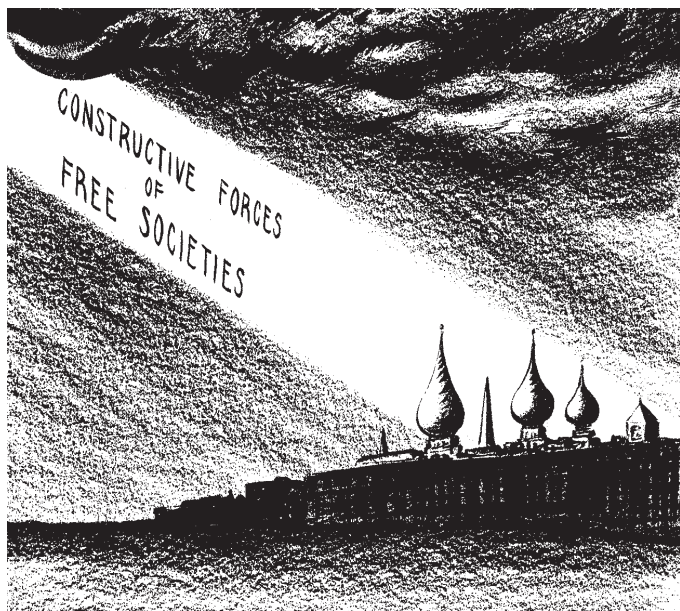

Рис. 5. Луч Свободы, разгоняющий тьму, 1949

*Рис. 6. Невежество русского народа –
главный враг свободы, 1906*

Рис. 7. Упившийся свободой русский народ, 1917

В последнем случае еще оставалась надежда на то, что русский народ, опьяневший от свободы, со временем протрезвеет. Однако она окончательно исчезла в октябре, когда незрячая Россия пошла по пути разрушения, анархии, большевизма и была потеряна для Америки, правда, не в последний раз³³.

И хотя этот миф об «извечной Руси» подвергался неоднократно критике в самих США, ибо его сторонники упускали из виду динамичное развитие русского общества, на что, например, указывал в середине XX в. Дж.Ф. Кеннан, он продолжает свое бытование в американском общественно-политическом дискурсе до сих пор.

И в начале XXI в., перечеркивая способность России создать процветающую экономику и осуществить реальную модернизацию политической системы, русофобы-пессимисты в очередной раз высказывали презрительные суждения по поводу предположительно врожденных черт национального характера русских: суеверие, лень, нечестность. Например, московские корреспонденты «The Washington Post» П. Бейкер и С. Глейзер в 2005 г. в своей книге «Возвышение Кремля» («Kremlin Rising») в духе настроений, характерных для завершающего этапа цикла надежд и разочарований, рассуждали о рабологии и покорности русского народа, а президента Путина обвиняли в том, что он отвратил Россию от западной демократии и процесса вестернизации, вернув ее к ксенофобствующему авторитаризму³⁴. На карикатурах Россия, как когда-то в начале XX в., вновь оказывалась в «восточной компании». Только теперь место Османской империи заняли Саудовская Аравия, Египет и Пакистан³⁵.

Последний американский «крестовый поход» завершается творением очередного мифа, на этот раз о «новой холодной войне»³⁶. После пережитого периода упоения триумфализмом³⁷ эксперты и общественные деятели, журналисты и карикатуристы обратились к обжитым образам и наработанным приемам для демонизации представлений о «путинской России», к суждениям о том, что США вновь Россию «потеряли». В свою очередь, Путин, персонифицирующий Русское Зло, представал в карикатуристике человеком, размораживающим Медведя по имени Холодная война.

Правители Российской империи/СССР/ постсоветской России как воплощение Добра и Зла

Одним из долгосрочных трендов восприятия России в США, ведущим свой отсчет еще с XIX в., стала своеобразная «персонификация» процессов, происходивших в Российской империи/СССР/постсоветской России. Политика Соединенных Штатов, как правило, была направлена на поддержку конкретного российского правителя/лидера, а не перестраиваемой системы. В итоге, когда эта конкретная политическая позиция оспаривалась, то речь шла не об осмыслении самих перемен, а о том, каким образом они происходят и какова роль Запада в целом в их проведении.

Двуличные лидеры Российской империи/СССР/постсоветской России, которым зачастую придавались черты правителей восточного типа, – один из излюбленных сюжетов американских карикатуристов XX в., обращавшихся к одним и тем же приемам (использование концептуальных пар Добро–Зло, Запад–Восток, Свет–Тьма) и прецедентным образам (например, Ивана Грозного).

Портретную галерею правителей России XX в. открывает образ Николая II, созданный в период первого кризиса в российско-американских отношениях (1903–1905), когда американские карикатуристы включились в «имиджевую войну» против Российской империи и внесли особый вклад в демонизацию представлений о ее правителе и правительстве.

В карикатурах, появившихся на страницах прессы США в 1903 г. в связи с Кишиневским погромом и обострением российско-американских отношений на Дальнем Востоке из-за нежелания царского правительства эвакуировать русские войска из Маньчжурии, Россия исключалась из «клуба» цивилизованных держав и лишалась права на цивилизаторскую миссию в Китае. На страницах ведущей филадельфийской газеты «The Philadelphia Inquirer» Николай II предстал в облике человека, страдающего раздвоением личности: это и ангел, держащий в руках декрет о религиозной свободе и указывающий на слово Мир, и отвратительное животное-человек, загребавшее грязными лапами Кишинев и Маньчжурию. Подрисуночная подпись – «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» – отсылала читателя к широко известному психологическому роману Роберта Стивенсона, в котором развивалась тема «двойничества», что позволяло акцентировать внимание на основной идее изображения. Оно построено на контрастах: религиозная свобода – Кишинев, Мир – оккупация Маньчжурии³⁸. Ставший вскоре редакционным карикатуристом газеты Ф. Морган

создал галерею портретов Николая II в облике злобного карлика, а художник В. Гилам из еженедельника сатиры и юмора «Judge» представил образ царя-лицемера в цвете. Прикрыв военную форму накидкой, он натачивает саблю, с умилением взирая на гипсовую Богиню мира. Вербальные ярлыки на одежде и точильном станке – «захват», «резня», «варварство» – призваны привлечь внимание аудитории на существенные характеристики внутренней и ставшей ее следствием внешней политики³⁹.

А вот как выписывался «персонифицированный» образ русского «Другого» талантливым редакционным карикатуристом газеты «The Chicago Daily Tribune» Дж. Маккатчеона: Рузвельт, заваленный букетами и окруженный ликующим американским народом, празднует День независимости, а Николай II, заваленный бомбами и окруженный восставшим народом, с ужасом ждет своей гибели под гром японских пушек и проклятия революционеров, которые размахивают красными флагами и ножами. Надпись «U.S.A.–rUsSiA» играет роль смыслового кода⁴⁰ (рис. 8).

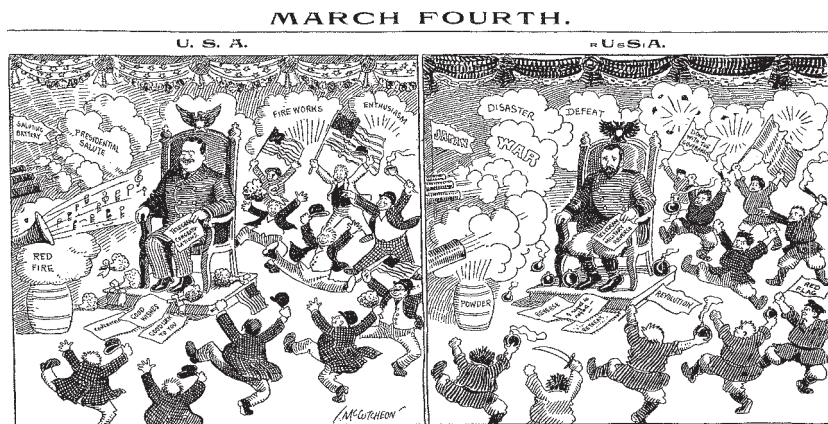

Рис. 8. Николай II как «темный двойник» президента Т. Рузвельта, 1905

Ни один правитель России XX в. не предстал в образах столь демонических как И.В. Сталин. Через четыре месяца после подписания Пакта Молотова–Риббентропа журнал «Time» назвал И.В. Сталина «человеком года» и разместил на обложке его портрет, созданный Э.Х. Бейкером. Сталин предстал в облике коварного «Князя Тьмы», человека хитрого, жестокого, наполовину азиатского. В статье, помещенной в том же номере, это отнесение к Царству

Тьмы закреплялось посредством упоминания того факта, что советский диктатор родился в самый короткий день в году⁴¹ (рис. 9).

TIME

THE WEEKLY NEWSMAGAZINE

MAN OF THE YEAR
„Ivan the Terrible was right!”
(Foreign News)

Рис. 9. Сталин в облике «Князя Тьмы», 1940

Через два года журнал «Time» вновь объявил Сталина «человеком года». Однако его образ претерпел кардинальные изменения под влиянием победы под Сталинградом и необходимости укрепления антигитлеровской коалиции. В исполнении русского художника-эмигранта Б. Арцибашева «Князь Тьмы» превратился в героя-провидца⁴². Так борьба с общим врагом оказывала влияние на позитивизацию образа Сталина, преобразившегося и в карикатуристике, и в кинематографе США в дружественного Дядю Джо.

Не удивительно, что с началом холодной войны американские карикатуристы вернулись к отталкивающим изображениям советского диктатора, формирующим важнейшую составляющую «имиджевой войны» против Советского Союза. Карикатурист газеты «The Knickerbocker News» Дж. Костелло в рисунке «Добро пожаловать в Москву» создал запоминающийся образ Сталина, персонифицирующего Зло советской тирании, образ СССР как «темного двойника» США⁴³ (рис. 10).

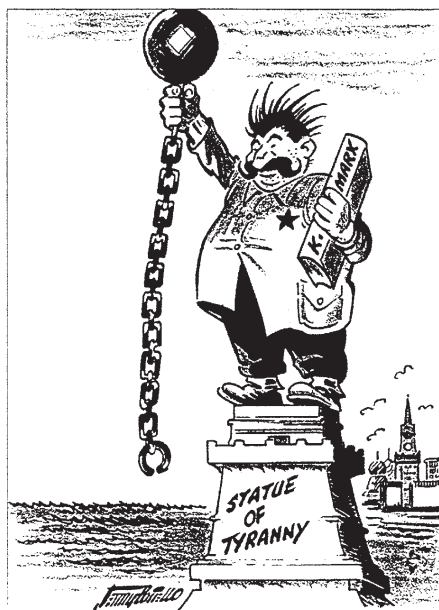

Рис. 10. Сталин в облике «Статуи не-Свободы», 1952

Одной из наиболее ярких и впечатляющих иллюстраций той роли, которую играла демонизация образа Советского Союза и его лидеров в реализации внутренней политики США можно считать карикатуру, появившуюся во время президентской кампании 1976 г. Художник изобразил государственного секретаря Г. Киссинджера, сидящим за столом переговоров по вопросу об ограничении стратегических вооружений с Л.И. Брежневым, которому он пытается объяснить, что президент Дж.Р. Форд, изъявший слово «разрядка» из американского общественно-политического дискурса под влиянием критики со стороны кандидатов в президенты – республиканца Р. Рейгана и демократа Дж. Картера, вновь присоединится к ним, как только окончится предвыборная кампания. Между тем на заднем плане Форд с остервенением топчет пугало Брежнева, приговаривая: «Ррр, получи, грязная крыса»⁴⁴.

В свою очередь, образ М.С. Горбачева в американской политической карикатуристике вновь обращает нас к приемам, характерным для визуальных репрезентаций правителей России. Он стал популярен в Соединенных Штатах в связи с поездкой Рональда Рейгана в Москву. По другую сторону Атлантики Горбачев позиционировался человеком, способствовавшим либерализации

Восточной Европы. Карикатурист Т. От изображал его солнцем, от света которого бегут лидеры полицейских режимов⁴⁵. Год спустя он использовал сходный прием: под лучами «Горбачева-солнца» тает снеговик «Холодная война».

В противовес оптимистическим рисункам Ота карикатурист «The Chicago Daily Tribune» Д. Лочер создал графический текст, смысл которого сводился к сохранению стереотипов восприятия российским и американским лидерами друг друга. Рейгану Горбачев виделся Дартом Вейдером – героем культового сериала «Звездные войны» (напомним, что он перешел на службу Темной Стороны Силы, хотя в нем до конца не погибло Добро), а Горбачеву Рейган представлялся в образе Рембо – героя американского фильма с ярко выраженной антикоммунистической направленностью⁴⁶ (рис. 11).

*Рис. 11. «Российский Дарт Вейдер»
и «американский Рембо», 1988.*

Не добавляли светлых красок в образ Горбачева и январские события в Литве в 1991 г., когда в Вильнюс были введены танки для «реставрации» советских порядков. Тогда карикатурист Г. Херблок создал рисунок, на котором изображалась «Книга позора человечества», где Михаил Сергеевич оставил свою кровавую запись, сделанную гусеницами танков⁴⁷.

И, тем не менее, начиная с «эпохи Горбачева», в американской карикатуре происходил отказ от демонического образа правителей России в пользу их не менее мифологизированного образа романтического, что было связано с надеждами на ее скорую вестернизацию при наставничестве США.

Со всей очевидностью это проявилось в визуальных репрезентациях первого президента России Б.Н. Ельцина⁴⁸. В тоже время их анализ позволяет проследить смену настроений в ходе последнего американского цикла надежд и разочарований в связи с перспективами модернизации России.

Известия о провале ГКЧП в Москве вызвали в американском обществе эйфорию по поводу триумфа дела русской свободы. По замечанию С. Коэна, в начале 1990-х годов политики, журналисты и ученые в США представляли Б.Н. Ельцина единственным «гарантом реформ» в России и даже ставили его в один ряд с Петром I, Джоном Локком, Томасом Джефферсоном и Авраамом Линкольном. В итоге в Соединенных Штатах возник «феноменальный культ Ельцина»⁴⁹, визуализированный в карикатуристике. В газете «The Palm Beach Post» 27 августа 1991 г. Д. Райт изобразил его человеком, в одиночку противостоявшим попытке прокоммунистического государственного переворота⁵⁰. В свою очередь, маститый американский карикатурист Т. Энгельгардт воплотил оптимистические настроения американцев в рисунке, на котором Ельцин изображался с факелом свободы в одной руке и мандатом, врученным ему русским народом, в другой. Он разрубал звенья цепи, которые пытались воссоединить участники путча (слова «попытка реставрации диктатуры»)⁵¹ (рис. 12).

Рис. 12. Ельцин в образе освободителя русского народа, 1991

«Культ Ельцина» породил ложные иллюзии в американском обществе, так как игнорировались присущие Борису Николаевичу

чу черты правителя авторитарного типа, не учитывалась глубина раскола советского общества, а также деструктивные последствия экономической «шоковой терапии». Эти иллюзии послужили причиной создания мифа об утверждении демократии при Ельцине, пусть и несовершенной, пусть и на фоне хаоса и всеобщего обнищания, но той самой демократии, которую Путин затем полностью уничтожил.

Отказ от романтического образа первого российского президента стал происходить под влиянием просчетов его политики, странностей поведения, но главное, вследствие войны в Чечне.

Уже в карикатуре Дж. Данзигера, изобразившего Ельцина лихим стрелком башенного пулемета танка через несколько дней после того, как был дан залп по Белому Дому с целью положить конец конфронтации между парламентом и президентом, мы видим сатирическое изображение демократии в России. Оно воплощается в фигурах русских женщин с авоськами, которые приветствуют лихого стрелка-президента криками: «Покажи им, Борис!», «Демократия!», «Пали!», «Прямо в морду!»⁵². В середине 1990-х годов в изображении одного из самых известных американских карикатуристов П. Олифанта, рисунки которого тиражируются по всему миру, Ельцину суждено было превратиться из бесшабашного выпивохи в опившегося водкой правителя России, готового нажать на «кнопку ядерной войны»⁵³, и из великого демократа в строителя демократии по-русски⁵⁴ (рис. 13).

Рис. 13. Ельцин в образе строителя демократии по-русски, 1995

И, тем не менее Л. Арон, высоко оценивая личный вклад Ельцина в реформирование России, писал: «...Линкольн освободил 4 млн рабов. Ельцин, следуя за Михаилом Горбачевым, освободил 150 млн русских от коммунистического тоталитаризма... Для того, чтобы полностью выполнить обещания, данные освободительной революцией Линкольна, потребовалось более 100 лет. И хотя преодолеть наследие коммунистического государства, существовавшего три четверти века, кажется не менее трудной задачей, чем двух столетий рабства, можно безошибочно предположить, что для ельцинской революции, отвечающей надеждам большинства россиян, потребуется менее чем сто лет»⁵⁵.

Окончательное завершение последнего американского цикла надежд и разочарований по поводу перспектив модернизации России приходится на президентство В.В. Путина, что нашло выражение в своеобразной демонизации его образа⁵⁶.

В 2001 г. американский журналист Мэтью Бжезинский, племянник бывшего помощника президента США по национальной безопасности Збигнева Бжезинского, объяснил «провал» очередного этапа обновления России врожденной коррумпированностью русских, их особой «славянской душой» и их хитрыми, чуждыми западной культуре лидерами⁵⁷.

За годы, прошедшие с первого избрания В.В. Путина, тон американских журналистов сменился с заинтересованного на подозрительный, а потом откровенно враждебный. Российского президента сравнивали с Пиночетом и Франко и называли предвестником «новой холодной войны»⁵⁸. Что касается американских карикатуристов, то они любили изображать Путина в облике средневекового правителя или фанатичного последователя В.И. Ленина и И.В. Сталина, не уставали подчеркивать его лживость и готовность наследовать худшие черты царей и генеральных секретарей⁵⁹.

Вот Путин, сидя напротив президента Джорджа Буша и гипнотизируя его своим взглядом, говорит: «Смотри мне в глаза... Ты веришь мне? Я всегда говорю тебе правду! Настало время, когда мы можем действовать сообща, чтобы остановить распространение ядерного оружия!». Произнося эти слова, за спиной он протягивает ядерную боеголовку Ирану. Надпись в углу карикатуры заостряет внимание аудитории на определенном ракурсе восприятия: «Есть ли какая-нибудь связь с Рас-Путиным?»⁶⁰. На карикатуре Стюарта Карлсона, сотрудничающего с «The Milwaukee Sentinel», мы видим В.В. Путина, поднимающегося по лестнице, состоящей из человеческих тел с надписями «Пресса» и «Диссиденты», и приговаривающего: «Россия движется к демократии своим собственным путем»⁶¹, а на рисунке известного американского карикатуриста

Дж. Данзигера Ленин и Сталин встают из гроба, повинуюсь «зову Кремля»⁶².

Квинтэссенцией визуальных репрезентаций Путина стало его изображение в облике «Статуи не-Свободы» в исполнении карикатуриста Дж. Шерфиуса, не требующее дополнительных разъяснений и возвращающее нас к карикатуре Дж. Костелло⁶³ (рис. 14).

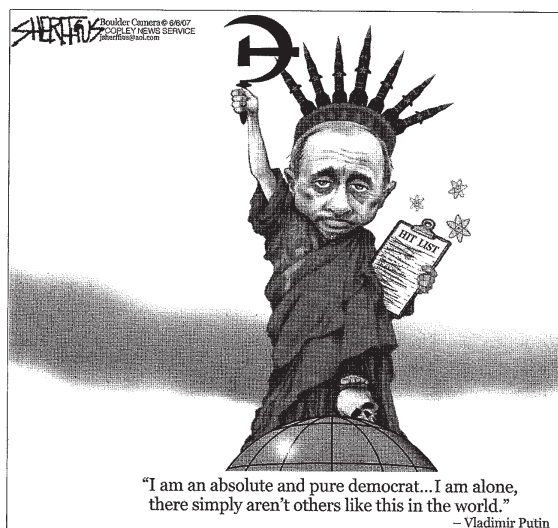

Рис. 14. Путин в облике «Статуи не-Свободы», 2007

Комментарии, появившиеся в прессе США в 2007 г., когда журнал «Time» назвал Путина «человеком года», так как благодаря железной воле и жертвывая принципами свободы и демократии он вернул России статус мировой державы, подтверждают наличие преемственности в американских репрезентациях правителей Российской империи/СССР/постсоветской России. Между прочим, на обложке номера журнала от 31 декабря 2007 г. рядом с изображением президента значились слова: «Владимир Путин – царь новой России». С. Монтефиоре охарактеризовал Путина как человека, в стиле руководства которого можно обнаружить наследие русских царей и советских генеральных секретарей, но прежде всего, Иосифа Сталина, приправленное националистическим популизмом. В свою очередь, Н. Сорнберг заявил о том, что внешняя политика Путина, воспринимаемая Западом как угроза, а также его курс на подавление демократии внутри страны осуществляются при полной поддержке русского народа⁶⁴.

Перед нами яркий пример русофобского пессимизма в конце последнего американского цикла надежд и разочарований в связи с очередным этапом модернизации России.

Параллельно карикатуристы отразили в своих рисунках давнее стремление политических и государственных деятелей, экспертов и журналистов США к демонизации образа России с учетом американской повестки дня. Приведу два примера. Дж. Данзигер, известный своими сатирическими карикатурами на Дж. Буша-мл., изобразил его в роли наставника Путина по вопросам демократии. И это несмотря на скандал во время выборов Буша-мл. на второй срок (табличка со словом «Флорида» в руках Путина)⁶⁵. А вот перед взором читателя на пьедестале возвышаются три победителя: первое место у В.В. Путина, обладателя награды «Грузия», второе у Ху Цзиньтао, получившего медаль «Тибет», ну а третье занял Дж. Буш-мл. за Ирак⁶⁶.

Представляется в своем роде знаковой смена прецедентного образа на страницах американской прессы в связи с визитом президента России Д.А. Медведева в США в июне 2010 г. Газета «The New York Times» сравнила его с Петром I⁶⁷. А, по мнению западных/американских наблюдателей, с правления Петра I Россия начала постепенное движение навстречу Западу, оказавшись в роли его ученика. Однако заметим, что сама по себе метафора ученичества вступает в противоречие с саморепрезентациями России.

В настоящее время российско-американские отношения вступили в период «переформатирования». В обеих странах обозначилась готовность вернуться к стратегическому партнерству и значительно расширить повестку дня сотрудничества, выводя ее за рамки двусторонних контактов. Договор СНВ-3 и расширение диалога Россия–НАТО лучшее тому подтверждение. Однако уверена, это процесс не простой и не прямолинейный. И он будет успешным лишь тогда, когда произойдет своеобразная «перезагрузка» взаимовосприятия, хотя груз мисперцепций велик, а их истоки следует искать задолго до холодной войны с ее «enemy studies». Безусловно, сама российская действительность эти устойчивые американские мифы и стереотипы восприятия подпитывает. В тоже время их глубина и востребованность определялась в прошлом и продолжает определяться в настоящем американским социокультурным контекстом.

Немаловажный вклад в деконструкцию долгосрочных трендов восприятия могли бы внести американские журналисты. Им под силу показать Россию изнутри, Россию разную, многоликую, несводимую к дихотомическим образам, Россию с ее крайне противоречивой действительностью, страну, которая порой останавли-

ваясь, порой, двигаясь по кругу, а порой и вспять, все-таки проводит «переформатирование» своей политической и социально-экономической жизни. «Нравится нам это или нет, – писал в 2008 г. Стивен Коткин, критикуя книгу британского журналиста Э. Лукаса «Новая холодная война», – но эффективную геополитику в XXI в. уже невозможно осуществлять, вынуждая других становиться такими как мы... Однако сможет ли Вашингтон – столица страны, появившейся на карте уже в эпоху цивилизаторских миссий и в конечном итоге обязанной своим возникновением пуританам, существовать в мире, где нет места самопровозглашенным “крестовым походам”? В США само устройство России, не говоря уже о ее политике, воспринимается, по сути, как один из элементов американской идентичности»⁶⁸.

А если это так, то почва для прикладной русофобии сохранится. И вопрос состоит не только в том, будет ли русский «Другой» и дальше выступать в роли одного из конституирующих и участвовать в формировании американской идентичности (в конце концов, есть мусульманский «Другой», процесс создания которого активизировался после 11 сентября 2001 г.), но и в том, как это будет делаться.

Важно не забывать, что изменение отношения к России в США зависит не только от реалий ее развития, но и от их интерпретации по другую сторону Атлантики, от готовности политиков и экспертов, общественных и религиозных деятелей, журналистов и публицистов отказаться от мессианской дидактики и желания выстраивать будущее России по заранее известной схеме, а также смотреть на происходящие в ней процессы сквозь монохроматические очки.

Политическая карикатуристика свидетельствует о том, сколь глубоко мифы о России укоренились в представлениях американцев. Но мифотворчество по сути своей процесс коммуникационный. Он предполагает создание мифа, его поддержание и восприятие аудиторией-реципиентом, в том числе и через застывшие или меняющиеся визуальные образы, обрамляющие мифы. А следовательно, карикатуристам принадлежит особая роль в их деконструкции, так как политическая карикатура была в прошлом и остается в настоящем мощным пропагандистским оружием и механизмом влияния на общественное сознание.

Примечания

¹ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 13.

² В своих теоретических построениях под образом страны, следуя традициям социального конструктивизма, я имею в виду систему геопространственных зна-

ков, символов и характеристик как один из важнейших способов международной коммуникации и самоидентификации, что формирует дискурсивную основу образа. Под стереотипами восприятия, упрощающими и искажающими реальность и зачастую воспринимаемыми как сама реальность, я подразумеваю этнические стереотипы, которые всегда связаны со стереотипами собственного «Я», при том что стереотипизация само- и иновосприятия является причиной мифологизации образов. Наконец, оперируя понятием миф (политический и/или культурный), я беру в расчет коммуникационную природу мифотворчества (т. е. единство процесса создания и воспроизводства мифа, а также его восприятия), не только вербальные, но и визуальные образы, обрамляющие изложение мифа

- ³ В 2007 г. в серии «*Studia Imagologica*» вышла коллективная монография, где термин имагология используется в качестве устоявшегося неологизма, обозначающего область исследования ментальных образов «Себя» и «Других»: *Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters* / Ed. by M. Belle, J. Leerssen. Amsterdam, N.Y.: Rodopi, 2007. P. 21, 27, 28.
- ⁴ Нойманн И.Б. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. С. 23, 26.
- ⁵ Об имагологии российско-американских отношений подробнее см.: *Журавлёва В.И.* Изучение имагологии российско-американских отношений по обе стороны Атлантики: итоги и перспективы // Американский ежегодник, 2008/2009. М.: Весь мир, 2010. С. 142–166.
- ⁶ Артикулированные в рамках дискурса идеи и образы, метафоры и концепты.
- ⁷ *Bailey T.A.* *America Faces Russia: Russian-American Relations from Early Times to Our Day.* Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1950.
- ⁸ *Filene P.G.* *Americans and the Soviet Experiment. 1917–1933.* Cambridge: Harvard University Press, 1967.
- ⁹ См., напр.: *Becker J.A.* A Disappearing Enemy: the Image of the United States in Soviet Political Cartoons // *Journalism and Mass Communication Quarterly.* 1996. Vol. 73. No 3. P. 609–619; *McKenna K.J.* All the Views Fit to Print: Changing Images of the U.S. in Pravda Political Cartoons, 1917–1991. N.Y.: Peter Lang, 2001; *Журавлёва В.И.* «Давид против Голиафа»: образ России в американской политической карикатуре периода Русско-японской войны // США и Канада: Экономика–Политика–Культура. 2007. № 10. С. 66–84; *Она же.* Образ Русской революции в американской политической карикатуре // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем / Под ред. В.И. Журавлёвой. М.: РГГУ, 2007. С. 157–186; *Она же.* Образ России в репрезентациях американских карикатуристов в начале XX века // Диалог со временем. 2008. Вып. 25/1. С. 237–270; *Журавлёва В.И., Фоглесонг Д.С.* Конструирование образа России в американской политической карикатуре XX века // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII–XX вв. Т. 1. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2008. С. 189–262; *Foglesong D.S.* *The American Mission and the “Evil Empire”. The Crusade for a “Free Russia” since 1881.* Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2007.

- ¹⁰ Об использовании карикатур в качестве исторического источника см., напр.: *Kemnitz Th.M.* The Cartoon as a Historical Source // *Journal of Interdisciplinary History*. 1973. Vol. 4. Summer. P. 81–93. Примером плодотворного использования политических карикатур в исторических исследованиях, посвященных внешней политике США, могут служить работы известного американского историка Дж. Дауэра. См., например: *Dower J.* Race, Language, and War in Two Cultures // *Dower J.* Japan in War and Peace: Selected Essays. N.Y.: The New Press, 1993. P. 257–285.
- ¹¹ См.: *Журавлёва В.И., Фоглесонг Д.С.* Русский «Другой»: формирование образа России в Соединенных Штатах Америки (1881–1917) // *Американский ежегодник*, 2004. М.: Весь мир, 2006. С. 233–282; *Foglesong D.S.* The American Mission and the “Evil Empire”. P. 7–53. См. также обсуждение этой книги с участием автора данной статьи в журнале “H-Diplo” (2008. Vol. 9. No 5) // *Diplomatic and International History Discussion Network*. [Ithaca, 2009]. URL: <http://www.h-net.org/~diplo/roundtables> (дата обращения: 22.02.2011).
- ¹² См., например, монографию Т. Бейли: *Bailey T.A.* Op. cit. P. 129, 146, 154.
- ¹³ Об этом см.: *Booth K.* US Perception of Soviet Treat: Prudence and Paranoia // *Strategic Power: USA/USSR* / Ed. by C.G. Jacobsen. L: Macmillan Press, 1990. P. 51–54.
- ¹⁴ Об этом подробнее см.: *В.И. Журавлёва.* Конструирование образа русского «Другого» в консервативной идеологии США // *Консервативная традиция в американском обществе. Истоки, эволюция, современное состояние*. М.: МАКС Пресс, 2006. С. 287–308; *Она же.* Любить и познавать Россию: русофильский дискурс в США // *200 лет российско-американских отношений: наука и образование*. М.: ОЛМА Медиагруп, 2007. С. 48–64; *Она же.* Россия как объект глобальной миссии Америки // *Российско-американские отношения. Конец XVIII – начало XX в. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2008. С. 107–121.*
- ¹⁵ Визуальный ряд, ставший объектом анализа в данной статье, частично представлен в нашей совместной с Д.С. Фоглесонгом публикации, в его книге, а также в работах самого автора (см. прим. 9). Кроме того, авторские обобщения опираются на анализ политических карикатур, выявленных во время работы в фондах Библиотеки Конгресса США.
- ¹⁶ *The Los Angeles Times*, 1920.
- ¹⁷ *The Atlanta Constitution*. 1919. January 19
- ¹⁸ Подборку карикатур на эту тему см.: *Журавлёва В.И., Фоглесонг Д.С.* Конструирование образа России. С. 196–205.
- ¹⁹ *The Chicago Daily Tribune*. 1905. January 31; *The Washington Post*. 1977. March 4.
- ²⁰ *The Chicago Daily Tribune*. 1945. November 5. Для сравнения см. карикатуру на обложке журнала сатиры и юмора «Риск» от 8 марта 1905 г. Опубликовано в: *Журавлёва В.И.* Визуализация образа России в США в период первого кризиса в двусторонних отношениях // *Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия*. Челябинск: Каменный пояс, 2008. С. 227.

- 21 См., например, карикатуры, опубликованные в: *Журавлёва В.И., Фоглесонг Д.С.* Конструирование образа России. С. 210–213.
- 22 The Chicago Daily Tribune. 1904, March, 11; Literary Digest. 1903. Vol. 27. July 18.
- 23 The Washington Post. 2005. May, 26.
- 24 Карикатуры С. Сэка и П. Олифанта, июнь 2005 [Электронный ресурс] // Universal Uclick. [Kansas City, 2005]. URL: <http://www.uclick.com> (дата обращения: 22.02.2011).
- 25 *Cohen S.* The New Cold War / Nation. 2006 July 10 [Электронный ресурс] // The Nation. [N.Y., 2006]. URL: <http://www.thenation.com> (дата обращения: 22.02.2011).
- 26 *Haass R.N.* U.S.-Russian Relations in the Post-Post-Cold War World. 01.06.2002 [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. [Washington, 2002]. URL: <http://www.state.gov/s/p/rem/10643.htm> (дата обращения: 22.02.2011); *Shleifer A., Treisman D.* A Normal Country // Foreign Affairs. 2004. March/April. P. 9–10.
- 27 Russia's Wrong Direction: What the United States Can and Should Do. Washington: Council on Foreign Relations, 2006.
- 28 *Cohen S.* American Journalism and Russia's Tragedy / The Nation. 2000 October, 2 [Электронный ресурс] // The Nation. [NY, 2000]. URL: <http://www.thenation.com> (дата обращения: 22.02.2011).
- 29 См. подборку карикатур, отражающую различные составляющие американских «крестовых походов» за реформирование России в: *Журавлёва В.И., Фоглесонг Д.С.* Конструирование образа России. С. 224–239; *Foglesong D.S.* The American Mission and the “Evil Empire”. P. 30–32, 46–47, 63, 73, 108, 165, 184.
- 30 The Philadelphia Inquirer. 1905. May 31.
- 31 Literary Digest. 1906. June 30.
- 32 Judge. 1917. September 8.
- 33 The New York World. 1917. November 9.
- 34 *Foglesong D.S.* The American Mission and the “Evil Empire”. P. 226.
- 35 См. карикатуру: «Дорожки Свободы»: Universal Press Syndicate, February 29, 2005 / Andrews McMeel Universal [Электронный ресурс] // [Kansas City, 2005]. URL: <http://www.amuniversal.com> (дата обращения: 22.02.2011).
- 36 Об этом см.: *Kotkin S.* Myth of the New Cold War / Prospect Magazine. 2008. Issue 145. April [Электронный ресурс] // Prospect Magazine. [L., 2008]. URL: <http://www.prospect-magazine.co.uk> (дата обращения: 22.02.2011).
- 37 Напомню, что после развала СССР в период очередного «крестового похода» за создание «Соединенных Штатов России» американские ученые, политики и журналисты с энтузиазмом включились в разработку особого направления россиеведения, получившего название «транзитология». Оно укладывалось в либерально-универсалистский дискурс о России как страны, народ которой готов следовать западной модели развития и достаточно легко совершить с помощью США переход к рыночной экономике и либеральному обществу. Об этом подробнее см.: *Козн С.* Провал крестового похода США и трагедия постком-

- мунистической России. М.: АИРО-XX, 2001. С. 22–42; *Foglesong D., Hahn G.* Ten Myth About Russia: Understanding and Dealing with Russia's Complexity and Ambiguity // *Problems of Post-Communism*. 2002. Vol. 49. No 6. P. 3–15.
- 38 The Philadelphia Inquirer. 1903. May 17. Опубликовано в: *Журавлёва В.И., Фоглесонг Д.С.* Конструирование образа России. С. 240.
- 39 Judge. 1904. January 23 (обложка). Об образе Николая II подробнее см.: *Журавлёва В.И.* Образ Русской революции в американской политической карикатуристке. С. 161–163, 166–168.
- 40 The Chicago Daily Tribune. 1905. March 6.
- 41 Time. 1940. January 1. Опубликовано в: *Журавлёва В.И., Фоглесонг Д.С.* Конструирование образа России. С. 243.
- 42 Там же. С. 244.
- 43 The Knickerbocker News. 1952. June 10. Опубликовано в: *Drawing the Iron Curtain: Cold War Cartoons, 1946–1960*. Washington: The Library, 1996.
- 44 The Christian Science Monitor. 1976. October, 28.
- 45 The Philadelphia Inquirer. 1988. May 25. Опубликовано в: *Журавлёва В.И., Фоглесонг Д.С.* Конструирование образа России. С. 247.
- 46 The Chicago Daily Tribune. 1988, May 31. Опубликовано в: *Журавлёва В.И., Фоглесонг Д.С.* Конструирование образа России. С. 248.
- 47 The Washington Post. 1991. January 16.
- 48 Об эволюции образа Ельцина в США подробнее см.: *Баталов Э.Я., Журавлёва В.Ю., Хозинская К.В.* «Рычащий Медведь» на «Диком Востоке». Образы современной России в работах американских авторов. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. С. 212–225.
- 49 *Коэн С.* Указ. соч. С. 27–35.
- 50 Сходное по содержанию изображение см.: The Los Angeles Times. 1991. August, 22.
- 51 The St. Louis Post-Dispatch. 1991. August 22.
- 52 The Christian Science Monitor. 1993, October, 8. Опубликовано в: *Журавлёва В.И., Фоглесонг Д.С.* Конструирование образа России. С. 250.
- 53 Universal Press Syndicate, February 17, 1995 / Andrews McMeel Universal [Электронный ресурс] // [Kansas City, 1995]. URL: <http://www.amuniversal.com> (дата обращения: 22.02.2011).
- 54 Universal Press Syndicate, January 12, 1995 / Andrews McMeel Universal. // [Kansas City, 2005]. URL: <http://www.amuniversal.com> (дата обращения: 22.02.2011).
- 55 *Aron L.* Is Russia Really «Lost»? / *Russian Outlook*. 1999. Fall // American Enterprise Institute. [Washington, 1999]. URL: <http://www/aei/org/ro/ro10999.htm> (дата обращения: 22.02.2011).
- 56 Об образе В.В. Путина на Западе подробнее см.: *Рукавишников В.* Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/ России, внешней политике и безопасности Запада. М.: Академический проект, 2005. С. 786–796; *Foglesong D.S.* The American Mission and the “Evil Empire”. P. 219–229.

- ⁵⁷ *Brzezinski M.* Casino Moscow: A Tale of Greed and Adventure on Capitalism's Wildest Frontier. N.Y.: Free Press, 2001. P. 186, 268, 311.
- ⁵⁸ *Kristof N.* The Poison Puzzle // The New York Times. 2004. December, 15; *Brzezinski Z.* Moscow's Mussolini // Wall Street Journal. 2004. September 20.
- ⁵⁹ См., например, карикатуры Дж. Данзигера, Б. Сарджента, С. Сантиса и Б. Д'Оре за 1999–2005 гг. (*Foglesong D.S.* The American Mission and the "Evil Empire." P. 225 (Note 31)).
- ⁶⁰ Сходное по содержанию изображение см.: The Los Angeles Times. 1991. August 22.
- ⁶¹ Universal Press Syndicate, 2005 / Andrews McMeel Universal [Электронный ресурс] // [Kansas City, 2005]. URL: <http://www.amuniversal.com> (дата обращения: 22.02.2011).
- ⁶² The New York Times Syndicate. 2005. May 10.
- ⁶³ Copley News Service. 2007. June 6.
- ⁶⁴ *Montefiore S.S.* His Place in History // Time. 2007. December, 18; *Thornburgh N.* In Search of Russia's Big Idea // Time. 2007. December 17.
- ⁶⁵ The New York Times Syndicate. 2006. February 25.
- ⁶⁶ The Buffalo News. 2008.
- ⁶⁷ In Czar Peter's Footsteps // The New York Times. 2010. May 28.
- ⁶⁸ *Kotkin S.* Myth of the New Cold War / Prospect Magazine. 2008. Issue 145. April [Электронный ресурс] // Prospect Magazine. [L., 2008]. URL: <http://www.prospect-magazine.co.uk> (дата обращения: 22.02.2011).

«ВЫ ХОТИТЕ ВСТАТЬ
ПОД ЗАЩИТУ АМЕРИКАНСКОГО ФЛАГА?
ТОГДА ВЫ ПОЛУЧИТЕ ЕЕ!»:
«ДЕЛО КОШТЫ» В ОСВЕЩЕНИИ ГАЗЕТЫ
«THE NEW YORK TIMES»

В статье рассматривается, преимущественно по материалам газеты «New York Times», реакция нью-йоркской общественности на действия командира военного корабля США Д. Инграхема по освобождению венгерского иммигранта М. Кошты в Смирне (Турция). Оценки участников митинга, организованного в поддержку действий Инграхема (сентябрь 1853 г.), «дела Кошты» отражали их национальное сознание, политические пристрастия, понимание американской мессианской идеи.

Ключевые слова: дипломатия США, общественное мнение, американские иммигранты, Мартин Кошта, Данкан Инграхем, Уильям Марси.

После завершения войны с Мексикой в 1848 г., аннексии Техаса и Калифорнии территория североамериканской республики увеличилась почти вдвое; Соединенные Штаты вышли к Тихому океану. Широкий отклик в США получили европейские революции 1848–1849 гг. Благодаря новым средствам коммуникации, в частности, телеграфу, установлению регулярного пароходного сообщения между Старым и Новым Светом, появлению дешевых периодических изданий, так называемых «пенни-пресс», Америка и Европа становились все ближе друг к другу. Мировое пространство, казалось, сжималось, а время ускоряло свой ход. Международная обстановка, как представлялось многим американцам, позволяла США претендовать на иную роль в мире.

Революции в Европе вызвали массовую эмиграцию в Соединенные Штаты – около половины жителей Нью-Йорка в середине XIX в. составляли люди, родившиеся за пределами североамериканской республики. Значительный резонанс получил произошедший в 1853 г. инцидент с венгром Мартином Коштой, сподвижни-

ком лидера мадьярского национально-освободительного движения Лайоша Кошута (последний в декабре 1851 – июле 1852 г. находился с визитом в США). После интервенции России в Венгрию в 1849 г. и помощи Австрии в подавлении революции Кошута, как и Кошут, бежал в Османскую империю – султан отклонил требования Вены и Петербурга о выдаче мадьярских революционеров. В 1851 г. Кошута эмигрировал в заатлантическую республику и проживал в Нью-Йорке. В следующем году он подал заявление о намерении стать гражданином США. 21 июня 1853 г. в Смирне (современный Измир) на территории Османской империи, куда молодой венгр отправился в деловую поездку, по распоряжению генерального консула Австрии Кошута был захвачен и заключен под стражу на австрийском военном бриге «Гусар» на основании того, что являлся подданным Вены. Обстановка стала особенно напряженной после того как 23 июня сочувствовавшие Кошуте завсегдакаи кафе (среди них видную роль играли итальянские и венгерские иммигранты), около которого был похищен молодой венгр, совершили нападение на австрийских офицеров с «Гусара».

2 июля 1853 г. Данкан Инграхем (уроженец г. Чарлстона в Южной Каролине), командир военного корабля «Сент-Луис», оказавшегося в это время в порту Смирны, получив распоряжение поверенного в делах США в Константинополе Дж. Брауна, по существу предъявил ультиматум капитану «Гусара». В случае отказа выдать мадьяра, заявил Инграхем, он откроет огонь и возьмет бриг силой. Опасаясь кровопролития и принимая во внимание возможное недовольство венского двора, австрийский консул дал указание освободить Кошуту. Последний был направлен в генеральное консульство Франции, где находился в течение нескольких месяцев до отправления в США в октябре 1853 г. Поверенный в делах Вены в Вашингтоне выразил протест против действий Инграхема. Сам Инграхем разыгрывал «национальную» карту: по его словам, он не мог «скомпрометировать американский флаг». «Как бы я посмотрел в лицо американскому народу, – утверждал он, – если бы позволил казнить гражданина (США. – М. С.) и не использовать власть, которой я обладал, чтобы защитить его...»¹.

Этот дипломатический инцидент явился предметом изучения ряда исследователей². Меньшее внимание было уделено его восприятию в американском общественном мнении. В данной статье ставится задача проследить, преимущественно по материалам газеты «New York Times»³, реакцию нью-йоркской общественности на действия Инграхема.

«New York Times» придавала большое значение «делу Кошуты». В газете подробно рассказывалось о грандиозной демонстрации в

«Вы хотите встать под защиту американского флага? Тогда вы получите ее!»...

честь Инграхема, которая состоялась в Нью-Йорке 22 сентября 1853 г. Корреспондент «New York Times» оценивал количество присутствовавших в начале мероприятия в 5 тыс., а в конце – в 6 тыс. человек. В митинге приняли участие многие европейские иммигранты. На сцене развевались флаги США, Венгерской и Римской республик, французский «красный» республиканский флаг со словами: «Свобода, равенство, братство», «Социалистический союз». Инграхема приветствовали как героя; были единодушно одобрены резолюции, восхвалявшие его смелость, решительность, его «американский дух». Все были полны энтузиазма; играл оркестр. Как только к концу вечера раздалась звуки «Марсельезы», «все встали, махали шляпами и платками». Действия Инграхема, понятно, вызвали у иммигрантов всплеск патриотических чувств. Многие из них, «поколение 1848 года», – немцы, ирландцы, итальянцы, венгры, поляки, лишенные на родине собственной государственности, участники движений «Молодая Ирландия», «Молодая Италия», «Молодая Европа», испытывали трепетное отношение к «принципу национальности».

Было принято решение о создании Комитета по разработке дизайна золотой медали в честь Инграхема. Его состав был разнородным. В него вошли как ряд уроженцев США, так и европейские иммигранты, к примеру, кандидат в президенты США от партии фрисойлеров в 1852 г., сенатор (1847–1853) Джон П. Хейл; англичанин Хью Форбес, профессиональный военный, в дальнейшем связанный, по некоторым данным, со знаменитым аболиционистом Джоном Брауном; участник карбонарского движения в Италии, профессор итальянского языка в Колумбийском и Нью-Йоркском университетах в 1839–1856 г. Феликс Форести. В состав комитета были включены также Гаспар Бетанкур Сиснерос – кубинский писатель, проживавший в это время в Нью-Йорке; молодой юрист Генри Моранж, уроженец Пруссии, получивший в 1849 г. гражданство США; инженер Джулиус Крохл, Джон МакМаллен, и другие.

Многие были убеждены в том, что наступила новая эпоха, характеризующаяся тем, что Соединенные Штаты вошли в число держав первого ранга; говорили о возросшем американском влиянии в Европе. Американская нация рассматривалась как важная составляющая некоего содружества наций, «общей семьи народов». Она даже порой наделялась некоторыми чертами, придающими ей сходство с человеческим существом. Европейские государства, повторяли выступавшие, должны уважать международное право, ведь «право народов» – это естественное право. Подчеркивалась молодость республики, ее прогресс. Как отмечал корреспондент «New York Times», митинг явился примером «Молодой Америки

и Молодой Европы, действующих в едином порыве, выражающих одни и те же чувства и руководствующихся теми же задачами»⁴.

Вскоре после нью-йоркской демонстрации, 26 сентября 1853 г., государственный секретарь Уильям Марси, искушенный политик⁵, в своем послании поверенному в делах Австрии в Вашингтоне И.-Г. Хюльземану, известном как «письмо Хюльземану» (по иронии судьбы так же вошло в историю послание Даниеля Уебстера от 21 декабря 1850 г.⁶), признает действия Инграхема «правильными и своевременными». Он распространяет «принцип национальности» на внешнюю политику, связывая его с правами американских граждан за рубежом. Кошта проживал в США и выразил намерение стать гражданином, подчеркивает госсекретарь, и поэтому перестал быть подданным Австрии, имея «национальность Соединенных Штатов» («invested with the nationality of the United States»). В устах Марси национальный флаг приобретает символическое значение: все европейские иммигранты, пусть даже еще полностью не натурализованные, оказавшись за границей, могут претендовать на его защиту. Делается акцент на включение их в число американских граждан, на единство нации. Позднее ряд членов Комитета, некоторые современники обвиняли госсекретаря в стремлении извлечь политические дивиденды из дипломатического инцидента в Смирне в преддверии ноябрьских 1853 г. выборов в органы власти штата Нью-Йорк. В дальнейшем, как они утверждали, Марси не откликнулся на дело немецкого иммигранта, аналогичное делу Кошты. С их точки зрения, послание от 26 сентября было составлено под давлением общественного мнения и не отражало взглядов самого государственного секретаря⁷.

Президент США Франклин Пирс в своем первом ежегодном послании Конгрессу 5 декабря 1853 г. также указывает на незаконность захвата Кошты, поддерживая «энергичные» шаги Инграхема. Он оправдывает действия капитана «Сент-Луиса» тем, что молодой венгр «обладал национальностью Соединенных Штатов». К доводу о защите «великого принципа нашей национальности» прибегали и некоторые члены Конгресса, обсуждавшие в начале 1854 г. содержание резолюций с выражением благодарности Инграхему. В конечном итоге 4 августа 1854 г. они были одобрены обеими палатами. За проявленную «храбрость» капитан был награжден золотой медалью с дарственной надписью от президента США. Вот как описывается эта медаль: на аверсе (дизайн С. Истмена) изображены на фоне бухты в Смирне противостоящие друг другу военные корабли «Сент-Луис» и «Гусар». На венке из дубовых и лавровых веток на обратной стороне медали располагается американский орел с раскинутыми крыльями (художник – главный гравер Монетного двора США Дж. Лонгакр)⁸.

«Вы хотите встать под защиту американского флага? Тогда вы получите ее!»...

Самому понятию «национальность» придается политический смысл. Оно ассоциируется с принципом народного суверенитета, политическими институтами, влиянием общественного мнения. Характер эпохи, считают многие участники демонстрации 22 сентября, определяется идеологическим конфликтом между абсолютизмом и демократией. «Варварская» Австрия нередко изображается союзницей России, оплота деспотизма в Европе, и противопоставляется свободолюбивым странам «западного мира». В официальном документе о политике администрации США в отношении американских граждан за границей, подготовленном в связи с инцидентом в Смирне, его автор, Томас Девин Райлли⁹, выражает возмущение: «никакие коронованные особы», «никакие герцоги или эрцгерцоги», не могут рассматривать американских граждан как своих «рабов или подданных». Выдвигается довод о национальном «унижении», о нанесении Веней «оскорбления» Соединенным Штатам¹⁰.

Резко русофобскую позицию занимает Чарльз Фредерик Хеннингсен¹¹, также ставший членом Комитета по разработке дизайна золотой медали в честь Инграхема. В своих письмах на имя Х. Форбеца он рисует Российскую империю темными красками и приходит к заключению, будто «российская тирания самая деспотичная в мире» – эта идея проводилась и в других его сочинениях. Хеннингсен постоянно ассоциирует Россию с Востоком, причем ее «ориентализация» вписывается в понятие «Востока», в конце XVIII – первой половине XX в. конструировавшееся, как было показано Эдвардом Саидом в его ставшем классическим исследовании, преимущественно британскими и французскими путешественниками. Это действительно было в известной степени, если воспользоваться терминологией американского культуролога Ларри Вульфа, «изобретение Восточной Европы», в том смысле, что оно отражало поиски национальной идентичности самого Запада¹². Тезис об «азиатскости» Петербурга используется Хеннингсеном в преддверии Крымской войны для конструирования враждебного «Другого». Османская империя, как правило, не включается им в понятие «Восток»: Порты (на ее стороне также польские, венгерские, итальянские изгнанники) якобы встала на путь цивилизации, готова к диалогу с Западом; турецкий режим менее тиранический, нежели христианский деспотизм царя. Османская империя по существу выступает союзником «либеральной Европы» в борьбе против «общего врага» в грядущей неминуемой войне¹³.

Как показывают материалы «New York Times», в представлении многих европейских иммигрантов, принявших участие в митинге в поддержку Инграхема, национальная идея претендует на всеобщую значимость, на универсалистское понимание «братства»

народов. Содержатся призывы к оказанию помощи европейским демократам, к учреждению всемирной республики. Ирландский патриот, участник «Молодой Ирландии» Майкл Дохени (занимался в Америке журналистской деятельностью, юридической практикой) предлагает противопоставить Священному союзу монархов «конгресс народов». Один из французских иммигрантов перефразирует слова, будто бы произнесенные послом Испании во Франции при принятии испанской короны внуком Людовика XIV герцогом Анжуйским, под именем Филиппа V (объединение двух корон по существу спровоцировало войну за испанское наследство 1701–1714 гг.): «Пиренеи больше не существуют», как: «Не существует более океана», разделяющего континенты. Подчеркивается общность идей Американской и Французской революций, Г. Моранжем проводятся аналогии между борьбой угнетенных народов Старого Света против абсолютизма в середине XIX в. и Войной за независимость (причем последняя в дальнейшем, в интерпретации членов Общества, приобретает радикальный характер¹⁴). Некоторые члены вашингтонского кабинета, возмущались позднее члены Комитета, имели намерение «охладить пыл» участников митинга.

Определенный альтруизм, интернационализм участников демонстрации перекликается с идеей особой миссии североамериканской республики (в этом смысле можно провести параллели с революционным мессианством французов¹⁵), доктриной «предопределения судьбы» («Manifest Destiny»). Многие из них склонны ставить в один ряд войну против деспотизма в Старом Свете и борьбу североамериканской республики против европейского присутствия в Западном полушарии. Отстаивается право Соединенных Штатов вершить судьбы двух Америк. «Молодые» демократы выступают ярыми экспансионистами, считают возможным нести свободу другим народам и с оружием в руках, пытаются извлечь экономические выгоды от расширения торговли с другими странами. Поддерживаются флибустьерские экспедиции, в частности на Кубу, – Бетанкур Сиснерос, кубинский политик Порфирио Валиенте ратуют за аннексию «жемчужины Антиль» и включение ее в состав США. К организации флибустьерских экспедиций был причастен и Хеннингсен¹⁶.

Собственно, именно из идеи об универсальности политических институтов по образцу США исходили члены «Общества за установление всемирной демократической республики» (Society of universal democratic republicanism), в котором значительную роль играли европейские иммигранты. Костяк этого Общества составили активисты Комитета в поддержку Инграхема, организовавшие демонстрацию в «великом городе» 22 сентября. Первое заседание

«Вы хотите встать под защиту американского флага? Тогда вы получите ее!»...

Общества состоялось 27 октября 1853 г. (председатель – Дж. Мак-Маллен, в числе присутствующих – Хейл, Бетанкур, Форести, Форбес, зачитывается письмо от Хеннингсена); в конце 1853 – первой половине 1854 гг. его заседания проводились примерно два раза в месяц. Целью Общества объявлялось «быстрое распространение республиканизма по всему миру, что ускорит установление всемирной демократии» (термин «всемирная демократия» был заменен на «всемирную демократическую республику»). Ставилась задача выявлять все случаи нарушения прав американских граждан за пределами Соединенных Штатов, устанавливать контакты между иммигрантами из разных стран¹⁷.

Яркой иллюстрацией американской мессианской идеи в ее понимании участниками демонстрации в поддержку Инграхема является золотая медаль в его честь, дизайн которой обсуждался на заседании Комитета 13 октября 1853 г. в доме Г. Моранжа. Ее изготовление было поручено Фредерику Кассали. Как рассказывал корреспондент «New York Times», на лицевой стороне медали предполагалось изобразить на фоне бухты Смирны, американского и австрийского кораблей, лодки с Коштой, фигуру Америки с диадемой на голове, которая с покровительственным видом одной рукой указывает в сторону венгра, а другой – достает копье с пьедестала, увенчанного фригийским колпаком свободы. Изображение обрамляет венок, на котором написаны следующие слова: «Вы хотите встать под защиту американского флага? Тогда Вы получите ее!». На обратной стороне медали «американский орел восседает на земном шаре», над его головой – восходящее солнце¹⁸. Таким образом, «миссия» США здесь толковалась в более широком смысле, нежели у С. Истмена, дизайнера аверса золотой медали Конгресса.

По словам Монтгомери Мейгза, руководившего в качестве главного инженера работами по расширению здания Капитолия, выполненная Кассали медаль, хотя и не являлась «великим произведением искусства», «намного превосходила» по своему исполнению медаль, изготовленную по решению Конгресса. Образец своей медали в честь Инграхема Кассали продемонстрировал Мейгзу, когда в 1855 г. пришел к последнему в поисках работы (в дальнейшем вплоть до своей смерти в 1857 г. Кассали руководил работами в литейной Капитолия, и Мейгз его очень высоко оценивал)¹⁹.

Ироничное отношение к подобной интерпретации миссии Америки отражает карикатура под названием «Полька Молодой Америки» (1853), представляющая обложку нотной записи польки, «посвященной капитану Инграхему, храброму освободителю Кошты». На ней на фоне бухты молодой жизнерадостный юнга, взбирающийся по флагштоку, прибывает к нему гвоздями амери-

канский звездно-полосатый флаг. Флагшток увенчан фригийским колпаком свободы²⁰.

1850-е годы были, как известно, десятилетием, предшествовавшим Гражданской войне в США. Но лишь известный аболиционист, реформатор Геррит Смит, избранный в нижнюю палату Конгресса от партии фрисойлеров, связывает «дело Кошты» с проблемой рабства. Он делает акцент на «национальности американского рабства»: «особый институт», подчеркивает он, находит своих защитников не только на Юге, но и на Севере, само правительство США служит интересам рабовладельцев. Согласно Смиту, в дипломатической переписке госсекретарь, говоря о деспотизме Австрии, тщательно избегал всяких ссылок на угнетение, ведь они могли бы навести на параллели с Соединенными Штатами. По словам аболициониста, «наш деспотизм низводит миллионы мужчин, женщин и детей до положения скота»²¹. Выступая на митинге 22 сентября, Джон П. Хейл обращает внимание на роль общественного мнения: правительство США не в Вашингтоне, восклицает он, а здесь, в Нью-Йорке, где собрались тысячи людей. Однако, судя по материалам «New York Times», кандидат в президенты от партии фрисойлеров в 1852 г. ни словом не обмолвился об «особом институте». По-видимому, он учитывал состав аудитории: в Нью-Йорке отнюдь не все участники демонстрации, одобрявшие действия Инграхема, были противниками системы рабства.

Реакция нью-йоркской общественности на действия капитана Д. Инграхема в Турции продемонстрировала высокий уровень ее национального сознания, ее политические пристрастия. Дизайн золотой медали в честь Инграхема, изготовленной по инициативе участников митинга в Нью-Йорке 22 сентября 1853 г., отразил их понимание американской мессианской идеи, «принципа национальности» в международных отношениях. В условиях подготовки и начального периода Крымской войны формировался враждебный образ России – не-Запада.

В последнее время ряд американских историков приходит к выводу о том, что после того, как Кошут покинул Новый Свет, произошла определенная консолидация общества в Соединенных Штатах. Большинство американцев стало склоняться к мысли об уникальности политического опыта США²². Однако как показывают отклики нью-йоркской общественности на дипломатический инцидент в Смирне в 1853 г., и после поражения революционного движения в Старом Свете многие европейские иммигранты, некоторые американцы делали акцент на общности принципов Американской и Французской революций, проводили параллели между европейскими революциями середины XIX столетия и Войной за

независимость. Вскоре, правда, внимание привлекли внутренние проблемы: в январе 1854 г. сенатор-демократ из штата Иллинойс С. Дуглас внес билль Канзас–Небраска, предлагавший самому населению территорий решать вопрос о рабстве. Вне зависимости от намерений автора законопроекта этот билль послужил толчком к обострению борьбы по проблеме рабства и, фактически, – шагом к Гражданской войне.

Примечания

- ¹ *Koszta M.* Correspondence, etc. United States. Dept. of State. Washington: A.O.P. Nicholson, 1854. P. 4. [Электронный ресурс] // Internet Archive. [Washington, 2008]. URL: <http://www.archive.org/details/martinkosztacor-00unit> (дата обращения 26.01.2011).
- ² См. подр.: *Klay A.* Daring Diplomacy: The Case of the First American Ultimatum. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1957. 246 p.; *Long D.F.* Gold Braid and Foreign Relations: Diplomatic Activities of U.S. Naval Officers 1798–1883. Annapolis: University of Minnesota Press, 1988. P. 187–190; *Buhite R.D.* Lives at Risk: Hostages and Victims in American Foreign Policy. Wilmington: Scholarly Resources Inc., 1995. P. 29–35.
- ³ Ее редактора Генри Рэймонда поддерживало руководство партии вигов. – *Алентьева Т.В.* Американская журналистика в первой половине и середине XIX века. Курск: КГУ, 2008. С. 64; *Davis E.* History of The New York Times 1851–1921. N.Y.: Press of J.J. Little & Ives Co, 1921. P. 16–17.
- ⁴ New York Times. 1853. Sept. 23, 24.
- ⁵ Губернатор штата Нью-Йорк в 1833–1839 гг., военный министр в кабинете Дж. Полка (1845–1849). В 1848 г. при расколе нью-йоркской Демократической партии являлся одним из лидеров группировки консервативных демократов-ханкеров, противников барнбернеров (последние влились затем в партию фрисойлеров). После возвращения большинства барнбернеров в ряды демократов Марси возглавил фракцию «соглашателей» (soft-shells), сторонники которой высказывались за примирение с «раскольниками». Один из кандидатов в президенты США в 1852 г.
- ⁶ См.: *Курилла И.И.* Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. Волгоград: ВолГУ, 2005. С. 93–95.
- ⁷ New York Times. 1853. October 14; 1854. January 26; *Carroll A.E.* A Review of Pierce Administration; showing its only popular measures to have originated with the executive of Millard Fillmore. Boston; N.Y.: J. French & Company, Miller, Orton & Mulligan, 1856. P. 37–38.
- ⁸ *Richardson J.D.* A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents: In 20 vol. N.Y.: Government Printing Office, 1897. Vol. 6. P. 2743; Congressional Globe. 33rd Congress. 1st Session. P. 149–151, 2132; 33rd Congress. 1st Session. Appendix.

- P. 81–84; *Snowden J.R.* A Description of the Medals of Washington. Philadelphia: J.V. Lippincott & Co, 1861. P. 92.
- ⁹ Член «Молодой Ирландии» (примыкал к ее радикальному крылу, возглавлявшемуся Дж. Митчелом), Райлли после неудачного восстания 1848 г. бежал в Америку. В 1852 г. он входил в редакцию журнала «United States Magazine and Democratic Review», отражавшего взгляды движения «Молодая Америка». Его сторонники высказывались в поддержку революций в Европе, за территориальную и торговую экспансию Соединенных Штатов. В 1853 г. Райлли работал в министерстве внутренних дел США.
- ¹⁰ New York Times. 1853. September 23; *Mitchel J.* Memoir of Thomas Devin Reilly: A Lecture Delivered by John Mitchel, in the Tabernacle, New York, on Dec. 29th, 1856. N.Y.: P.M. Haverty, 1857. P. 42–49.
- ¹¹ Он родился в 1815 г. в Англии. В конце 1840-х годов Хеннингсен, сподвижник Кошута, участвовал в венгерском национально-освободительном движении, а в 1851 г. эмигрировал в США. В 1852 г. сотрудничал с журналом «Democratic Review».
- ¹² *Said E.W.* Orientalism. L.: Penguin Books, 1978; *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.; см. также: *Журавлёва В.И.* Изучение имагологии российско-американских отношений по обе стороны Атлантики: итоги и перспективы // Американский ежегодник 2008/2009 / Отв. ред. В.В. Согрин. М., 2010. С. 148–150.
- ¹³ New York Times. 1853. October 28, November 11; *Henningsen C.F.* Revelations of Russia in 1846, by an English Resident: In 2 vol. 3 ed. L.: Henry Colburn, 1846. Vol. 1. P. 26–27, 249, etc; [*Idem.*]. Eastern Europe and the Emperor Nicholas: In 3 vol. L. T.C. Newby, 1846. Vol. 1. P. 154–155.
- ¹⁴ New York Times. 1854. April 12.
- ¹⁵ См. напр.: *Медяков А.С.* История международных отношений в Новое время. М., 2007. С. 87–88; Европейские революции 1848 года «Принцип национальности» в политике и идеологии / Отв. ред. С.М. Фалькович. М.: Индрик, 2001. С. 10–11; и др.
- ¹⁶ *Lazo R.* Filibustering Cuba: Cecilia Valdés and a Memory of Nation in the Americas // American Literature. March 2002. Vol. 74. No 1. P. 11–12. Литература о флибустьерском движении обширная. См.: Cuban Filibuster Movement (1849–1856) [Электронный ресурс] // Latin American Studies: [N.Y., 2009]. URL: <http://www.latinamericanstudies.org/filibusters.htm> (дата обращения: 13.01.2011).
- ¹⁷ New York Times. 1853. October 28.
- ¹⁸ Ibid. 1853. October 14; November 23.
- ¹⁹ *Meigs M.C.* Capitol Builder: The Shorthand Journals of Montgomery C. Meigs, 1853–1859, 1861 / Ed. by W. Wolff. Washington: Government Printing Office, 2001. P. 262. // U.S. Government Printing Office. [Washington, 2001]. URL: <http://www.gpo.gov/congress/senate/meigs> (дата обращения: 13.01.2011).

- ²⁰ Young America polka. Cartoon Prints, American. Library of Congress. [Washington, 2001]. URL: <http://www.loc.gov/pictures/collection/app/item/2008661568/?sid=bfa7e64b01a220f39b5ba65e2b18d447> (дата обращения: 13.01.2011).
- ²¹ *Smith G.* Speech of Gerrit Smith, in Congress, on the Reference of the President's Message. December 20, 1853. Washington: Buell and Blanchard, 1853. P. 4–8 [Электронный ресурс] // Internet Archive. [Washington, 2008]. URL: <http://www.archive.org/details/speechofgerritsm00smit> (дата обращения: 13.01.2011).
- ²² *Morrison M.A.* American Reaction to European Revolutions, 1848–1852: Sectionalism, Memory, and the Revolutionary Heritage // *Civil War History*. 2003. Vol. 49. No 2. P. 131–132; *Roberts T.M., Howe D.W.* The United States and the Revolutions of 1848 // *The Revolutions in Europe 1848–1849: From Reform to Reaction* / Ed. by R.J. W. Evans and H. Pogge von Strandmann. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. P. 177–178.

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ
ИЗ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН
В ВУЗАХ СССР (1956–1964):
ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается процесс становления правовой базы академического обмена между СССР и социалистическими странами в период «оттепели». Прослеживается корреляция между развитием академических отношений и изменениями геополитической обстановки.

Ключевые слова: иностранные студенты, СССР, социалистические страны, двусторонние соглашения, академический обмен.

Одной из линий академического сотрудничества СССР с иностранными государствами стало заключение двусторонних межгосударственных соглашений. Первыми странами, с которыми были подписаны такие договоры, стали страны социалистического лагеря. Это было обусловлено внешнеполитическими интересами СССР и геополитической ситуацией того времени.

Подготовка кадров высшей квалификации стала одним из инструментов усиления влияния СССР в странах социалистического лагеря. Оценивая «всемерное расширение международных контактов и связей по всем линиям», среди прочих Н.С. Хрущев выделял «расширение обмена студентами»¹.

В разных странах различным был не только уровень развития высшего образования, но и университетские традиции формирования местных элит². Ряд стран таких традиций вовсе не имели. Европейские страны к середине XX в. имели университеты подчас с многовековой историей. Например, Пражский (Карлов) в Чехии, Софийский университет имени Климента Охридского в Болгарии, Бухарестский университет в Румынии и др. В ряде азиатских стран система высшего образования начинала строиться практически с нуля. В колониальном Вьетнаме Ханойский университет основан в

1918 г. колониальными властями Французского Индокитая. Языком преподавания служил французский.

Однако восточная часть европейского континента в середине XX в. оставалась ее экономической периферией. За исключением ЧСР страны, вступившие на путь форсированной индустриализации по советскому образцу, представляли собой регион сельского типа с высоким аграрным перенаселением и низкими показателями грамотности. Если в преимущественно аграрной Польше и Венгрии существовал промышленный потенциал, то балканские государства – Югославия, Болгария, Румыния и Албания – классифицировались как типично крестьянские.

Учитывая культурную специфику, социалистические страны логично разделить на западные и восточные. Разделение обосновывается не только географией и культурной спецификой, не только ситуацией, обусловленной ходом «холодной войны», но и спецификой реализации социалистического проекта модернизации, формированием элит, влиянием на них национальных традиций, закладываемых, в том числе, и системой высшего образования.

Страны, в том числе и народной демократии, различались по внутреннему климату отношения к СССР. Если в странах Восточной Европы СССР сталкивался с недовольством местного населения социализмом (например, события в Венгрии и Польше 1956 г.), то азиатские страны (Корея, Вьетнам) стали ареной военного противостояния СССР и США.

Эти особенности сказывались на специфике формирования правовых основ обучения иностранных студентов, аспирантов, практикантов в вузах СССР.

Практика обучения студентов, например из Болгарии, в советских вузах началась еще до окончания Второй мировой войны. До восстановления дипломатических отношений 9 января 1945 г. политическое представительство Болгарии по поручению Министерства народного просвещения просило НКВД СССР предоставить болгарским гражданам возможность обучения в вузах СССР³. НКВД нотой 8 марта 1945 г. сообщил о наличии такой возможности⁴.

Студенты обучались в соответствии с соглашениями о культурном сотрудничестве или с соглашениями об обучении граждан в высших гражданских вузах СССР между Правительством СССР и правительствами социалистических стран, подписанными в 1952 г. (с Демократической Республикой Вьетнам – в 1955 г.).

После XX съезда прошла череда подписаний новых соглашений. И хотя они заключались в атмосфере «оттепели», составлялись на основе прежнего типового соглашения между Правительством

СССР и правительствами стран народной демократии об обучении их граждан в вузах СССР, утвержденном постановлением Совета Министров СССР 1 февраля 1952 г. № 584–184 с.

К 1960 г. возникли разногласия в мировом коммунистическом и рабочем движении. Основными оппонентами стали коммунистические партии Китая и СССР, что отразилось на отношениях между Албанией и СССР. Сотни албанских студентов начали обучаться в советских вузах⁵. 3 мая 1956 г. в Москве подписано Соглашение о культурном сотрудничестве между СССР и Албанией сроком на 5 лет. Оно вступало в силу с момента подписания и предполагало взаимное направление студентов, аспирантов и курсантов на обучение и специализацию (ст. 2)⁶. Однако курс Н.С. Хрущева на десталинизацию и его попытки в конце 1950-х годов наладить мирное сосуществование с Западом, улучшить советско-югославские отношения, встревожили албанские власти. Когда в 1960 г. развернулась острая идеологическая и политическая дискуссия между СССР и КНР, Албания поддержала последнюю. В декабре 1961 г. Албания прервала дипломатические отношения с СССР, с 1962 г. прекратила сотрудничество с СЭВ. Прекратился и обмен студентами⁷.

Соглашения о культурном сотрудничестве между СССР и Болгарией от 28 апреля 1956 г., между СССР и Венгерской Народной Республикой от 28 июня 1956 г., между СССР и Румынской Народной Республикой от 7 апреля 1956 г. вступали в силу с момента подписания⁸. Конвенция о культурном сотрудничестве между СССР и СФРЮ подписана в Москве 17 мая 1956 г., вступила в силу после обмена ратификационными грамотами в Белграде 31 июля 1956 г. 21 февраля 1958 г. на основе прежнего Соглашения от 26 апреля 1956 г. заключено Соглашение между правительствами СССР и ГДР о взаимном обмене студентами, аспирантами и стажерами, вступавшее в силу 1 сентября 1958 г.⁹ В этих соглашениях среди прочих предусматривался и студенческий обмен¹⁰, что существенно отличало их от соглашений 1952 г. Соглашения носили характер манифеста, больше подтверждающего политическую близость режимов.

Согласно постановлению Совета Министров СССР от 8 мая 1956 г. (№ 595–352 с) количество студентов из стран народной демократии определялось МВО СССР по согласованию с Госэкономкомиссией СССР и МИД СССР. До 1956 г. численность студентов и аспирантов, принимаемых в вузы СССР, ежегодно утверждалась Советом Министров СССР¹¹.

Таким образом, был установлен формат взятых обязательств. Необходимыми условиями направления студентов на обучение в СССР являлось состояние здоровья студентов, образование,

необходимое для поступления в вузы своей страны и, как правило, обучение в нем, по крайней мере, в течение одного года. Для аспирантов – законченное высшее образование, способность к самостоятельной научной деятельности.

На аспирантов и студентов распространялись правила, установленные для аспирантов и студентов СССР, за исключением предусмотренных конкретным соглашением. Обучение проводилось в соответствии с действующими учебными планами СССР, в полном или в частичном объеме и в более короткие сроки, которые подлежали согласованию.

Материальный вопрос решался следующим образом: СССР выплачивал аспирантам и студентам стипендии в размерах, согласованных сторонами. Студенты получали стипендию в размере 500 руб. в месяц, аспиранты – 900 руб., кроме китайских аспирантов. Они «по просьбе китайской стороны» получали 700 руб.

Стороны взаимно возмещали расходы на основе представленных счетов два раза в год: за первую половину года – в октябре текущего года, за вторую – в апреле следующего. СССР брал на себя расходы по обучению, прохождению практики, проезду от столицы принимающей страны до предусмотренного места учебы, расходы на поездки внутри страны, связанные с обучением. Студенты и аспиранты размещались в общежитиях на одинаковых условиях с аспирантами и студентами СССР.

В соглашениях имелись и некоторые отличия, так, например, в Соглашении с ЧСР оговаривалось и предоставление аспирантам, направляемым на обучение, возможность публикации кандидатских работ в СССР и в ЧСР. В нем же оговаривалось, что его положения распространены на учащиеся средних специальных учебных заведений. Соглашение вступило в силу 14 января 1958 г.

После XX съезда КПСС правовые основы обучения иностранных студентов из стран народной демократии приводились в соответствие с новым идеологическим контекстом. Перезаключались существующие соглашения и заново определялись условия и порядок сотрудничества. Немаловажное значение имело и то, что СССР и ряд стран уже были приняты в ЮНЕСКО. Изменилось и реальное состояние высшей школы в этих странах. К 1958 г. в Болгарии было уже 20 вузов, они давали возможность приобрести необходимые для народного хозяйства специальности. В Венгрии открылся ряд инженерных вузов: политехнический институт в Мишкольце, университет химической промышленности – в Веспреме, расширен Будапештский политехнический университет. Вузы были подчинены отраслевым ведомствам, они координировали их деятельность по согласованию с Министерством культуры и про-

свещения ВНР. К 1965 г. в Румынии насчитывалось 1,1 млн людей с высшим образованием, доля их в структуре населения составляла 11,9 %, многие получили высшее образование в СССР¹².

Часть стран Восточной Европы к концу 1950-х годов участвовала не только в академическом обмене с СССР, но и оказывала помощь в подготовке кадров развивающимся странам. К 1963 г. число учащихся из развивающихся стран в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии, ГДР составляло 10,9 тыс. человек¹³. Со второй половины 1950-х годов в духе решений XX съезда КПСС советские преподаватели и студенты начали выезжать в эти страны. Тем создавались условия не только для формирования однородного образовательного пространства высшей школы социалистического лагеря, но и контроль над процессом отбора студентов.

Как отмечалось выше, социалистические страны различались по своему уровню развития системы высшего образования. Азиатские страны еще определялись со структурой системы высшего образования.

24 апреля 1956 г. заключено Соглашение о культурном сотрудничестве между СССР и Монгольской Народной Республикой, вступающее в силу с момента подписания¹⁴. Начало работы Монгольского государственного университета обусловило корректировку условий обучения студентов и аспирантов новым дополнительным соглашением от 8 октября 1960 г.¹⁵. В соответствии с ним монгольские студенты должны иметь законченное среднее образование или «начатое высшее». В последнем случае они принимались на соответствующий курс вуза СССР для продолжения обучения. Студенты, направляемые на первый курс обучения, принимались без вступительных экзаменов, если они сдали их в своей стране (ст. 2). В аналогичном соглашении с ГДР студенты первых курсов вузов упоминались скорее как исключение, чем правило. В Монголии, с населением 1 120 700 чел. (по данным на 1967 г.), высшим образованием была охвачена лишь небольшая часть населения¹⁶.

Соглашение о культурном сотрудничестве СССР и Демократической Республики Вьетнам (ДРВ) вступило в силу 4 июня 1957 г., отменив подписанное в 1955 г. соглашение об обучении граждан ДРВ в высших и средних гражданских учебных заведениях СССР. Соглашение хотя и составлено по стандартному образцу, но оговаривались условия приема студентов (лиц, имеющих законченное неполное среднее, среднее или высшее образование, прием без вступительных экзаменов по предоставлению соответствующих документов об образовании и справок о состоянии здоровья). Определялся порядок выдачи дипломов (установленного в СССР образца, с указанием приобретенной специальности и квалифика-

ции), условия проживания, материальное обеспечение. Изменился размер стипендии. Если в 1955 г. вьетнамские студенты получали ее в размере 500 руб., аспиранты – 900 руб., то в соответствии с новой договоренностью с мая 1957 г. аспирантам стипендия уменьшена до 700 руб. Но полагалась единовременная выплата в размере 700 руб. в год на покупку учебников¹⁷.

5 сентября 1956 г. подписано Соглашение о культурном сотрудничестве с Корейской Народно-Демократической Республикой, вступавшее в силу с момента подписания¹⁸, а 15 февраля 1961 г. с КНДР заключено специальное соглашение об условиях взаимного обучения студентов и аспирантов в высших гражданских учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях. Оно уточняло содержание соглашения 1956 г.¹⁹

5 июля 1956 г. СССР заключил Соглашение о культурном сотрудничестве с Китайской Народной Республикой²⁰. Оно вступило в силу 7 декабря 1956 г. Руководитель группы советских научных специалистов в КНР А.Ф. Мальцев в справке о работе за 1956 г. отмечал, что китайскую сторону прежде всего интересовал «организационный опыт СССР». В частности, соотношение вузов и школ, подчиненность вузов, наиболее важные отрасли, предполагаемые к развитию. Правительство КНР увязывало свой интерес в сотрудничестве с претворением в жизнь 12-летнего плана развития науки и техники²¹.

Из составленной А.Ф. Мальцевым справки следует, что основное внимание КНР направлялось на комплексный план развития высшей школы на 12 лет²².

Советские же специалисты отмечали перегруженность учебных планов китайских вузов, особенно на 1–2 курсах, на что жаловались как студенты, так и преподаватели. Требовалось увеличить срок обучения, особенно в медицинских вузах, до 6 лет, в университетах – до 5. Усилия студентов, по сообщению А.Ф. Мальцева, направлены в основном на зазубривание материала, это приводило к тому, что на производстве они оказывались неподготовленными. Острыми были проблемы со здоровьем студентов (близорукость, туберкулез), отсутствие должной физической подготовки. В беседе с А.Ф. Мальцевым министр высшего образования КНР Ян Сю-Фын сообщил: в 1956 г. при сдаче норм ГТО умерло 5 студентов Пекинского института русского языка и Пекинского авиационного института²³.

В результате сформированной правовой базы и ее обновляемой практики к 1957 г. в СССР из социалистических стран проходили обучение 12 812 студентов, 2 026 аспирантов и 106 преподавателей (на положении аспирантов)²⁴. Наибольшее число студентов было из КНР, за ним с большим отрывом шли Польша и Чехословакия.

Только в 1956 г. из стран народной демократии принято 2 632 студента, 823 аспиранта и 106 преподавателей. Однако если в 1957 г. общая численность студентов равнялась почти 13 тыс., то к 1960 г. их количество снизилось до 7 665. К 1962 г. план по приему студентов в вузы СССР недовыполнен почти на 50%²⁵. Советская сторона объясняла тенденцию к снижению числа студентов в первую очередь экономическими соображениями и известным ростом высшей школы в странах. Ставился вопрос о приеме в вузы СССР части студентов и аспирантов из этих стран на условиях даже полного обеспечения их на счет СССР²⁶.

В результате революции 1 января 1959 г. независимой стала Куба. К моменту провозглашения независимости на ее территории действовало три университета, готовящих специалистов в гуманитарных сферах и дававших образование представителям местной элиты²⁷.

16 ноября 1960 г. правительства СССР и Республики Куба заключили соглашение об обучении в СССР кубинских специалистов. До подписания Соглашения лишь 3 гражданина Кубы обучались в советских вузах. Предусматривалось, что с 1961/62 учебного года СССР будет принимать до 300 кубинских студентов для обучения инженерным специальностям, до 100 студентов по другим специальностям и аспирантов. Предусмотрено производственно-техническое обучение 400 рабочих и техников для ведущей отрасли Кубы – сахарной промышленности. В ней к 1959 г. насчитывалось 162 завода, но работало всего 50 инженеров-специалистов в области механики, энергетики, химии, сахарного производства. Все расходы, связанные с обучением и содержанием кубинских студентов, включая транспортные расходы, СССР брал на себя. С 1961 по 1965 гг. СССР принял из Кубы на обучение 1 484 человека²⁸.

В рассматриваемый период происходит становление и совершенствование правовых основ и форм академического сотрудничества, их упорядочивание. Основное внимание ведомств СССР сосредоточивалось на социалистических странах и освобождавшихся от колониальной зависимости африканских странах, что напрямую связано с внешнеполитическими интересами СССР.

Сотрудничество осуществлялось преимущественно на базе типовых соглашений. В целом правовые соглашения заключены с 11 социалистическими странами Восточной Европы и Азии.

Таким образом, со второй половины 1950-х годов складывается правовая модель взаимоотношений СССР и иностранных государств в академическом сотрудничестве. Преодолевалась полустийность и ведомственность заключения межгосударственных отношений предыдущих лет. Поэтапно вырабатываются типология и

стандарты правового оформления. Расширяется и содержательная сторона: идет переход от договоров, манифестирующих идеологическую и политическую близость, к конкретным условиям обучения иностранных граждан в СССР.

Примечания

- ¹ XX съезд КПСС. 14–25 февраля 1956 г. Стенографический отчет. Ч. 1. М.: Госполитиздат, 1956. С. 20.
- ² *Джуринский А.* История зарубежной педагогики: Учеб. пособие для вузов. М.: ФОРУМ – ИНФРА-М, 1998. С. 40.
- ³ Агреман на назначение политического представителя Болгарии в СССР, Д. Михалчева, посланником Болгарии в СССР дан болгарской стороне 18 августа 1945 г. См.: Советско-болгарские отношения. 1944–1948 гг. Документы и материалы. М., Политиздат, 1969. С. 170; Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. Т. 2. Сентябрь 1944 – декабрь 1958. М., Наука, 1981. С. 63.
- ⁴ Советско-болгарские отношения и связи. С. 63.
- ⁵ *Смирнова Н.Д.* История Албании в XX веке. М.: Наука, 2003. С. 297–310.
- ⁶ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами Вып. 17, 18. М.: Госполитиздат, 1960, С. 621–623.
- ⁷ См.: XXII съезд КПСС. 17–31 октября 1961 г. Стенографический отчет. М., Госполитиздат, 1962. С. 108; *Смирнова Н.Д.* Указ. соч. С. 310–315.
- ⁸ Сборник... Вып. 17, 18. М.: Госполитиздат, 1960. С. 627–629, 648–651.
- ⁹ Сборник... Вып. 20. М.: Госполитиздат, 1960. С. 659–662.
- ¹⁰ Сборник... Вып. 17, 18. М.: Госполитиздат, 1960. С. 659–660.
- ¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 58. Л. 9–10.
- ¹² Краткая история Румынии / Отв. ред. В.Н. Виноградов М.: Наука, 1987, С. 486–488.
- ¹³ См.: Дипломатия и кадры / Под ред. В.Д. Щетинина. М.: Международные отношения, 1968. С. 30.
- ¹⁴ Сборник... Вып. 17, 18. М.: Госполитиздат, 1960. С. 642–644.
- ¹⁵ Сборник... Вып. 21. М.: Госполитиздат, 1962. С. 449–453.
- ¹⁶ Просвещение и подготовка национальных кадров в странах Востока / Редкол.: В.Л. Бодянский, Д.Р. Вобликов, О.К. Дрейер, Т.И. Кухтина (отв. ред). М.: Наука, 1971. С. 381.
- ¹⁷ Сборник... Вып. 17, 18. М.: Госполитиздат, 1960. С. 226.
- ¹⁸ Сборник... Вып. 19. М.: Госполитиздат, 1960. С. 640–642.
- ¹⁹ Сборник... Вып. 23. М.: Госполитиздат, 1970. С. 497–499.
- ²⁰ *Брук С.И.* Население мира. Этнографический справочник. М., 1986. С. 370.
- ²¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 5. Д. 43. Л. 94, 124.

- ²² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 5. Д. 43. Л. 108.
- ²³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 5. Д. 43. Л. 57.
- ²⁴ ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 1224. Л. 5.
- ²⁵ ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 1224. Л. 4.
- ²⁶ ГА РФ. Ф. Р-9396. Оп. 19. Д. 27. Л. 1–8.
- ²⁷ *Колесников Н.С.* Куба: народное образование и подготовка национальных кадров 1959–1979. М.: Наука, 1980. С. 18.
- ²⁸ *Белов В.А.* Подготовка кадров для зарубежных стран в советских вузах. Калининград, Изд-во КГУ 2003. С. 215.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ В МИРОВУЮ ПОЛИТИКУ В ОСВЕЩЕНИИ ФРАНЦУЗСКИХ СМИ

В статье проводится анализ медийного дискурса Франции по вопросу активизации российской внешней политики в начале XXI в. На основе анализа публикаций в правоцентристской газете «Le Figaro», левоцентристской «Le Monde» и газете левой ориентации «La Liberation» автор статьи показывает, как усиление международных позиций России возрождает на Западе страхи и предрассудки времен холодной войны.

Ключевые слова: международное возрождение России, великая держава, империя, энергоресурсы, «Газпром», холодная война, национализм, права человека.

Приход к власти в России Владимира Владимировича Путина ознаменовал собой начало нового этапа в истории нашей страны. Достижение внутренней стабильности, экономический рост, высокие цены на энергоресурсы, относительно благоприятная внешняя конъюнктура стали теми факторами, которые позволили России выйти из хаоса 1990-х годов и, в том числе, приступить к укреплению своих международных позиций. Была пересмотрена внешнеполитическая доктрина, и российское руководство заявило о своем стремлении вернуть нашей стране статус равноправного партнера сильнейших мира сего. Путинская дипломатия вступила в борьбу за то, чтобы Россия стала одним из основных центров многополярного мира, важным актором международной жизни. И, действительно, в начале XXI в. наблюдается резкая активизация внешней политики России по всем направлениям: будь то Европа, Азия или Латинская Америка. Спорными остаются лишь методы достижения поставленной цели.

Активизация российской внешней политики возродила на Западе прежние страхи. Все чаще стали вспоминать времена холодной войны, указывать на неизбежное противостояние и столкновение двух систем ценностей: западной, в основе которой лежат свобода и демократия, и российской, в основе которой – закрытость и авторитаризм. Вновь ставится под сомнение возможность интегрировать Россию в западный мир, вновь сложившиеся некогда стереотипы предопределяют восприятие сторонами друг друга. Россия, по мнению многих представителей властной и научной элиты Запада, оказалась плохим учеником и, следовательно, она представляет опасность. «Варвар», заявивший о своем стремлении играть ключевую роль на международной арене, вновь оказался «у ворот» цивилизованного мира¹. И пусть подобного рода метафоры не так часто присутствуют в политическом и медийном дискурсе современной Европы, суть от этого не меняется: усиление международных позиций России воспринимается среди стран Запада как угроза – будь то угроза военная, экономическая или же геополитическая. Подтверждением правомерности данного утверждения может служить анализ публикаций на страницах ведущих французских газет – “Le Monde”, “Le Figaro” и “La Liberation”, каждая из которых дает свои оценки стремлению России вернуть себе ключевую роль на международной арене.

Начнем с правоцентристской “Le Figaro”. Чаще всего в статьях газеты, посвященных активизации российской внешней политики в начале XXI в., Россия предстает в образе страны, которая мечтает вернуть себе статус великой державы, утерянный в период «национального унижения» 1990-х годов. Сырьевые ресурсы, многогранное влияние на большинство своих соседей, ядерный потенциал, военное присутствие в различных регионах мира – вот те основные факторы, которые, по мнению соответствующих публикаций “Le Figaro”, могут позволить России стать одним из ведущих игроков на международной арене. Но пока она остается лишь региональной державой, стремящейся любыми путями сохранить в зоне своего влияния страны постсоветского пространства. «Революция роз» в Грузии в конце 2003 г., «оранжевая революция» в Украине в 2004 г., падение киргизской власти в марте 2005 г. – все эти события, по мнению “Le Figaro”, являются свидетельством того, что позиции Москвы на данном приоритетном для нее направлении неуклонно ослабевают². Раздраженная этими процессами, Россия превращается в «империю», «мускулистая и агрессивная» дипломатия которой направлена на то, чтобы вернуть под свой контроль страны постсоветского пространства³. Главными жертвами российской политики давления и устрашения в этот период становятся Грузия

и Украина, после произошедших в них революций объявившие о своем стремлении интегрироваться в западные структуры. Россия болезненно переживает потерю своего влияния в этих странах и готова использовать любые средства, включая энергетический шантаж, для возвращения их в свое лоно⁴. Начиная с 2004 г., окрепшая благодаря энергоресурсам Москва начинает видеть себя в качестве доминирующей державы Европы. «Газпром» становится основным инструментом российской внешней политики, а европейская энергетическая зависимость называется слабой картой в руках объединенной Европы. В сложившейся ситуации Россия, руководствуясь одним из основных принципов своей дипломатии, стремится разделить европейские страны. И во многом, как с сожалением констатируется в газете, ей это удается. Ведущие европейские державы – Франция, Германия и Италия – проявляют «удивительное снисхождение» по отношению к России и часто с пониманием относятся к ее стремлению вернуть себе статус великой державы⁵. Это понимание находим мы и в статьях французского геополитика Александра Адлера, призывающего понять интересы России и акцентировать внимание на тех общих угрозах, которые стоят перед Западом и Москвой: исламистский терроризм и стремительный рост глобального влияния Китая на Дальнем Востоке⁶. Но чаще всего в статьях “Le Figaro”, опубликованных в период 2000–2004 гг., констатируется тщетность усилий Кремля, направленных на усиление международных позиций России. Москва теряет свое «ближнее зарубежье», у нее нет близких союзников (военные маневры с Китаем не могут скрыть противоречий на стратегическом и геополитическом уровнях; декларации европейских лидеров о необходимости дружить с Россией остаются лишь декларациями; ослабевают связи с Индией и позиции России на Ближнем Востоке), но есть «имперские амбиции», которые мешают ей вести нормальный диалог с цивилизованным миром. В 2005 г. “Le Figaro” признает некоторые успехи российской дипломатии на международной арене: Москва сближается с Белградом, противодействуя политике США и НАТО в регионе⁷; укрепляет связи с Тегераном, отказывающимся сотрудничать с западными странами; активизирует свою деятельность в вопросе урегулирования палестино-израильского конфликта⁸. При этом Кремль с ностальгией вспоминает о «добрых советских временах» своего былого величия и надеется это величие возродить.

В марте 2005 г. Владимир Путин заявляет о том, что развал СССР «является крупнейшей геополитической катастрофой XX в.». Это заявление мгновенно становится объектом критики на страницах газеты и возрождает стереотипы времен холодной войны. Как следствие, в соответствующих статьях “Le Figaro” все чаще встречаются

понятия «советский», «КГБ», «грубая и агрессивная дипломатия». На этом фоне в июне 2006 г. в Санкт-Петербурге проходит саммит глав государств «Большой восьмерки», на котором Россия позиционирует себя в качестве равноправного партнера сильнейших стран мира. «Путин, – иронизирует автор одной из статей, – с большим удовольствием играет на саммите роль “Амфитриона”, наивно полагая, что это событие является свидетельством признания мировым сообществом за Россией статуса великой державы»⁹. Но не может являться великой страна, считает “Le Figaro”, в которой нарушаются основные права и свободы граждан, в которой отсутствует свобода прессы и налицо авторитарный уклон центральной власти¹⁰. Таким образом, реальное укрепление международных позиций России затмевается на страницах газеты повышенным вниманием к ее внутриполитическим проблемам. К этому методу журналисты “Le Figaro” будут неоднократно возвращаться, принося российские успехи на мировой арене.

Но основным полем для критики останется проводимая Москвой энергетическая политика, посредством которой Россия надеется повысить свой международный статус. В период 2006–2007 гг. в газете появляется немало количество статей, посвященных данной проблематике: «Кремль продолжает свое газовое наступление», «Россия плетет свою газовую паутину по всем азимутам», «“Газпром” – щупальца Москвы», «Газ: Россия на всех фронтах» и другие¹¹. Суть данных статей может быть сведена к следующему: Россия является ненадежным для Запада партнером и стремится усилить свое влияние в мире за счет энергетического шантажа. Сближение Москвы с Алжиром и угроза создания газового ОПЕК, не раз озвученная российским руководством, прекрасно укладывается в стратегию Кремля и вызывает повышенное беспокойство на страницах “Le Figaro”. Ведь создание подобного рода организации стран – экспортеров газа, куда в лице России и Алжира входили бы основные поставщики «голубого топлива» во Францию, стало бы реальной угрозой для национальных интересов Пятой республики, что важнее интересов Европейского союза. Именно этим, на наш взгляд, и объясняется столь непримиримая позиция правоцентристской газеты “Le Figaro” по отношению к российской энергетической политике. Показателен и тон соответствующих статей: «неоимперская и ксенофобская» риторика Кремля, грубость и шантаж, «энергетическое оружие» – все это рассматривается в статьях как неотъемлемые инструменты, при помощи которых Москва самоутверждается в мире.

Одновременно в самой России у власти оказываются силовики, идут процессы централизации власти, наблюдается ограничение

свобод, ужесточение политического режима, что неизбежно оказывает влияние на корректировку российской внешнеполитической стратегии. «Мюнхенская речь Путина в феврале 2007 г., считает автор одной из статей, – тому подтверждение»¹². При этом само выступление российского президента не стало на страницах газеты катализатором резкой критики в адрес Москвы. И объяснение лежит в плоскости идеологических взглядов “Le Figaro”. Являясь, образно говоря, газетой правящей партии «Союз за народное движение» и оставаясь во многом приверженцем голлистского мировидения, газета с пониманием относится к тем инициативам на международной арене, которые ставят под сомнение глобальное лидерство США. В связи с этим такие статьи как «Кремль теснит Вашингтон в регионе Персидского залива»¹³ и «Кремль теснит Америку в Центральной Азии»¹⁴ выдержаны в нейтральных тонах. Не вызывает негативных эмоций и сотрудничество между Москвой и Каракасом, также рассматриваемое в контексте противостояния выстраиваемому США однополярному миру¹⁵. Когда же Россия предпринимает попытки продемонстрировать свою силу в зоне стратегически важной для национальных интересов Франции, “Le Figaro” возвращается к критике. Так, в ответ на полет российских бомбардировщиков вблизи английской и норвежской границы в сентябре 2007 г., в газете публикуется статья с символичным названием «Москва играет мускулами перед Западом»¹⁶. Не находит одобрения и появление в декабре того же года российской эскадры в Средиземноморье. Освещая два этих сюжета, “Le Figaro” проводит аналогии с эпохой «холодной войны», напоминает о существовавшей некогда советской угрозе и акцентирует внимание на антизападнических настроениях российской политической элиты. И лишь Александр Адлер последовательно защищает право России быть великой державой, альянс с которой позволил бы Франции и Германии «стабилизировать многополярный и страдающий мир»¹⁷.

Левоцентристская газета “Le Monde” делает основной акцент на том, что усиление позиций России на международной арене в начале XXI в. стало возможным лишь благодаря энергетическим ресурсам и «нефтедолларам»¹⁸. Как следствие, вплоть до 2004 г. в дискурсе газеты о российской внешней политике редко появляются сюжеты, посвященные стремлению Москвы играть одну из ключевых ролей в мировых делах. Россия в этот период предстает на страницах “Le Monde” в качестве региональной державы, которая в первую очередь стремится усилить свою «гегемонию над вотчиной СНГ»¹⁹. Вооружившись евразийской идеологией, путинская дипломатия достигает определенных успехов в Центральной Азии, укрепляет позиции России в бассейне Каспийского моря и активизирует

сотрудничество с Индией и Китаем. После событий 11 сентября 2001 г. Россия сближается с Западом на почве борьбы с международным терроризмом, а в 2003 г. вместе с Парижем и Берлином формирует коалицию стран, выступающих против войны в Ираке. Однако ни одно из этих событий не стало для «Le Monde» свидетельством усиления влияния России в мире. И лишь с повышением цен на нефть в 2004 г. газета пересматривает свой подход и при анализе внешнеполитической стратегии России начинает нагнетать алармистские настроения.

Резкой критике подвергаются как «нефтяные амбиции Путина», так и позиция лидеров ведущих европейских государств, признающих право России выступать на международной арене в качестве равноправного партнера Запада. Жак Ширак стремится возродить ось «Москва–Париж–Берлин», Герхард Шредер призывает развивать с Россией стратегическое партнерство, Сильвио Берлускони зовет Россию в Евросоюз. И это в то время, когда «путинские неоконсерваторы культивируют ностальгию по стабильности брежневских времен»²⁰, а сам Путин называет развал СССР крупнейшей геополитической катастрофой XX в. Российско-украинские разногласия 2004–2006 гг. также, по мнению «Le Monde», являются свидетельством того, что Москва все больше тяготеет к имперскому мировидению советской эпохи. На украинской арене борьбы происходит, по мнению «Le Monde», столкновение великодержавных амбиции почувствовавшего в себе силу Кремля с европейской системой ценностей²¹. Россия оказывается не в состоянии понять, что времена подчинения прошли, и настал период межъевропейского сотрудничества, основанного на независимости и равенстве²². «Советизм» вновь дает о себе знать», «Кремль угрожает развернуть ракеты в сторону Европы», «Москва “выступает с угрозой”», «Кремль показывает зубы», «Россия пытается разделить “старую” и “новую” Европу» – все это, по мнению авторов соответствующих статей газеты, сопровождает процесс возвращения России на мировую арену²³.

Речь Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007 г. также подливает масла в огонь критики и возрождает на страницах газеты опасения времен противостояния двух идеологических систем. Как следствие, в дискурсе о российской внешней политике все чаще встречается понятие «холодная война»: «Москва использует агрессивную риторику холодной войны», «России сложно преодолеть мышление времен “холодной войны”», «Кремль начинает новую холодную войну с Западом». Другими словами, Москва вновь представляет угрозу для цивилизованного мира. И внутривнутриполитические процессы в России являются тому

подтверждением. Страна, в которой царит атмосфера насилия, нарушаются права человека и укрепляется авторитаризм, не может претендовать на статус великой державы и являться одним из членов «Большой восьмерки» – этого влиятельного клуба «индустриальных демократий»²⁴, – приходит к выводу “Le Monde”. Немалое количество статей, в которых рассматривается стремление России играть более значимую роль на мировой арене, посвящается анализу российско-американских отношений. Показательным в связи с этим является отношение “Le Monde” к мюнхенской речи Путина в феврале 2007 г. Несмотря на то, что критика российского президента была направлена против США и их стремления в одностороннем порядке решать некоторые вопросы международной повестки дня, Россия при освещении данного сюжета предстает в образе «агрессивной империи», угрожающей всему западному миру²⁵. Противоположение имперской России и демократических США встречаются и при освещении “Le Monde” событий на Украине в конце 2004 г. Раздраженная в связи с резким ослаблением своего влияния на постсоветском пространстве, Москва вооружается националистической и антизападной риторикой, Вашингтон же предстает в образе защитника ценностей свободы и демократии. Следуя логике «либеральной империи», Россия, в связи с изменениями на постсоветском пространстве, стремится сохранить Украину в зоне своего влияния. Выбор методов при этом не имеет значения. Это может быть и энергетический шантаж, и давление, и даже вмешательство во внутренние дела суверенного государства. И все это делается с молчаливого согласия ведущих европейских государств, которые, с сожалением констатирует “Le Monde”, будучи очарованы «путинским шармом», позитивно оценивают «возрождение России» и пытаются развивать с ней стратегическое партнерство. Кремль не отказывает им в этом, предпочитая вести диалог не с наднациональными структурами западного мира, а тет-а-тет с великими державами. Это позволяет ему, с одной стороны, позиционировать себя в качестве равноправного партнера сильнейших стран мира, а с другой – играть на противоречиях между «старой» и «новой» Европой. В связи с этим ЕС и США, приходит к выводу “Le Monde”, необходимо выработать единую внешнеполитическую стратегию в своих отношениях с Россией. В условиях, когда «энергетика становится главным оружием Кремля на международной арене», когда «Москва угрожает повернуть свои ракеты в сторону Европы», когда внутри самой России «появляются враги народа» и наблюдается «авторитарный уклон власти», эта задача должна стать приоритетной. Российское вторжение в Грузию в августе 2008 г. в очередной раз это подтвердило. Чувствуя себя униженной, озлобившись

на тех, кто повернул свои взоры на Запад, Российская империя контратакует²⁶.

Наиболее же насыщенный дискурс, посвященный возвращению России на мировую арену в начале XXI в., разворачивается на страницах газеты левой ориентации “La Liberation”. С приходом Путина к власти в марте 2000 г. начинается процесс формирования новой внешнеполитической доктрины России. Основные ее положения, по мнению авторов статей, сводятся к следующему: прагматизм, патриотизм, великодержавность. «Новый русский царь» обещает вернуть России величие и национальную гордость, но на протяжении 2000–2004 гг. остается непонятным, за счет чего Владимир Путин собирает это свое обещание выполнять. Как следствие, в этот период “La Liberation” чаще всего лишь констатирует стремление России играть более весомую роль на мировой арене, не вынося категоричных оценок. И даже констатация того, что 80% россиян испытывают ностальгию по временам былого величия СССР, а российский президент работает в Кремле под портретом Петра Великого, культивируя определенную степень имперской ностальгии и экстенсивную концепцию «национальных интересов»²⁷, не вызывает негативных эмоций на страницах газеты. Более того, стремление России вернуть доверие, уважение и влияние на международной арене, утраченные в период президентства Бориса Ельцина, нередко находит понимание в соответствующем дискурсе “La Liberation”. За Россией не признается статус великой мировой державы, но то, что она является региональной державой, сохраняющей роль лидера на постсоветском пространстве, не вызывает сомнений. В связи с этим инициативы Москвы, направленные на удержание в орбите своего влияния стран СНГ, признаются оправданными.

Что касается отношений России с западными державами, то здесь журналисты “La Liberation” расходятся в своих оценках. По мнению одних, с приходом к власти Путина российский внешнеполитический курс становится предсказуемым и переориентируется на более тесное сотрудничество с Западом с целью интегрировать Россию в «цивилизованный мир»²⁸. Ведь возрождение России, прекрасно понимает прагматичный российский президент, возможно лишь через успехи в экономике. По мнению других, Москва, недовольная тем, что ей приходится играть роль ученика в отношениях с западными державами, начинает проводить более независимую политику на международной арене, которая нередко будет идти вразрез с интересами Европы и США²⁹.

С 2004 г. этот взгляд на российскую внешнюю политику станет определяющим для дискурса “La Liberation”, посвященного стремлению России играть более весомую роль в мировых делах. Почув-

ствовав уверенность в себе благодаря энергоресурсам, Кремль все чаще заявляет о своих великодержавных амбициях. Празднование Дня Победы в Москве 9 мая 2005 г. стало, по мнению соответствующих статей газеты, ярким тому подтверждением. Собрав на Красной площади лидеров ведущих стран мира, Владимир Путин увидел в себе президента возрожденной великой державы, к голосу которой на международной арене должны прислушиваться. В связи с этим "La Liberation" напоминает, что еще в 1995 г. Билл Клинтон, Франсуа Миттеран и Гельмут Коль отказались участвовать в военном параде в знак протеста против репрессий, чинимых российской армией в Чечне. Деяаять лет спустя, с сожалением констатируется в газете, Запад уступил, фактически признавая право России использовать любые методы для достижения поставленных целей³⁰. И Москва не преминула этим воспользоваться, вооружившись единственным имеющимся в ее распоряжении эффективным инструментом внешней политики. Речь идет об энергоресурсах. Придя к власти в 2000 г., Владимир Путин пообещал вернуть России былое величие. Энергетическое оружие позволило ему это обещание выполнить. В статьях с характерными названиями «Энергоресурсы – фатальное оружие Путина», «Жесткая хватка газа и нефти», «Энергоресурсы разжигают пламя холодной войны», «Владимир Путин пожимает руку... железной хваткой» российская внешняя политика предстает как крайне агрессивная, создающая угрозу для мира³¹. В основу российской внешнеполитической стратегии закладывается идея о том, что Россия – это великая держава со своими интересами, которые могут расходиться с интересами западных стран³². С целью повысить свой международный статус, Москва все активнее выступает в роли посредника на мировой арене. При этом остается непонятным, на чьей она стороне. Позиционируя себя в качестве евразийской державы, Россия «стремится сидеть одновременно на двух стульях»³³, декларируя дружеские отношения, как с западными державами, так и с Китаем, Индией и Ираном. Такая беспринципная внешнеполитическая стратегия представляется непредсказуемой и опасной. В конечном итоге она может привести к тому, что Россия останется в изоляции. Тщетность предпринимаемых ею попыток играть ключевую роль в урегулировании конфликтов на Ближнем Востоке является тому свидетельством. Ни Запад, ни Иран, ни даже ХАМАС не видят в лице России силу, которая сможет существенным образом повлиять на ход переговорных процессов в данном регионе мира³⁴.

Очередной поток критики в адрес российской внешней политики приходится на период резкого обострения российско-грузинских отношений осенью 2006 г. Обретя уверенность в себе, Москва,

по мнению “La Liberation”, уже не стесняется применять силу и давление по отношению к тем странам, которые, как она считает, находятся в зоне ее влияния. Интервью с известным российским диссидентом Сергеем Ковалевым, в котором путинский режим сравнивается с советским, и интервью с российским писателем грузинского происхождения Борисом Акуниным, в котором резкой критике подвергается имперское мышление российской политической элиты, задают резко негативный тон восприятия российской внешней политики. Москва, приходит к выводу “La Liberation”, как в «старые добрые советские времена», вновь прибегает к угрозам: как в политической («охота за грузинами»³⁵, угроза и последующее вмешательство в украинские дела), так и в военной сфере (угроза выхода из ДОВСЕ). И отныне ее внешнеполитические амбиции «представляют угрозу для мира»³⁶. Самым ярким тому подтверждением, считает “La Liberation”, стала российско-грузинская война августа 2008 г. Впервые после падения Берлинской стены Москва применила силу против суверенного государства, наглядно показав, что она все еще живет категориями имперского мышления³⁷. Авторитарный уклон российской власти, продолжающаяся война в Чечне, нарушения прав человека, отсутствие полноценной демократии и свободы слова – все это также является свидетельством того, что «Россия превратилась в идентичность, которая вызывает беспокойство»³⁸.

Таким образом, в медийном дискурсе Франции активизация российской внешней политики в начале XXI в. чаще всего вызывает негативные эмоции. По мнению трех ведущих французских газет, стремление России играть значимую роль в международных делах сопровождается возрождением советской и имперской риторики, что ярче всего прослеживается в политике Кремля на постсоветском пространстве. Амбиции России оказываются несоразмерны с ее реальными возможностями. Как следствие, российская внешняя политика становится грубой и агрессивной. На страницах “Le Monde” и “La Liberation” это утверждение чаще всего доказывается на примере анализа взаимоотношений между Москвой и западным миром на идеологическом уровне, на страницах “Le Figaro” – в контексте освещения российской энергетической политики. Так или иначе, основной вывод остается неизменным – заявляя о своем желании возродить былое величие, Россия вновь представляет угрозу для Запада.

- 1 Подробнее о репрезентации России в Европе см.: *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 240 с; *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
- 2 Chaliand: «Le recul de la Russie» // *Le Figaro*. 2005. Mars 29.
- 3 Le grand retour de Moscou chez ses «petits frères» // *Le Figaro*. 2004. Février 24.
- 4 Poutine affiche sa volonté de puissance // *Le Figaro*. 2004. Mars 13.
- 5 Vladimir Poutine et Nicolas Sarkozy brisent la glace // *Le Figaro*. 2007. Novembre 22.
- 6 Russie: le lion et le renard // *Le Figaro*. 2004. Décembre 08.
- 7 Les Russes sont de retour en Serbie // *Le Figaro*. 2005. Février 17.
- 8 Vladimir Poutine pour la première fois à Jerusalem en avril // *Le Figaro*. 2005. Mars 24.
- 9 A la tête du G8, Moscou rêve de grandeur // *Le Figaro*. 2005. Décembre 31.
- 10 Poutine en tsar du G8 // *Le Figaro*. 2005. Décembre 31.
- 11 Подробнее о российской энергетической политике в период 2006–2007 гг. см. Quand Gazprom veut mettre au pas les ex-républiques soviétiques // *Le Figaro*. 2005. Décembre 26; Le Kremlin poursuit son offensive gazière // *Le Figaro*. 2006. Janvier 24; Gazprom: les tentacules de Moscou // *Le Figaro*. 2006. Janvier 24; La crispation imperiale russe n'est pas tombée du ciel // *Le Figaro*. 2006. Février 13; La Russie tisse sa toile gazière tous azimuts // *Le Figaro*. 2006. Avril 06; Poutine brandit la menace d'une Opep du gaz // *Le Figaro*. 2007. Février 02; Ukraine, Géorgie, Biélorussie: forces et limites de la stratégie d'intimidation de Poutine // *Le Figaro*. 2007. Février 27.
- 12 La course au Kremlin est lancée // *Le Figaro*. 2007. Février 17.
- 13 Le Kremlin défie Washington dans le Golfe // *Le Figaro*. 2007. Février 12.
- 14 Le Kremlin défie l'Amérique en Asie centrale // *Le Figaro*. 2007. Août 17.
- 15 Chavez achète des sous-marins à Moscou // *Le Figaro*. 2007. Juin 29.
- 16 Moscou joue des muscles face à l'Occident // *Le Figaro*. 2007. Septembre 15.
- 17 La nouvelle alliance des Trois Empereurs // *Le Figaro*. 2006. Septembre 28.
- 18 Moscou se dote d'une nouvelle doctrine militaire // *Le Monde*. 2007. Mars 07.
- 19 Moscou accroît son hégémonie sur son fief de la CEI // *Le Monde*. 2001. Décembre 18.
- 20 Les néoconservateurs de Poutine // *Le Monde*. 2005. Novembre 08.
- 21 La Russie accuse «l'Occident» // *Le Monde*. 2004. Novembre 30.
- 22 Poutine agite le spectre de la guerre froide // *Le Monde*. 2007. Juin 05.
- 23 Vladimir Poutine juge les résultats «transparents» et défie l'Europe // *Le Monde*. 2004. Novembre 04.
- 24 La question Poutine // *Le Monde*. 2006. Octobre 11.
- 25 M. Poutine fustige les «colonisateurs» occidentaux et les «extremistes» russes // *Le Monde*. 2007. Avril 28.
- 26 Quand l'Empire contre-attaque // *Le Monde*. 2008. Décembre 17.

- 27 Les voisins de Poutine sous influence // La Libération. 2001. Mars 30.
- 28 A Bruxelles, l'Otan caresse Moscou dans le sens du poil. Le dialogue sur le désarmement confirme le réchauffement // La Libération. 2000. Mars 16.
- 29 A Berlin, opération charme Poutine-Schröder // La Libération. 2000. Juin 17.
- 30 Poutine au sommet face à des Occidentaux muets // La Libération. 2005. Mai 10.
- 31 Подробнее о российской энергетической политике см.: Hydrocarbures: arme fatale de Poutine // La Libération. 2006. Janvier 03; Gazprom, géant russe au service du Kremlin // La Libération. 2006. Janvier 03; La haute main sur le gaz et le pétrole // La Libération. 2006. Février 11; Les hydrocarbures ravivent la flamme de la guerre froide // La Libération. 2006. Mai 09.
- 32 La Russie veut montrer qu'elle est un acteur qui compte // La Libération. 2006. Septembre 25.
- 33 Vladimir Poutine tend une main... de fer // La Libération. 2006. Février 11.
- 34 Poutine, un hôte ambigu à Téhéran // La Libération. 2007. Octobre 17.
- 35 Chasse aux Géorgiens à Moscou // La Libération. 2006. Octobre 07.
- 36 La Russie est redevenue une menace pour le monde // La Libération. 2006. Décembre 11.
- 37 Подробнее об этом см.: De «l'Europe par la paix» à «l'Europe par l'épée»; Le néo-impérialisme russe plane sur l'Europe // La Libération. 2008. Septembre 12; «La Russie préfère être crainte qu'être aimée» // La Libération. 2008. Septembre 20.
- 38 La Russie est devenue une entité inquiétante // La Libération. 2007. Juin 06.

ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ: ГЛОБАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

В.И. Денисов

КОРЕЙСКИЙ ЯДЕРНЫЙ КРИЗИС: ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматривается эволюция ядерного кризиса на Корейском полуострове, его воздействие на общую ситуацию в Северо-Восточной Азии, роль России, Китая и других заинтересованных государств в политическом разрешении сложной ситуации в этом районе мира.

Ключевые слова: ядерный кризис, Северо-Восточная Азия, Корейский полуостров, шестисторонние переговоры, СБ ООН.

Более 20 лет ядерная проблема Корейского полуострова (ЯПКП) вызывает растущую озабоченность мирового сообщества. Перманентно ядерный кризис, порожденный амбициями Пхеньяна и жесткой непримиримостью США и их союзников в отношении северокорейского режима, то несколько затухает, то снова обостряется, доводя ситуацию на полуострове и вокруг него до крайне опасной черты напряженности. Попытки урегулировать северокорейскую ядерную проблему в рамках двустороннего, КНДР – США, диалога в начале 1990-х годов, хотя и имели определенную перспективу (между Пхеньяном и Вашингтоном в 1994 г. было подписано рамочное соглашение), были торпедированы республиканской администрацией Дж. Буша-мл., которая отказалась выполнить свои обязательства по рамочным договоренностям 1994 г. и возобновила жесткое военно-политическое давление на Северную Корею. Ответом Пхеньяна стало возобновление наработки оружейного плутония. Ситуация вновь возвратилась к состоянию кризиса.

Более двух лет (2000–2002 гг.) военно-политического давления на КНДР со стороны США, Японии и некоторых других государств привело к тому, что Пхеньян окончательно покинул Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), прекратил контакты

с МАГАТЭ и возобновил военную ядерную программу (наработку оружейного плутония).

В условиях обострения обстановки на Корейском полуострове заинтересованным государствам удалось создать новый диалоговый формат – шестисторонние переговоры с участием РФ, КНР, США, Японии, КНДР, РК по поиску политического решения ядерного кризиса. В августе 2003 г. в Пекине начались шестисторонние переговоры, в ходе которых, несмотря на трудности, «пробуксовки», в сентябре 19 сентября 2005 г. было подписано Совместное заявление «шестерки». Этот документ, по сути своей глубоко компромиссный, открывал возможность для постепенного разрешения ядерного кризиса. Однако когда дело дошло до практической реализации сторонами взятых на себя обязательств, возникли новые препятствия. Соединенные Штаты ввели санкции в отношении ряда северо-корейских компаний, обвинив их в причастности к военной ядерной программе. Американские власти заблокировали также северо-корейские счета на сумму около 25 млн долл. в банке «Дельта Азия» (Макао). Все это, естественно, вызвало ответные действия КНДР – ракетные пуски, объявление о наличии ядерного оружия, наконец, испытание в октябре 2006 г. ядерного устройства.

Реакция мирового сообщества на подземный ядерный взрыв, произведенный в Северной Корее, была резко негативной. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1718, не только осуждающую Пхеньян, но и вводящую в отношении него жесткий режим санкций. Для наблюдения за выполнением этой резолюции был создан Комитет по санкциям. Ряд государств ввели дополнительные санкции против КНДР, запретив торгово-экономические связи с ней, политические контакты и т. д. Наиболее жесткие ограничительные меры в отношении Северной Кореи ввели США, Япония, Южная Корея, страны Евросоюза.

Ситуация на Корейском полуострове продолжала ухудшаться. В мае 2009 г. на территории КНДР был произведен второй подземный ядерный взрыв, что повлекло за собой еще более резкую реакцию СБ ООН, который принял новую антисеверо-корейскую резолюцию № 1874 и ввел новые санкции против Пхеньяна.

Сегодня обстановка на Корейском полуострове продолжает оставаться очень и очень сложной. Шестисторонние переговоры прерваны. Заинтересованные стороны пытаются запустить переговорный процесс. Ведутся консультации между государствами-участниками переговоров. В 2010 г. руководитель КНДР Ким Чен Ир дважды (в мае и августе) посетил Пекин, где состоялись его встречи с высшими руководителями КНР, в ходе которых обсуждалась, в том числе, и ядерная проблема Корейского полуострова.

Китай, несмотря на поддержку антисеверокорейских резолюций № 1718, № 1814, остается единственным защитником и спонсором КНДР. КНР обеспечивает Северную Корею продовольствием на 40%, энергоресурсами – на 90%. Ежегодно Китай поставляет в Северную Корею по 300–500 тыс. тонн продовольствия в качестве гуманитарной помощи. Пекин является основным торговым партнером КНДР (объем товарооборота составляет от двух до трех млрд долл.)¹. Естественно, режим санкций, введенный в отношении Северной Кореи, препятствует развитию широких торгово-экономических, научно-технических, инвестиционных связей между двумя странами. Тем не менее они развиваются даже в условиях санкций. Согласно докладу, подготовленному Исследовательской службой Конгресса США, китайская сторона «недостаточно активно сотрудничает» с ООН в вопросах санкций, наложенных на КНДР².

Эксперты из КНДР и КНР разрабатывают долговременную программу экономического и инвестиционного сотрудничества, которая предусматривает, в частности, модернизацию северо-корейских железных дорог (они находятся в плачевном состоянии) и портов, строительство шоссейных дорог, расширение объемов добычи природных ресурсов (каменный уголь, железные и медные руды, магнезит) на территории КНДР. На эти цели китайский бизнес готов выделить более 10 млрд долл.³ Однако реализация указанных проектов возможна при условии отмены санкций. Снять основные запреты будет весьма и весьма непросто, так как предварительно КНДР должна будет ликвидировать свою военную ядерную программу. Китай выступает за так называемый «мягкий путь» решения ядерной проблемы КНДР, стремится ослабить мощное военно-политическое давление на Пхеньян со стороны США, Японии, Южной Кореи и других государств. В Китае хорошо понимают, что дестабилизация КНДР, коллапс северо-корейского режима приведет к массовому потоку беженцев в КНР (Китай и Северная Корея имеют протяженную границу – около 1400 км). Уже сегодня, по разным оценкам, в Китае нелегально находится от 100 до 300 тыс. северо-корейских беженцев, желающих перебраться в Южную Корею или осесть в КНР⁴. А это, естественно, потребует от китайской стороны отвлечения немалых финансовых ресурсов для стабилизации обстановки в КНДР. Кроме того, Пекин может столкнуться и с политическими проблемами при «наведении порядка» в соседней стране.

В 2010 г. руководство обеих стран заметно активизировало двусторонние связи и контакты на различных уровнях, и прежде всего на высшем. Как уже отмечалось, руководитель КНДР Ким Чен Ир дважды посетил Пекин. Во время второй (августовской) встречи

обсуждался широкий круг вопросов как двусторонних отношений, так и международных. Председатель КНР Ху Цзиньтао предложил Ким Чен Иру «три пункта», выполнение которых, по мнению китайской стороны, позволит укрепить китайско-северокорейское сотрудничество.

Первый: обе стороны должны поддерживать контакты на высшем уровне в целях расширения двусторонних связей.

Второй: обе стороны должны стимулировать развитие торгово-экономического сотрудничества на основе рынка и взаимной выгоды.

Третий: обе стороны должны активизировать стратегические контакты в целях сохранения мира и стабильности в Северо-Восточной Азии⁵.

Августовский (2010 г.) северокорейско-китайский саммит придал импульс отношениям КНДР и Китая. Из КНР в Северную Корею увеличились поставки продовольствия и других видов экономической помощи, активизировались межпартийные и межправительственные контакты. Накануне 65-летия создания ТПК (10 октября 2010 г.) из Китая поступили крупные партии легковых автомобилей, которые были распределены в качестве «подарков великого полководца» среди высшей северокорейской военной и партийной бюрократии.

Как отмечают эксперты, визит в КНР был использован Ким Чен Иром для «представления» (а точнее для «одобрения») китайскому руководству своего преемника на посту руководителя КНДР Ким Чен Ына (младшего сына от третьего официального брака северокорейского руководителя). Как в свое время Ким Ир Сен «показал» своего наследника китайцам, также поступил и Ким Чен Ир. Это – древняя традиция корейско-китайских отношений. Корея до конца XIX в. находилась в вассальной зависимости от Китая. Китайские императоры «назначали» корейских королей. Фактически же они соглашались с любой кандидатурой, даже если корейский король занял престол в результате кровавого государственного переворота. Пекин «одобрил» выбор Ким Чен Ира. Китайское правительство официально пригласило «молодого генерала» Ким Чен Ына нанести визит в КНР.

КНДР и Китай широко отметили 60-летие вступления китайских добровольцев в корейскую войну (25 октября 1950 г.). Обе стороны придали этому событию особое звучание и торжественность. В Пхеньяне и Пекине прошли торжественные мероприятия, приемы, встречи участников тех далеких событий, возложения венков и цветков к памятникам китайских солдат и офицеров, погибших в корейском конфликте. В КНДР из Китая прибыла высо-

копоставленная военная делегация, которая была принята Ким Чен Иром. В Пхеньяне состоялся массовый митинг (более 100 тыс. чел.), на котором присутствовали Ким Чен Ир, его сын Ким Чен Ын и практически все высшее руководство страны, а также китайская военная делегация. В выступлениях на митинге отмечалась «прочность скрепленной кровью дружбы народов двух стран». Подчеркивалось, что отношения между КНДР и КНР «вступили в новую фазу расцвета». Указывалось на роль руководителей двух стран Ким Чен Ира и Ху Цзиньтао в «укреплении дружбы и сотрудничества на новом этапе»⁶.

Острая фаза напряженности на Корейском полуострове возникла в конце марта 2010 г., когда был потоплен южнокорейский военный корабль «Чхонан» и погибли 46 моряков. Южнокорейское правительство обвинило Пхеньян в гибели корвета, однако доказать 100-процентную причастность КНДР к этому инциденту не удалось. Совет Безопасности ООН после многодневных и трудных консультаций принял Заявление Председателя СБ ООН, в котором изложены позиции как Сеула, обвинившего Северную Корею в причастности к гибели «Чхонана», так и Пхеньяна, категорически отвергшего какую-либо причастность к инциденту.

Потопление южнокорейского военного судна создало новое, очень серьезное препятствие на пути урегулирования ядерного кризиса на полуострове. Сеул при поддержке США, Японии, других союзников развернул мощную пропагандистскую кампанию по дискредитации КНДР, ее дальнейшей изоляции, пытаясь «поставить на колени» северокорейский режим.

Инцидент с южнокорейским корветом еще более осложнил непростые отношения КНДР с РК, которые ухудшились с приходом в 2008 г. к власти правительства президента Ли Мен Бака. Сеул прервал практически все контакты с Северной Кореей, прекратил осуществление экономических проектов (за исключением Кэсонского индустриального комплекса), ужесточил санкции в отношении КНДР. Южнокорейское правительство заявило об отказе от участия в шестисторонних переговорах до тех пор, пока Пхеньян не извинится за потопление корвета «Чхонан» и не даст гарантий неповторения в будущем подобных провокационных акций. В районах Японского и Желтого морей была проведена серия военно-морских учений РК и США, что вызвало серьезные опасения в КНДР, которая, в свою очередь, провела крупные учения в районе Вонсана (на востоке КНДР). Китай, Россия и другие государства призвали конфликтующие стороны к сдержанности, недопущению дальнейшей эскалации напряженности на полуострове. С большим трудом удалось возобновить контакты заинтересованных госу-

дарств на предмет реанимации шестистороннего переговорного процесса. США и Южная Корея выступили с требованием к КНДР выполнить обязательства, взятые ей по Совместному заявлению от 19 сентября 2005 г.

КНДР, со своей стороны, выразила готовность возвратиться за стол переговоров по ядерному разоружению. Ким Чен Ир во время визита в Китай в связи с этим заявил следующее: «Надеюсь в тесном контакте с китайской стороной продвигать решение вопроса о скорейшем возобновлении шестисторонних переговоров, смягчении напряженности, обеспечении мира и стабильности на Корейском полуострове». Ким подчеркнул приверженность Пхеньяна денуклеаризации полуострова⁷. При этом руководитель Северной Кореи заметил, что все участники шестисторонних переговоров должны «проявлять искренность» в подходе к решению проблемы денуклеаризации Корейского полуострова. Он также выразил готовность к координации и взаимодействию с Пекином по ядерному вопросу. Тема взаимодействия с Китаем неоднократно звучала из уст северокорейского лидера.

Китайский дипломат, курирующий в МИД КНР ядерную проблему Корейского полуострова, У Давэй, провел серию встреч в столицах стран «шестерки», чтобы убедить прежде всего Пхеньян и Сеул сесть за стол переговоров. Северокорейцы в качестве условия своего участия в переговорном процессе потребовали отмены санкций ООН и проведения переговоров с США на предмет заключения взамен Соглашения о перемирии в Корее 1953 г. мирного договора. Южные корейцы продолжали настаивать на северокорейских извинениях за потопления корвета «Чхонан».

Челночная дипломатия У Давэя завершилась выработкой трехэтапного плана возобновления шестисторонних переговоров. Этот план включает следующие пункты:

- 1) проведение консультаций между КНДР и США;
- 2) неформальная встреча глав делегаций шести стран – участников переговоров;
- 3) проведение официального раунда шестисторонних переговоров⁸.

Как видно, «план У Давэя» весьма и весьма скромный. Первый пункт – это уступка северокорейцам, которые на протяжении многих лет стремятся договариваться с американцами напрямую по вопросам безопасности на Корейском полуострове, в том числе и по мирному договору. Вашингтон, однако, отвергает северокорейские намерения, не желает решать общекорейские проблемы за спиной своего южнокорейского союзника. Государственный департамент США отказался обсуждать отмену санкций в отношении КНДР

только ради того, чтобы Пхеньян возвратился за стол переговоров. Тем не менее КНДР и США поддерживают периодические контакты по линии внешнеполитических ведомств, гуманитарных организаций. Американцы оказывают КНДР продовольственную помощь в связи со стихийными бедствиями, которые довольно часто повторяются в Северной Корее. Бывшие президенты США Джимми Картер и Билл Клинтон не раз посещали Пхеньян с различными посредническими миссиями, встречались с Ким Чен Иром и другими высшими руководителями КНДР. Однако прорыва в отношениях КНДР–США не произошло, хотя в период президентства Билла Клинтона стороны были близки к нормализации отношений.

Северокорейско-американские отношения на протяжении многих десятилетий отягощает Корейская война 1950–1953 гг., унесшая жизни почти 54 тыс. американцев, инцидент с американским разведывательным судном «Пуэбло», задержанным в территориальных водах КНДР в январе 1968 г. В течение 11 месяцев более 80 американских моряков провели в Северной Корее, познав все «прелести» северокорейского плена.

Американцы категорически против обладания Северной Кореей ракетно-ядерным оружием. США резко критикуют северокорейские властные структуры за распространение ракетных и ядерных технологий, поддержку репрессивных режимов в различных регионах мира, незаконную торговлю оружием и т. д. Вашингтон активно поддерживает южнокорейские обвинения КНДР в ее причастности к потоплению «Чхонана».

Жесткий антиамериканизм царит в КНДР, которая обвиняет США во всех невзгодах, довольно часто обрушивающихся на Северную Корею. Пхеньян обвиняет Вашингтон в намерении разрушить и, в конечном счете, ликвидировать КНДР как самостоятельное государство, блокировать экономическое развитие страны. КНДР потребовала от США 65 трлн долл. «за десятилетия политики враждебности, проводимой США в отношении северокорейского государства»⁹.

Северная Корея отвергает исходящие из Вашингтона обвинения в причастности КНДР к различным неправомерным деяниям, в том числе к потоплению южнокорейского судна. По заявлению представителя Государственного Комитета обороны КНДР сведения о крушении южнокорейского корабля «Чхонан» были полностью сфабрикованы с целью ввести в заблуждение общественное мнение как в Южной Корее, так и за рубежом¹⁰.

КНДР не раз обращалась к американским властям с предложением сесть за стол переговоров и урегулировать существующие проблемы, но получала отказ. Вместо того, чтобы дожидаться

коллапса социалистического строя в КНДР, – заявило Центральное телеграфное агентство Кореи, – США следует начать диалог с нами¹¹. Однако конструктивного диалога пока не получается. Вашингтон не приемлет ядерную Северную Корею (по некоторым данным в КНДР наработано 40 кг оружейного плутония, которого достаточно для производства 6–8 ядерных зарядов)¹².

Достоянием гласности стало заявление американского генерала Кейта Сталдера о готовности США «захватить и вывезти северокорейское ядерное оружие в случае чрезвычайных обстоятельств»¹³. Под «чрезвычайными обстоятельствами» подразумевается крах северокорейского режима.

В США не скрывают также озабоченность по поводу появившихся сообщений о прогрессе, достигнутом в КНДР в реализации программы по обогащению урана. В частности утверждается, что Северная Корея вышла за рамки лабораторных исследований и способна построить завод по производству обогащенного урана. Такое строительство, как отмечают американские эксперты, уже ведется в районе ядерного центра в Ненбене.

Состояние перманентного кризиса в отношениях КНДР–США, тупик в разрешении северокорейской ядерной проблемы вызывают в американских правящих кругах дискуссии о том, что же делать. Судя по всему, в Вашингтоне приходят к осознанию необходимости искать новые подходы к КНДР. В этом плане характерно выступление госсекретаря США Хиллари Клинтон, которая признала, что тактика давления, изоляции Северной Кореи провоцирует пхеньянский режим «удваивать усилия по созданию оружия массового уничтожения»¹⁴.

Япония как самостоятельный фактор урегулирования северокорейского ядерного вопроса по существу отсутствует. Конечно, Токио не желает иметь у себя под боком ядерную КНДР. Однако линия его поведения в решении кризиса не выходит за рамки поддержки американо-южнокорейских мер, ужесточения санкций в отношении Северной Кореи. Япония практически полностью перекрыла разнообразные каналы и связи с Пхеньяном, лишив его японских технологий, оборудования и предметов роскоши для северокорейской элиты. Главное для Японии сегодня – добиться разрешения проблемы похищенных спецслужбами КНДР граждан своей страны. Зацикленность Токио на этой проблеме в ходе шестисторонних переговоров сильно затрудняет достижение договоренностей. Токио наотрез отказывается выполнять договоренности, зафиксированные в Совместном заявлении от 19 сентября 2005 г. Япония – единственный участник «шестисторонки», который не оказывает гуманитарную помощь КНДР.

Межкорейские отношения сегодня отброшены к временам холодной войны. В результате прихода к власти в Сеуле в 2008 г. правоконсервативного крыла южнокорейской политической элиты во главе с президентом Ли Мен Баком были пересмотрены межкорейские договоренности о сотрудничестве, обменах, контактах на различных уровнях, достигнутые в прошлые годы. В отличие от прежнего «либерального десятилетия», когда на президентских постах в РК находились Ким Дэ Чжун и Но Му Хен (1998–2007 гг.), отношения между Сеулом и Пхеньяном имели шансы на прогрессивное развитие, в том числе и в разрешении ядерной проблемы. Два межкорейских саммита в 2000 и 2007 гг. заложили хороший фундамент для постепенного движения вперед, межкорейского примирения и сотрудничества. Президент Ли Мен Бак посчитал такую политику «ошибочной» и приступил к осуществлению мер давления на северокорейский режим. Объявленная южнокорейским лидером идея «большой сделки» (КНДР отказывается от военных ядерных программ в обмен на экономическую помощь) была отвергнута Пхеньяном. Инцидент с потоплением «Чхонана» добавил остроты в межкорейские отношения. Попытки Пхеньяна и Сеула под давлением Китая и США снять напряжение, добиться стабилизации обстановки на полуострове пока не дают желаемых результатов. Более того, в районе демилитаризованной зоны стали вновь возникать вооруженные инциденты.

Крупный военный инцидент, возникший между Северной и Южной Кореей в спорном районе Желтого моря 23 ноября 2010 г., очень серьезно осложнил обстановку на Корейском полуострове. В результате обстрела южнокорейского острова северокорейской артиллерией имеются человеческие жертвы. Пхеньян и Сеул обвиняют друг друга в агрессивных действиях.

На фоне отсутствия прогресса в разрешении северокорейской ядерной проблемы в Южной Корее все настойчивее раздаются голоса проявлять самостоятельность в ядерной сфере. Южная Корея ставит вопрос о снятии с нее запрета на обогащение урана и переработку ядерного топлива, который содержится в соглашении с США о сотрудничестве в ядерной энергетике, заключенном еще в 1973 г. Именно в тот период президент Пак Чжон Хи вынашивал планы создания собственного ядерного оружия и предпринял практические шаги в этом направлении. Известно также, что Южная Корея в 1982 и 2000 гг. проводила эксперименты по обогащению урана. Все эти факты весьма и весьма настораживают.

Вашингтон убежден, и в этом с ним нельзя не согласиться, что необходимо сохранять запрет для Южной Кореи на проведение работ по обогащению урана, так как это не в интересах ядерного

нераспространения в Северо-Восточной Азии. Если же Сеул получит такое право, то это, вне всякого сомнения, спровоцирует другие страны на аналогичные действия.

Россия, имея определенные политические и иные ресурсы влияния на ситуацию на Корейском полуострове, последовательно проводит линию на сохранение стабильности, денуклеаризацию этой зоны, развитие сотрудничества в различных сферах. Российская сторона блокировала попытки использовать инцидент с потоплением южнокорейского военного корабля в целях «наказания» КНДР, ужесточения и без того уже жестких санкций в отношении Северной Кореи. Компромиссное Заявление Председателя Совбеза ООН по «Чхонану» – результат, достигнутый в том числе благодаря дипломатическим усилиям Москвы, позволило отвести ситуацию от края пропасти, постепенно снизить накал напряженности, грозившего взорвать обстановку, последствия которого трудно себе предположить.

Вместе с тем Москва неоднократно и четко высказывала свою позицию. Россия против ядерных амбиций КНДР, за денуклеаризацию Корейского полуострова и возвращение Пхеньяна в режим Договора о нераспространении ядерного оружия и МАГАТЭ в качестве неядерного государства. Поиск развязки корейского ядерного узла необходимо искать на основе имеющегося документа – Совместного заявления участников шестисторонних переговоров от 19 сентября 2005 г. и с использованием, естественно, шестистороннего переговорного механизма. Об этом еще раз напомнил Президент РФ Д.А. Медведев во время официального визита в Сеул в ноябре 2010 г. «Ядерная проблема КНДР, – подчеркнул он, – может быть решена только дипломатическими методами, в рамках укрепления режима нераспространения ядерного оружия»¹⁵.

Москва выступает за активизацию деятельности Рабочей группы по формированию механизма мира и безопасности в Северо-Восточной Азии. Группа проделала весьма плодотворную работу, согласованы Руководящие принципы мира и безопасности в регионе. Эту работу необходимо продолжить, довести до логического завершения – создания надежных и эффективных гарантий безопасности для всех государств Северо-Восточной Азии.

Резкий всплеск напряженности на Корейском полуострове в результате обстрела южнокорейского острова в Желтом море, демонстрация Пхеньяном своих новых ядерных объектов по обогащению урана вызвали повышенную обеспокоенность в государствах – участниках шестисторонних переговоров. За исключением Китая, другие страны «шестерки» осуждают действия Северной Кореи. США, РК и Япония призвали к усилению санкций в отношении

пхеньянского режима. Российская Федерация наряду с другими заинтересованными сторонами предпринимает усилия по снижению напряженности на полуострове, недопущению разрастания конфликта. МИД России призвал обе корейские стороны проявить сдержанность и ответственный подход. Существующие между Пхеньяном и Сеулом спорные вопросы необходимо решать исключительно политико-дипломатическими средствами.

Перспективы политического урегулирования кризиса на Корейском полуострове в данной ситуации выглядят неопределенными. Сеулу и Пхеньяну важно осознать, что кроме политического, иного пути разрешения кризисной ситуации просто не существует. Задача заинтересованных государств – создать необходимые предпосылки для того, чтобы корейские стороны смогли приступить к диалогу. Наиболее подходящим механизмом развязки корейского ядерного узла, оздоровления обстановки на полуострове в целом остаются шестисторонние переговоры, скорейшее возобновление которых, несомненно, способствовало бы снижению напряженности в регионе, постепенному продвижению в решении сложных корейских проблем.

Примечания

- 1 История Кореи (Новое прочтение) / Под ред. проф. А.В. Торкунова. М.: РОССПЭН, 2003. С. 398.
- 2 KBS World Radio. 2010. October 23.
- 3 KBS World Radio. 2010. February 16.
- 4 *Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф.* Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 460.
- 5 Женьминьжибао. 2010. 31 августа.
- 6 Нодон синмун. 2010. 26 октября.
- 7 Синьхуа. 2010. 28 августа.
- 8 KBS World Radio. 2010. September 12.
- 9 Российская газета. 2010. 24 июня.
- 10 ИТАР-ТАСС. 2010. 20 мая.
- 11 ЦТАК. 2010. 30 марта.
- 12 KBS World Radio. 2010. May 16.
- 13 Российская газета. 2010. 1 апреля.
- 14 KBS World Radio. 2010. September 18.
- 15 РИА «Новости». 2010. 9 ноября.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с изменением расстановки экономических и политических сил в начале XXI в. с учетом возрастания роли энергоресурсов в мировой политике и постепенного перехода к новой модели экономического роста и технологического уклада. Китай активно включился в глобальные процессы, показывая высокие темпы роста, и превратился в центральное звено в складывающейся системе геоэкономических и политических отношений. Россия и Китай имеют общие интересы в области энергетики. Развитие двустороннего экономического сотрудничества и участие в совместных проектах по развитию Дальнего Востока отвечает интересам обеих стран.

Ключевые слова: энергетические ресурсы, российско-китайское сотрудничество, энергетическая безопасность, Центральная Азия, геоэкономическое пространство.

Трансформация геоэкономического энергетического пространства в начале XXI в.

Первое десятилетие XXI в. прошло под знаком дальнейшей трансформации мировой экономики и политики, обозначились среднесрочные и долгосрочные тренды и тенденции развития.

Во-первых, стало очевидным, что международно-политические институты не успевают (остаются прежними) за изменениями в сфере глобальной экономики и финансов.

Во-вторых, процесс национальной самоидентификации и проблемы национальной идентичности затронул все континенты. Очевидно, что первая половина XXI в. пройдет под знаменем национализма с этническим и религиозным оттенками.

В-третьих, обозначились новые модели государственно-экономической политики. На смену плановой социалистической экономики пришла новая, ставшая привлекательной для многих стран «третьего мира» и быстро развивающихся стран Азии и Латинской Америки модель государственного полудемократического капитализма.

В-четвертых, обозначились новые политические и экономические центры, вокруг которых будут складываться новые стратегические, политические и экономические альянсы и союзы – ЕС, Россия, Китай, США, а также регионы и субрегионы, за влияние которых будут бороться новые и старые игроки глобального мира, включая частные и государственные ТНК.

Последствия глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. дали импульс новым проблемам и тенденциям. Вновь возникла историческая дискуссия между либеральным, свободным рыночным демократическим капитализмом и авторитарным рыночным капитализмом с различными вариантами управляемой экономики.

Лидеры ряда стран, включая «большую двадцатку», выступили с предложениями относительно изменения прежней финансовой модели. Эксперты и экономисты обсуждают различные проекты и инициативы относительно будущей системы глобального управления финансами. Аналитики и политики выдвигают различные сценарии перехода к новой модели экономического роста и нового технологического уклада через фазы кризиса, для которых характерны ресурсные, энергетические и экологические ограничения¹.

Звучат предложения замены доллара в качестве глобальной валюты новой международной валютой. По мнению экспертов, в настоящее время можно с уверенностью «прогнозировать постепенное рассасывание системы доллара за счет регионализации валют, за счет евро и китайского юаня»². Более того, высокопоставленные чиновники и ведущие экономисты стали говорить о том, что мир уже находится в состоянии «валютной войны»³. Нынешний этап ряд аналитиков характеризуют как новая «НЭП» («новая экономическая политика»), главным содержанием которой, по мнению министра иностранных дел РФ Лаврова, будет «жесточайшая многоуровневая конкуренция в экономической, геополитической и идеологической сферах»⁴.

За последнее десятилетие Китай стал не только объектом пристального исследования и изучения, но и превратился в активного субъекта новой экономической политики. «Китайский фактор» также становится определяющей тенденцией современной мировой политики.

Еще одна тенденция, которая наметилась в мире – перераспределение богатств и экономической мощи от демократических держав Запада к полуавторитарным государствам Азии и авторитарным странам – экспортерам нефти Персидского Залива и ряда стран Африки, чьи ценности и базовые принципы сильно отличаются от западных.

Одна из причин обостряющихся и зреющих локальных, региональных и глобальных проблем нового тысячелетия, которые могут перерасти в кризисы, – усиливающийся дефицит ресурсов. За последнее десятилетие увеличился спрос на природные ресурсы, включая нефть и газ и, следовательно, повысились цены на эти не возобновляемые источники энергии. В свою очередь потребность в сырье, запасы которого носят ограниченный характер, как по объему, так и по географии расположения привело к возрастанию роли «ресурсного фактора» в развитии мировой политики и экономики.

На рубеже веков обозначилась новая «энергетическая конфигурация» глобальной политики. Переходный период, начавшийся с 1990-х годов продолжается с обозначением контуров будущего мироустройства и системы отношений, которые будут значительно отличаться от предыдущего миропорядка.

Появились новые участники рынка – страны-потребители: Китай, Индия, страны АТР, страны-производители, на территории которых находятся и разрабатываются новые месторождения и которые активно подключились к международному углеводородному рынку: Казахстан, Туркмения, Ангола, Гвинея, Нигерия, и страны-транзитеры: Грузия, Турция и ряд других. Нефтегазовые компании сегодня находятся в разном правовом статусе – государственные (китайские, венесуэльские, арабские), государственно-частные (ряд российских), частные (в основном компании Европы и США).

Обозначились *новые потенциальные районы*, за доступ к которым будет проходить борьба между США, Китаем, Россией и другими странами-потребителями и странами-производителями с целью их контроля, возможности участвовать в бизнес-проектах и разрабатывать новые месторождения. Это традиционные зоны стран Персидского залива, Мексиканский залив, Северное море, а также относительно новые районы – зона Каспийского моря, страны Латинской Америки, зона стран Гвинейского залива в западной Африке, Арктика, потенциал российских территорий Западной Сибири и Сахалина.

По оценкам энергетического информационного агентства США (EIA) к 2035 г. ожидается увеличение спроса на жидкое топливо с 86,1 млн баррелей в день в 2007 г. до 110 млн баррелей в день, причем в основном за счет развивающихся стран Азии с 16,4 млн баррелей в день в 2007 г. до 32,3 млн баррелей в день к 2035 г. Также ожида-

ется самое значительное увеличение ВВП в мире за счет азиатских стран с 14,323 млрд долл. в 2007 г. до 59,023 млрд долл. к 2035 г. В основном за счет динамично развивающихся экономик Китая и Индии⁵. По данным прогноза ЕИА среднегодовой прирост объема потребления нефти странами АТР в период до 2030 г. составит 3,5%.

Потребление природного газа увеличится на 44% с 10 трл куб. м. в 2007 г. до 156 трл куб. м. к 2035 г. несмотря на то, что в 2009 г. спрос на газ упал на 1,1% а в индустриальном секторе почти на 6,0%. В целом в мире увеличение потребления нефти с 2007 по 2035 гг. будет происходить в среднем на уровне 1,4% в год, но в развитых странах – на 0,5%, в азиатских на – 3,3%. В целом потребление энергии с 2007 по 2035 гг. возрастет на 49%.

Для удовлетворения растущего спроса на нефть в АТР потребуются значительное увеличение поставок из других районов мира. Главным источником новых поставок в АТР может быть Ближний Восток, также увеличится объем импорта из Северной и Центральной Африки, кроме того, будут организованы крупномасштабные поставки из Центральной Азии (в том числе Каспийского региона) и России.

Поэтому можно утверждать, что одним из главнейших мотивов трансформации современного мира и структурных глобальных изменений системы международных отношений и изменения в перееде прежних геополитических реалий является стремление новых и старых участников (актеров) обеспечить контроль над ресурсами на глобальном, региональном или отраслевом уровнях. Как показывает анализ, в начале XXI в. в основе реальных действий развитых и развивающихся государств на мировой арене оказывается их стремление обеспечить доступ и контроль над запасами дефицитных естественных ресурсов.

США, Китай, Россия имеют свои энергетические интересы, однако их стратегии и методы отличаются друг от друга.

Политика США основана на силовых методах и политическом доминировании в поддержке режимов лояльных по отношению к ним. Их главная цель в области энергетической безопасности – контроль над основными точками энергетической безопасности, то есть доступ к ресурсам региона, контроль за политико-экономической ситуации в странах, которые обладают природными ресурсами, контроль над маршрутами транспортировки нефти и газа и их диверсификация для снижения политических рисков и установления политического влияния⁶. В целом главная цель внешней политики США, которая была изложена в «Стратегии национальной безопасности» в мае 2010 г., остается прежней – «возобновление глобального лидерства»⁷. Меняются лишь акценты относительно способов,

методов и механизмов достижения целей – совместная кооперация и сотрудничество в тех направлениях, которые несут угрозу США и являются для них жизненно важными.

Новая энергетическая стратегия президента Б. Обамы сменила приоритеты направления и несколько отличается от предыдущей стратегии администрации Буша-мл. В первую очередь это колоссальное стремление повысить эффективность использования всех видов энергии. США в ближайшее десятилетие планируют осуществить переход к «зеленой экономике» – уменьшить выброс токсичных веществ за счет совершенствования технологических механизмов переработки углеводов, а также более широко использовать солнечную, ветряную и атомную энергию. При этом обсуждаются различные варианты долгосрочного выхода из сырьевой зависимости: переоснащение промышленности менее энергоемким оборудованием; перенос энергоемких производств в условиях нарастающей глобализации в страны, обладающие крупными запасами энергоносителей и дешевой рабочей силой; распространение контроля над сырьевыми потоками; диверсификация транспортных маршрутов поставок нефти и газа к потребителям, которая может если не избавить полностью, то существенно снизить уровень зависимости США и других промышленных лидеров от поставщиков нефти и газа. В то же время ряд положений политики энергетической безопасности остаются прежними.

Энергетическая стратегия России

Для России вхождение в глобальную экономику имеет большое экономическое и политическое значение. Россия выступает с позиции поддержания проникновения российского бизнеса за рубеж и расширения своих интересов в мире, а также использования своих конкурентных преимуществ в сфере ВПК, ядерных технологий, космоса, авиации, технологии по разведке и разработке нефтегазовых месторождений.

В конце 2009 г. была принята новая «Энергетическая стратегия России до 2030 года», которая определяет энергетическую безопасность как «состояние защищенности страны, ее граждан, общества, государства и экономики от угроз надежному топливо- и энергообеспечению. Эти угрозы определяются внешними геополитическими, макроэкономическими, конъюнктурными факторами, а также состоянием и функционированием энергетического сектора страны»⁸.

Основными проблемами в сфере энергетической безопасности являются: высокая степень износа основных фондов топливно-энер-

гетического комплекса; низкая степень инвестирования в развитие отраслей топливно-энергетического комплекса (за последние 5 лет объем инвестиций в топливно-энергетический комплекс составил около 60% от объема, предусмотренного ранее); монозависимость российской экономики и энергетики от природного газа; несоответствие производственного потенциала топливно-энергетического комплекса мировому научно-техническому уровню, включая экологические стандарты; слабое развитие энергетической инфраструктуры в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

Что касается экспорта энергоресурсов, то в Стратегии отмечается, что «доля европейского направления в общем объеме экспорта российских топливно-энергетических ресурсов будет неуклонно сокращаться за счет диверсификации экспортных энергетических рынков в восточном направлении (Китай, Япония, Республика Корея, страны Азиатско-Тихоокеанского региона). При этом к концу третьего этапа реализации настоящей Стратегии удельный вес восточного направления в экспорте жидких углеводородов (нефть и нефтепродукты) возрастет с 6% в настоящее время до 22–25%, а в экспорте газа – с 0 до 20%»⁹.

Россия имеет потенциальную возможность выхода на все три крупнейших мировых рынка – европейский, североамериканский и рынок Юго-Восточной и Южной Азии. В настоящее время Россия наиболее тесно связана с европейским рынком, куда направляется 93% всего экспорта нефти из России.

Привлекательность рынка АТР для России заключается в первую очередь в его динамичном росте. В то же время, возможности экспорта нефти из России в Китай и другие страны АТР с учетом нынешней степени разработки ресурсов Восточной Сибири незначительны. Таким образом, Россия не в состоянии сегодня полностью удовлетворить потребности в нефти стран АТР. В то же время нежелательно потерять этот перспективный рынок. Поэтому в 2004 г. правительство приняло стратегическое решение о строительстве нефтепровода из Восточной Сибири на тихоокеанское побережье (ВСТО) с отдельным ответвлением на Китай.

Энергетическая стратегия Китая

В отличие от США внешнеполитическая стратегия Китая не ориентирована на миссионерский подход распространения демократии, либеральных ценностей, экономических и политических свобод. Внешняя политика основана на потребности в поставках недостающих природных ресурсов энергоносителей, металлов и

стратегического сырья, необходимых для поддержания постоянно растущего жизненного уровня 1,3 млрд населения.

Высокие темпы индустриализации и урбанизации превратили Китай в крупнейшего мирового потребителя алюминиевой, медной, свинцовой, никелевой, цинковой, оловянной и железной руды (его доля в мировом потреблении металлов за последнее десятилетие подскочила с 10 до 25%).

Для решения этой задачи китайское руководство выстраивает выгодные экономические и политические отношения со странами, которые обладают этими ресурсами. Можно только удивляться, с каким упорством и темпами расширяет Китай свое экономическое присутствие в различных регионах мира: Африка, Латинская Америка, Евразия, Персидский залив. Главный объект китайских инвестиций – минерально-сырьевые и углеводородные ресурсы, прежде всего нефть, а также железная руда, медь, марганец, кобальт, фосфаты, платина, уголь.

В 1993 г. Китай впервые стал чистым импортером нефти. Сейчас китайские компании работают по всему миру. Две самые крупные нефтегазовые госкомпании CNPC и Sinopec широко представляют интересы китайской экономики во всем мире. CNPC ведет 65 проектов в 25 странах, Sinopec – 36 проектов в 20 странах¹⁰.

Прагматичные китайцы хотят обеспечить себя поставками нефти из разных источников. В целом китайские государственные нефтяные компании в 2009–2010 гг. совершили крупные покупки за рубежом. Правительство поддерживает их глобальную экспансию, надеясь в кризис задешево приобрести привлекательные активы. Так, Sinopec укрепила свои международные позиции в 2009 г., купив канадскую Addax Petroleum, одну из ведущих нефтедобывающих компаний в Африке и на Ближнем Востоке, за 7,2 млрд долл. Китайское правительство в 2009 г. приняло пакет программ, направленных на стимулирование нефтепереработки, и рассматривает кризис как возможность осуществить реструктуризацию нефтеперерабатывающего сектора. Правительство выделяет около 73 млрд долл. на создание совместных предприятий с иностранными компаниями, которые будут обеспечены гарантированными поставками нефти, и строительство заводов по ее переработке внутри страны.

Китай шаг за шагом наступает на постсоветское пространство – пока экономически и финансово. Его инвестиции в страны СНГ в виде прямых кредитов и покупки активов превысили 80 млрд долл. и продолжают расти. С конца 1990-х годов Китай привлекают энергетические ресурсы Центральной Азии. Сегодня китайские компании контролируют до 40% нефтегазовой сферы Казахстана.

На Китай ориентированы два действующих крупнейших транспортных проекта: нефтепровод Казахстан – Китай и газопровод Туркмения – Китай.

Кроме нефтегазовой сферы Китай привлекают атомная энергетика Казахстана, электроэнергетика Таджикистана (кредит в 300 млн долл. на достройку Зеравшанской ГЭС), транспорт, телекоммуникации, строительство и цветная металлургия, а также химическая и легкая промышленность. Китай последовательно осваивает азиатское пространство, строя новые линии коммуникации, призванные соединить местные дороги с китайскими. Завершается строительство двух крупных железных дорог Китай – Киргизия – Узбекистан.

В 2006 г. был построен нефтепровод в Казахстан, а газопровод из Туркменистана был запущен в 2008 г. В настоящее время Пекин рассматривает строительство нефтепровода через Пакистан.

О ввязком вхождении Китая в евразийское пространство свидетельствует его разработка месторождения меди, находящегося к югу от Кабула. Пекин рассчитывает проложить в Афганистане и в Пакистане дороги и трубопроводы, которые свяжут многообещающий центральноазиатский регион, где он утверждает свое господство, с портовыми городами на берегу Индийского океана.

Активность Пекина, очевидно, устраивает и правящие режимы региона, так как Китай готов взаимодействовать с любым правительством, поскольку инвестиции и кредиты не сопровождаются жесткими политическими условиями и требованиями финансовой прозрачности. Вероятно, что Китай, который нуждается в стабильных поставках сырьевых ресурсах с учетом темпов роста его экономики, будет и впредь наращивать экономические связи со странами СНГ и Центральной Азии¹¹.

Экономическое и политическое сотрудничество России и Китая

У России с Китаем не только большое экономическое взаимодействие, но и большие переплетающиеся интересы в Азии. Россия, как и Китай, входит в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) – политическое объединение, созданное в 2001 г. вместе с Казахстаном, Таджикистаном, Киргизией и Узбекистаном.

Россия и Китай с 2005 г. дважды провели совместные военные учения и разрешили в 2008 г. 40-летний спор относительно спорных приграничных территорий. Обе страны имеют схожие позиции относительно большого количества вопросов, включая сотрудни-

чество в сфере безопасности в Центральной Азии, установление глобальной резервной валюты взамен доллара и реформы международных финансовых институтов. Двусторонний торговый оборот вырос с 5 млрд долл. в 2000 г до 60 млрд в 2008 г. и, несмотря на кризис, может достичь этого уровня в конце 2010 г.

В то же время по темпам инвестиций и освоения постсоветского пространства Россия заметно отстает от Китая. Из-за отсутствия достаточных ресурсов российская дипломатия, по видимому, исходит из того, что Россия сегодня не способна в таких масштабах и темпах как Китай «завоевывать» шаг за шагом новые территории и объекты, т. е. использовать «китайскую технологию» по расширению зон своего влияния и интересов в мире. Поэтому с точки зрения интересов РФ, образовавшийся вакуум силы в центрально-азиатском регионе выгодно «разбавить» «китайским фактором», чем позволять усиливать влияние США, Турции, ЕС или исламского фундаментализма.

В 2009 г. Россия и Китай одобрили Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири с провинциями Северного Китая до 2018 г. Предусмотренные объекты сотрудничества имеют чисто сырьевой характер. В 2004 г. китайские компании кредитовали «Роснефть» на 6 млрд долл., когда та нуждалась в деньгах для покупки активов «ЮКОСа» в обмен на долгосрочный контракт на поставку нефти по нерыночным ценам. В середине 2006 г. было образовано СП «Восток энерджи» между «Роснефтью» (51%) и CNPC (49%) по разведке и добыче углеводородов в России. В 2007 г. оно получило лицензии на два небольших месторождения в Иркутской области вблизи трассы ВСТО.

ВСТО и интересы РФ

В сентябре 2010 г. Президент России Дмитрий Медведев, находившийся с официальным визитом в Китае, и председатель КНР Ху Цзиньтао объявили о завершении строительства российско-китайского нефтепровода. Поставки нефти по отводу от трубопроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО) на Китай начнутся в соответствии с контрактами между ОАО НК «Роснефть», ОАО «АК «Транснефть» и CNPC (Китайской национальной нефтегазовой корпорацией), подписанными в 2009 г. Нефтепровод проходит от населенного пункта Сковородино через приграничный Мохэ до китайского Дацина.

Церемония пуска российско-китайского нефтепровода означала пока подготовку нефтепровода к эксплуатации. Российская

сторона подтвердила, что поставки коммерческой нефти по данному трубопроводу в объеме 15 млн тонн нефти в год начнутся с 1 января 2011 г. Таким образом, нефтепровод символизирует новую фазу отношений между РФ и Китаем и отражает усиление коммерческих и политических связей между двумя развивающимися экономиками.

Интересы России – переключить энергетический экспорт с традиционного европейского направления на Китай и быстро развивающиеся азиатские рынки. Пекин хочет улучшить свою энергетическую безопасность при помощи диверсификации источников и маршрутов поставок. Предполагается, что трубопровод удвоит экспортные поставки в Китай, которые сегодня в основном осуществляются медленно и дорого по железной дороге, и превратит Россию в одного из трех главных поставщиков нефти в Китай наряду с Саудовской Аравией и Анголой.

Как отмечает в своем комментарии американская газета “Wall Street Journal”, «движимым мотивом улучшения отношения являются совпадающие интересы. Для России ВСТО – это желание ослабить свою привязанность к европейскому рынку частично из-за политической конфронтации последних десяти лет, а также отхватить часть растущего азиатского рынка от поставок ОПЕК. Для Китая этот нефтепровод означает приспособить свою стратегию к обеспечению (защите) новых энергетических источников и альтернативных маршрутов поставки импортной нефти, большая часть которых осуществляются из Ближнего Востока морем и потенциально могут быть прерваны в результате морской блокады в Маллакканском проливе»¹².

В то же время с обеих сторон высказывается настороженность относительно этой сделки. С российской – что она станет не более чем энергетическим и сырьевым поставщиком для Китая, с китайской – что Москва сможет использовать новую трубу как инструмент внешней политики.

Россию беспокоит экономическое влияние Китая и миграция китайцев в малонаселенные восточные территории. При этом совсем рядом с семимиллионным русским населением Дальнего Востока (к 2015 г. его численность может сократиться до 4,5 млн), в трех приграничных провинциях Китая проживает около 100 млн человек. По плотности они превосходят российский Дальний Восток в 62 раза. Китайские мигранты просачиваются в Россию, наводняя Читу к северу от монгольской границы, а также другие города региона.

По оценке руководителя Центра исследований постиндустриального общества Вл. Иноземцева, Китай в геополитическом пла-

не не представляет для России никакой угрозы. По его мнению, «единственная угроза, которая может быть, это то, что Китай, расширяясь экономически, и завоевывая на мировом рынке индустриальную нишу, лишает Россию возможности стать индустриальной страной. То есть закрывает нам рынки. На самом деле мы с Китаем конкуренты, потому что Россия сейчас производит сырье, а могла бы производить индустриальные товары из этого сырья»¹³.

Однако ситуация не так безнадежна. После 2020 г. наращивание и поддержание объемов добычи и экспорта нефти возможно за счет ввода новых крупных месторождений, открытие которых прогнозируется в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, «Роснефть» планирует построить к 2012 г. НПЗ в конечном пункте ВСТО с мощностью в 20 млн тонн/год, глубина нефтепереработки – 93%.

В энергетическом сотрудничестве достигнут прогресс и по другим направлениям – в области угля и атомной энергетики. До 2008 г. Китай сам производил много угля и практически не импортировал его из России. До 2008 г. всего было импортировано из РФ около 700 тыс. тонн угля. По прогнозам в конце 2010 г. экспорт составит 13 млн тонн. Россия стала четвертым по объемам экспортером угля в Китай после Австралии, Индонезии и Вьетнама.

Китай также ведет переговоры по конкретным объектам, связанными с переработкой угля. Китай имеет технологии сжижения угля на Дальнем Востоке. В настоящее время государственная российская электроэнергетическая компания «Интер РАО ЕЭС» и китайская компания «Шэньхуа» подписали протокол о намерениях, предусматривающий строительство на Дальнем Востоке завода по сжижению угля.

Третьим важным направлением является сотрудничество в области атомной энергетики, в этой сфере также достигнуты конкретные результаты.

Россия заинтересована в экспорте в Китай оборудования на сумму 1,4 млрд долл. для АЭС, в частности, для второй очереди Тяньваньской АЭС в провинции Цзянсу. Во время последнего визита в Китай президента Д. Медведева было подписано соглашение по техническим вопросам строительства второй очереди Тяньваньской АЭС.

Россия уже 20 лет эксплуатирует реактор на быстрых нейтронах мощностью 600 мегаватт. Сегодня эксперты двух стран ведут переговоры, и китайская сторона рассматривает вопрос об импорте из России технологии 800-мегаваттных реакторов на быстрых нейтронах Россией. Очевидно, что Россия имеет свои конкурентные преимущества перед Китаем и собирается в полной мере ими воспользоваться в развитии экономического сотрудничества.

Возрастание роли «ресурсного фактора» в мировой политике является новой определяющей тенденцией и мотивом деятельности для государств и компаний, работающих на этом направлении, так как от необходимых природных ресурсов напрямую зависят перспективы социально-экономического развития государств и благополучие ТНК.

Контроль и безопасность поставок углеводородов и других природных ресурсов, а также диверсификация маршрутов поставок являются главными целями энергетической политики США, Китая и России.

Доступ к ресурсам и участие в международных энергетических проектах в любом регионе мира остается главной целью китайской внешней политики. Современная стратегия Китая вхождения в глобальный мир осуществляется при помощи «мягкой силы» с опорой на инфраструктурные проекты и инвестиции в гуманитарные и другие сферы и исходит из основополагающего национального интереса – экономического выживания, и поэтому мы вправе охарактеризовать эту страну как сверхреалистичную, сверхпрагматичную державу.

Малонаселенный российский Дальний Восток и Центральная Азия располагают огромными запасами природного газа, нефти, строевого леса, алмазов и золота и являются главнейшим стратегическим регионом для Китая.

Россия также заинтересована в расширении своих экспортных углеводородных рынков и использует конкурентные преимущества в сотрудничестве с Китаем для развития экономического потенциала своего Дальнего Востока.

Примечания

- ¹ Более подробно о сценариях развития мировой экономики и роли энергетики в формировании новой модели экономического роста см.: Доклад директора Института энергетической стратегии В.В. Бушуева на V Международной энергетической неделе «Мировая энергетика-2050» [Электронный ресурс] // Институт энергетической стратегии. [М., 2010]. URL: http://www.energystategy.ru/ab_ins/source/Bushuev-25.10.10.doc (дата обращения: 26.01.2011).
- ² Рубченко М. На излете нефтяной эпохи [Электронный ресурс] // Сайт журнала «Эксперт». [М., 2010]. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2010/38/interview_na_izlete_neftyanoi_epohi (дата обращения: 26.01.2011).
- ³ Валюты: напряженность нарастает [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «Интерфакс». [М., 2010]. URL: <http://www.interfax.ru/>

- business/txt.bm=10&by=2010&ed=15&em=10&ey=2010&secid=0&mp=2&p=1 (дата обращения: 26.01.2011).
- ⁴ *Лавров С.В.* Настоящее и будущее российской внешней политики: взгляд из Москвы [Электронный ресурс] // Сайт журнала «Россия в глобальной политике». [М., 2007]. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_8385 (дата обращения: 26.01.2011).
- ⁵ International Energy Outlook 2010 [Электронный ресурс] // U.S. Energy Information Administration Office of Integrated Analysis and Forecasting U.S. Department of Energy. [Washington, 2010]. URL: [www.eia.gov/oiia/ieo/pdf/0484\(2010\).pdf](http://www.eia.gov/oiia/ieo/pdf/0484(2010).pdf) (дата обращения: 26.01.2011).
- ⁶ *Crane K., Goldthau A., Toman M., Light T., Johnson S., Nader A., Rabasa A., Dogo H.* Imported Oil and U.S. National Security [Электронный ресурс] // RAND Corporation. [Santa Monica, 2009]. URL: <http://rand.org/pubs/monographs/MG838> (дата обращения: 26.01.2011).
- ⁷ National Security Strategy [Электронный ресурс] // The White House President Barack Obama. [Washington, 2010]. URL: www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (дата обращения: 26.01.2011).
- ⁸ Энергетическая стратегия России на период до 2030 г. [Электронный ресурс] // Российский Социально-экологический Союз. [М., 2009]. URL: http://www.rusecounion.ru/sites/default/files/enerstrategy_rf.pdf (дата обращения: 26.01.2011).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Пусенкова Н.Н.* Китайский фактор. За рынки Поднебесной резко обостряется конкуренция [Электронный ресурс] // Независимая газета. [М., 2010]. URL: http://www.ng.ru/energy/2010-06-08/9_factor.html (дата обращения: 26.01.2011).
- ¹¹ Атлас 2010. Le Monde diplomatique. М.: Центр исследования постиндустриального общества, 2010. С. 214–215.
- ¹² Russian Oil Route Will Open to China [Электронный ресурс] // Wall Street Journal [NY, 2010]. URL: <http://online.wsj.com/article/SB10001424052748704082104575515543164948682.html> (дата обращения: 26.01.2011).
- ¹³ *Иноземцев Вл.* У Китая никогда не было союзников [Электронный ресурс] // Сайт «Российской газеты». [М., 2010]. URL: <http://www.rg.ru/2010/10/01/valday-site.html> (дата обращения: 26.01.2011).

БРИК – НОВЫЙ ФОРМАТ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН – ЛИДЕРОВ РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ МИРА

Статья посвящена новой международной организации – БРИК. Это объединение было создано в 2008–2009 гг. и представляет собой альянс ведущих развивающихся стран мира: Бразилии, России, Индии и Китая. Автор прослеживает историю появления БРИК, анализирует внутреннее устройство организации, специфику отношений между ее членами в различные периоды современной истории, а также реакцию на появление БРИК со стороны стран Запада.

Ключевые слова: страны БРИК, «Большая четверка», международная интеграция, политическая и экономическая кооперация.

В статье автор хотел бы проанализировать историю возникновения и ключевые особенности новой международной организации БРИК, рассмотреть взаимодействие ее участников между собой и реакцию на появление новой структуры со стороны стран Запада.

Касаясь истории появления БРИК, хотелось бы напомнить, что в 1990-е годы, после распада социалистического лагеря и окончания холодной войны, мир столкнулся с перспективой установления однополюсного миропорядка. США стали претендовать на мировое господство. Развивающиеся страны столкнулись с трудными проблемами, потому что Запад отказывал им в доступе к передовым технологиям, навязывал неравноправные торгово-экономические условия, тормозил их развитие, стал практиковать так называемые «гуманитарные интервенции». Для политической элиты значительной части стран третьего мира стала очевидной необходимость объединения их усилий, чтобы сообща противостоять диктату Запада и бороться за «место под солнцем».

Уже в середине 1990-х годов появились первые идеи объединения стран – лидеров «незападного мира». Впервые идею «стратегического треугольника» РИК попытался озвучить председатель Госдумы РФ И. Рыбкин во время официального визита в Дели осенью 1994 г. Никакой реакции на нее тогда не последовало¹. В 1998 г. Е. Примаков, в бытность его министром иностранных дел России, предложил концепцию «стратегического треугольника» РИК в качестве ответа на расширение НАТО на Восток. Однако в тот период этот проект оказался не востребован российской политической элитой, по-прежнему смотревшей на Запад. Кроме того, он недоучитывал сложности в тогдашних китайско-индийских отношениях. Пекин и Дели восприняли идею треугольника без энтузиазма. Индийский публицист Дэв Мурарка, к примеру, заявлял: «Бороться за создание блока РИК – все равно, что махать крыльями в пустоте <...> Россия больше тяготеет к Европе и Америке, Китай никогда не был заинтересован в таком альянсе. У Индии, пользуясь выражением Ницше, нет “воли к власти” и необходимости в реализации такого проекта. Кроме того, китайцы невысокого мнения об Индии, а индусы не доверяют Китаю»².

Помимо политических разногласий, развитию сотрудничества стран БРИК вплоть до начала XXI в. препятствовали сложившиеся стереотипы. Политическая элита этих государств, в том числе и России, привычно смотрела на Запад, а друг друга воспринимала по остаточному принципу. Все 1990-е годы считалось, что страны БРИК никакого принципиального интереса друг для друга не представляют. Известный либеральный экономист Евгений Ясин по поводу БРИК еще недавно заявлял: «Место БРИК в мировой экономике такое: Китай – мастерская мира, Индия – бюро добрых услуг, Бразилия – мировая ферма, а Россия – всемирная кочегарка (поставщик энергии)»³. Например, Бразилия в нашей стране с советских времен ассоциируется с футболом, карнавалом и растворимым кофе, а о том, что эта страна уже превратилась в крупную промышленную державу, в третьего в мире производителя самолетов, почти никто и не знал.

Тем не менее идея объединения стран – лидеров незападного мира постепенно пробивала себе дорогу. Моментами истины стали односторонние действия США, направленные на закрепление их гегемонии в мире. Косово – 1999 г., Афганистан – 2001 г., Ирак – 2003 г. показали, что ни одна страна в мире в одиночку не осмеливается бросить вызов Америке. В этих условиях в политической элите крупных развивающихся стран сложилось понимание необходимости объединения их усилий. В 1999–2001 гг. в академических кругах и правительственных структурах трех стран началась широкая

интенсивная научная проработка проблем взаимодействия «стратегического треугольника» РИК в областях внешней политики, безопасности, экономики⁴. Интересы взаимного сотрудничества стали перевешивать имевшийся негатив. К тому же стала очевидной политика Запада «разделяй и властвуй», стремившегося не допустить объединения усилий стран – лидеров незападного мира. За основу для сближения был принят принцип «закрыть прошлое и открыть двери в будущее».

Провозвестниками рождения БРИК стали формирование ШОС (2001 г.), налаживание постоянного консультационного механизма в формате РИК и активное подключение к происходящим процессам Бразилии.

В 2001 г. впервые появилась аббревиатура БРИК. Она была запущена в докладе группы экспертов американского инвестиционного банка “Goldman Sachs”. Автором термина стал аналитик Д. О’Нилл. В 2003 г. банк опубликовал развернутое прогностическое исследование, в котором указывалось, что к 2050 г. экономика стран БРИК по своему объему превзойдет экономику стран Запада, и тогда эти государства начнут оказывать доминирующее экономическое, а возможно и политическое влияние на мировое развитие. Последующие несколько лет продемонстрировали, что ждать 2050 г. не потребуется, все происходит гораздо быстрее. В прогнозе 2003 г. указывалось, что на страны БРИК будет приходиться 10% мирового ВВП к 2010 г., однако по факту уже в 2007 г. их показатель превысил 15%⁵.

По мере динамичного экономического подъема стран БРИК они стали проявлять растущую склонность к экономическому и дипломатическому взаимодействию. В 2001–2005 гг. они активизировали свое сотрудничество в рамках ООН и в формате различных встреч на высшем уровне. Процесс конституирования БРИК набирал обороты. Поворотной точкой от «виртуального альянса» к реально действующей структуре стала встреча министров иностранных дел стран БРИК в Екатеринбурге в 2008 г. На ней было согласовано решение о придании организации БРИК официального статуса и переводе ее на высший государственный уровень.

В июне 2009 г. в Екатеринбурге состоялся первый саммит глав государств четверки БРИК. На нем осуществлялась выработка согласованных позиций 4 стран по широкому кругу международных вопросов и укреплению институциональных основ коалиционной группировки⁶. Во-первых, был зафиксирован его перевод на регулярную ежегодную основу. Во-вторых, стороны договорились сообща отстаивать свои интересы на международной арене на основе принципов равноправия, поддержки многополярности и верховен-

ства международного права. В-третьих, были согласованы позиции по борьбе с мировым экономическим кризисом. Наконец, в-четвертых, активизируется сотрудничество по широкому спектру вопросов (наука, образование, экономика, энергетика). Второй саммит БРИК прошел в Бразилии в апреле 2010 г. На нем российским президентом Д. Медведевым была выдвинута инициатива о создании к 2020 г. зоны свободной торговли для стран – участниц объединения. Формат БРИК позволяет не допускать доминирования какой-то одной страны, например, Китая и позволяет принимать решения на равноправной основе⁷. Сейчас БРИК быстро выделяется в отдельное самостоятельное и, пожалуй, наиболее перспективное направление внешней политики РФ.

Вплоть до недавнего времени наиболее проблемным звеном выглядели двусторонние отношения между Китаем и Индией. Но с началом XXI в. к лидерам Китая и Индии пришло осознание того, что конфликтные отношения играют на руку только США, которые активно пользуются их противоречиями. При этом обе азиатские державы многое теряют, не используют полностью потенциал взаимного сотрудничества. Начиная с 2001 г. стороны предприняли шаги к улучшению своих взаимоотношений. В частности, в 2003 г. была принята «Декларация о принципах отношений и всестороннем сотрудничестве», ставшая краеугольным камнем современных китайско-индийских отношений⁸. В основу их были положены отношения доверия и взаимной выгоды. Стороны фактически договорились отложить свои территориальные споры на неопределенное будущее и не акцентировать внимание на этом вопросе.

С января 2005 г. на уровне МИДов действует так называемый «Совет мудрецов» – форум авторитетных экспертов, которые регулярно собираются и обсуждают проблемы китайско-индийских отношений и ключевые международные проблемы⁹. Началось сотрудничество по партийной линии, проводятся встречи парламентариев. В 2005 г. заявлено о стратегическом партнерстве и отношениях добрососедства, Китай снял свои возражения на членство Индии в Совбезе ООН, занял более сбалансированную позицию в непростом индо-пакистанском диалоге.

В последнее десятилетие резко интенсифицировалась китайско-индийская взаимная торговля. В 2005–2008 гг. ее объем утроился и достиг 51,8 млрд долл., увеличившись за 20 лет в 250 раз¹⁰. Китайско-индийская торговля стала самой быстрорастущей в мире. Экономический кризис 2008–2009 гг. в Китае и Индии привел к некоторому сокращению темпов роста ВВП, однако и в этих условиях стороны поступательно развивали свое сотрудничество.

Значительный прогресс, по сравнению с предшествующими десятилетиями, был достигнут в российско-китайских отношениях. Его основой стал Большой Договор о дружбе 2001 г., разрешивший территориальные споры двух государств и заложивший прочный фундамент всестороннего сотрудничества, выходящего на стратегический уровень. За 2000–2008 гг. товарооборот между двумя странами вырос с 6 до 58,8 млрд долл., то есть почти в 10 раз¹¹.

Сравнительно отстающим звеном выглядят пока отношения Россия–Индия. Двусторонний товарооборот колебался в последние годы на отметке 5–7 млрд долл., при этом основными статьями торговли выступали энергоресурсы и военная техника. Обе стороны заинтересованы в интенсификации сотрудничества, исходя как из собственных интересов, так и из соображений поддержки баланса в непростом диалоге с Китаем.

О Бразилии хотелось бы сказать особо. Если Индия и особенно Китай в настоящее время в России признаны важными партнерами, будущими сверхдержавами, то в отношении Бразилии этого нет. У нас существуют стереотипы «удаленности, малопривлекательности, третьемировскости» этой страны. Для нас Бразилия – это карнавал, футбол, самба, жители Рио «все поголовно в белых штанах». Между тем забывают о том, что это крупная промышленная держава, по своему потенциалу и уровню развития сопоставимая с Россией. Кстати, аналогичное восприятие наблюдается и в Бразилии, где зачастую послушно повторяются штампы, тиражируемые в западных СМИ и воспроизводится «матрешечная экзотика»: Россия – страна морозов, медведей и водки¹².

Следует отметить в связи с этим, что с начала XXI в. бразильская дипломатия резко активизировала свою активность в поиске новых партнеров. Известно нашумевшее заявление бразильского президента Лулы да Силвы: «XIX век был веком Европы, XX – веком США, а XXI будет веком Бразилии». Чтобы реализовать свои амбиции, Бразилия попыталась стать политическим лидером стран глобального Юга, объединить их под своим руководством и подключить их ресурсы к собственному развитию. Поэтому бразильцы стали настоящими чемпионами по выдвиганию разнообразных интеграционных инициатив в формате межрегионального сотрудничества по линии Южная Америка – Ближний и Средний Восток, Южная Америка – Африка, Южная Америка – страны Персидского Залива.

В декабре 2002 г. в Вашингтоне Лула да Силва заявил: «Бразилия будет стремиться к поиску новых партнеров среди тех государств, которые по размерам и потенциалу похожи на нас. Это Россия, Индия, Китай». Вслед за этим резко интенсифицировалось

политическое и экономическое взаимодействие Бразилии с Индией и особенно с Китаем. В 2009 г. КНР опередила США и стала крупнейшим торговым партнером Бразилии. Бразилия интенсивно развивала кооперацию с КНР и Индией в развитии возобновляемых источников энергии (этанол и биодизель), биотехнологий, фармацевтики, ядерной энергии, космоса¹³.

Известно, что в тройке РИК Россия имеет самый большой опыт взаимодействия с Бразилией – дипломатические отношения между нашими странами были установлены еще в 1828 г. Но на современном этапе, в отличие от Индии и Китая, Россия пока остается «слабым звеном» в контактах с Бразилией. России мешают стереотипы «удаленности» и «нетрадиционности», чего не скажешь об Индии и Китае по отношению к Бразилии. России мешает комплекс «периферийности», метаний между Востоком и Западом, восприятия стран третьего мира по «остаточному принципу».

Несмотря на трудности и проблемы, с которыми сталкиваются страны БРИК в развитии контактов между собой, в целом процесс идет успешно и демонстрирует положительную динамику. Альянс БРИК стал весомым фактором в международной политике, засвидетельствовав крупные сдвиги, происходящие в расстановке сил на мировой арене.

В начале XXI в. развитые страны столкнулись с ситуацией, когда инициированная ими глобализация, по сути дела, начала обращаться против них. Большинство стран третьего мира, отложив в сторону свои прежние разногласия, сконцентрировалось на нуждах экономического развития, используя открывшиеся новые возможности. Темпы развития развивающихся стран стали опережать развитые государства в 2–3 раза. Например, в 2007 г. рост ВВП в развитом мире составил 2,3%, а в развивающемся – 7,5%¹⁴. В 2008 г. общий ВВП развивающихся стран впервые превзошел ВВП развитых. В этих условиях у развивающихся стран стало появляться все больше возможностей для сотрудничества по линии «Юг–Юг», взаимодействия между собой.

Формирование в 2008–2009 гг. объединения БРИК ознаменовало выход интеграционных процессов в развивающемся мире на качественно новый уровень. Дело в том, что каждая из стран – участниц БРИК, помимо того, что она входит в число крупнейших государств мира по территории, населению, экономическому потенциалу, является вместе с тем и региональным центром, объединяя вокруг себя многие более мелкие государства. Соответственно, в рамках БРИК оказывается возможна кооперация не только четырех крупнейших развивающихся стран, но опосредовано, – и регионов, которые они представляют. БРИК объединяет страны – лидеры

развивающегося мира и в перспективе обладает потенциалом для координации усилий большинства стран Юга. БРИК является и выразителем жизненных интересов развивающихся стран, поскольку все его участники солидарны в стремлении к построению многополярного мира, выступают за укрепление роли ООН и международного права, за отказ от практики «гуманитарных интервенций», за коллективный подход к решению глобальных проблем.

По сути дела, БРИК стал первой глобальной организацией Юга, доступ в которую для развитых стран Севера закрыт. Естественно, на Западе оказались крайне встревожены оформлением альянса стран – лидеров «незападного мира». Недаром в своей инаугурационной речи президент Франции Н. Саркози среди трех главных вызовов Западу выделил усиление позиций стран БРИК. Пытаясь воспрепятствовать оформлению альянса стран БРИК, США неоднократно предпринимали попытки перехватить инициативу. Например, еще в апреле 2005 г. К. Райс внесла предложение о создании «сообщества великих многонациональных демократий» (США, Бразилия, Индия, ЮАР) – без участия РФ и КНР. США постарались разделить четверку БРИК путем «дифференцированного подхода» – сближения с Бразилией и Индией, их отрыва от России и Китая.

Мировой экономический кризис 2008–2009 гг., события 2008 г. на Кавказе показали, что США уже не справляются с ролью единственной сверхдержавы. Среди значительной части западной политической элиты возникло понимание того, что разрешение глобальных мировых проблем в узком «семейном кругу» G-7 невозможно, необходимо подключение к диалогу и крупных развивающихся стран. Один из крупнейших американских социологов Пол Кеннеди в своей статье в “The Wall Street Journal” от 14 января 2009 г. образно описал суть возникших перед США проблем. «Америка – это сильный человек с гармонично развитой мускулатурой, который способен в течение долгого времени идти в гору даже с весьма увесистым рюкзаком за плечами. Но если сил у этого человека становится все меньше (экономические проблемы), а груз увеличивается (доктрина Буша), и двигаться надо по сильно пересеченной местности (появление новых великих держав, международный терроризм, проблема несостоятельных государств), наш энергичный пешеход начинает замедлять шаг и даже спотыкаться. Именно тогда более проворные, меньше нагруженные люди могут сначала сократить отставание, затем поравняться с ним и, возможно, даже обогнать»¹⁵.

Осознав появление объединения БРИК как крупной значимой силы, влиятельные политические круги на Западе стали проявлять склонность считаться с ней. Для них стало ясно, что игнорировать далее мнение развивающихся стран становится опасно, развитие стра-

ны в одиночку не справятся с мировым экономическим кризисом и другими вызовами. И в результате конфигурация мировой архитектуры стала меняться на наших глазах. На фоне бесконечных дебатов относительно реформирования ООН, МВФ и Всемирного банка параллельно и как бы «самопроизвольно» рождаются новые структуры не только в области экономической интеграции, но и в сфере международной безопасности, множатся форумы и строятся новые коалиции в целях нахождения коллективных ответов на ключевые вызовы XXI в. Впервые к обсуждению важнейших международных проблем стали допускать крупнейшие развивающиеся страны, что ранее делалось лишь в узком «семейном» западном кругу.

В июне 2007 г. в Германии в г. Хайлигендам впервые состоялся совместный саммит стран «Большой Восьмерки» и лидеров пяти крупнейших развивающихся стран (Бразилия, Индия, Китай, Мексика, ЮАР). С этого времени встречи в формате G8+G5 проводятся регулярно. По названию города эти совместные переговоры именуются «Хайлигендамским процессом». Акцент при этом делается на таких темах как развитие, международные инвестиции, инновации и энергетика.

Вторым важнейшим международным форумом с участием развивающихся стран стала «Большая двадцатка». Впервые она собралась еще в 1999 г. для обсуждения мер по борьбе с последствиями Азиатского кризиса. До середины 2008 г. происходили спорадические встречи на уровне министров финансов и управляющих Центральных банков. В условиях развернувшегося острейшего финансового кризиса осени 2008 г. именно этот формат оказался востребован, поскольку западные страны в одиночку не справлялись с кризисом, им срочно потребовалось содействие развивающихся стран, накопивших к тому времени несколько триллионов долларов золото-валютных резервов. В G-20, наряду с представителями ЕС, G-7 и БРИК, входят Аргентина, Мексика, ЮАР, Саудовская Аравия, Турция, Индонезия и Южная Корея. В 2007 г. на эти 20 стран приходилось 62% мирового населения и 77% ВВП¹⁶.

На саммите G-20 в Вашингтоне (ноябрь 2008 г.) осуществлялась выработка срочных коллективных мер по борьбе с кризисом. Саммит в Лондоне (апрель 2009 г.) уже приступил к серьезному обсуждению модели новой международной финансовой системы. Были приняты конкретные решения о наделении МВФ и ВБ дополнительными ресурсами для преодоления кризиса.

Третий саммит G-20 в Питтсбурге (сентябрь 2009 г.) принял ряд важных решений. Во-первых, Запад фактически дал согласие на участие ведущих стран третьего мира в реформировании международной финансовой системы. Ее реформа осуществляется именно в

формате G-20, а не в прежнем G-8. Во-вторых, были осуществлены первые шаги в этом направлении. Готовясь к саммиту, еще в июле 2009 г. МВФ принял беспрецедентное решение о размещении своих облигаций среди правительств стран-участниц. На саммите в Питтсбурге было согласовано приобретение Китаем облигаций на 50 млрд долл., Индией, Россией, Бразилией – по 10 млрд долл.¹⁷ За этим решением в конце 2010 – начале 2011 г. должно последовать увеличение квот стран БРИК в уставном капитале МВФ, а значит, расширение и влияние на принятие решений в рамках этой финансовой организации. На саммите прозвучали и предложения о переходе на новую мировую резервную валюту.

Во многом этот процесс реформирования обеспечен стремлением новой администрации США во главе с Б. Обамой отказаться от жесткого курса Дж. Буша-мл., «произвести перезагрузку» отношений и «сменить имидж» США. Иначе уже невозможно обеспечить управляемость процессов мирового развития, выстроить адекватный механизм глобального регулирования.

Таким образом, мы видим, что современный мир вступает в новую эпоху. Он становится более демократичным, более открытым для взаимодействия разных участников. На сцену выходят новые глобальные игроки, меняющие прежние правила игры, создающие новые возможности развития для себя и других.

Примечания

- ¹ Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2002. С. 60.
- ² Там же. С. 50.
- ³ Ясин Е. Страны БРИК очень разные для создания международной организации [Электронный ресурс] // Лента новостей «РИА Новости». [М., 2009]. URL: http://www.rian.ru/crisis_news/20090610/173899988.html (дата обращения: 24.01.2011).
- ⁴ Китай в мировой и региональной политике. С. 61–62.
- ⁵ БРИК: путь к росту мировой экономики и место России в клубе [Электронный ресурс] // ИноСМИ. [М., 2010]. URL: <http://www.inosmi.ru/economic/20100503/159691404.html> (дата обращения: 24.01.2011).
- ⁶ Первый саммит БРИК [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. [М., 2009]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/4478> (дата обращения: 24.01.2011).
- ⁷ Совместное заявление лидеров стран БРИК [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. [М., 2009]. URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/209 (дата обращения: 24.01.2011).

- ⁸ Уянаев С.В. Китай–Индия: отношения в начале нового столетия // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 22.
- ⁹ Там же. С. 24.
- ¹⁰ Там же. С. 26.
- ¹¹ Анализ динамики и структуры товарооборота России с КНР [Электронный ресурс] // Портал информационной поддержки внешнеэкономической деятельности «Внешмкет». [М., 2009]. URL: http://www.vneshmarket.ru/content/document_r_4486211E-9790-45BF-8AED-CE44FECCEF5A.html (дата обращения: 24.01.2011).
- ¹² Мартынов Б.Ф. Бразилия – гигант в глобализирующемся мире. М.: Ин-т Латинской Америки РАН, 2009. С. 5.
- ¹³ Там же. С. 291.
- ¹⁴ Зиненко И. Развивающиеся страны возьмут верх над развитыми через 5 лет [Электронный ресурс] // Российский бизнес. [М., 2008]. URL: <http://www.rb.ru/topstory/economics/2008/11/01/152416.html> (дата обращения: 24.01.2011).
- ¹⁵ The Wall Street Journal. 2009. January 14.
- ¹⁶ Давыдов В.М., Бобровников А.В. Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике. М.: Ин-т Латинской Америки РАН, 2009. С. 169–170.
- ¹⁷ Там же. С. 174.

КОММУНИКАЦИОННЫЙ АСПЕКТ
ТЕРРОРИЗМА
В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ СИСТЕМЕ:
ТЕАТР ТЕРРОРА
И ОБЩЕСТВО СПЕКТАКЛЯ

Международный терроризм в политическом дискурсе приобрел в последнее время характер абсолютного Зла, противостоящего Добру и Порядку, а информационно-коммуникативная составляющая терроризма стала определяющей для его развития и функционирования. Оба эти рассуждения заставляют обратиться к изучению глобальной и абсолютной Системы, которая функционирует в основном в информационно-коммуникативном пространстве и являет собой бинарную (враждебную) оппозицию своему, казалось бы, непримиримому врагу – терроризму, использующему смерть в качестве абсолютного оружия. Анализ концепций: общества Спектакля (Ги Дебора), третьего порядка симулякров и символического обмена (Ж. Бодрийяра), а также Империи (М. Хардта и А. Негри) – позволяет определить взаимозависимость и взаимообусловленность существования Системы и терроризма.

Ключевые слова: Система, Спектакль, Империя, симулякр, символический обмен, смерть, терроризм.

Глобализация и терроризм:
к вопросу о генетическом родстве

В начале XXI в. в условиях нарастания угрозы международного терроризма актуализировался вопрос о его взаимосвязи с процессом глобализации. Порядок глобализации выгоден международному терроризму. Размывание функций государства, установления сетевого общества и диверсификация источников власти способствуют усилению терроризма. ТНК, транснациональная мафия (в первую очередь наркомафия) и терроризм – «квазигосударственные узурпаторы прерогатив легитимной государственности»¹.

Терроризм использует все достижения глобализации для, казалось бы, противостояния ей. Однако на деле получается, что терроризм и силы глобализации в противостоянии друг другу фактически стремятся к одному и тому же: к формированию глобального, взаимосвязанного сетевого мира.

Одним из ключевых процессов в глобализации является формирование глобального информационного общества. Оно не может жить без информации, которую получает через СМИ, и в этом их ключевая роль. Многими исследователями отмечается то, что информационные сети стали полем битвы и самым совершенным оружием². Власти, как и террористы, используют СМИ для того, чтобы сформировать определенное мнение, определенное ментальное информационное поле. Как пишут исследователи, под влиянием СМИ люди становятся рекрутами массовых мобилизаций и радикальных проектов³.

Средства массовой информации (как традиционные, так и «новые») играют определяющую роль не только в производстве, но и во всех процессах современной жизни.

Подобные глобальные тенденции не могут протекать в абсолютно позитивистском ключе: западной цивилизации противостоят не-западные; имперским устремлениям США – «страны-изгой» и «террористы». Процессам глобализации по этой логике должно противостоять нечто столь же глобальное. С целью проследить взаимоотношения глобальной системы и терроризма следует рассмотреть ключевые характеристики самой системы.

Терроризм на уровне дискурса – это глобальное, всеобъемлющее, абсолютное Зло, с которым необходимо бороться. После терактов 11 сентября 2001 г. он окончательно стал воплощением абсолютного двойника Запада (в первую очередь – США). Именно «Другой» является выражением того, как «Я» мыслит о «Себе». Взяв за основу глобальность терроризма в главных его проявлениях: насилие, идеологичность (в форме веры и идеологии как таковой), коммуникативность – мы должны проанализировать, какой же должна быть эта глобальная система, которой столь глобально противостоит терроризм, ведь, как писали М. Хардт и А. Негри, «когда речь идет о власти, сопротивление первично»⁴.

Многие ученые выражают в своих трудах мысль о том, что терроризм для стран Запада стал заменой СССР в качестве абсолютной многофакторной угрозы. С. Вебер пишет: «В период глобализации и транснационального капитализма после окончания холодной войны потребовался новый враг, чтобы усилить роль и поддержать легитимность государств-наций, которые все более открыто зависят от транснациональных корпоративных интересов и являются агентами проведения их в жизнь»⁵.

Того же мнения придерживается и Д. Келлнер: «Усама Бен Ладен и “Аль-Каида” составили новое лицо “Другого”, они заменили “Империю зла” СССР, которая была “Другим” во время холодной войны. Террористический “Другой”, тем не менее, не соотносится с какой-то определенной страной, конкретными военными целями и силами, но он является частью невидимой империи, поддерживаемой множеством групп и государств. Аморфный террористический Враг, таким образом, позволяет борцам за Добро атаковать любую страну или группу, которые поддерживают терроризм, все более внедряя и поддерживая новую доктрину превентивных ударов и постоянной войны»⁶.

Особенно ярко позиционирование терроризма как конституирующего «Другого» развернулось в СМИ после терактов 11 сентября⁷.

Абсолютная постмодернистская система и терроризм: анализ концепций

Терроризм тесным образом увязан с процессами глобализации. Поэтому глобальный взгляд на проблему терроризма дает возможность глубже рассмотреть его природу. Абсолютизация терроризма как формы Зла позволяет нам использовать не менее глобальные концепции для обнаружения бинарной пары этому Врагу – Системе.

Обратимся к трем теоретическим конструкциям: концепции Спектакля Ги Дебора (она замечательным образом описывает коммуникационную составляющую Системы и представляет политический процесс как нагромождение спектаклей при том, что терроризм значим во многом благодаря своей коммуникационной составляющей); концепции Империи М. Хардта и А. Негри (в ней важны идеи нового понимания механизмов контроля, а также новой формы войн, выражение которой отчетливо видны в терроризме и «войне с террором») и концепции Третьего порядка симулякров вкупе с идеей символического обмена Ж. Бодрийяра (они объединяют предыдущие две и отражают более глубинные характеристики системы, такие как жизнь и смерть). Основное внимание будет уделено концепциям Ж. Бодрийяра, так как в них наиболее рельефно охарактеризована коммуникационная составляющая Системы и определяющая роль терроризма. Именно Третий порядок симулякров объединяет в себе и Империю, и общество Спектакля, тождественное обществу Империи. В совокупности три концепции позволяют сформировать комплексное видение глобальной Системы, которой и противостоит терроризм. Это противостояние протекает в коммуникационной сфере.

Кратко охарактеризуем значение терроризма как оппозиции Системе в каждой из трех концепций.

Спектакль является главным выражением симулятивности всех процессов в Системе, напрямую выражая ее коммуникационную составляющую.

Ги Дебор, стремясь найти истинного врага общества Спектакля, пришел к выводу, что ранее главным врагом для Спектакля был бюрократический тоталитаризм, а в настоящее время главным врагом начинают называть еще и террористические организации, хотя, отмечает автор, «можно найти бесконечное число доказательств того, что и терроризм и бюрократический тоталитаризм всегда с удовольствием помогали в развитии и подкидывали новые идеи интегрированному Спектаклю»⁸. В 1988 г., по мысли философа, у Спектакля не было врагов. Надо сказать, что сам Ги Дебор лишь наметил в заключительных тезисах «Общества спектакля» пути противостояния ему. Их суть состоит в осознании основных механизмов Спектакля, восприятию себя как личности в нем, обретении своей новой целостности, использовании революционного и коммунистического духа каждого для борьбы со Спектаклем. Это напоминает концепцию «множества» М. Хардта и А. Негри, впрочем, с присущими обеим работам проблемами, которые связаны с описанием конкретных путей преодоления власти абсолютных систем.

Спектакль – это идеология *par excellence*. Конкретное же идеологическое выражение Спектакля – демократия (в условиях интегрированного Спектакля). Как уже отмечалось выше, власть Спектакля – это власть, если и не абсолютная, то активно претендующая на абсолютность. Власть в своих проявлениях выходит на уровень идеального–недостижимого. Именно в этом причина «отсутствия» демократии в наши дни. Американцам кажется, что идеальная демократия только у них, все остальные считают, что где угодно, только не в США. Как пишет Ги Дебор: «Такая идеальная демократия конструирует для собственных нужд непримиримого врага – терроризм. Она желает, чтобы о ней судили по ее врагам, а не по достижениям. История терроризма написана самим государством и поэтому крайне познавательна. Зрители, конечно же, не должны знать всю правду о терроризме, однако обязаны обладать некоторыми познаниями, чтобы их легко можно было убедить в том, что, по сравнению с терроризмом, все остальное является более приемлемым или, в любом случае, более рациональным и демократичным»⁹.

Империя представляет собой новую гибридную сетевую форму управления, предполагающую одновременное действие механизмов включения и разделения. Специфический механизм контроля реализуется посредством следования идее всеобщего блага в сово-

купности с политикой имперского расизма. Империя существует как кризис, в том смысле, что только в преодолении кризиса она может конституироваться, а общество Спектакля – это общество Империи¹⁰.

Для легитимации имперского насилия, как отмечают М. Хардт и А. Негри, необходимы постоянное присутствие врага и угроза беспорядков¹¹. Необходима атмосфера страха для передачи его по каналам коммуникации.

В нынешнюю эпоху война стала «упорядочивающей силой»¹². Она превратилась в тотальную в том смысле, что пронизала все сферы жизни. Империя ведет постоянные войны (войны нового формата, о чем будет сказано ниже) под лозунгами универсализации и безопасности, ибо эти войны только и составляют ее реальное воплощение. Она не может полностью существовать в мире гиперреального, а ее попытки конституироваться приводят к тому, что начинается «вечная война ради вечного мира»¹³.

По каналам коммуникации общества Спектакля, являющегося составной частью Империи, передается страх войны. Война пронизывает все сферы общества и, по наблюдению М. Хардта и А. Негри, «превращается в устойчивую форму общественных отношений»¹⁴.

Именно она определяет основу политической системы, являясь одним из самых серьезных кризисов (а Империи они необходимы постоянно). Именно поэтому, как пишут М. Хардт и А. Негри, «Империя обращается к войне, чтобы заслужить легитимацию»¹⁵.

Функции войны изменились в наше время, ныне она несет с собой не только разрушение. Функция подавления в определении российского политолога Вл. Иноземцева выглядит следующим образом: «Состояние всеобщей и всепроникающей войны, которая маскируется сегодня риторикой борьбы с терроризмом и обеспечения безопасности, а на деле представляет собой изощренную систему способов подавления жизненной воли широких народных масс»¹⁶. Но вместе с функцией подавления и разрушения, имперской войне приходится играть и созидательную роль. Авторы «Множества» отмечают: «Имперской войне предстоит решить задачу формирования глобальной политической среды и тем самым выступить в качестве формы биовласти в позитивном, продуктивном смысле»¹⁷. Война становится видом биополитического производства, основной его детерминантой. Именно дискурс войны в основном циркулирует по коммуникационным сетям, вызывая к жизни новые формы общественных отношений, новые тенденции политического процесса. «Борьба, – пишут М. Хардт и А. Негри, – происходит в сфере биополитики – другими словами, непосредственно создает новые субъекты и формы жизни»¹⁸. В итоге Империя создает скорее

форму последития, отложенной смерти. Суть противостояния Империи состоит, в том числе, и во внедрении смерти.

В общих чертах новая форма войны может быть описана следующим образом: «Во-первых, в новых условиях война с внешним противником сливается с борьбой с внутренними врагами, а потому существовавшие и прежде возможности ограничения свобод ввиду внешней угрозы становятся гораздо более широкими. Во-вторых, враг в этих войнах становится если и не невидимым, то весьма смутным»¹⁹.

Изменившийся характер войны вызвал изменение в риторике господствующего класса, а именно, замечают М. Хардт и А. Негри, «переход в политике от “обороны” к “безопасности”»²⁰. Оборона – это борьба на границах (вечно расширяющихся границах) против внешних вторжений. Однако в Империи, по сути, все границы являются внутренними. Они образуются в результате различных процессов, зачастую продуцируются самой Империей. Борьба с внутренним врагом – это идея безопасности. Но Империя сама по себе является аморфной структурой с нечетким делением на внутреннее и внешнее, и Спектакль смешивает внешнее и внутреннее до неузнаваемости. М. Хардт и А. Негри так определяют характеристики безопасности: «Безопасность требует активного и постоянного формирования внешней среды с помощью военных и/или полицейских акций»²¹. В свою очередь, «спектакль терроризма, – по словам А. Жиру, – узаконивает взаимосвязь между терроризмом и безопасностью»²².

Для особого типа войны, видимо, и враги должны быть особыми. Это и в самом деле так. По мнению М. Хардта и А. Негри, «в качестве врагов выступают абстрактные понятия»²³. Абстрактное понятие вечно. Оно всегда может служить источником кризиса и его преодоления, а борьба с ним представляет широкое поле для развертывания дискурса борьбы.

Чем более высок уровень абстрактности понятия, тем на более символическом уровне происходит борьба с ним. Абстрактное понятие и дискурс о нем в высшем своем развитии есть идеология. Таким образом, резюмируют М. Хардт и А. Негри: «Враги, которым сегодня противостоит Империя, представляют собой скорее идеологическую, нежели военную угрозу»²⁴.

Однако с идеологией можно бороться лишь при помощи идеологии. Но никакой политический или коммуникационный процесс не может выйти за рамки Спектакля. В итоге мы наблюдаем спектакль борьбы идеологий. Враг становится идеологическим, символическим. «Такой враг на деле не просто неуловим. Это совершенная абстракция, – пишут М. Хардт и А. Негри. Отдельных лиц, послу-

живших целью (например, Бен Ладен, Хусейн и т. п.), “надувают” до фигур невероятной величины, чтобы они служили олицетворением более общей угрозы и создавали видимость традиционных, реальных объектов военного противодействия»²⁵.

Налицо две взаимосвязанные тенденции: «Сегодня враг, как и сама война, одновременно банализируется (низводится до уровня объекта обычных полицейских репрессивных мер) и абсолютизируется (как Враг, абсолютная угроза моральному порядку)»²⁶. Банализация врага до уровня субъекта полицейских операций требует конкретики, в то время как идеологическое противостояние – абстрактных информационных битв (неважно, что лишь разыгрываемых). Именно поэтому с помощью идеологии и происходит «надувание» обычных фигур, являющихся объектами полицейских операций до степени Абсолютной угрозы. Однако подходящих фигур становится все меньше. М. Хардт и А. Негри отмечают: «В наши дни американским идеологам все сложнее назвать одного, главного врага; скорее, кажется, что многочисленные и неуловимые враги находятся повсюду»²⁷. Неуловимые представители Главного Врага – терроризма и в самом деле вездесущи. Но вот фигура лидера... Не придем ли мы к ситуации, когда Империя начнет «пиарить» и «раскручивать» отдельных террористов, чтобы привести хоть какую-то конкретику и персонализацию Зла в свою войну? Ведь, в самом деле, М. Хардт заметил в своем интервью: «Сейчас враг даже не может быть определен в терминах идеологии или концепции»²⁸.

Враг необходим постоянно, поэтому необходимо его воспроизведение. С учетом всего вышесказанного, это воспроизведение должно быть символическим. По мысли М. Хардта и А. Негри, этим занимаются «странствующие ордена Империи – НПО». Именно поиск и символическое воспроизведение врага должно предварять введение чрезвычайного положения и вмешательства²⁹.

Если Спектакль является ключевой характеристикой коммуникционной составляющей Системы, а Империя – ее внешним выражением, то Третий порядок симулякров – это самая суть системы, ее фундаментальные характеристики, базовые стратегии развития и функционирования.

Третий порядок симулякров важен тем, что власть его строится на блокировании символического обмена – то есть обратимости символических даров. Именно вытеснение смерти (главного из них) – это условие поддержания власти Системы. Она осуществляет контроль за процессами жизни и смерти, поскольку является абсолютной. Форма послезития (отложенной смерти), выразившаяся в биовласти (некровласти) и проистекающая из блокирования символического обмена жизни и смерти, является доминирующей в Системе³⁰.

Следуя нашей логике, война с терроризмом, проводимая США, делает Афганистан и Ирак самыми «живыми» местами на Земле. Именно там постоянные цепи терактов проводят смерть в наиболее сконцентрированной форме. Именно этот факт воспроизводит категорию пространства в ситуации атерриториальности (внетерриториальности) Империи.

Здесь вновь проявляется двойственная природа Системы – признавая локальность места проведения операции, она так же яростно провозглашает атерриториальность войны. «Короче говоря, – замечает Ж. Бодрийяр, – эта война подобно войне в Заливе, не является событием, или вернее, она – событие, которое не имеет места»³¹.

Многие разговоры о возвращении современности в наш пост-модернистский мир ставят во главу угла именно эту локализацию: абстрактный враг обрел четкие границы, где его можно победить. Сообщения о терактах приходят из многих регионов мира, в первую очередь, из Ирака.

Однако согласно Империи-Системы провозгласить эту локальность ключевым явлением, тут же ставит ее на край гибели. Вся ее алокальность и исключительная позитивность разрушаются структурами эпохи модерна. Операция во имя всеобщего блага превращается в обычную войну. А для Системы нет ничего хуже, чем признать это. Для того и существует уровень глобальной имперской риторики, вводящий локализацию конкретных действий при глобальности и нелокализуемости самого противостояния. Однако, вслед за Ж. Бодрийяром, можно заключить, что «ставка [в этой войне – Д. Ж.] искусственная, война [происходит в – Д. Ж.] “нигде”. Война как продолжение политики, которой нет»³².

Это самое «везде», этот дискурс глобализации и глобальности как раз и говорит в самой превосходной степени об исчезновении категории пространства. Двойственная природа Системы, по мнению Ж. Бодрийяра, проявляется в том, что мир, который сопротивляется этой глобальной и универсальной идее, должен противопоставить ей нечто не менее глобальное и универсальное.

С одной стороны противопоставление западной либеральной глобализации – это исламистский фундаментализм. Однако в данном случае речь идет о противопоставлении в рамках Системы. Это, упрощенно говоря, противостояние симулякров второго рода.

Система (третий порядок симулякров), вызвав два этих симулякра второго порядка, пытается в их оппозиционности обрести бинарность. Причем важно отметить, что либеральная глобализация – это «идейный предок» самой Системы.

Ж. Бодрийяр отмечает: «В той же степени, как идея свободы, еще новая и современная, уже стирается в сознании и нравах, в той же

степени становится очевидным, что идея либеральной глобализации пытается реализоваться совершенно противоположным образом: в форме полицейской глобализации, тотального контроля и страха за безопасность. Регуляция приведет к созданию общества, которое будет максимально приближено к фундаменталистскому»³³.

В то же время данное противопоставление очень быстро нивелируется, так как Системе необходимо все более универсализировать мир. Жесткая оппозиционность симулякров второго рода – религиозного фундаментализма и либеральной глобализации – постепенно стирается, в рамках Системы третьего порядка они все более начинают походить друг на друга. Идея противостояния в итоге обесценивается, поскольку не может быть противостояния в рамках абсолютно позитивной Системы.

Прямое столкновение настолько проблематично, замечает Ж. Бодрийяр, что требуется время от времени «спасать» саму идею войны с помощью театральных постановок вроде войны в Заливе или сегодняшней – в Афганистане³⁴. Это полностью увязывается с новым пониманием имперской войны, которое мы рассмотрели выше.

Именно поэтому религиозному фундаментализму и приписан терроризм, и именно поэтому он используется религиозными фундаменталистами. Смерть не может быть «приписана» Системой своему отражению.

Система проявляется через симулякры, представляющие собой коммуникацию, абсолютно лишенную связи с реальностью. Таким образом, коммуникация превращается в определяющий компонент Системы и приобретает специфические черты; в свою очередь, Система начинает существовать во многом как дискурс, как коммуникация.

Будучи системой абсолютной (всеобъемлющей, не допускающей альтернатив и контролирующей ключевые категория бытия, в том числе жизнь и смерть), она не может полностью воплотиться в реальности (полное воплощение будет означать ее крах как таковой). Отсюда ее коммуникационная доминанта и постоянный поиск кризисных ситуаций, в которых она может себя проявить. Система для поддержания своего существования постоянно продуцирует кризис и ведет войны новых форм. Именно в них отдельные части Империи обретают возможность проявить свою имперскую сущность и воплотить Систему. Вместе с тем эти войны являются результатом логики появления и развития самой Системы. «Но не было ни одного символического события мирового значения, причем не только ставшего известным всем, но такого события, которое обрекло бы на неудачу саму глобализацию»³⁵, – пишет об этой ситуации Ж. Бодрийяр.

Представленные тезисы позволили выявить ключевые характеристики абсолютного врага Системы – терроризма. Именно его связь со смертью (как подрывающей биовласть и потребление, а также восстанавливающей символический обмен) и коммуникационная составляющая делают терроризм абсолютным, но вместе с тем необходимым для Системы врагом.

Театр террора и общество Спектакля

Система коммуникационна по своей природе и все в ней коммуницируемо. Именно коммуникационный аспект в терроризме, собственно, и делает терроризм терроризмом. Вследствие этого, как отмечает Ж. Бодрийяр, «не столь интересен рост самого вредительского, терроризма и бандитизма, сколько тот факт, что все происходящее интерпретируют в этом смысле»³⁶.

Как раз средства массовой информации превращают терроризм в столь смертоносное явление, ведь они распространяют весть и в значительной мере сами этой вестью становятся.

Жан Бодрийяр пишет: «Все эти вирусные, чарующие, индифферентные формы [терроризм, маскарад, рак] приумножены вирулентностью изображений, ибо все современные средства массовой информации сами обладают вирусной силой и их вирулентность заразительна»³⁷.

По каналам коммуникации сейчас в основном передается страх, но также и сообщения о смерти. Ибо только она ужасает людей настолько, чтобы согласиться на господство Системы, которая снова и снова делает изгнание смерти (улучшение жизни, а точнее, послежизни) главным лозунгом в симулятивной политической игре.

По словам Ж. Бодрийяра, «терроризм подобен автоматическому письму, которое подпитывается невольным участием СМИ»³⁸. Вольность или невольность соучастия терроризма и СМИ в производстве театра террора были рассмотрены выше. Сейчас же необходимо указать на коммуникационный аспект терроризма как на главный. Именно это сообщение, которое терроризм передает – а в данном случае речь идет о смерти – делает его самым эффективным оружием против Системы, но вместе с тем подчиняет себя ее логике.

Споры о том, что было первичным: коммуникационный аспект терроризма или средства коммуникации, передающие сообщение, бесполезны в настоящее время.

Ж. Бодрийяр считает, что в настоящее время первично средство сообщения, буквально «ищущее» новости. «Повсюду можно наблю-

дать прещесию средств массовой информации в отношении террористического насилия. До такой степени, что лучше не находиться в общественном месте, где работает телевидение, в силу высокой вероятности насильственного события, которое оно индуцирует своим присутствием»³⁹, – заключает он. Это в полной мере соотносится с уровнем развития СМИ на современном этапе. Следуя логике Ж. Бодрийяра, событие начинает происходить только тогда, когда прибывают СМИ, поскольку без их участия событие практически бессмысленно. Подобная логика характерна и для терроризма.

И хотя Жан Бодрийяр считает, что терроризм противопоставляет симулятивности Системы реальность смерти («тактика террористической модели предполагает создание реальности в избытке и рассчитывает вызвать с помощью этого избытка крушение Системы»⁴⁰), мы можем со всей определенностью поместить терроризм и Систему в одну сетку координат.

Терроризм необходимым образом несет в себе заряд смерти. Именно он делает его столь волнующим для людей. Однако для собственной безопасности Система через каналы коммуникации «переэкспонирует» событие, удаляя из него излишний налет смерти. Терроризм становится тем «боевиком в вечерних новостях», который потребляла вся Америка и на который она не обращала внимания до конца 1990-х годов.

Картинка пожирала событие в том смысле, что она выделяет его из среды других событий и готовит к потреблению. Таким образом, событию не только придается новое значение, но оно теперь воспринимается и как событие-образ⁴¹.

Одним словом, теракт – это не конкретные действия террористов, а лишь то, как их изображают. Как пишет Ж. Бодрийяр: «Реальность и фикция неотличимы, и когда мы восхищаемся терактом, нас, прежде всего, привлекает образ (события одновременно катастрофические и вызывающие восхищение, “гибельный восторг”, остаются в большой степени воображаемыми)»⁴².

Насилие, которое несет террор, глубоко символично и коммуникативно. «Речь, – по мнению Ж. Бодрийяра, – идет о воскрешении некогда отмершей формы насилия. Устаревшее насилие является одновременно и более изощренным, и более жертвенным. Наше насилие, порожденное нашей сверхсовременностью, это террор. Это подобие насилия: оно возникает скорее от экрана, чем от страсти, оно той же природы, что и изображение»⁴³.

Андрэ Глюксманн замечает: «Воскрешать мертвых, хоть на видекартинке, чтобы казнить их снова, – этот призыв по ту сторону войны, продолжающий ее в бесконечность за пределами жизни, – вот ненависть в чистом виде»⁴⁴.

Смерть, таким образом, во многом становится символической. Смерть во время теракта в любом случае жертвенна – к ней применяются категории жертвы, козла отпущения, категории мортификации и виктимажа.

Рассуждая вместе с Жаном Бодрийяром о том, что спектакль терроризма требует зрелищного терроризма, мы приходим к тому же самому выводу, что Системе нужен спектакль смерти. С одной стороны, зрелищность является ее *modus vivendi*, с другой – Спектакль дает возможность разыграть бинарно оппозиционный Системе спектакль. Зрелище борьбы с терроризмом не менее увлекательно, чем зрелище самого терроризма. С точки зрения Бодрийяра, это свидетельствует о том, что «жестокость терроризма, следовательно, не в возвращении “пламени реальности”, не в новом обретении истории. Эта жестокость не “реальна”. Она тем хуже, что является символической»⁴⁵.

Отмеченный выше символизм терроризма и делает его коммуницируемым. Именно он, составляя основу его коммуникационно-го аспекта, превращает его в столь удобную для СМИ новость.

Наш анализ мы начали с заявления о противостоянии абсолютного Врага (терроризма) и абсолютной Системы. Абсолютная Система выражает в себе постмодернистское состояние общества, а по словам О.А. Воркуновой и Д. Хованессяна: «Мифополитика, которая базируется на международном терроризме как на феномене, в большей степени, чем как на определенной форме международной организации, является социальным радикализмом/восстанием, которое имеет связь со многими идеологическими основаниями постмодернистского общества»⁴⁶.

Вместе с тем мы отметили отсутствие внешнего измерения у абсолютной Системы, что превращает этого Врага в чисто внутреннего. Сейчас же мы пойдем дальше в нашем анализе и рассмотрим терроризм как неотъемлемую характеристику Системы.

Терроризм в дискурсах Системы (они же – метанарративы Империи) – понятие мифическое. А «миф, – как пишет Ж. Бодрийяр, – нечто рассказывает – не столько своим содержанием, сколько формой своего дискурса»⁴⁷. Именно форма дискурса указывает нам на то, как следует говорить о терроризме – а точнее именно мифологичность дискурса приводит и к «терминологическому нейтралитету», и к диаметрально противоположным интерпретациям событий. Мифологизм терроризма, т. е. его имманентность самой Системе, подтверждает сам факт его существования. Но что это за явление и как о нем говорить, мы уже забыли.

Именно «борьба с терроризмом» в настоящее время является одним из немногих факторов, удерживающих современный ли-

берально-демократический строй от постепенного скатывания в кризис. Именно террор и борьба с ним чудодейственным образом приковывают внимание простых людей и позволяют проводить «хозяевам Спектакля» любую необходимую им политику. Борьба с терроризмом уже давно превратилась, в основном, в борьбу с образом этого терроризма, который создают СМИ.

Государства очень часто использовали террористов для своих целей. По мнению многих ведущих мировых политиков и СМИ, именно угроза правам и свободам, исходящая от терроризма, заставляет людей отказываться от своих прав и ограничивать свои свободы. Властям, хозяевам Спектакля, необходим контроль над своими подчиненными, а терроризм, правильным образом освещенный в СМИ, является сильным средством мобилизации масс. «Зачастую власть защищается посредством инсценировки ложных атак, направленных, на первый взгляд, против самой власти, однако уже по тому, с каким рвением и полнотой данные атаки освещают СМИ, можно догадаться об их истинном заказчике», – описывает данную ситуацию Ги Дебор⁴⁸.

С конца 1960-х годов теракты постепенно превращаются в театральные постановки на сцене общества Спектакля. Вот как описывает Ги Дебор ситуацию, связанную с захватом бывшего премьер-министра Италии Альдо Моро: «Это было похоже на мифологическую оперу, поставленную с техническим размахом, где герои-террористы превращались то в лис, чтобы поймать свою добычу, то во львов, чтобы никого не бояться, пока жертва находится у них в лапах, то в баранов, чтобы все это не причинило ни малейшего вреда режиму, с которым им предстоит померяться силами»⁴⁹.

Террористический акт, по мнению Р. Вахитова, можно рассматривать как текст, в том смысле, что все ныне дискурсивно, поскольку все ныне – спектакль. Внутреннее единство системы и терроризма проявляется и на этом уровне. Как пишет исследователь, «на деле террористы могли иметь в виду что угодно, но при этом они обращаются к западному, буржуазному миру и для того, чтобы быть услышанными этим самым миром, они вынуждены “говорить” на его “языке культуры”, использовать коды его идеологического дискурса»⁵⁰. Таким образом, оппозиционность терроризма и системы не может существовать. В эпоху абсолютных систем не может быть внесистемного как явления.

Само действие становится, по сути, не важным. Важным становится только интерпретация. Неважно, что и как сделали террористы, «важно, как весь теракт будет преподнесен Спектаклем, переинтерпретирован в культурных кодах Спектакля, воспринят человеком Спектакля»⁵¹.

Р. Вахитов заключает: «Террорист является персонажем уже предусмотренным Спектаклем и экзистенциальная трагедия террориста – не как фикции, а как человека – заключается в том, что его протест, будучи переведенным на язык Спектакля, становится апологией Спектакля. Победить терроризм – означает разрушить капитализм как культурную реальность или как дискурс»⁵².

Этот вывод чрезвычайно важен, ибо он имеет отношение к выявлению дискурсивной природы Системы. И именно это балансирование на грани «выживание Системы – терроризм – борьба с терроризмом» и конституирует ее.

Но если терроризм – необходимое явление в Системе и, неся с собой смерть, он вызывает Систему к жизни, то механизмы воздействия терроризма на общество должны быть «системными». Без этого не удастся достичь той необходимой губительной силы, которая производит движение Системы (неважно, в форме реального существования или симулятивной псевдожизни).

Спектакль терроризма, по словам Ж. Бодрийяра, является зримым выражением данного глубинного процесса: «страстная, жертвенная смерть открыто приемлет и зрелище созерцательности смерти: чужую смерть здесь смакуют на расстоянии, как спектакль»⁵³.

Но, кроме того, как отмечает Ж. Бодрийяр: «Терроризм связан и с другой разновидностью логики – с инициативой перемены ролей. Он позволяет зрителям творить под взором средств массовой информации собственный спектакль»⁵⁴.

Спектакль терроризма, разыгрываемый с помощью СМИ, вызывает аллюзии в сознании каждого человека. Однако цель Системы, стремящейся к полному контролю, состоит в том, чтобы эти аллюзии, с одной стороны, были лояльны Системе, с другой, чтобы они были достаточно индивидуальны, чтобы играть на мельчайших различиях в них.

При настоящем состоянии вещей простая зрительская инертность уже нежелательна. Отмеченная Н. Луманом «нереальная “реальность масс-медиа”»⁵⁵ нужна была Системе во время своего становления. Инертный зритель-потребитель был фундаментом построения Системы. Однако когда Система достигла высшего уровня развития, от зрителя требуется включение, т. е. участие в Спектакле гораздо более активное, чем просто принятие его правил. «Парадоксально, – отмечает Ж. Бодрийяр, – но именно в спектаклях такого рода как бы сама по себе материализуется современная гиперсоциальность, которой свойственно принимать участие в чем-либо»⁵⁶.

Симулятивность действия в Спектакле отражает состояние вещей, при котором допущение возобновления реальности в виде

символического обмена противоречит логике самосохранения Системы. И вместе с тем симуляция остается единственным спасением для Системы.

Бодрийяр пишет, что террористы доводят степень участия (и себя, и зрителя) до трагической крайности и «в то же время осуществляют шантаж в отношении насилия и устранения. И то, что нас завораживает в этих действиях вопреки всей нравственной реакции на происходящее, – это доведенная до высшей точки актуальность данной модели, тот факт, что она отражает, словно зеркало, наше собственное исчезновение в качестве политического общества, что, безусловно, пытаются скрыть политические псевдособытия»⁵⁷.

Именно смерть, транслируемая СМИ посредством терроризма, сама коммуникационная природа терроризма, вновь социализируют массы, поднимая их для этого до уровня общества. Конец социального привел к концу социума. Однако некая общественность необходима, поскольку полная фрагментация приведет к исчезновению власти как таковой.

Ж. Бодрийяр резюмирует свои рассуждения следующим образом: «Может быть, это средства массовой информации недостойно эксплуатируют смерть? Нет, они всего лишь обыгрывают тот факт, что непосредственной, прямой и безрасчетной значимостью для нас обладают только те события, в которых так или иначе замешана смерть. В этом смысле самые недостойные масс-медиа – одновременно и самые объективные. Здесь опять-таки легковесна и лишена интереса интерпретация в понятиях вытесненных индивидуальных влечений, бессознательного садизма и т. д. – ведь страсть-то эта коллективная. Насильственно-катастрофическая смерть не удовлетворяет собой чье-то мелкое индивидуальное бессознательное, бессовестно манипулируемое средствами массовой информации (таково вторичное и, стало быть, морально искаженное представление), – она оттого так сильно и глубоко потрясает, что вовлекает в игру группу как таковую, с ее страстным интересом к самой себе, давая ей чувство какого-то преобразования или искупления»⁵⁸.

Таким образом, возвращение смерти означает возвращение группового самоощущения, идентичности, казалось бы, утраченной как результат постепенной универсализации. Причем эта идентичность не есть та фрагментарная идентичность, которая свойственна отдельным группам и развивается под эгидой универсализаторской миссии Империи. И совсем не та, которая приводит к имперскому расизму.

Идентичность, транслируемая смертью, возвращает общество к состоянию идентичности модерна. Однако симулятивность власти и вообще всех процессов, после первого «отброса» людей назад в

общество, с помощью коммуникации начинает вновь «замыливать» этот просвет – обретая таким образом смысл существования.

В принципе любая катастрофа, особенно связанная со смертью, ставит нелегкую задачу по производству подходящего дискурса для Системы. И сложность не только в том, что, например, террористов надо изобразить «плохими парнями», а виновником глобального потепления сделать Саддама Хусейна, а в том, что сама коммуникационная природа Системы, практически достигшая совершенства, произвольно продуцирует столько коммуникаций и интерпретаций, что Система теряет способность ориентироваться в них.

Множество локальных дискурсов терроризма и катастроф просто необходимы для Системы. Иначе исчезает необходимость глобального дискурса – такого, например, как «Война с террором».

В дискурсах катастроф Система пытается отсрочить свою собственную катастрофу. Как писал Ж. Бодрийяр, «эти внезапные вихри, которые мы называем катастрофами, есть то, что предохраняет нас от катастрофы»⁵⁹.

Но кроме этого Система заставляет работать на себя посредством Спектакля даже катастрофы, превращая их в «саморекламу капитализма, в мифы, извлекая из них прибыль»⁶⁰.

Именно СМИ с их тягой к сенсационности сформировали особый апокалиптический язык сообщений о катастрофах. Выговаривая этот Апокалипсис при каждом удобном случае, западные СМИ неосознанно стремятся еще раз дискурсивно обезопасить Систему. В то же время их цель – еще раз объединить людей в этом вербальном противопоставлении Апокалипсису.

Ж. Бодрийяр пишет: «Мы испорчены так называемыми судьбоносными событиями, событиями сверхзначимыми, этим видом неуместного межконтинентального неистовства, которое затрагивает не отдельные личности, институты, государства, а целые поперечные структуры: секс, деньги, информацию, коммуникации»⁶¹. Только дискурс Системного Апокалипсиса может создать иллюзию движения и мобилизацию населения в поддержку имперскому позитивизму Системы.

Мегаспектакль 9/11

С учетом вышесказанного попытаемся интерпретировать значение терактов 11 сентября 2001 г. «В случае с терактами в нью-йоркском Торговом центре, – рассуждает Ж. Бодрийяр, – мы имеем дело с событием абсолютным, настоящей “матерью” событий, событием

в чистом виде, которое концентрирует в себе все другие события, которые никогда еще не происходили»⁶².

Вместе с тем «матерь всех событий», на наш взгляд, не знаменует собой «коллапс Западного глобального капитала»⁶³, как считает Жан Бодрийяр. Капитал невозможно уничтожить, поскольку ему нет альтернативы. Однако теракты 9/11 были в своем роде коллапсом Американской империи – в том смысле, что США, как лидеры и наиболее полное воплощение Империи, оказались вынуждены окончательно отказаться от своей национальности и проникнуться имперскостью. Напрашивается вывод, что Американской империи уже нет, есть лишь глобальная Империя, именно теперь окончательно оформившаяся, поскольку ее ведущая часть оказалась встроеной в глобальный имперский механизм.

Жан Бодрийяр видит в двух башнях Всемирного торгового центра (ВТЦ), которые «любуются только друг другом», высший символ бинарности Системы. Но на самом деле бинарной она стала только тогда, когда в обе башни врезались самолеты 11 сентября 2001 г. Тогда, с одной стороны, терроризм был открыто вызван к жизни, а с другой – сам во весь голос заявил о себе как о бинарной паре Империи. До этого события Империя пыталась обрести устойчивую бинарность внутри самой себя. А теперь стало ясно генетическое родство Империи и терроризма. Пока существует Империя, есть нужда в терроризме, пока есть терроризм, существует и Империя. Пусть на уровне голых кодов, концептов, но и терроризм, и Империя неотрывно следовали друг за другом на всем протяжении истории.

Теракты 11 сентября (несмотря на дискурс об их внесистемности) полностью укладываются в логику Системы. Спектакль, разыгранный террористами, оказал гораздо более сильное воздействие, чем собственно сам факт физического урона. «Теракты 9/11 были разыграны как смертельная драма в прямом эфире <...> а спектакль террора транслировался на всю глобальную деревню (в терминах М. Маклюэна)»⁶⁴.

Вместе с тем, реакция на теракты должна была стремиться к выражению в более понятных терминах. С обеих сторон активно эксплуатируется идея столкновения цивилизаций (которые мы смело можем назвать симулякрами второго порядка). Со стороны террористов, как отмечает Келлнер, «медиа-спектакли 9/11 имели своей целью запугать США, атаковать символические цели и развернуть спектакль Джихада против Запада»⁶⁵.

С другой стороны, как отмечает он же: «Медийный мейнстрим в США активно эксплуатировал модель “столкновения цивилизаций”, устанавливал бинарный дуализм между исламским терроризмом и цивилизацией»⁶⁶.

С этой точкой зрения согласен и А. Жиру, который пишет, что «спектакль терроризма используется правительствами наподобие восхваления президентом США Джорджем Бушем-мл. “шока и трепета” как формы зрелищного насилия и становится первейшим средством вовлечения населения в расистские фантазии империи и иллюзию американского триумфализма, облаченного в форму победы цивилизации над варварством»⁶⁷.

Вместе с тем абсолютное событие (такое как 9/11) точно так же становится абсолютно невероятным, но в то же время в него приходится поверить. Возникла парадоксальная ситуация, так как присущая средствам массовой информации зрелищная природа сыграла с ними злую шутку. Людям приходилось буквально убеждать в том, что событие произошло, ибо экрanness новостей создавала иллюзию нереальности. Первая реакция многих людей на картинку терактов в ВТЦ: «Этого просто не может быть». И не только, потому что оказалось сложно вообразить теракт подобного масштаба, но и потому, что это было на экране телевизора, в новостях, в СМИ. Вот почему данное событие и не воспринималось вначале как реальное. Мой вывод созвучен с мыслями Р. Кирни, а также Я. МакДональда и Р. Лоуренса. Исследователь Р. Кирни пишет о том, что «акт террора, связанный с башнями-близнецами был столь ужасен, что нам было необходимо надеть на него своего рода маску»⁶⁸. А Я. МакДональд и Р. Лоуренс замечают, что «телевизионное освещение событий 11 сентября продемонстрировало постоянную необходимость к “обудничиванию неожиданного” новостными организациями»⁶⁹.

В этом, как представляется, заключается двойственность опыта американцев (а благодаря СМИ и всего мира), приобретенного во время терактов 9/11. С одной стороны, по словам Д. Келлнера, «освещение в прямом эфире привнесло драматический эффект присутствия в спектакль 11 сентября»⁷⁰, так как американцы, замечает Р. Кирни, «виртуально присутствовали на месте теракта»⁷¹. В этом я усматриваю знак того, что смерть в действительности прорвала ткань гиперреальности и вдохнула реальность в мир Спектакля. С другой стороны, по наблюдению Р. Кирни «опыт заключался в том, что они [американцы] в реальности отсутствовали на самой сцене теракта»⁷². А это, по моему мнению, свидетельствует о нейтрализующей роли СМИ – теракт, транслируемый по каналам коммуникации, быстро был поглощен Спектаклем.

Теракт, на мой взгляд, вообще есть полное и окончательное выражение системы: он конечен вследствие заряда смерти, но, вместе с тем, он не может подорвать систему, ибо театр террора рассчитан на общество Спектакля.

Кроме того, рассмотренное событие абсолютно, поскольку речь идет о глобальном акте терроризма, о глобальном проявлении необходимого производства дуальности. «То, что мы словно бы видели во сне это событие, – пишет Ж. Бодрийяр, – что весь мир словно бы грезил им, – оттого, что никто не может не мечтать о разрушении могущества, ставшего до такой степени гегемонным»⁷³.

В глобальном акте нуждалась не только Система, но и люди. Система, ибо в своем развитии она опиралась на спираль насилия, и теракты 9/11 стали всего лишь очередным ее витком. Люди, ибо их все более и более засасывало в болото послезития, ибо ими все более и более ощущалась необходимость встряски. «В пределе они это сделали, но мы этого хотели»⁷⁴, – резюмирует Ж. Бодрийяр.

Нельзя не согласиться с мнением Михаила Рыклина, который, проанализировав мнения Жака Дерриды, Жана Бодрийяра, Поля Вирилио, Славоя Жижека, Сюзан Бак-Морс и Бориса Гройса, пришел к выводу: «Все философы оказались едины в том, что террор не только не является внешним стремительно глобализирующемуся миру, но составляет его интегральную часть, является его продуктом. <...> То, что господствующей системой определяется как террор и с необходимостью овнешняется в образе врага, представляет собой ее же собственную сущность»⁷⁵. С наибольшей полнотой это проявилось именно после терактов 9/11. Однако глубинная логика ситуации была ясна и раньше.

В итоге помимо категории места, исчезла и категория времени. Все теперь – лишь аллюзии «золотого века». Исчезла и категория человека. Ее заменил участник биополитического потребления. Исчезло и само понятие смерти и жизни, как отмечает Ж. Бодрийяр.

И все, что исчезло, в ярком, но скоротечном акте возвращает терроризм. В этом и есть тот самый элемент реальности, который он привносит в наш гиперреальный мир. И именно поэтому слишком реальный теракт не мог быть потреблен никак иначе кроме как в форме «воображаемой идиомы»⁷⁶.

Выводы

Анализ теорий позволяет прийти к следующим выводам. Система утвердила свою власть над всем «цивилизованным» миром и теперь ей необходим внутренний враг. Этот враг должен бросать вызовы на всех уровнях. Ключевой из них – вызов смерти, т. е. та ставка, на которую Система не может ответить. Во-первых, смерть тела невозможна для Системы, поскольку весь процесс потребления, связанный с удовольствиями, коррелирует с физическим. На этом процессе

зиждется биополитическая власть Империи. Смерть тела является абсолютным злом, поэтому она и изгнана из общества. Во-вторых, на ставку смерти можно ответить только собственной смертью.

Вместе с тем Система не может существовать без терроризма, так как он единственное, что может достаточно хорошо симулировать символический обмен. Ставка смерти на миг восстанавливает ситуацию символического обмена и конституирует Систему для отражения угрозы. Терроризм, в очередной раз возвращая смерть в рамки символического обмена, грозит Системе полной аннигиляцией (ведь она держится именно на исключении смерти из жизни, на переводе всех процессов в cool-стадию и на создании послежизни). С другой стороны, коммуникационные структуры Системы (СМИ) тут же должны нейтрализовать символический вызов и трансформировать символический обмен в обмен символами.

Империя, с одной стороны, нуждается в терроризме, чтобы покорять что-то, ибо внешних границ у нее нет, а подавление бунта, мятежа делает Империю все более реальной. Но вместе с тем символическая ставка смерти в терроризме создает угрозу гибели Империи. Таким образом, Империя конституируется в состоянии полуреальности: частично присутствуя и в реальности, и в гиперреальности. В реальности есть только базовые предпосылки для ее становления, существует вызов в виде терроризма. В гиперреальности происходит все вышеописанное: внутренние войны Империи в виде полицейских операций, дабы конституироваться затем в «реальности», а также битва на уровне символического обмена, когда Империя не может поставить на кон свою смерть, очевидно потому, что ее пока толком и не существует.

Постсовременное общество нуждается в насильственной смерти, не в том смысле, что оно хочет умирать, а в том, что оно готово воспринимать ее образ. В этом нет ничего кровожадного, здесь действует как закон компенсации (радость от того, что это произошло не со мной), так и подсознательное стремление вырваться из-под оков диктата постсовременной власти симулякров. Посредством простого созерцания насильственной смерти на экране телевизора человек добивается этой цели. Творя насильственную смерть и идя на нее, террористы, возможно, выражают протест против медленной смерти современности. Именно наступлением состояния медленной смерти можно объяснить непонятные и внезапные вспышки насилия в настоящее время, например в США. Причем насилия, ориентированного именно на смерть. Кроме того, это подсознательное желание возобновить символический обмен между жизнью и смертью, который полностью подконтролен Системе и на котором держится все ее могущество.

Расцвет исламистского терроризма в таком случае может быть рассмотрен как ответная реакция исламской цивилизации на «наползание» западной цивилизации симулякров, создающей угрозу восточной идентичности. В то же время именно это состояние господства симулякров третьего уровня возможно и провоцирует ситуацию, когда ответ, предлагаемый не-западными цивилизациями, несмотря на его радикализацию, начинает оперировать тем же языком (симулякров, мифов), который уже давно утвердился в странах Запада. В итоге власть симулякров, возникнув на Западе, постепенно объемлет весь мир. Сопrotивление ей бесполезно, поскольку оно может быть выражено только на языке симулякров, что автоматически «подчиняет» определенную территорию их всеобщему господству.

Коммуникационная составляющая является определяющей как для современной Системы, так и для терроризма. Если первая находит свое выражение в спектаклях, в которых симулятивность подменяет реальное действие, то терроризм творит театр террора. Система и терроризм оказываются взаимозависимыми, поскольку при отсутствии общества Спектакля, появившегося как результат опутывания мира коммуникационными сетями, не возникла бы ориентация террористов на достижения современных СМИ. Театр террора и общество Спектакля возникли одновременно и являются взаимосвязанными. Именно поэтому так сложно победить терроризм. Он играет на поле Системы, он ей необходим.

Примечания

- ¹ *Зотов О.В.* Глобализация и международный терроризм: генетическое родство // Терроризм – угроза человечеству в XXI веке. Сб. ст. М.: Ин-т Востоковедения РАН, Крафт+, 2003. С. 38.
- ² *Оганян Р.* Театр террора. М.: Грифон, 2006. С. 331; Международный терроризм: борьба за геополитическое господство / Под ред. А.В. Возженикова. М.: Изд-во РАГС, 2005. С. 12.
- ³ См.: Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. С. 7.
- ⁴ *Хардт М., Негри А.* Множество: война и демократия в условиях империи. М.: Культурная революция, 2006. С. 88.
- ⁵ *Weber S.* War, Terrorism, and Spectacle: On towers and caves // South Atlantic Quarterly. 2002. Summer. Vol. 10. No. 3. P. 452.
- ⁶ *Kellner D.* September 11, spectacles of Terror, and media manipulations: a critique of jihadist and Bush media politics // Logos. 2003. Winter. Vol. 2. No. 1. P. 92.
- ⁷ См.: *Chermak S.* Marketing Fear: Representing Terrorism After September 11 // Journal for Crime, Conflict and the Media. 2003. Vol. 1. No. 1. P. 5–22.

- ⁸ *Дебор Г.-Э.* Комментарии к «Обществу спектакля»: тезис (далее – т.) XVI. URL: http://library.sgustok.org/guy_debord_-_commentaires_sur_la_societe_du_spectacle.pdf (дата обращения: 08.12.2010).
- ⁹ Там же. Т. IX.
- ¹⁰ *Хардт М., Негри А.* Империя. М.: Праксис, 2004. С. 180, 300–302, 322.
- ¹¹ *Хардт М., Негри А.* Множество. С. 48.
- ¹² *Alliez E., Negri A.* Peace and War // Theory, Culture & Society. 2003. Vol. 20. No. 2. P. 111.
- ¹³ Ibid. P. 112.
- ¹⁴ *Хардт М., Негри А.* Множество. С. 24.
- ¹⁵ Там же. С. 120.
- ¹⁶ *Иноземцев В.Л.* Глашатаи нового мира // М. Хардт, А. Негри. Множество: война и демократия в условиях империи. М.: Культурная революция, 2006. С. X.
- ¹⁷ *Хардт М., Негри А.* Множество. С. 41.
- ¹⁸ Там же. С. 111.
- ¹⁹ *Иноземцев В.Л.* Указ. соч. С. XXVI–XXVII.
- ²⁰ *Хардт М., Негри А.* Множество. С. 34–35.
- ²¹ Там же. С. 35.
- ²² *Giroux H.A.* Beyond the Spectacle of Terrorism: Rethinking politics in the society of the image. P. 20. URL: <http://ojs.gc.cuny.edu/index.php/situations/article/view-File/153/205> (дата обращения: 08.12.2010).
- ²³ *Хардт М., Негри А.* Множество. С. 26.
- ²⁴ Там же. С. 46.
- ²⁵ Там же. С. 48–49.
- ²⁶ *Хардт М., Негри А.* Империя. С. 27.
- ²⁷ Там же. С. 181.
- ²⁸ *Morgan J.* Interview with Michael Hardt // Theory, Culture & Society. 2006. Vol. 23. No. 5. P. 109.
- ²⁹ *Хардт М., Негри А.* Империя. С. 47.
- ³⁰ См.: *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет; КДУ, 2006.
- ³¹ *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма [Электронный ресурс] // ИноСМИ. [М., 2001]. URL: <http://www.inosmi.ru/untitled/20011106/142061.html> (дата обращения: 08.12.2010).
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. С. 287.
- ³⁷ *Он же.* Прозрачность зла. М.: Добросвет; КДУ, 2006. С. 54–55.
- ³⁸ *Он же.* Дух терроризма.
- ³⁹ *Он же.* Прозрачность зла. С. 112.
- ⁴⁰ *Он же.* Дух терроризма.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.

- 43 *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. С. 111.
- 44 *Глюксманн А.* Философия ненависти. М.: АСТ, 2006. С. 30.
- 45 *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма.
- 46 *Vorkinova O.A., Hohwannesian D.* Terrorism: Myth Conceptions and Conceptual Inadequacies // Fighting Terrorism in the Liberal State / Ed. by S. Peleg and W. Kempf. Amsterdam; Berlin; Oxford; Tokyo; Washington: IOS Press, 2006. P. 138.
- 47 *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. С. 272.
- 48 *Дебор Г.-Э.* Указ. соч. Т. XVIII.
- 49 *Он же.* Общество спектакля. М.: Логос, 2000. С. 15–16.
- 50 *Вахитов Р.* Современный террористический акт как Текст Спектакля (опыт семиотики террора) [Электронный ресурс] // Ситуация в России. [М., 2003]. URL: http://www.situation.ru/app/j_artp_12.htm (дата обращения: 08.12.2010).
- 51 Там же.
- 52 Там же.
- 53 *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. С. 305.
- 54 *Он же.* Прозрачность зла. С. 113.
- 55 См.: *Луман Н.* Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. 256 с.
- 56 *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. С. 113.
- 57 Там же. С. 117.
- 58 *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. С. 292.
- 59 Он же. Прозрачность зла. С. 101.
- 60 *Вахитов Р.* Указ. соч.
- 61 *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. С. 55.
- 62 *Он же.* Дух терроризма.
- 63 *Kearney R.* Terror, philosophy and the sublime: Some philosophical reflections on 11 September // Philosophy & Social Criticism. 2003. Vol. 29. No. 1. P. 34.
- 64 *Kellne D.* Op. cit. P. 88.
- 65 Ibid. P. 86.
- 66 Ibid. P. 89.
- 67 *Giroux H.A.* Op. cit. P. 18.
- 68 *Kearney R.* Op. cit. P. 30.
- 69 *McDonald I., Lawrence R.G.* Filling the 24x7 News Hole: Television News Coverage Following September 11 // American Behavioral Scientist. 2004. Vol. 48. No. 3. November. P. 336.
- 70 *Kellner D.* Op. cit. P. 88.
- 71 *Kearney R.* Op. cit. P. 41.
- 72 Ibid.
- 73 *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма.
- 74 Там же.
- 75 *Рыклин М.* APOCALYPSE NOW. Философия после 11 сентября [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2002. № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=4&article=225> (дата обращения: 08.12.2010).
- 76 *Kearney R.* Op. cit. P. 42.

МЕХАНИЗМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ США ПРОТИВ ИРАКА В НАЧАЛЕ XXI В.

Статья посвящена анализу информационной стратегии Соединенных Штатов Америки во время войны с Ираком начала XXI в. В ней рассматриваются различные измерения информационно-коммуникативной составляющей политики США, выявляются преимущества и недостатки использованных манипулятивных технологий, определяются результаты информационного противостояния США и Ирака.

Ключевые слова: война США против Ирака, информационная война, стратегии коммуникаций США, внешняя политика США, психологическая война против Ирака.

В начале XXI в. на глазах всего мира Соединенные Штаты Америки, будучи лидером информационных технологий, фактически потерпели поражение в информационной войне против Ирака, которую должны были выиграть с легкостью.

Несмотря на все старания Вашингтона убедить иракцев и весь мир в том, что американцы стремятся к освобождению угнетенного иракского народа, война и оккупация стали подтверждением того, что Соединенные Штаты ни на йоту не отступили от своих стратегических целей по установлению контроля над «Большим Ближним Востоком».

Вследствие информационной кампании США против Ирака актуализировался целый комплекс вопросов: почему американцы, которые на подготовительном этапе поддержали войну, в конечном итоге стали ее критиками; почему мировая общественность не поверила в провозглашенные Америкой цели вторжения в Ирак; почему иракцы так и не потеряли волю к сопротивлению и продолжают бороться с американцами до сих пор; почему война, которая должна

была показать всему миру мощь и избранность Америки в борьбе со «Злом», заставила людей в различных странах мира разочароваться в Соединенных Штатах как в лидере глобальной антитеррористической коалиции и мирового сообщества в целом.

В поисках ответов на поставленные вопросы начнем свой анализ с характеристики наступательной фазы информационной войны США против Ирака. По сути, использованные тогда стратегии представляют собой case study основ поведения США в глобальном информационном пространстве в начале XXI в.

Цель подготовительного этапа наступательной фазы заключалась в том, чтобы подготовить сознание населения США и всего мира к восприятию «американской версии войны», для чего Белый дом задолго до начала полномасштабных военных действий на Ближнем Востоке начал выстраивать необходимую идеологическую платформу.

В основу информационного воздействия на когнитивном уровне были положены базовые американские ценности – борьба за демократию, освобождение народов, угнетенных авторитарными режимами, поддержка свободы воли населения, а также принципы защиты собственной территории и предотвращения любых попыток угрозы безопасности. На этих концептах выстраивался новый стратегический курс после 11 сентября, оформленный в Стратегии национальной безопасности США 2002 г. Основные постулаты указанного документа повторялись всеми членами правительства Дж. Буша-мл. сотни раз, глубоко внедряясь в сознание американцев и с целью развеять сомнения и скептицизм. Таким образом, использовалась древнейшая из коммуникативных технологий «если ложь повторять много раз, люди начинают в нее верить».

Параллельно разрабатывалась особая концепция ведения информационной войны против Ирака, получившая название «Шок и трепет». В соответствии с замыслом ее авторов принципиальную роль в осуществлении американских планов должна была сыграть информационная война против иракских войск и пропаганда среди населения Ирака. С этой целью планировалось осуществить крупномасштабную психологическую операцию.

Доктрина «Шок и трепет» обладает рядом характеристик, которые крайне важны для понимания международных последствий ее применения.

Во-первых, открыто нарушая законы войны, которые запрещают коллективные наказания, военная доктрина «Шок и трепет» декларирует, что ее мишенью являются не только военные силы противника, но и «общество в широком понимании», а, следовательно, массовый страх играет роль важнейшей стратегии¹.

Во-вторых, отличительной характеристикой доктрины является четкое понимание войны как телеспектакля, который одновременно разыгрывают перед разными аудиториями: перед неприятелем, перед американцами и перед любым другим потенциальным зрителем. «Когда результаты таких атак транслируются в реальном времени по “CNN”, они оказывают важное позитивное воздействие на союзников и негативное – на потенциальных противников», – говорится в тексте доктрины «Шок и трепет»². Наиболее показательным спектаклем войны в Ираке был описан Дугласом Кельнером в его ежедневном блоге “Blogleft”³ и в книге «Медиаспектакль»⁴.

В-третьих, с самого начала вторжение было задумано как послание Вашингтона всему миру на языке вспышек и оглушительных звуков взрывов, от которых сотрясаются города. В своей книге «Доктрина одного процента» обладатель пулитцеровской премии Рон Сускинд объясняет, что для Д. Рамсфельда и Д. Чейни «важнейшим импульсом вторжения в Ирак» стало желание «устроить демонстрацию для любой страны, которая отважится приобрести вооружение массового поражения или хотя бы игнорировать авторитет Соединенных Штатов». Это была уже не столько стратегия войны, сколько «глобальный эксперимент по управлению человеческим поведением»⁵. Фактически после применения доктрины «Шок и трепет» планировалось опустить уровень развития Ирака до каменного века⁶. Этого предполагалось достичь путем одновременного ведения психологической войны и боевых операций.

Антииракская пропаганда Вашингтона, являясь основным связующим звеном коалиции, была многоуровневой и разнонаправленной. На одном фронте действовали специальные подразделения американских войск по информационным операциям, которые одновременно разрушали коммуникационные системы Ирака и заменяли их своими собственными. Вторым фронтом стала мировая общественность – мировое сообщество постоянно находилось под прицелом американской «пропагандистской машины», которая вела непрерывный огонь специально сфабрикованными новостными выпусками (часто дезинформирующими)⁷. Третьим полем битвы стала сама Америка. В США в целях получения общественной поддержки основными телеканалами постоянно нагнеталось чувство страха террористической угрозы, которая раньше исходила из Афганистана, а теперь из Ирака. По мнению Фариды Закарии, «после 11 сентября на Западе, особенно в Соединенных Штатах, расцвела домашняя индустрия паникерства. Эксперты во всем мире стали усматривать негативные тенденции, забывая о серьезном изучении данных»⁸.

Американцы использовали различные способы устрашения всего мира и в частности, Ирака. За два месяца до начала войны канал «CBS News» начал выпуск новостей с таких слов: «Это называют “день А”». Буква А означает авианалет с бомбардировками столь опустошительными, что солдаты Садама больше не смогут или не захотят сражаться». Далее перед зрителями выступил Харлан Ульман, заявивший: «Это будет комплексное воздействие, подобное ядерному взрыву в Хиросиме. Оно займет не дни и недели, но считанные минуты».

Психологическое давление осуществлялось также посредством демонстрации силы. США в качестве оружия устрашения использовали так называемую «Маму всех бомб», МОАВ («Mother of all bombs»). При весе 8,2 т – это мощнейшее в мире неядерное взрывное устройство, которое порождает облако в форме гриба высотой в три километра, похожее на «ядерный гриб». Подобно тому, как это делают с допрашиваемыми, жителям Ирака продемонстрировали орудия пытки. Министр обороны Дональд Рамсфельд пояснил: «Наша цель – показатель мощи коалиции столь очевидным образом, чтобы у иракской армии не осталось ни малейшего желания сражаться»⁹.

Когда война началась, жители Багдада были подвергнуты массовой сенсорной депривации. «Органы восприятия» города одно за другим стали отключать, начиная со «слуха». Вечером 28 марта 2003 г., когда американские войска приближались к Багдаду, от разрывов бомб загорелось здание Министерства связи и четыре городских телефонных узла: мощные противобункерные бомбы заставили замолчать миллионы багдадских телефонов. Этим дело не закончилось. Всего было разрушено 12 телефонных узлов. Так что ко 2 апреля в Багдаде практически не осталось ни одного работающего телефона¹⁰. В уже упомянутой доктрине «Шок и трепет» такая тактика указывалась в качестве основного элемента «контроля среды»: «Мы должны быть способны отключить ключевые электронные коммуникации в пределах какого-то определенного города или всей страны. Мы также должны иметь возможность контролировать радио и телевидение. В любом случае жизненно необходимо лишить противника способности к коммуникации и связи со своим собственным населением... В идеале противник должен видеть и слышать только то, что мы показываем и озвучиваем. Таким образом, наш соперник будет ослеплен, оглушен и лишен способности мыслить»¹¹.

«Ослепить, оглушить и лишить способности мыслить» планировалось не только иракцев, но и, как ни странно, самих американцев. «Информационное наступление» началось в сентябре 2002 г., когда Группа по Ираку («White house Iraq Group» – основной инструмент

Белого дома по маркетингу войны в Ираке) приступила к «продаже войны в Ираке». Маркетинговая кампания началась с воскресных утренних ток-шоу (наиболее благоприятное время для введения «информационных поводов»). Вице-президент США Дик Чейни появляется на «NBC», государственный секретарь Колин Пауэлл – на канале «Fox», министр обороны Дональд Рамсфельд – на «CBS», советник по национальной безопасности Кондолиза Райс – на «CNN». К. Райс первой начинает использовать фразу «мы не хотим, чтобы дымящееся ружье оказалось грибным облаком от ядерного взрыва», а Дж. Буш-мл. и его советники повторяют ее практически в каждом своем выступлении.

Нагнетание страха осуществлялось во многом с помощью дезинформации. Группа по Ираку использовала определенную тактику внедрения «информационных поводов» в новостное пространство, которая основывалась на манипулятивной технологии «продвижение информации через медиаторов». Джеймс Бэмфорд, автор бестселлера «Предисловие к войне 9/11: Ирак и злоупотребление американской разведкой» описывает ее таким образом: «Отдел специального планирования передает членам Группы ложные или преувеличенные разведданные; Группа в свою очередь организывает “утечку” информации дружественным журналистам, сопровождая их при этом демонстрационными материалами; когда история получает общественную огласку, на нее начинают ссылаться официальные лица как на неопровержимое доказательство и используют во всех своих речах цитаты из нее, которые накануне составили их же коллеги»¹². Именно таким образом была инсценирована история с покупкой Ираком «специальных» алюминиевых труб и урана из Нигерии. А когда были выдвинуты обвинения против членов администрации в фальсификации этих историй, последние сослались на газеты и новостные репортажи, которые и стали для них источником информации¹³.

В ходе боевых действий США не переставали предоставлять новостным компаниям ложные сообщения. Так, несмотря на информацию о смерти или ранении Саддама, тот оставался жив¹⁴. Многократные сообщения о «взятии под контроль» ключевых городов на юге страны: Умм Касра, Басры и Насирии – также оказались неправдой¹⁵. Находящийся в 700 м от кувейтской границы портовый город Умм Каср (с полуторатысячным населением) по иронии судьбы стал символом сопротивления Ирака, почти как Брестская крепость¹⁶. Столь же фальшивыми оказались сообщения о сдаче в плен 51-й иракской дивизии (она держала оборону Басры) и о подходе войск коалиции к Багдаду¹⁷. 17 апреля 2003 г. «BBC News» опубликовала статью, содержавшую список ложных заявле-

ний Белого дома и приводимые для верификации цитаты из других источников информации¹⁸.

Вместе с тем Багдад повел себя в информационной войне куда более гибко. Министерство информации Ирака предоставило аккредитованным журналистам максимум возможной свободы при освещении войны. Безусловно, важную роль сыграло и совместное переживание ракетных ударов коалиции. Отсюда – сочувственный тон в комментариях из Багдада даже западных журналистов. Главными «поставщиками» проиракской информации на мировой рынок стали «сочувствующие» арабские и исламские телестанции (номер один – «Аль-Джазира») и информагентства («Урук»). Официозные телесети коалиции (вроде CNN, NBC и BBC) такую информацию не предоставляли, но и игнорировать ее не могли.

Несмотря на все заверения американцев в том, что они прилагают максимум усилий для сокращения жертв среди гражданского населения, кадры убитых и раненных мирных жителей, ставших жертвами бомбардировок, находили живой отклик повсюду в мире и опровергали обещания США. Несомненной удачей Багдада стал показ по телевидению деморализованных американских военнопленных, а также вертолета «Апач», сбитого, как утверждалось, выстрелом из винтовки простого крестьянина¹⁹. Несмотря на заявления американских лидеров об уважительном обращении с военнопленными²⁰, люди по всему миру наблюдали за тем, как обвиненные в терроризме граждане различных стран подвергались нечеловеческим пыткам в засекреченных американских тюрьмах. Интересно, что Харлан Ульман еще в 1990-х годах, описывая свою стратегию «Шока и трепета», предупреждал, что «при использовании данной доктрины руководству США придется столкнуться с обвинениями в бесчеловечности, аморальности и негуманности. Поэтому следует заранее продумать “моральное обоснование” своих действий, ибо все они должны соответствовать американским ценностям»²¹.

По мере того, как подготавливалась и разворачивалась информационная война в Ираке, США работали над тем, чтобы создать свою собственную «версию войны» для американской публики. Была развернута специальная программа по внедрению журналистов в войсковые подразделения. Журналисты подписывали контракт, по которому они оказывались в полной власти командиров их батальонов. Таким образом, они могли передавать только ту информацию, которая одобрялась многочисленными цензорами. Журналисты и военные вместе ели и спали, подвергались опасностям и разделяли общие ценности²². Естественно, что подача новостей всегда была ориентирована на поддержку, прежде всего, собственных войск. Помимо прочего, репортаж с поля боя (включенное наблюдение)

создавал у зрителя эффект непосредственного присутствия и апеллировал к его чувствам, а не критическому мышлению.

Таким образом, американская версия войны в Ираке отличалась от тех представлений об этой войне, которые формировались за пределами США. В то время, как американские зрители наблюдали за операцией «Свобода Ирака» или «Войной в Ираке», канадский телеканал CBS использовал формулировку «Война за Ирак», а различные арабские каналы называли это «вторжением» или «оккупацией»²³. Канадский гуру медиа-исследований Маршал Маклюэн заметил: «Если бы война не показывалась по телевизору, то ее бы вообще не было»²⁴. Случай медиа-репрезентаций войны в Ираке является убедительным подтверждением данного тезиса.

С самого начала информационная война против Ирака приняла форму телешоу, телеспектакля. Она освещалась также, как бы освещались Олимпийские игры. У зрителей даже иногда сложилось ощущение, что все происходящее планировалось как часть какого-то спортивного состязания. Исследователь пропаганды Пол Роджерс дает следующий комментарий: «Обычно пропагандистские кампании строятся вокруг одной темы. В качестве примера можно вспомнить первую войну в Заливе 1991 г., темой освещения которой была выбрана “видео-игра”. Так как большинство репортажей включало в себя именно изображения с разрушенными зданиями и коммуникациями, у зрителей невольно возникали ассоциации с домашними видео-играми. Такая трактовка не могла быть использована второй раз, так как она вызвала нарекания, особенно со стороны противников войны. Следовательно, была разработана новая метафора – “спортивного шоу”. Главным достоинством такого подхода является то, что американцы очень любят смотреть любые спортивные шоу. Это как часть их ежедневного рациона. Такие передачи понятны для них и позволяют развлекаться, сидя на диване. Выстраивание пропаганды в такой привычной обстановке позволяет разработчикам добиться того, что зрители с интересом и доверием воспринимают сообщение. Когда человек смотрит спортивную игру, он не задает лишних вопросов типа “почему?” и тому подобное. Он только поддерживает свою команду. Таким образом, расчет строился на том, что зрители будут болеть за “хороших парней” и ненавидеть “иракских неудачников”. Голоса сомневающихся заглушались изначально. Военные предоставили зрителям все: карты, диаграммы, советы игрокам и блестящую стратегию победы – игра захватила всех»²⁵.

Такое освещение событий было типичным порождением военной пропаганды с разделением мира на «своих» и «чужих» (хороших и плохих), навязыванием только одной «провоенной» точки

зрения, отказом от анализа и критического осмысления в пользу слепого патриотизма, яростным гонением на сомневающихся и несогласных и обвинением их чуть ли не в измене Родине. Со времен второй иракской войны широко стал известен «Фокс-эффект» («Fox Effect»). О нем стали говорить после того, как проправительственный канал круглосуточно пропагандировал войну в Ираке и заработал на этом такую популярность, что другие каналы решили использовать ту же политику, а MSNBC был даже обвинен в том, что пытался «перефокснуть Фокс». Все это создавало атмосферу спортивного состязания, в котором не должно было быть никаких жертв. Но оптимистическое настроение нарушалось, когда в безмятежное информационное пространство Соединенных Штатов врвались картинки или сообщения о реалиях войны с трупами мирных граждан, сгоревшими домами, мертвыми американскими солдатами, преступлениями против человечности и мародерством. Неудивительно, что американские «внедренные журналисты» в попытках сохранить иллюзию «игры» не стремились показывать жертвы военных действий в своих репортажах. «Проект об искусстве журналистики» выявил, что половина американских историй с поля боя, в которых освещались военные действия не содержала ни одного кадра с ранеными людьми²⁶. Реальные сообщения разрушали иллюзию спектакля в прямом смысле этого слова поставленного голливудскими режиссерами. В частности, в Катар был приглашен продюсер программы «Доброе утро, Америка» («Good morning, America») и фильма с М. Дугласом «Дела семейные» («It Runs in the Family») Джорж Эллисон²⁷. Важнейшим постановочным действием стало свержение одной из сотни статуй Саддама Хуссейна американскими солдатами. Фотографии этого «эпохального» события, ставшего подтверждением восторга иракцев своему освобождению, обошли все мировые издания с соответствующими комментариями. И все бы было хорошо, если бы мир не узнал чуть позднее, что вокруг статуи на самом деле собралось всего несколько десятков человек, которые выказывали больше любопытства, чем радости.

Таким образом, зрители наблюдали за двумя абсолютно «разными войнами»: идеалистическим «крестовым походом» американской демократии против оплота международного терроризма и за кровавой войной иракского народа за право на жизнь, свободу и стремление к счастью.

Итак, не будет преувеличением сделать вывод о том, что Соединенные Штаты переоценили свой информационный потенциал и не смогли справиться с поставленными задачами. Изучая историю информационного противоборства США и Ирака, мы еще раз убеждаемся в том, какой неисчерпаемый ресурс политиче-

ского влияния представляют собой информационные технологии в современном асимметричном мире. Умело используя информационный ресурс, более слабые страны могут оказывать значительное влияние на более сильные, компенсируя недостаток ресурсов в других областях.

Однако информационные технологии представляют собой одновременно мощный и опасный инструмент современных международных отношений. На примере Соединенных Штатов мы убедились в том, что третий закон Ньютона применим и к информационно-коммуникативной составляющей мировой политики: «Любому действию всегда есть равное и противоположное противодействие».

Примечания

- ¹ *Ullman H., Wade J.* Shock and Awe: Achieving Rapid Dominance. Washington: The National Defense University, 1996. P. 34.
- ² *Ibid.* P. 28.
- ³ *Kellner D.* Blogleft [Электронный ресурс] // Graduate School of Education & Information Studies. [Los Angeles, 2003]. URL: <http://www.gseis.ucla.edu/courses/ed253a/blogger.php> (дата обращения: 26.02.2011).
- ⁴ *Kellner D.* Media Spectacle. L: Routledge, 2003. P. 41.
- ⁵ *Suskind R.* The One Percent Doctrine: Deep Inside America's Pursuit of Its Enemies Since 9/11. Chicago: Simon & Schuster, 2006. P. 211.
- ⁶ *Шурлов С.* Иракский капкан для США. М., 2009. С. 167.
- ⁷ *Schetcher D.* Media Wars: Embedded weapons of mass deception. N.Y.: Cold type, 2003. P. 6.
- ⁸ *Закария Ф.* Постамериканский мир будущего. М.: Европа, 2009. С. 37.
- ⁹ Rumsfeld, Myers Pentagon Briefing, March 11, 2003 [Электронный ресурс] // [Washington, 2003]. URL: <http://www.america.gov/st/washfile-english/2003/March/20030311185232ssor0.0325281.html#ixzz0ku645sJA> (дата обращения: 26.02.2011).
- ¹⁰ *Кляйн Н.* Доктрина шока. М.: Добрая книга, 2009. С. 374.
- ¹¹ *Ullman H., Wade J.* Op. cit. P. 50, 60.
- ¹² *Bamford J.* A Pretext for War: 9/11, Iraq, and the Abuse of America's Intelligence Agencies. Doubleday, 2004. P. 325.
- ¹³ *Gellman B., Pincus W.* Depiction of Threat Outgrew Supporting Evidence // Washington Post. 2003. August 10.
- ¹⁴ Saddam urges 'jihad' [Электронный ресурс] // BBC News. [L., 2003]. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/2908147.stm (дата обращения: 26.02.2011).
- ¹⁵ Города Басра и Умм-Каср подверглись обстрелу, но остаются под контролем Ирака [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «NEWSru.

- com». [М., 2003]. URL: <http://www.newsru.com/world/21mar2003/joint.html> (дата обращения: 26.02.2011).
- ¹⁶ Командующий 15-м корпусом морской пехоты США признал, что в Умм Касре до сих пор идут бои [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «NEWSru.com». [М., 2003]. URL: <http://www.newsru.com/world/25mar2003/chrono6.html> (дата обращения: 26.02.2011).
- ¹⁷ Baghdad Wakes Up to Explosions [Электронный ресурс] // Fox News. [NY., 2003]. URL: <http://www.foxnews.com/story/0,2933,81791,00.html> (дата обращения: 26.02.2011).
- ¹⁸ Iraq war: Unanswered questions [Электронный ресурс] // BBC News. [L., 2003]. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/2929411.stm (дата обращения: 26.02.2011).
- ¹⁹ U.S. Army Black Hawk Helicopter Crashes Near Karbala [Электронный ресурс] // Public Broadcasting Service. [Arlington., 2003]. URL: http://www.pbs.org/news-hour/updates/blackhawk_04-02-03.html (дата обращения: 26.02.2011).
- ²⁰ США разработали для иракцев специальную процедуру сдачи в плен [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «NEWSru.com». [М., 2003]. URL: <http://www.newsru.com/world/21mar2003/plen.html> (дата обращения: 26.02.2011).
- ²¹ *Ullman H.* Op. cit. P. 52.
- ²² *Schetcher D.* Op. cit. P. 84.
- ²³ *Kellner D.* Spectacle and Media Propaganda in the War on Iraq: A Critique of U.S. Broadcasting Networks [Электронный ресурс] // [Los Angeles, 2003]. URL: <http://www.gseis.ucla.edu/faculty/kellner/> (дата обращения: 26.02.2011).
- ²⁴ *McLuhan M., Carson D.* The Book of Probes. N. Y.: Gingko Press, 2003. P. 61.
- ²⁵ Цит. по: *Schecter D.* Op. cit. P. 20.
- ²⁶ Journalists in Iraq – A Survey of Reporters on the Front Lines: Quality of Coverage [Электронный ресурс] // Journalism. [Washington, 2007]. URL: <http://www.journalism.org/node/8642> (дата обращения: 26.02.2011).
- ²⁷ *Shechter D.* Op. cit. P. 60.

ВЛИЯНИЕ «ХИСПЭНИКС» НА ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ОБРАЗА СОВРЕМЕННОГО ИММИГРАНТА В США

Статья посвящена проблемам современной латиноамериканской иммиграции в США, которая отличается своей массовостью, нелегальным характером, региональной концентрацией и постоянством. Автор рассматривает смену ассимиляционных парадигм, а также мифы об иммигрантах, бытующие в американском обществе. Особое внимание уделяется вопросу о влиянии «хиспэникс» на формирование образа современного иммигранта в США.

Ключевые слова: иммиграция, национальная идентичность, образ иммигранта, «хиспэникс», ассимиляционная парадигма, «плавиный котел», мультикультурализм, национальная безопасность.

Интенсификация процессов международных миграций поставила практически все развитые страны перед лицом новых вызовов, которые в условиях глобального кризиса приобрели особую актуальность.

Для Соединенных Штатов, принимающих больше иммигрантов, чем какая-либо другая страна в мире, иммиграция непосредственно связана с процессом формирования национальной идентичности. Ее ключевыми элементами на протяжении веков являлись английский язык, протестантские ценности, представления о верховенстве закона, ответственности правителей, гражданские права и свободы, индивидуализм, трудовая этика, убежденность в том, что люди имеют возможность выстраивать собственное счастье. Иммигранты едут в США в надежде достичь вершин успеха или, по крайней мере, добиться обеспеченного существования и привилегии принадлежать к почетному среднему классу. Эта вера является важной составляющей «американской мечты»¹.

Новые иммиграционные потоки всякий раз актуализировали парадигмы ассимиляционного развития, меняли образ покинутой страны, образ самой Америки, а так же способствовали конструированию представлений об иммигранте.

В конце XX – начале XXI в. американской культуре и национальной идентичности американцев был брошен очередной вызов: новая волна иммигрантов из стран Азии и Латинской Америки, растущая популярность доктрины мультикультурализма, распространение испанского в качестве второго общепринятого на территории США языка и испанизация части американского социума, утверждение групповых идентичностей, основанных на расовых, этнических и гендерных признаках, растущее влияние этнических диаспор². Все это актуализировало вопрос об истинном американце.

В рамках англоконформизма таковым признавался WASP – белый, англосакс, протестант. Эта парадигма, существовавшая с середины XIX в. вплоть до 20-х годов XX в., трансформировалась в идею «плавильного котла», в основе которой лежало представление об истинном американце как о человеке смешанного происхождения. В 1960-е годы наряду с концепцией «плавильного котла» получила распространение теория «мультикультурализма», предполагавшая сосуществование различных этнических сообществ, скрепленных американским кредо.

Отношение к иммигрантам со стороны «коренного» населения также изменялось в зависимости от того, насколько успешно вновь прибывшие люди интегрировались в американский социум.

В последние десятилетия национальная идентичность США подвергается существенной трансформации и заслуживает самого пристального внимания и изучения. В американском обществе возник страх, что Соединенные Штаты утрачивают свое внутреннее единство, так как набирает силу центробежная тенденция, которую, в первую очередь, связывают с латиноамериканской иммиграцией, многочисленные представители которой плохо знают английский язык, но все активнее заявляют о своих претензиях.

Дебаты по вопросам идентичности разгораются в связи с постановкой вопроса о возможности США принять и адаптировать новых иммигрантов.

Современная латиноамериканская иммиграция во многом отличается как от иммиграции прошлого, так и от нынешней иммиграции из других стран. Новые иммигранты, пересекающие Рио-Гранде, не желают ассимилироваться, создавая замкнутые сообщества внутри сообщества американского.

По мнению эксперта журнала «Forbes» Питера Браймлоу (кстати сказать, тоже иммигранта из Великобритании), Соединенные

Штаты больше не в состоянии позволить себе быть нацией иммигрантов.

На сегодняшний день каждый восьмой житель США – иммигрант в первом поколении. В 1970 г. иммигрантом был каждый 21-й житель, в 1980 – каждый 16-й, в 1990 – каждый 13-й житель Соединенных Штатов. С 2000 г. в страну въехало 10,3 млн иммигрантов. Это рекордный показатель за любые отдельно взятые семь лет в истории государства³.

Современная латиноамериканская миграция отличается своей массовостью, нелегальным характером, региональной концентрацией и постоянством.

Латиноамериканская диаспора является сегодня самым многочисленным национальным меньшинством США. Если в 2000 г. количество «хиспэникс» составляло 31,5 млн, то к июлю 2007 г. их уже было 37,9 млн чел. (включая нелегальных иммигрантов). «Латинос» в Америке впервые обошли по численности чернокожее население⁴.

В настоящее время доля выходцев из Латинской Америки достигла 54,6% от общего числа мигрантов, а количество мексиканцев за последние четыре десятилетия выросло с 14% до 31,3%⁵ и превосходит ближайших преследователей (китайцев, индийцев и филиппинцев) в шесть раз. Иммигранты из стран Латинской Америки вытеснили европейских и канадских переселенцев. В 2008 г. процент «хиспэникс» и выходцев из Латинской Америки составил 15,1 от общей численности населения Соединенных Штатов⁶.

Несмотря на существующее многообразие латиноамериканских стран-доноров, появился доминирующий источник иммиграции – Мексика. Согласно результатам опросов 44% мексиканцев из всех желающих переехать на постоянное место жительства в другую страну, остановили бы свой выбор на США, будь у них такая возможность⁷. Среди первых 25 государств-доноров находятся, не считая вышеупомянутой Мексики, такие страны как Куба, Сальвадор, Доминиканская республика, Гватемала, Колумбия, Ямайка, Гондурас, Эквадор, Перу и Бразилия.

По оценкам социологов, к 2050 г. численность латиноамериканцев в Соединенных Штатах возрастет до 25% всего населения⁸. Эти цифры обусловлены не только притоком новых иммигрантов, но и многодетностью иммигрантских семей. Так, с 1990 г. естественный прирост населения в этой группе достигает 60%.

Латиноамериканские иммигранты, к сожалению, находятся в самом низу экономической пирамиды в США, что напрямую связано с их низким уровнем образования и нелегальным методом проникновения в страну.

По словам известного американского политолога Сэмюэля Хантингтона, испаноязычная иммиграция является «наиболее <...> серьезным вызовом традиционной американской идентичности. <...> Игнорируя эту проблему, американцы толкают свое общество к трансформации на две культуры (англо- и испаноязычную) и два языка»⁹.

Действительно, по данным социальных опросов число «хиспэникс», говорящих на родном языке дома увеличивается (за период 2007–2008 гг. оно, например, увеличилось на 3%)¹⁰. Если прежние иммигранты, говорившие на десятках языков и диалектах, оказывались вынуждены переходить на английский, который в Америке был, говоря по-советски, «языком межнационального общения», то десятки миллионов латинос общаются не только с земляками, но и с переселенцами из других стран континента, на испанском. Латинос много и становится все больше. В результате они в состоянии не только сохранять свою культуру в новой стране проживания, но и бросить вызов доминировавшей в ней культуре. Иммигранты из стран Латинской Америки не только не ассимилируются, но и сами латиноамериканизируют отдельные категории населения США. Например, оставившие резервации индейцы предпочитают общаться с мексиканцами, в жилах большинства которых течет индейская кровь. К тому же, часть проживающих в США 1,5 млн филиппинцев (а Филиппины – католическая страна, испытывавшая сильное испанское культурное влияние за 300-летнее колониальное господство Испании) также охотно сближаются с латинос.

Не следует забывать, что многих иммигрантов с островов Карибского моря, в свою очередь, можно отнести к латинос. Триста тысяч гаитян, говорящих на своеобразном диалекте французского, или миллион англоязычных ямайцев культурно ближе латинос, чем черным американцам.

Выходцы из стран Латинской Америки предпочитают селиться в иммигрантских анклавах, напоминающих им родные места. Они имеют собственные средства массовой информации, предпочитают свою – испанскую – культуру и испанский язык американской культуре и английскому языку и все больше превращаются «в нацию внутри нации»¹¹.

За 1990-е годы численность жителей США с испано-мексиканскими корнями увеличилась на 50% и к 2000 г. достигла 21 млн человек. Ежегодно их численность возрастает почти на 1 млн человек. Причем значительная часть переселенцев из Мексики оседает в анклавах на Юго-Западе США, в штатах Техас и Калифорния. Подобные компактные поселения представляются «коренным» американцам крайне опасными, во-первых, из-за заложенного в

них потенциала «балканизации», то есть возможного вытеснения пришлым этносом коренного населения с занимаемой территории; и, во-вторых, из-за возможного возникновения на территории США этнического Ольстера или Квебека, население которого в дальнейшем может потребовать формального признания «своей отдельной и уникальной испанской культуры и своей принадлежности к ней» и права на особые отношения с Мексикой.

Специалисты Центра по изучению иммиграции (ЦИИ) полагают, что и 300 тыс. легальных иммигрантов было бы достаточно: «Нам следует принимать меньше людей, с тем, чтобы мы могли оказывать вновь прибывшим более теплый прием»¹².

Однако не только количественные параметры иммиграционного потока являются камнем преткновения в дебатах по вопросу иммиграции. Образовательный уровень иммигрантов вызывает не меньшее беспокойство. Ведь за необразованность иммигрантом приходится в прямом смысле слова расплачиваться американским налогоплательщикам: на протяжении жизни иммигранты без полного школьного образования остаются потребителями разного рода дотаций и льгот, которые не компенсируются суммой выплачиваемых ими налогов.

«Хиспэникс» уже фактически заставили заговорить Америку на двух языках, и именно они поставили под сомнение необходимость адаптации к американской культуре. «Плавильный котел» американского общества уже давно перестал работать, а это может стать угрозой культурной и политической целостности США¹³. По мнению одного из лидеров консервативной партии Патрика Бьюкенена, латиноамериканские иммигранты, особенно мексиканцы на юго-западе США, скоро достигнут такой численности и консолидации, что это позволит им при желании сохранить свою отличительную культуру и реализовать то, о чем не удавалось и мечтать ни одной из предыдущих иммигрантских групп. А именно: бросить вызов социокультурным ценностям американского общества¹⁴.

Подобные перспективы меняют отношение граждан США к иммигрантам в целом и способствуют поддержанию старых мифов об иммигрантах и формированию новых. Эти мифы, безусловно, подпитываются реальностью, однако, актуализируют лишь ее отдельные составляющие, апеллируя к антииммиграционным настроениям и антииностранным фобиям американцев. Попробуем выяснить, за какие из этих мифов «несут ответственность» выходцы из стран Латинской Америки.

Самый распространенный миф: Америка имеет дело с бесконтрольной и беспрецедентной латиноамериканской иммиграцией.

На самом деле иммиграционная система США содержит четкие ограничения и является хорошо регулируемой.

Тем не менее опрос общественного мнения, проведенный в 2010 г., показал, что 45% американцев считают, что уровень иммиграции должен быть снижен и выступают за ужесточение иммиграционного законодательства (за его смягчение, в свою очередь, высказалось лишь 17%)¹⁵.

В данном случае недовольство американских граждан вызывает огромное количество нелегальных иммигрантов, ежегодно пересекающих Рио-Гранде. Масштабы нелегальной иммиграции в начале XXI в. действительно имеют беспрецедентный характер. Борьба с нелегалами – первоочередная задача американской иммиграционной политики.

Второй иммиграционный миф: нынешнее иммиграционное законодательство допускает массовую «цепную миграцию». Последний термин используется для описания того, что происходит, когда иммигрант въезжает в Соединенные Штаты, а затем «вытягивает» своих родственников, один за другим проникающим в страну в течение короткого промежутка времени.

На самом деле ни одно положение существующих иммиграционных законов не позволяет кому бы то ни было выступать поручителем для своих тети, дяди, двоюродного брата/сестры или других «отдаленных» членов семьи.

Более того, латиноамериканская иммиграция часто имеет сезонный характер. Значительная часть латинос приезжает в США поработать в течение нескольких лет и вернуться домой.

С другой стороны, переселенческие группы всегда отличаются более высокой рождаемостью, чем коренные жители, ведь в чужую страну едут, как правило, молодые люди. Если учесть, что латиноамериканцы в подавляющем большинстве являются ревностными католиками, свято выполняющими запрет на аборт и прочие виды прерывания беременности, то неудивительно, что почти все семьи латинос многодетны. Высокая рождаемость в семьях латинос значительно улучшает статистику рождаемости в США в целом. В итоге в достаточно короткий срок латинос превратились в самое многочисленное расово-этническое меньшинство в Соединенных Штатах, оттеснив с этих позиций афроамериканцев¹⁶.

Третий миф: латиноамериканские иммигранты возлагают дополнительное финансовое бремя на налогоплательщиков.

«Хиспэникс» несколько интенсивнее, чем «коренные» американцы, пользуются некоторыми программами социальной помощи. Однако поскольку иммигранты имеют тенденцию прибывать в Соединенные Штаты в начале своей трудовой жизни – в возрасте между 18 и 35 годами – и стремятся к легализации, в дальнейшем они вносят очень большой нетто-вклад в две крупнейшие програм-

мы по перераспределению доходов: «Social Security» («социальная безопасность») и «Medicare» («медицинское попечение»), сами становясь налогоплательщиками.

Миф номер четыре: латиноамериканские иммигранты малообразованны и живут за чертой бедности.

Это обвинение справедливо лишь для иммигрантов первого поколения. Как показывают социальные исследования ЦИИ, даже не самые успешные иммигранты добиваются значительного прогресса за 20–25 лет. Это значит, что их дети, будучи иммигрантами второго поколения, в большинстве своем получают полное среднее образование и шанс найти более достойную работу, а также начинают бегло говорить на двух языках.

Пятый миф: нелегалы несут ответственность за рост преступности в США.

Вообще образ «мексиканского бандита» еще с начала XX в. укоренился в массовом сознании американцев¹⁷. Именно эта причина сыграла главную роль в принятии некоторыми штатами строгих мер по отношению к нелегально проживающим чужестранцам.

И тем не менее статистика криминальной активности нелегалов вступает в конфликт с общепринятым мнением об их главенствующей роли в распространении преступности в США. Криминолог из Университета Джорджа Вашингтона Рональд Вейтзер констатировал: «Люди часто утверждают, что чем больше у нас в стране нелегалов, тем выше уровень преступности. Это невольное заблуждение не соответствует фактам. Среди содержащихся в тюрьмах уголовников нелегалов меньше всего»¹⁸.

И еще один статистический факт. Иллинойский департамент исправительных учреждений сообщил, что в тюрьмах Иллинойса содержится 45 тыс. уголовников, среди которых 1 700 нелегалов. Аналогичную картину можно наблюдать и в других штатах¹⁹.

Наконец, последний миф: иммиграцию следует сократить, поскольку так высказываются американцы в ходе опросов общественного мнения.

В целом позицию населения можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, большинство «коренных» американцев всегда выражали недовольство высоким уровнем иммиграции (а со второй половины 1960-х годов этот уровень неизменно представлялся им слишком высоким) и во всех опросах указывали, что предпочли бы сокращение числа иммигрантов, допускаемых в страну. Во-вторых, в сознании «коренных» американцев прочно закрепился стереотип: «Кто въехал в нашу страну раньше, все были парни что надо, но те, кто приезжают сейчас – чистые подонки» (основная вина которых, по мнению каждого второго американца,

заключается в том, что они в большинстве своем проникают в страну нелегально, а потом скольк бессовестно, столь и безосновательно пользуются социальными пособиями)²⁰.

С другой стороны, имеет место и небезызвестный феномен «как спросили – так и отвечаем». Поэтому совершенно иное впечатление об американском гостеприимстве складывается, если обратить внимание на отношение «коренных» жителей к иммигрантам, которых они знают лично. Тогда оказывается, что американцы испытывают вполне дружеские чувства к иммигрантам, проживающим в непосредственном соседстве, в пределах сложившихся местных сообществ, или работающим с ними бок о бок. Очевидно, что раскол в восприятии иммиграции проходит по линии абстрактных представлений, сформированных в основном СМИ, и персонального опыта общения и общезития.

Подавляющее большинство американцев (73%) согласны, что латиноамериканские иммигранты подвергаются дискриминации на территории Соединенных Штатов²¹.

Несмотря на все это, население практически единодушно в оценке той роли, которую иммиграция сыграла в истории США в целом и развитии национальной экономики в частности. Опросы 1980–1990-х годов показывают, что суммарный эффект иммиграции оценивается абсолютным большинством американцев как безусловно положительный, что совпадает и с результатами многих экспертных опросов²². В 2010 г. 57% американцев отнесли иммиграцию в целом к положительным явлениям в обществе²³.

По результатам опроса, проведенного в начале 2006 г., более двух третей американцев (67% – да, 27% – нет) считает, что труд мексиканских иммигрантов выгоден для экономики США²⁴. И все же, несмотря на то, что 78% американцев считает латиноамериканцев в целом трудолюбивыми²⁵, в общественном сознании прочно укрепился образ не слишком умного, грубого, невежественного, тяжело обучаемого человека, который как бы самой природой создан для тяжелого и неблагодарного сельскохозяйственного труда, для грязной и низкооплачиваемой работы²⁶.

* * *

Таким образом, современная латиноамериканская иммиграция не имеет прецедентов в американской истории, а выходцы из стран Латинской Америки оказывают влияние на социально-политические процессы в американском обществе и формирование нового образа иммигранта.

Из человека, способного достичь многого за счет своих персональных качеств и влиться в так называемый «плавильный котел»

американского общества, он превращается во внутреннего «Чужого», бросающего вызов национальной идентичности. Ярким примером общественной полемики на тему иммиграции может послужить огромное количество публикаций в прессе в связи со скандальным законом²⁷, принятым в штате Аризона летом 2010 г.²⁸ Согласно нему, полиция имеет право задерживать людей по подозрению в нелегальной иммиграции. Помимо Аризоны меры против нелегалов приняты также в штате Небраска.

Мифы об иммигрантах, в тиражировании которых латиноамериканским иммигрантам принадлежит особая роль, помогают манипулировать настроениями в американском обществе. Во многом под влиянием этих настроений формируется новая внешнеполитическая стратегия по отношению к странам-донорам.

Президент Соединенных Штатов Барак Обама взял курс на перезагрузку отношений США со странами Латинской Америки. Вашингтон заинтересован в развитии экономики региона, который на протяжении всей истории Североамериканской республики занимает особое место в ее внешнеполитической стратегии²⁹.

Иммиграция была, есть и будет безальтернативным тезисом для страны, выросшей из иммиграции, живущей ею физически и духовно, реально и виртуально. И антииммиграционные настроения по-американски на самом деле означают лишь то, что в обществе присутствует недовольство текущим состоянием дел в иммиграционной сфере, недовольство, связанное с ощущением угрозы национальной идентичности в условиях, когда Соединенные Штаты могут превратиться в двуязычную страну, четверть населения которой будет говорить по-испански.

Примечания

- ¹ Лоуренс К., Ньюланд К. Четыре составляющие иммиграционной политики США [Электронный ресурс] // Сайт «Демоскоп Weekly» [М., 2002]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/079/analit02.php> (дата обращения: 22.02.2011).
- ² Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2004. С. 15.
- ³ Camarota S. Immigrants in the United States, 2007: A Profile of America's Foreign Born Population [Электронный ресурс] // Center for Immigration Studies. [Washington, 2007]. URL: http://cis.org/immigrants_profile_2007 (дата обращения: 22.02.2011).
- ⁴ Hispanics Outlive Whites and Blacks in U.S. [Электронный ресурс] // New York Times. [NY., 2002]. URL: http://www.nytimes.com/2010/10/14/us/14brfs-HISPANICSOUT_BRF.html?scp=4&sq=&st=nyt (дата обращения: 22.02.2011).
- ⁵ Camarota S. Op. cit.

- ⁶ Characteristics of the Group Quarters Population. 2006–2008 American Community Survey 3-Year Estimates American Community Survey [Электронный ресурс] // U.S. Census Bureau. [Washington, 2008]. URL: http://factfinder.census.gov/servlet/STTable?_bm=y&-geo_id=01000US&-qr_name=ACS_2008_3YR_G00_S2601A&-ds_name=ACS_2008_3YR_G00 (дата обращения: 22.02.2011).
- ⁷ Clifton J. Roughly 6.2 Million Mexicans Express Desire to Move to U.S. [Электронный ресурс] // Gallup [Washington, 2008]. URL: <http://www.gallup.com/poll/139391/Roughly-Million-Mexicans-Express-Desire-Move.aspx> (дата обращения: 22.02.2011).
- ⁸ Hispanics in the United States. U.S. Census Bureau, Population Division [Электронный ресурс] // U.S. Census Bureau. [Washington, 2010]. URL: http://www.census.gov/population/www/socdemo/hispanic/hispanic_pop_presentation.html (дата обращения: 22.02.2011).
- ⁹ Хантингтон С. Указ. соч. С. 14.
- ¹⁰ Changes to the American Community Survey between 2007 and 2008 and their potential effect on the Estimates of Hispanic origin Type, Nativity, Race and Language [Электронный ресурс] // U.S. Census Bureau. [Washington, 2009]. URL: <http://www.census.gov/population/www/socdemo/hispanic/acs08researchnote.pdf> (дата обращения: 22.02.2011).
- ¹¹ Buchanan P. The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization. New York: Thomas Dunne Books, 2002. P. 125.
- ¹² Elite vs. Public Opinion: An Examination of Divergent Views on Immigration. Panel Discussion Transcript. The National Press Club (Washington, D.C.), 2002. December 17 [Электронный ресурс] // Center for Immigration Studies. [Washington, 2002]. URL: <http://www.cis.org/articles/2002/elitepublic.html> (дата обращения: 22.02.2011).
- ¹³ Millet J. Understanding American Culture: From Melting Pot to Salad Bowl [Электронный ресурс] // Cultural Savvy. [San Francisco, 2009]. URL: http://www.culturalsavvy.com/understanding_american_culture.htm (дата обращения: 22.02.2011).
- ¹⁴ Buchanan P. Op. cit. P. 314.
- ¹⁵ Morales L. Amid Immigration Debate, Americans' Views Ease Slightly [Электронный ресурс] // Gallup. [Washington, 2010]. URL: <http://www.gallup.com/poll/141560/Amid-Immigration-Debate-Americans-Views-Ease-Slightly.aspx> (дата обращения: 22.02.2011).
- ¹⁶ Лебедев С. Латинское будущее Америки [Электронный ресурс] // Сайт клуба «Возрождение. [Йошкар-Ола, 2008]. URL: http://www.club-vozhrojenie.ru/publ/latinskoe_budushhee_ameriki/29-1-0-95 (дата обращения: 22.02.2011).
- ¹⁷ Latinoамериканские диаспоры в США / Отв. ред. Б.И. Коваль. М.: Наука, 2003. С. 129.
- ¹⁸ Андерсон С., Мур С. Сводим иммиграционные мифы на нет [Электронный ресурс] // Сайт проекта «Русский Архипелаг». [М., 1997]. URL: <http://www>.

- archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/usa-debat/mif/ (дата обращения: 22.02.2011).
- 19 *Винокур Б.* Мифы о нелегалах // Независимая газета. 2007. 13 ноября.
- 20 *Андерсон С., Мур С.* Указ. соч.
- 21 *Stephens A.* Americans, Mexicans Reject Border Fence [Электронный ресурс] // World Public Opinion. [Washington, 2006]. URL: <http://www.worldpublicopinion.org/pipa/articles/brlatinamericara/184.php?lb=brusc&pnt=184&nid=&Id=> (дата обращения: 22.02.2011).
- 22 *Лопухина Т.* Команда, без которой нам не жить [Электронный ресурс] // Сайт проекта «Русский Архипелаг». [М. 2004]. URL: <http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/usa-debat/lopuhina-komanda/> (дата обращения: 22.02.2011).
- 23 *Morales L.* Op. cit
- 24 *Stephens A.* Op. cit.
- 25 *Larochelle G.* Image and Representation of the Other: North America Views South America // Diogenes. 1992. Spring. No. 157. P. 27.
- 26 Латиноамериканские диаспоры в США. С. 129.
- 27 Arizona Immigration Law (Senate Bill 1070) [Электронный ресурс] // Arizona State Legislature. [Phoenix, 2010]. URL: <http://www.azleg.gov/legtext/49leg/2r/bills/sb1070s.pdf> (дата обращения: 22.02.2011).
- 28 *Lacey M.* Challenge to Immigration Law Is Upheld // The New York Times. 2010. October 8; *DeParle J.* Arizona Is a Haven for Refugees // The New York Times. 2010. October 9; *Lacey M.* Arizona Immigration Law Divides Latinos, Too // The New York Times. 2010. October 31; *Schumacher-Matos E.* The case for immigration enforcement // The Washington Post. 2010. October 28; *Markon J.* Arizona's immigration law goes before appeals court // The Washington Post. 2010. October 31.
- 29 National Security Strategy of the United States of 2010 [Электронный ресурс] // The White House. [Washington, 2010]. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (дата обращения: 22.02.2011); Administration Officials Announce U.S.-Mexico Border Security Policy: A Comprehensive Response & Commitment / The White House. Press Release. 2009. March 24 [Электронный ресурс] // The White House. [Washington, 2009]. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Administration-Officials-Announce-US-Mexico-Border-Security-Policy-A-Comprehensive-Response-and-Commitment/ (дата обращения: 22.02.2011).

ЭКСПОРТНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ США И РФ НА МИРОВОМ РЫНКЕ ВООРУЖЕНИЙ В НАЧАЛЕ XXI В.

В начале XXI в. мировой рынок вооружений и военной техники (ВВТ) оставался пространством напряженной конкуренции между ведущими экспортерами. Ключевым игроком на рынке ВВТ являлись Соединенные Штаты. Второе место сохраняла за собой Россия, хотя ее позиции постепенно ослабевали. В статье автор проводит сравнительный анализ политики данных стран в области военных НИОКР и их экспортных стратегий на рынке вооружений в 2000–2010 гг. с учетом общего экспортного потенциала.

Ключевые слова: Военно-промышленный комплекс, экспорт вооружений и военной техники, научно-исследовательские и оперативно-конструкторские разработки (НИОКР).

Экспортный потенциал США

Победоносное завершение противостояния с СССР в 1991 г. не отразилось на усилиях Соединенных Штатов по сохранению своего военно-технологического лидерства в мире. В 1990-е годы, в условиях прекращения холодной войны, США сохранили свой потенциал в области военных НИОКР и продолжали интенсивные научные исследования. В Соединенных Штатах действовала хорошо отработанная система распределения финансирования между государством, покрывавшим в среднем 33% стоимости работ и частными фирмами, на которые приходились остальные 67%¹. На США приходилось от 50 до 65% всех расходов на военные НИОКР в мире. Это способствовало технологическому отрыву Америки в военной области от всего мира.

В 2000–2010 гг. США продолжали интенсивные усилия по закреплению своего технологического лидерства. Расходы на во-

енные НИОКР за 1998–2010 гг. возросли с 38 до 78,9 млрд долл.² При этом американскую стратегию в развитии своего военного потенциала отличало стремление к полной самодостаточности, проведению всего комплекса работ по разработке ВВТ собственными силами. Соединенные Штаты лишь в ограниченной мере привлекали к сотрудничеству своих ближайших союзников (прежде всего Израиль, Великобританию, Германию, Канаду, Японию). Это не исключало периодического заключения весьма крупных контрактов с иностранными производителями в сферах, не затрагивающих жизненно важные интересы национальной безопасности США. Последний пример такого рода – сделка с европейским концерном EADS и фирмой «Northrop Grumman» 2009 г. о поставке самолетов-заправщиков для ВВС США на сумму 35 млрд долл.³

Новейшие, наиболее продвинутые системы ВВТ предназначались исключительно для нужд американской армии. Этот подход может быть проиллюстрирован на примере авиационной техники, на которую в 2005–2009 гг. приходилось 48% всего американского экспорта ВВТ⁴. Соединенные Штаты интенсивно продавали за рубеж свои машины четвертого поколения: F-15, F-16 и F-18, разработанные еще в 1970–1980-е годы, в конце холодной войны. Эти самолеты пользовались спросом на протяжении всего периода вплоть до 2010 г. Параллельно США интенсивно осуществляли программу разработки и производства самолетов пятого поколения. Первый полет опытного прототипа истребителя F-22A «Рэптор» состоялся 7 сентября 1997 г. (на 12 лет ранее российского образца)⁵. Серийные поставки начались с 2001 г., при этом стоимость одной машины достигла 200 млн долл. против 30–40 млн у производимых в те же годы российских Су-30⁶. «Рэптор» обладает безусловным превосходством над всеми существующими типами аналогичных самолетов и сохранит его вплоть до появления серийных истребителей пятого поколения у России, стран Западной Европы и, возможно, Китая. Однако уникальные боевые качества F-22 обернулись против него.

Во-первых, США отказываются продавать «Рэптор» другим странам, даже ближайшим союзникам. Между тем Израиль, Саудовская Аравия и Япония уже выражали заинтересованность в его приобретении. В наиболее продвинутой фазе к 2011 г. находились переговоры с Японией. При этом Соединенные Штаты требовали от японской стороны профинансировать разработку упрощенной модели F-22, обладающей пониженными боевыми свойствами (стоимость программы 2,3 млрд долл.)⁷.

Во-вторых, «Рэптор» оказался слишком дорогостоящей машиной, для которой попросту не находится адекватного применения.

Его гипотетические противники еще не созданы, а те реальные боевые задачи, которые приходится выполнять ВВС США в Ираке и Афганистане, решаются гораздо дешевле и эффективнее более старыми самолетами третьего и четвертого поколений. В результате программа производства F-22 была сокращена с 648 до 438 машин, а в 2009 г., после выпуска 187 самолетов, финансирование было прекращено. Спасти дальнейший выпуск может только скорейшее появление у «Рэптора» конкурентов⁸.

Основным самолетом пятого поколения, предлагаемым на экспорт, служит F-35 «Лайтнинг-II». Это легкий многофункциональный истребитель-бомбардировщик, который значительно дешевле «Рэптора» (130 млн долл. против 200). Опытный образец совершил первый полет 8 июня 2008 г., а серийное производство F-35 должно начаться в 2016 г. При этом США предполагают до 2027 г. произвести 2400 самолетов для себя и не менее 2100 для других стран⁹. Однако «Лайтнинг-II», в отличие от «Рэптора», по своим боевым возможностям значительно уступает «Рэптору». Соответственно, он может оказаться недостаточно конкурентоспособным по сравнению с разрабатываемым в России ПАК ФА.

Схожая ситуация наблюдалась и в других сегментах ВВТ. Военно-морской флот США является сильнейшим в мире. На протяжении 2000–2010 гг. он интенсивно пополнялся новейшими кораблями: атомными авианосцами типа «Нимиц», эсминцами проекта «Орли Берк», атомными подлодками типа «Вирджиния», экспериментальными кораблями, выполненными полностью по технологии «Стелс». Однако уникальные боевые качества новейших океанских кораблей ВМФ США исключали возможность их продажи за рубеж. Основной экспортный спрос в сфере военно-морских вооружений был сконцентрирован на кораблях ближней морской зоны, тогда как США традиционно ориентированы на производство кораблей океанского класса для действий в отдаленных акваториях. Такие корабли нужны только самим США, либо их потенциальным противникам (России и Китаю), продажа которым исключена. В результате поставки военно-морских вооружений США ограничивались небольшими катерами и продажей списанных кораблей. Например, в 2007 г. три устаревших списанных фрегата были проданы Турции за 485 млн долл.¹⁰

В области танкостроения американский танк M1 «Абрамс» оказался фактически не востребован на мировом рынке. В 2001 г. были осуществлены последние крупные поставки этих новых машин¹¹. В дальнейшем в течение 2002–2007 гг. все сделки сводились к модернизации ранее поставленных машин и распродаже танков старых модификаций M60 из запасов времен холодной войны. Основные

клиенты предпочитали налаживать производство собственной бронетехники, либо приобретать российский Т-90, превосходящий «Абрамс» по критерию «стоимость–эффективность». Лишь в 2008 г. США получили крупный контракт стоимостью 534 млн долл. на поставку 140 танков М1А1 в Ирак¹². Однако в данном случае говорить о свободной рыночной конкуренции не приходится. При этом разрабатываемые в США перспективные танки заведомо не предназначаются для экспорта, в отличие от аналогичного российского танка Т-95¹³.

Несмотря на то, что США на протяжении 2000–2010 гг. (как и в предшествующий период) воздерживались от поставок за рубеж своих новейших ВВТ, созданный технологический задел позволял даже не самым новым американским системам успешно конкурировать на мировом рынке. Системный подход США к организации экспорта ВВТ позволял им доминировать в объеме мировых продаж, уверенно контролируя 30–40% рынка. При этом большая часть доходов образовывалась за счет умелой эксплуатации ранее созданного задела. Так, из подписанных в 2008 г. соглашений на сумму 29,6 млрд долл. более половины – 15,7 млрд долл. приходились на послепродажное обслуживание¹⁴. В этом важное отличие американского подхода от российского, когда зачастую послепродажным обслуживанием и модернизацией старой советской и российской техники занимаются европейские и израильские фирмы.

К 2010 г. научно-технический отрыв США от других стран в военной области достиг целого поколения (20–25 лет). Преодоление его для традиционных конкурентов (прежде всего России) стало практически невозможным. Новые же геополитические противники США (такие как Китай) еще не созрели для того, чтобы бросить им вызов в сфере технологического соперничества. В этих условиях обозначилась новая тенденция: в 2009–2010 гг. Соединенные Штаты стали сокращать долю расходов на НИОКР в своем военном бюджете в пользу текущих потребностей операций в Ираке и Афганистане. Используя созданный избыточный технологический задел, США склонны несколько притормозить темпы своего прогресса в области военных технологий, поскольку у них фактически отсутствуют конкуренты.

Можно сделать вывод, что в начале XXI в. США придерживались консервативной модели военного экспорта, предусматривавшей преимущественную опору на собственные силы в разработке и производстве вооружений. В 2000–2010 гг., как и ранее, ограничивался доступ других стран, включая союзников, к передовым американским военным технологиям. Тем не менее достигнутый уровень технологического лидерства США, подкрепляемый продуманной стратегией работы на рынке ВВТ, финансовой мощью и политиче-

ским лоббированием, позволяли занимать лидирующие позиции в мире в сфере военного экспорта.

Опираясь на свою мощную научно-техническую и производственную базу, США пока не проявляют склонности пересматривать свои традиционные подходы к экспорту ВВТ. В кратко- и среднесрочной перспективе они сохранят курс на приоритетное обеспечение собственных военных нужд, самодостаточность в производстве ВВТ. При этом лидерство США в сфере военного экспорта сохранится и, возможно, даже продолжит укрепляться.

Экспортный потенциал РФ

В 1990-е годы в России было свернуто большинство НИОКР в военной области, а те, что сохранились, поддерживались лишь в минимальной степени. Многие научно-исследовательские институты (НИИ) и конструкторские бюро (КБ) были закрыты, а оставшиеся лишились финансирования. Происходил массовый отток квалифицированных научно-конструкторских кадров, практически не обновлялось оборудование для научных исследований. В результате научный потенциал ВПК в существенной мере деградировал. Научная деятельность сместилась в прикладную сферу доработки и модернизации существующих советских образцов вооружения. Ситуация в какой-то мере облегчалась лишь обширным научно-техническим заделом, оставшимся с советского периода до 1991 г.

Положение частично стало меняться в первом десятилетии XXI в. – объем и финансирование исследований стали постепенно увеличиваться. Однако масштабы этого процесса были недостаточными, а сами средства использовались зачастую неэффективно. По уровню расходов на исследования и разработки Россия входила в число 15 стран-лидеров, а по числу занятых в этой сфере занимала 3-е место в мире после США и Китая. Например, в 2009 г. только госбюджетные ассигнования на НИОКР составили 160 млрд руб. Однако 80% этих средств расходовались не по назначению, а до непосредственных исполнителей доходило только 2–3%¹⁵. Обычной практикой являлось искусственное завышение себестоимости работ в 5–10 раз, отсутствие контроля за выполнением плановых заданий. Разработка систем оружия могла вестись по 15–20 лет и более. К моменту завершения разработок они уже морально устаревали.

Попытки Министерства обороны РФ навести какое-то подобие порядка в этой сфере в течение 2000–2010 гг. не принесли желаемого эффекта. По оценке начальника Генштаба ВС РФ Н. Макарова: «У нас есть НИОКР, которые потеряли уже не только свою акту-

альность, но и значимость. Устарела сама система, причем не только по компонентной базе, но и по принципам применения. На них нет смысла тратить деньги. <...> Поэтому мы четко определили, что НИОКР должны продолжаться не более двух-трех лет. Иначе они теряют актуальность»¹⁶. В интересах российской армии в этот период проводилось параллельно порядка 3500 НИОКР. Ежегодно открывалось 500–600 новых, при этом 2500 оставались незавершенными. Если в 2000 г. до стадии опытного образца доводилась одна из трех работ, то в 2006 г. – лишь одна из пяти. Отставание от первоначально установленных сроков реализации к 2009 г. достигло 10–15 лет.

В качестве примеров морального устаревания разработок можно привести артиллерийский комплекс «Берег», предназначенный для береговой обороны. Его разработка заняла более 30 лет, а ко времени его появления управляемые противокорабельные ракеты сделали его неактуальным. Другой пример – военно-транспортный самолет Ан-70 совместной российско-украинской разработки. За 20 лет на этот проект было израсходовано 1,1 млрд долл., и за это время электронное оборудование разрабатываемой машины успело полностью устареть¹⁷.

В этих условиях, сравнительную эффективность демонстрировали лишь НИОКР, проводимые на собственные средства предприятий. Такие фирмы как «Сухой», РСК «МиГ», «Антей–Алмаз», выпускающие конкурентоспособную продукцию и успешно работающие в жестких условиях конкуренции на мировом рынке, оказались в состоянии разрабатывать, часто в инициативном порядке, новые перспективные виды ВВТ. Большинство продвинутых разработок оказались сконцентрированы в области военного экспорта, причем именно в тех сферах, где российские предприятия получали наибольшую долю экспортных контрактов.

Наиболее яркий пример – это область авиационной техники. Ведущая российская самолетостроительная корпорация «Сухой» в период 2000–2010 гг. осуществляла интенсивную модернизацию базового истребителя Су-27, разрабатывая различные модификации этой машины (в ударном, корабельном и чисто истребительном вариантах). Такие самолеты, как Су-30МК, относящиеся к поколению «4+», по своим возможностям являются одними из лучших в своем классе, не уступая последним вариантам сопоставимых американских истребителей F-15E/F¹⁸.

Вступила в завершающую стадию работа над перспективным самолетом пятого поколения, разрабатываемым по программе ПАК ФА (Перспективный авиационный комплекс фронтовой авиации). 29 января 2010 г. опытный образец этой машины под условным наименованием Т-50 совершил первый полет¹⁹. По заявлению

Министерства обороны РФ и командования ВВС, серийные машины должны начать поступать на вооружение российской армии не позднее 2015 г. Это должен быть первый полноценный самолет пятого поколения, обладающий такими качествами как сверхзвуковая крейсерская скорость, сверхманевренность, применение элементов технологии «Стелс», продвинутое радиоэлектронное оборудование, включающее систему искусственного интеллекта и т. д.

Вместе с тем опыт работы над проектом ПАК ФА показывает, что России все труднее осуществлять весь комплекс необходимых НИОКР самостоятельно. Отставание отечественной микроэлектроники заставляет разработчиков все шире прибегать к международной кооперации. Утрата конкурентных позиций российских производителей авиатехники заставляет их прибегать к новым формам сотрудничества. Вместо поставок готовой продукции, преобладавших в 1990-е годы и в начале XXI в., идет переход к совместной разработке и производству новых систем. Именно такой подход демонстрируется в продвижении истребителя ПАК ФА на рынок Индии. Россия предлагает Индии проведение совместных НИОКР в пропорции 75 : 25 (РФ : Индия) и последующее производство самолета на индийских предприятиях корпорации HAL, начиная с 2017 г.²⁰

К 2011 г. Россия сохраняла значительный экспортный потенциал в таких областях, как авиационная техника, вертолетостроение, производство средств ПВО и бронетехники. Вместе с тем сохранение завоеванных позиций настоятельно требовало расширения кооперации с ведущими зарубежными производителями. Например, Россия доминировала в поставках на мировой рынок танков. Отечественный Т-90 в 2005–2010 гг. являлся единственной новой машиной, активно покупаемой иностранными клиентами (если не считать поставок американского М1 «Абрамс» в Ирак). Однако радиоэлектронное оборудование этого танка, составляющее до 50% общей стоимости, Россия вынуждена была закупать у других производителей. В 2009 г. было подписано соглашение с Францией о поставке лицензии на производство тепловизоров «Thales Cathérine» для танков Т-90. Их производство с 2010 г. налаживается на Вологодском оптико-механическом заводе.

Интересы сохранения экспортных позиций отечественного ВПК побуждали Россию избегать большинства ограничений на продажу новейших разработок. Более того, в 2000–2010 гг. сложилась во многом парадоксальная ситуация, когда самое современное вооружение поступало на экспорт, в то время как российская армия могла довольствоваться менее совершенными образцами. Кроме того, ориентация научно-технического потенциала ВПК на преимущественное обслуживание потребностей зарубежных клиентов

таила потенциальную угрозу интересам обеспечения безопасности РФ в средне- и долгосрочной перспективе.

Помимо кооперации с другими производителями в вопросах экспорта ВВТ, начиная с 2008 г. Россия вынуждена была впервые обратиться к импорту отдельных компонентов и систем для собственных военных нужд. Уроки августовского конфликта с Грузией 2008 г. и неспособность отечественного ОПК разработать конкурентоспособную продукцию вынудили Минобороны обратиться к Израилю по вопросам закупки беспилотных летательных аппаратов. В 2009 г. было закуплено 12 БЛА. Знаковым событием стало намерение России закупить у Франции крупный универсальный десантный вертолетоносец типа «Mistral». Соответствующие переговоры начались летом 2009 г., стоимость всей программы приобретения оценивается в 1,5 млрд евро²¹. В начале 2010 г. Минобороны РФ выступило с заявлением, что оно намерено закупать броню для легкой бронетехники в Германии²². В 2009–2010 гг. определился круг стран, на которые ориентируется Россия в вопросах импорта ВВТ. Это Германия, Израиль, Италия и Франция.

Оценивая ситуацию в целом, можно констатировать, что ограниченные возможности внутреннего рынка и жесткая конкуренция на внешнем рынке ВВТ способствовала переключению усилий российского ВПК на преимущественное обеспечение потребностей военного экспорта. Львиная доля научных исследований и финансирования НИОКР оказались сконцентрированы здесь. При этом ведущим российским корпорациям, во взаимодействии с государством, в 2000–2010 гг. удалось продвинуться в разработке ряда ключевых военных технологий, таких как истребитель пятого поколения, системы ПВО и т. д. К 2010 г. Россия сохраняла ограниченную конкурентоспособность на мировом рынке вооружений по ряду ключевых направлений. Однако сохранение этих позиций требовало широкого вовлечения в международную кооперацию. Одновременно РФ стала превращаться в импортера ВВТ по целому ряду позиций, утрачивая прежнюю самодостаточность. Очевидно, развитие этих тенденций будет продолжаться и в дальнейшем.

Выводы

В начале XXI в. США прилагали большие усилия для сохранения своего военно-технологического лидерства в мире. В этой области они сумели достигнуть отрыва от всех потенциальных конкурентов. При этом экспорт ВВТ, несмотря на его важную роль для американского ВПК, имел подчиненное положение по сравнению с

задачами обеспечения военного превосходства США. Поэтому Соединенные Штаты ограничивали продажу за рубеж новейших вооружений и технологий их производства. Однако лидерство США в военной области позволяло им устойчиво сохранять свои позиции и статус крупнейшего в мире экспортера ВВТ. В целом американское лидерство на рынке ВВТ в 2000–2010 гг. носило устойчивый характер и имело тенденцию к дальнейшему укреплению.

В 2000–2010 гг. оборонный сектор РФ находился в кризисном положении, переживая сложный период трансформации. В условиях ограничения поставок ВВТ для нужд российской армии, их экспорт за рубеж стал одним из важнейших средств поддержания отечественного ВПК в дееспособном состоянии. Новейшие научные разработки и лучшие ресурсы были брошены на сохранение за Россией статуса 2-го крупнейшего в мире поставщика ВВТ. Несмотря на рост объемов, российский военный экспорт сталкивался со значительными трудностями и носил неустойчивый характер. Недостаток сил и средств все шире возмещался вовлечением в международную кооперацию. Очевидно, именно это направление станет магистральным в развитии экспортного потенциала РФ в сфере ВВТ в ближайшие годы.

Примечания

- ¹ *Иванов И.Д.* Военно-промышленный комплекс Европейского Союза [Электронный ресурс] // Сайт Фонда исторической перспективы. [М., 2007]. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/voenno_promyshlennyiy_kompleks.htm (дата обращения: 28.02.2011).
- ² *Коротченко В.* Проект военного бюджета США на 2010 финансовый год // Зарубежное Военное Обозрение. 2009. № 11. С. 19.
- ³ Boeing обжалует победу EADS в тендере на поставку самолетов-заправщиков для ВВС США на 35 млрд долл. [Электронный ресурс] // Информационный сайт «Новости ВПК». [М., 2008]. URL: http://vpk.name/news/14604_boeing_obzhaluet_pobedu_eads_v_tendere_na_postavku_zappravshikov_dlya_vvs_ssha_na_35_mlrd.html (дата обращения: 28.02.2011).
- ⁴ *Кобзев А.* Бедные страны втянулись в гонку вооружений [Электронный ресурс] // Сайт «Газета.ру». [М., 2010]. URL: <http://www.gzt.ru/topnews/world/-bednyestrany-vtyanulis-v-gonku-vooruzhenii-/295734.html> (дата обращения: 28.02.2011).
- ⁵ F-22 «Рэптор» многоцелевой истребитель [Электронный ресурс] // Информационный сайт «ARMY.co.ua». [Киев, 2007]. URL: http://www.info.army.co.ua/documents_1/blog_1.php?entry_id=1197666000 (дата обращения: 28.02.2011).
- ⁶ Истребителю F-22 отказывают в финансировании [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «Российская авиация и космонавтика». [М., 2006]. URL: <http://www.avia.ru/week/?id=1151044500> (дата обращения: 28.02.2011).

- ⁷ США вдвое увеличили стоимость разработки F-22 для Японии [Электронный ресурс] // Сайт международного проекта Дмитрия Смирнова. [Рига, 2009]. URL: <http://army.lv/?s=699&id=19529> (дата обращения: 28.02.2011).
- ⁸ Россия может спасти проект F-22 Raptor [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «Meta». [Астана, 2010]. URL: <http://www.meta.kz/70028> (дата обращения: 28.02.2011).
- ⁹ Lockheed F-35 JSF перспективный многоцелевой истребитель [Электронный ресурс] // Стелс машины. [М., 2005]. URL: <http://www.paralay.com/f35.html> (дата обращения: 28.02.2011).
- ¹⁰ Конгресс США одобрил продажу списанных кораблей Турции [Электронный ресурс] // Сайт «Газета. Ру». [М., 2007]. URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2007/10/24/n_1132664.shtml (дата обращения: 28.02.2011).
- ¹¹ *Никольский А.* Мировой рынок тяжелой бронетанковой техники // Экспорт вооружений. 2008. № 3. С. 11.
- ¹² *Холодков Н.* Доклад исследовательской службы конгресса США о поставках вооружений развивающимся странам в 2001–2008 гг. // Экспорт вооружений. 2009. № 4. С. 40.
- ¹³ США активизировали работы по разработке и реализации программы «Боевые системы будущего» [Электронный ресурс] // Сайт «Оружие России». [М., 2007]. URL: <http://www.arms-expo.ru/site.xp/049051124050049057051.html> (дата обращения: 28.02.2011).
- ¹⁴ *Холодков Н.* Указ. соч.
- ¹⁵ *Мясников В.* Неактуальные НИОКР могут закрыть // Независимое Военное Обозрение. 2009. 27 февраля.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Авиационный форум: тема F15 vs Су30 http://www.forumavia.ru/forum/1/2/460042458788827778121226053212_1.shtml?topiccount=2
- ¹⁹ ПАК ФА Т-50 [Электронный ресурс] // Стелс машины. [М., 2009]. URL: <http://www.paralay.com/pakfasu.html> (дата обращения: 28.02.2011).
- ²⁰ Создание истребителей 5 поколения [Электронный ресурс] // Русская сила. [М., 2010]. URL: <http://legion.wplus.net/news/5th.shtml> (дата обращения: 28.02.2011).
- ²¹ Франция согласилась продать России «Мистраль» [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «Lenta.ru». [М., 2010]. URL: <http://lenta.ru/news/2010/02/09/mistral/> (дата обращения: 28.02.2011).
- ²² Минобороны РФ будет закупать броню для авто- и бронетехники в Германии [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Российской организации по связям с общественностью». [М., 2010]. URL: http://www.raso.ru/news/russia_and_world/news24536.html (дата обращения: 28.02.2011).

«ЗАКОН НАРОДОВ» ДЖОНА РОУЛСА И ЕГО МЕСТО В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена рассмотрению «Закона Народов» Джона Роулса в контексте теории и истории международных отношений.

Ключевые слова: теория справедливости, закон народов, толерантность, внешняя политика, обустроенные государства, государства-изгои.

Так уж повелось, что в рамках истории международных отношений принято рассматривать исключительно военные действия, переговоры и глобальную политико-культурную обстановку. Тем не менее там, где есть практика, всегда есть и теория. В данном случае речь идет о теории международных отношений. На первый взгляд, история и теория международных отношений почти не пересекаются между собой. Концепции политических философов зачастую не соответствуют действительности международных отношений, в результате чего крайне редко имеют воплощение на практике. Но существуют исключения. Некоторые работы теоретической направленности бесспорно вошли в историю международных отношений и заняли там свое почетное место. Одной из таких работ является «Теория справедливости» Джона Роулса. Ее публикация, по мнению автора данной статьи, является ничуть не менее важным для истории международных отношений событием, чем подписание договора о двустороннем сотрудничестве или другое заметное политическое мероприятие.

Так в чем заключается значимость «Теории справедливости»? Почему работа Роулса, опубликованная почти 40 лет назад, вызывает оживленные дискуссии в мировом научном сообществе по сей день? При поверхностном рассмотрении «Теория справедливости» и «Закон Народов» могут показаться читателю достаточно баналь-

ными в плане содержания. Но при внимательном рассмотрении становится очевидно, что Джон Роулс сумел довольно простыми словами сформулировать поистине гениальные идеи и предсказал многие тенденции международных отношений на несколько десятилетий вперед.

Большую часть своей работы Джон Роулс посвятил рассмотрению «Теории справедливости» в рамках отдельных государств и социумов. Однако автор посчитал анализ внутривластной обстановки стран недостаточным для комплексного описания концепции глобальной справедливости. Создание четкой систематизированной теории справедливости, учитывающей все нужды, потребности и интересы жителей Земного шара невозможно без рассмотрения международного аспекта. Даже если внутри государств существует четкая структура справедливых отношений, на глобальном уровне страны всегда преследовали и будут преследовать свои интересы. И единственным возможным средством предотвращения вероятных международных конфликтов и создания стабильного справедливого общества является, по мнению Джона Роулса, применение на практике «Закона Народов».

«Закон Народов» – концептуальный свод либеральных прав и норм поведения, которыми должны руководствоваться народы в своих взаимоотношениях, а также при организации общих институтов, служащих их обоюдному благу. Американский политический философ предлагает тезис о том, что на свете существует несколько относительно обустроенных народов.

Согласно концепции Роулса, главная цель членов международной системы – добиться, чтобы все социумы признали «Закон Народов» и стали полноправными уважаемыми членами Сообщества обустроенных Народов. В таком случае соблюдение прав человека будет обеспечено повсеместно. Чтобы привести все социумы к этой цели, надлежит употребить внешнеполитические меры; это предприятие требует политической мудрости, причем его успех отчасти зависит от везения¹.

По мнению Джона Роулса, едва ли не главную роль в международной политике играет личность главы государства, которую американский политический философ характеризует как «правителя». При этом автор разделяет лидеров стран на две основные категории: правители (они же – государственные деятели) и политики. Находясь при исполнении своих служебных обязанностей, государственные деятели, хоть они могут иметь свои личные интересы, должны приносить их в жертву при следовании основополагающим интересам своего общества и не поддаваться, особенно во время войны, влиянию мстительности и других страстей. Таким образом,

Роулс считает личностный фактор главным в межгосударственных отношениях.

В армию солдаты часто попадают не добровольно, а в результате мобилизации или других форм принуждения; им насильно внушают воинскую идеологию; а их патриотизм часто бессердечно эксплуатируется. Поэтому, согласно «Закону Народов», в своем обхождении с представителями другой стороны, как гражданскими лицами, так и солдатами, обустроенные народы должны стремиться, насколько это возможно, к соблюдению прав человека.

Основным методом наказания государств-агрессоров, согласно «Закону Народов», является присвоение таким державам статуса изгой. Военная агрессия в адрес государств-изгоев минимальна и приемлема лишь в случае самообороны обустроенных народов.

По окончании военных действий и восстановлении мирной обстановки обществу-противнику будет предоставлена возможность создать свой суверенный обустроенный режим. В качестве штрафных санкций Роулс предлагает применить временные ограничения права проигравшего войну социума на свободную внешнюю политику. Данные санкции также подкрепляются решительным отказом в экономической и другой помощи, а также отказом допускать режимы-изгой к полноправному участию во взаимовыгодном сотрудничестве.

Военный призыв, по мнению Роулса, является ограничением свободы. Призыв возможен в единственном случае – во имя свободы государства и его защиты во время военных действий.

Описывая государства, Роулс выделяет несколько их типов: 1) обустроенные государства; 2) государства, существующие в рамках благожелательного абсолютизма; 3) государства-изгой; 4) обремененные государства. Благожелательный абсолютизм во многом схож с режимом обустроенных государств, но не позволяет своим гражданам принимать значимое участие в процессе принятия политических решений².

Таким образом, выстраивается цепь постепенного перехода государств к наилучшему типу: государство-изгой, обремененное государство, государство благожелательного режима и, наконец, обустроенное государство. Обремененные социумы, не будучи экспансионистскими или агрессивными, не могут стать обустроенными, так как испытывают дефицит политических и культурных традиций, людских ресурсов, а зачастую и материально-технологической базы. Обустроенные общества должны поставить перед собой долгосрочную задачу – ввести обремененные социумы, так же как и государства-изгой, в Сообщество обустроенных Народов. «Закон Народов» руководит обустроенными социумами в их про-

тивостоянии режимам-изгоям, уточняя цели, на которые должны ориентироваться эти социумы, и указывая средства, которые следует и, наоборот, абсолютно недопустимо применять³.

Говоря о межгосударственных организациях и структурах, Роулс предлагает создать сепаратные альянсы обустроенных народов по конкретным вопросам. Данные конфедеративные центры могут служить как для выработки, так и для выражения мнения обустроенных социумов. Через них будет возможно разоблачать в глазах общественности несправедливые и жестокие институты депотических и экспансионистских режимов, а также практикуемые ими нарушения прав человека.

Роулс подвергает жесткой критике демонстрацию военной мощи, описывая данную политику как глупость глобального масштаба. В рамках «Закона Народов» американский политический философ предлагает полностью отвергнуть две нигилистические военные доктрины. Первая, по его словам, выражена в афоризме «Война – это ад», намекающем на то, что ради скорейшего завершения войны хороши все средства⁴. Согласно второй доктрине, вина лежит на всех гражданах, – т. е. ставит всех на одну доску, и тогда, рассуждая по справедливости, никто уже не может перекладывать вину на других или брать ответственность на себя.

Говоря о международной экономике, Роулс утверждает, что обустроенное общество – не обязательно богатое общество. Смысл существования такого общества не сводится к культу накопления. Цель такого социума – обеспечение стабильного мира, в котором все его граждане смогут вести достойную жизнь.

Роулс отрицает постулаты материализма, говоря о совершенно иных ценностях. По его мнению, процесс накопления может прекратиться, как только будут созданы справедливые базовые институты. В этот момент реальные накопления могут упасть до нуля; существующее же имущество останется лишь поддерживать или обновлять, а невосполнимые ресурсы бережно распределять с мыслью об их рациональном использовании в будущем.

«Закон Народов» Роулса можно считать одним из основополагающих проектов в теории и истории международных отношений. Впервые за долгое время в мировой политической философии появилась концепция, основанная на гуманистических и по-настоящему демократических, а не экономических и капиталистических идеалах. Роулс открывает новую эпоху, с которой не имел связи Кант. Возможно, будь работа Роулса опубликована во времена Канта, она бы оказалась в числе малоизвестных работ гуманистического направления, но в XX в. она сыграла ключевую роль в политической философии и теории международных отношений. С появлением

ядерного оружия в годы Второй мировой войны возникла угроза существованию человечества, так как любой значительный международный конфликт мог привести к гибели всех живых существ на планете Земля. Международное сообщество пришло к осознанию острой необходимости переосмысления внешнеполитических действий. Необходим был поиск компромиссов, сотрудничество и сближение между государствами. С учетом прогресса научно-технической революции даже локальный двусторонний конфликт может привести к большим потерям и разрушениям, повлияв на судьбу соседних держав. Разрушительная Вторая мировая война, опустошившая Европу, показала, что идеи материализма, популярные в конце XIX – начале XX в., себя не оправдали в полной мере.

Нецелесообразность агрессивной международной политики стала особенно хорошо заметна после Карибского кризиса 1962 г., когда мир оказался на грани ядерной войны. В данных условиях Роулс, как нельзя кстати, возродил либерально-государственную концепцию международного права, став первым современным политическим философом, представившим аргументированную теорию глобальной справедливости. Опубликованная в 1971 г. «Теория справедливости» актуальна по сей день, а многие положения «Закона Народов» могут на полном серьезе рассматриваться современными межгосударственными организациями как перспективная модель международных отношений. Роулс актуализировал такие злободневные вопросы, как равноправие женщин и мужчин, гуманные методы решения международных конфликтов, участие граждан в принятии политических решений, взаимодействие культур и религий и т. д. В последующем предложенный им проект сохранял свою злободневность. Уже в 1990-е годы международное сообщество было обеспокоено нерациональным использованием природных ресурсов, которое могло привести к их исчерпанию. В отношении обеспеченных государств Роулс предлагает применить политику распределения благ и призывает их к помощи более слабым государствам. С одной стороны, данную политику можно рассматривать как банальную благотворительность или попытку держав обрести новые сферы влияния. Но Роулс акцентирует внимание на том, что распределение благ приведет к спаду очагов напряженности на международной арене. И дело даже не в «задабривании» обремененных государств. При развитой экономической системе возможно будет создать новые образовательные и политические институты, поднять уровень жизни отсталых стран, что в последствии приведет к международной стабильности.

Одним из наиболее сложных вопросов, рассматриваемых Роулсом в рамках теории справедливости, является межкультурный

аспект. Автор предлагает создать сложную систему, согласно которой страны и народы объединялись бы, сохраняя при этом свое культурное многообразие и независимость. Но, к сожалению, в условиях глобализации происходит процесс смешивания различных культур и традиций (теория «плавильного котла»). Вместе с тем если бы идея Роулса о создании многообразного мира с сохранением обычаев и традиций разных народов могла быть воплощена в жизнь, международному сообществу удалось бы ликвидировать целый ряд глобальных проблем, включая межэтническую борьбу, терроризм, расизм, национализм и т. д.

Завоевав широкую популярность в США, работа Роулса заинтересовала представителей американских политических кругов, в частности – сотрудников администрации президента Клинтона, а позднее – Буша-мл. Но, к сожалению, как это нередко случается, ряд основных тезисов Роулса был довольно грубо вырван из общего контекста и заметно переосмыслен.

Различные авторы нередко подчеркивают, что концепция Роулса впоследствии легла в основу современной политики США. Для того чтобы понять, соответствует ли это действительности, следует рассмотреть основные американские внешнеполитические доктрины 1990–2000-х годов, в частности – доктрину Билла Клинтона и Джорджа Буша-мл.

Пункты доктрины Клинтона можно разделить следующим образом:

- а) ни одно государство мира не имеет права использовать силу во внутренних или региональных конфликтах, если на это не получено одобрение правительства Соединенных Штатов Америки;
- б) если какое-либо государство использует силу во внутренних или региональных конфликтах, то правительство Соединенных Штатов имеет право предпринять интервенцию для предотвращения или устранения гуманитарной катастрофы, являющейся следствием этого несанкционированного применения силы⁵.

Согласно доктрине Дж. Буша-мл. США изначально отказываются от переговоров с террористическими организациями и теми государствами, которые предоставляют им убежище и/или помощь. Страны, поддерживающие террористов, должны быть идентифицированы, изолированы, и США должны приложить усилия, в том числе допускаются и военные действия, чтобы в них сменился правящий режим. США должны быть достаточно сильны, чтобы, в случае необходимости, быстро выиграть подобную войну. После смены режима США должны оказать помощь этим государствам

при создании ими свободных и демократических обществ (в качестве примера обычно фигурирует опыт Германии и Японии, в которых после войны удалось создать процветающие экономики и демократические системы власти). США обеспечит распространение демократии, свободы и безопасности на весь мир. Одной из основных целей доктрины является предотвращение распространения и использования оружия массового уничтожения странами-изгоями и террористическими группировками. Как утверждается в «Стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов», политика устрашения больше недостаточна для борьбы с главнейшей угрозой нынешней эпохи – использованием ядерного, химического или биологического оружия террористическими организациями. Поэтому ввиду целей, преследуемых террористами и странами-изгоями, Соединенные Штаты более не могут опираться только на политику реагирования. Неспособность удержать потенциального агрессора, неотложность современных угроз и значительность возможных ущербов, причиненных различными видами оружия врагов США, не предоставляют американцам этого выбора. Они не могут позволить врагам атаковать первыми⁶. Последний пункт данной доктрины носит название «превентивной политики Буша».

Итак, рассмотрев обе доктрины, мы можем сказать, что на первый взгляд внешнеполитические доктрины США заметно отличаются от «Закона Народов» Роулса.

Агрессия, категоричность, превосходство США перед другими державами – все это никак не сочетается с основными положениями «Теории справедливости». Вместе с тем основополагающей идеей обеих доктрин является помощь отсталым государствам. Тут можно провести аналогию с концепцией Роулса о помощи обремененным государствам. К сожалению, в данном пункте становится очевидным расхождение с «Законом Народов»: если государства помогают своим соседям с целью укрепления международной стабильности, то США очевидно стремятся распространить свое влияние на соседние державы. Наиболее яркий исторический пример, доказывающий цели Америки – план Маршалла, содействовавшего укреплению положения США в Западной Европе путем экономической помощи ослабленным после Второй мировой войны государствам. Если отталкиваться от того, что Роулс писал о «политиках» и «государственных деятелях», то становится очевидно, к какой категории относится правительство США.

Вместе с тем поиск собственной выгоды не является главным идеологическим расхождением внешнеполитической программы США с «Законом Народов» Роулса. Наиболее важным отличием здесь является крайне агрессивная политика в отношении госу-

дарств-изгоев. Если в «Законе Народа» идет речь исключительно о самообороне, то в доктрине Буша упоминается превентивная политика, принцип которой «лучшая защита – нападение». Данный метод борьбы с врагом можно рассматривать как устрашение соперника. Об этом Роулс пишет следующее: «очевидно, что война США с Японией в том, что касается американской стороны, ни в какой момент не подпадала под исключение ввиду чрезвычайной опасности. Сброс зажигательных бомб на японские города американскими ВВС ничем не мог быть оправдан; но на консультациях и переговорах между руководителями союзников в июне–июле 1945 г. по применению атомной бомбы в Хиросиме и Нагасаки победил прагматичный утилитаристский подход, перевесивший сомнения тех, кто считал его нарушением установленного порядка. Звучало мнение, что атомная бомбардировка – законное средство поскорее завершить войну. Очевидно, что атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, а также сброс зажигательных бомб на японские города были чудовищными злодеяниями⁷. Если бы Роулс описывал современную политику США, в частности – наступление американской армии на Ирак, он наверняка охарактеризовал бы ее теми же словами.

Однако если подробно рассматривать «Закон Народов» и «Теорию справедливости» Роулса, то возникает вопрос – какое государство является гарантом соблюдения международных законов? Разумеется, Роулс говорит о межгосударственном принятии решений и соблюдении «Закона Народов» на глобальном уровне. Тем не менее автор вскользь упоминает «Запад» в качестве гаранта демократической свободы. И не исключено, что под словом Запад имеются в виду именно Соединенные Штаты. И вполне возможно, что при создании «Закона Народов» Роулс взял за основу так называемую американскую демократию. Но все это, безусловно, уже домыслы. Нам, к сожалению, уже никогда не будет известно, что на самом деле имел в виду Роулс, говоря о «Законе Народов», выделял ли он США в качестве основного гаранта справедливости (как это делает администрация американского президента) или нет. С другой стороны, Роулс дал научному сообществу тему для многочисленных дискуссий, которые с одинаковой интенсивностью продолжаются последние сорок лет, и подарил миру удивительную работу, остающуюся актуальной по сей день. Возможно, некоторые ее аспекты воплотятся в жизнь в дальнейшем. К сожалению, автор рассматривал международную политическую систему, абстрагировавшись от человеческих эмоций и психологических особенностей, выдвинув на передний план порядочность, честность и трезвый ум. В то же время, с теоретической точки зрения, работа Джона Роулса

безупречна благодаря своей четкости и аргументированности и по праву занимает одно из ведущих мест в мировой политической философии.

Примечания

- ¹ См.: *Rawls J.* The law of peoples. Cambridge: Harvard University Press, 1999. P. 12.
- ² Там же. P. 14.
- ³ См.: *Rawls J.* Op. cit. P. 14.
- ⁴ Ibid. P. 21.
- ⁵ См.: *Claire M.T.* The Clinton Doctrine // The Nation. 1999. April, 19. P. 15.
- ⁶ См.: The George Bush Doctrine // Washington Profile. 2004. June, 12. P. 11.
- ⁷ *Rawls J.* The Law of Peoples: with «The Idea of Public Reason Revisited». Cambridge: Harvard University Press, 1999. P. 25.

ВЛИЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ НА ПОЛИТИКУ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВ

С 1970 г. мировое сообщество активно разрабатывает глобальную концепцию устойчивого развития с учетом специфики каждого континента, региона, страны. Быстрое развитие промышленности густонаселенных регионов мира наряду с промышленно развитыми странами вызывают обоснованное беспокойство у научного сообщества в связи с нерациональным использованием природных ресурсов и отсутствием контроля над выбросами в атмосферу. Необходим четкий политический план действий на международном уровне по переходу экономики на ресурсосберегающий уклад и сохранения природных богатств будущим поколениям. Без взвешенных, согласованных и адекватных политических решений преодоление угроз невозможно.

Ключевые слова: устойчивое развитие, национальные стратегии развития, возобновляемые источники, политика сохранения природных ресурсов будущим поколениям.

В 1992 г. на конференции ООН по окружающей среде и развитию (UNSED), или «саммит Земли», как его называют на западе, в Рио-де-Жанейро, договорились и приняли декларацию, состоящую из 27 принципов. На саммите также был согласован план действий, повестка на XXI век, и рекомендовано, чтобы все страны начали разработку национальных стратегий устойчивого развития. Именно в это время была создана специальная комиссия ООН по устойчивому развитию. Кроме этого ЕС принял экологическую программу действий, назвав ее «На пути к устойчивому развитию». В 1999 г. Амстердамский договор закрепил концепцию устойчивого развития в качестве одной из основных задач Европейского Союза (статья 2 договора о ЕС). В июне 2001 г. в Гетеборге была принята

стратегия устойчивого развития. С 26 августа по 4 сентября 2002 г. в Йоханнесбурге был достигнут прогресс по основным вопросам глобального устойчивого развития. Понятие «устойчивое развитие» стало, чем-то вроде «символа веры» для политиков, экономистов и экологов за последние 10 лет. Тем не менее критика не утихает, обращая внимание на некоторые противоречия в концепции.

Понятие «устойчивого развития» напрямую связано с динамикой качественного роста человечества и возникло в 70-е годы XX в. В этот период во многих странах были созданы специальные государственные органы по природопользованию и охране окружающей среды. Например, в 1970 г. в Великобритании, Дании, Голландии, Австралии, Франции, Канаде были созданы министерства по охране окружающей среды, а через два года – в Австрии, Польше, Норвегии, Новой Зеландии. Тогда же при ООН создан специальный орган по мониторингу окружающей среды (ЮНЕП). Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) начало осуществлять программу «Ядерная безопасность и защита окружающей среды». ЮНЕСКО – организация ООН по вопросам науки и культуры одобрила программы «Человек и биосфера», «Человек и его окружающая среда»¹.

В эти же годы в бывшем Советском Союзе в соответствии с постановлением «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов» функции по природопользованию были закреплены за соответствующими министерствами и ведомствами. Например, за использование и охрану водных ресурсов стало отвечать Министерство мелиорации и водного хозяйства, за использование и охрану земельных ресурсов – Министерство сельского хозяйства, за использование рыбных запасов – Министерство рыбного хозяйства. По Конституции РФ, природопользование, охрана окружающей среды, обеспечение экологической безопасности составляют совместную компетенцию Федерального центра и субъектов Федерации, а также некоторых министерств и федеральных агентств.

Задачи, входившие в компетенцию названных органов, можно условно разделить на семь комплексных групп:

- 1) определение основных направлений экологической политики, утверждение экологических программ, установление правовых и экономических основ регулирования охраны окружающей природной среды и обеспечение экологической безопасности;
- 2) планирование, финансирование, материально-техническое обеспечение экологических программ, координация природоохранной деятельности;

- 3) учет и оценка природных ресурсов, прогноз состояния окружающей среды, ведение кадастров природных ресурсов, осуществление мониторинга окружающей среды;
- 4) утверждение нормативов вредных воздействий, платежей за использование природных ресурсов, за выбросы, сбросы, захоронение вредных веществ, выдача разрешений на природопользование, выброс, сброс, захоронение вредных веществ, формирование и расходование экологических фондов;
- 5) государственный экологический контроль, государственная экологическая экспертиза, решение об ограничении, приостановлении, прекращении деятельности экологически вредных производств и услуг, привлечение к административной ответственности за правонарушения, предъявление исков в суд, арбитражный суд о взыскании ущерба, причиненного экологическим правонарушением;
- 6) организация заповедного дела, охрана памятников природы, ведение Красной книги, экологическое образование и воспитание;
- 7) международное сотрудничество².

Началом для разработки теоретической концепции устойчивого развития стала работа «Инструкция для выживания» Т. Голдсмита и доклад Римского клуба «Пределы роста» (1972 г.). В том же году конференция Организации Объединенных Наций по окружающей среде в Стокгольме обратила внимание общественности на взаимосвязь окружающей среды и экономического развития. В 1987 г. с программой долгосрочного устойчивого развития на политическую арену вступила Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию (WCED) с докладом «Наше общее будущее», более известным как «доклад Брундтланда».

На сегодняшний день существует не один десяток определений понятия «устойчивое развитие». После доклада Брундтланда предпринималось несколько попыток его более точного определения, которые привели к разным толкованиям. Согласно географическому справочнику, устойчивое развитие определяется как «развитие, которое удовлетворяет потребностям настоящего времени, без ущерба для будущих поколений в возможности удовлетворять свои собственные потребности». Окружающую среду следует рассматривать в качестве естественных активов, запасов имеющихся богатств. Но если настоящее человечество продолжит тратить эти богатства без инвестиций на будущее, то мир исчерпает ресурсы раньше, чем предполагалось к началу XXI в.

Основной критикой является то, что концепция – это не вопрос идеологии экономического роста, ее воспринимают скорее в каче-

стве новой идеологии «неолиберализма». «Глубинная экология», парадигма устойчивого развития не адекватна задаче потребительской культуры. Ученые-экологи утверждают: «концепция устойчивого развития является слишком человечески-ориентированной, природные ресурсы имеются в изобилии, а изобретательность человека настолько высока, что политика в области устойчивого развития являются ненужной и где-то даже опасной, что идеализация ответственности перед будущими поколениями является неоправданной и ошибочной»³. При этом не ставится под сомнение то, что для решения приоритетных экологических проблем важное значение принадлежит системе экологического стимулирования рационального природопользования.

На сегодняшний день более ста международных организаций активно занимаются экологическими проблемами в сфере природопользования и охраны окружающей среды. Наиболее авторитетная из них – Организация Объединенных Наций, рассматривавшая экологические проблемы на Генеральной Ассамблее (резолюция «Об исторической ответственности государств за сохранение природы Земли для нынешних и будущих поколений» 1981 г.; Всемирная Хартия природы 1982 г.); на конференциях (Стокгольм – 1972 г., Рио-де-Жанейро – 1992 г.), на совещаниях (Вена, Монреаль).

Цель Стратегии устойчивого развития – выработать основные пути и способы приспособления жизни к глобальным изменениям. Согласно этой цели, каждый человек имеет право на здоровую окружающую среду, на плодотворную жизнь в гармонии с природой.

Принципы устойчивого развития заключаются в следующем:

- уважение и забота обо всем живом на Земле;
- повышение качества жизни;
- сохранения жизнеспособности и разнообразия экосистем;
- предотвращение истощения невозобновляемых ресурсов;
- изменение сознания человека и стереотипов его поведения;
- поощрение социальной заинтересованности общества в сохранении среды обитания;
- выработка национальных концепций интеграции социально-экономического развития и охраны окружающей среды;
- достижение единства действий на мировом уровне.

Указом Президента Российской Федерации от 1 апреля 1998 г. была утверждена концепция перехода РФ к устойчивому развитию. В Концепции под устойчивым развитием понимается стабильное социально-экономическое развитие, не разрушающее своей природной основы. Очень трудно осуществить ряд инициатив и инвестиционных проектов в отношении некоторых стран с фор-

мирующимися рынками введены экономические санкции, которые препятствуют сотрудничеству и обмену технологиями⁴.

Такая политика приводит к двум вариантам принятия решений. Согласно первому, для возобновляемых ресурсов, а по второму – невозобновляемых. Для возобновляемых источников энергии – ограничения потребления ресурсов до приемлемого уровня процентной ставки; для невозобновляемых – правило для реинвестирования доходов от ресурсов в эксплуатации инвестиции в возобновляемые источники природного капитала. Баланс этих двух правил будет поддерживать постоянные запасы природного капитала. Правило для решения устойчивости природного капитала отличается от традиционного «неоклассического» подхода. Согласно «неоклассической» точке зрения нет особых причин для сохранения природного капитала. Известный принцип производного от работы Хартвика, названной «правилом Хартвика», гласит: «потребление может оставаться постоянным, или со снижением невозобновляемых ресурсов при условии, что арендная плата от этих ресурсов реинвестируются в воспроизводимый капитал»⁵. В отличие от реинвестирования, «правило Дейли» не требует содержание того или иного запаса природного капитала.

Основным положением подхода Хартвика является то, что ресурсы состоят из двух типов капитала. Если, например, мы вырубам леса и строим заводы, мы обязаны подтвердить расчетами на долгосрочную перспективу экономическую ценность нового промышленного предприятия, которое в десятки раз превышает экономическую ценность потери лесов. А теория Дейли основана на противоположном предположении: «техногенные и природные капиталы принципиально дополняют и лишь незначительно заменяют друг друга»⁶. Если природный капитал имеет особенное и уникальное значение, то неоклассической экономической эффективности не будет достаточно для обеспечения устойчивости.

Эколог Поль Эрлих отмечает: «Люди в настоящее время потребляют около 40% из всех существующих ресурсов»⁷.

Анализируя российскую государственную политику в области природопользования в период реформ, можно утверждать, что она осуществлялась на основе «неоклассического подхода». Оценка природных, экономических и социальных воздействий проводится с учетом выгод от реализации проекта и затрат на его осуществление.

Таким образом, можно согласиться с Томаном, который подчеркивает: «Важность устойчивости как концепции независимых стандартов неоклассического экономического анализа, требует явно нормативных и социально детерминированного процесса принятия политических решений»⁸.

Российская Федерация осуществляет международное сотрудничество в сфере природопользования в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами в области охраны окружающей среды.

Россия располагает колоссальными водными ресурсами, в том числе огромными ресурсами пресной воды. Одно только озеро Байкал содержит 1/5 всех мировых запасов пресной воды. На территории России находится самое крупное в мире природное подземное водохранилище – Западно-Сибирский артезианский бассейн, площадь которого достигает трех миллионов квадратных километров⁹. По объему водообеспечения он занимает второе место (4 000 км³), уступая Бразилии (9 230 км³ в год). По относительной водообеспеченности на единицу площади Россия занимает четвертое место, уступая Бразилии, Норвегии и Индии. Вода имеет чрезвычайно важное значение для жизни на планете: с одной стороны, она выступает как носитель жизни, как условие для воспроизводства, развития, существования всех живых организмов, природной среды в целом; с другой – вода используется человеком как природное сырье, как ресурс, который участвует практически во всех видах хозяйственной деятельности человека, в производстве всех видов полезной продукции.

Леса – легкие планеты. Они являются поставщиком кислорода в атмосферу Земли и многих биологических ресурсов для жизнедеятельности человека. Россия владеет четвертью мировых запасов лесных ресурсов. За последние 200 лет площадь лесов во всем мире сократилась в два раза. Леса вырубаются со скоростью 2% в год. Общая площадь лесов на Земле 38 млн км² (Россия – 8 млн км², США – 2 млн км², Бразилия – 3,2 млн км², Канада – 2,6 млн км²). Лес занимает около 7% поверхности Земли, но вырабатывает 50% кислорода получаемого атмосферой от растительного мира¹⁰. Общая площадь лесного фонда Российской Федерации превышает 1,2 млрд га, что составляет свыше 22% лесной площади мира. Общий запас стволовой древесины основных лесообразующих пород достигает 74 млрд м³. Одна треть общемировых запасов органического вещества сосредоточена в лесах нашей страны, однако в целом из-за неблагоприятных природно-климатических условий продуктивность лесов довольно низкая – в среднем около 130 м³/га¹¹. На фоне дефицита основных источников жизни человека, Россия обладает уникальными водными ресурсами, а наши леса приобретают особую значимость для мирового сообщества.

В настоящее время экологическое законодательство Российской Федерации включает более 550 действующих документов, в том числе 45 законов, 5 Кодексов, 140 Постановлений правитель-

ства, Указы Президента и комплекс ведомственных нормативных актов¹². Значительное количество нормативных документов принимается законодательными органами власти субъектов Российской Федерации. Все вместе они образуют сложную правовую систему экологического законодательства.

Пришло время разработать ресурсную стратегию для новых условий развития социально-экономической и политической жизни страны. Необходим четкий план действий высшего руководства страны по переходу экономики на ресурсосберегающий уклад и реальному стимулированию снижения затрат в добывающих отраслях. Пора прекратить имитацию созидания и направить силы для освобождения от страха перед будущим, в котором новое поколение россиян обязательно должно находиться в авангарде большинства мировых процессов.

Примечания

- ¹ *Высторобец Е.А.* Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды и природных ресурсов М.: МНЭПУ, 2000. С. 38.
- ² Государство и экономика: основы взаимодействия: Учеб. для вузов / Под ред. Ф.И. Шамхалова. М.: Экономика, 2000. 465 с.
- ³ Доклад Конференции ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г. [Электронный ресурс] // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения 12.06.2011).
- ⁴ *Kalusche D.* Ökologie in Zahlen. Eine Datensammlung, in: Tabellen mit über 10000 Einzelwerten. Stuttgart; Jena; N. Y.: G. Fischer, 1996. S. 12.
- ⁵ *Hartwick J.M.* Intergenerational Equity and the Investment of Rents from Exhaustible Resources // *American Economic Review*. 1977. № 67(Dec). P. 972–974.
- ⁶ *Costanza R, Daly H.E.* Natural Capital and Sustainable Development // *Conservation Biology*. 1992. Vol. 6. No. 1. P. 37–46.
- ⁷ *Ehrlich A.H, Ehrlich P.R., Holdren J.P.* *Ecoscience: Population, Resources, Environment*. San Francisco: W.H. Freeman, 1997. P. 8.
- ⁸ *Toman M.* Values in the Economics of Climate Change // *Environmental Values*. 2006. Vol. 15. No. 3. P. 365–379.
- ⁹ *Высторобец Е.А.* Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды и природных ресурсов. С. 44.
- ¹⁰ *Щуров Б.В, Губанов Л.Н., Зверева В.И.* Управление природопользованием. М.: Экология., 2006. С. 173.
- ¹¹ Лесной кодекс Российской Федерации от 25.09.2001г. № 136-ФЗ // Российская газета. 2001. 20 октября.
- ¹² Официальная Россия // [М.]URL: <http://www.gov.ru> (дата обращения 12.06.2011).

СТРАНЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЦЕССАХ

А.С. Левченков

УКРАИНСКО-ЧЕШСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: 1991–2010 ГГ.

Статья посвящена анализу основных этапов и тенденций развития украинско-чешских отношений в 1991–2010 гг. Автор уделяет особое внимание влиянию на украинско-чешские отношения идей евроинтеграции, сотрудничества с Североатлантическим альянсом, взаимодействия в энергетической сфере.

Ключевые слова: Украина, Чехия, Чехословакия, внешняя политика, Центрально-Восточная Европа, Европейский Союз, НАТО, евроинтеграция, Вышеградская четверка.

Государства Центрально-Восточной Европы традиционно рассматривались руководством Украины как одни из наиболее важных политических и экономических союзников среди стран-членов Европейского Союза. Важным фактором, обеспечившим сближение Киева с этими государствами, послужило общее прошлое, связанное с вхождением в социалистический лагерь, и наличие, хотя и с разной остротой, общих проблем в первые годы после крушения мировой социалистической системы. Многие современные исследователи придерживаются тезиса о том, что интеграция всех без исключения стран данного региона в единое европейское пространство сопряжена с большими трудностями, в том числе из-за обособленности и существования на протяжении длительного периода в рамках иной экономической и идеологической системы¹. В настоящее время украинское руководство ищет у своих партнеров в Центрально-Восточной Европе поддержки в стремлении интегрироваться в Евросоюз. Последние, принадлежа к так называемым молодым членам ЕС, рассматривают Украину как важный рынок сбыта собственных товаров, площадку для ин-

вестиций и ареал распространения культурного влияния. Наконец, как Украина, являющаяся транзитным государством, так и ее более западные (географически) соседи являются важнейшими элементами в устоявшейся схеме транспортировки энергоносителей из Центральной Азии и Российской Федерации.

В числе партнеров Киева среди стран Центрально-Восточной Европы важное место на протяжении всего периода существования независимого украинского государства занимала Чехия.

Становление прямых украинско-чешских отношений началось еще до распада Советского Союза, в мае 1991 г., когда Киев посетил посол Чехословакии (ЧСФР) в СССР (с 1990 г. до 1996 г. посол Чехословакии и Чехии в Российской Федерации) Рудольф Сланский. Данный визит был напрямую обусловлен процессом распада социалистической системы, парадом суверенитетов в рамках советского государства. Его отец, генеральный секретарь чехословацкой компартии в 1945–1951 гг., был репрессирован в начале 1950-х годов по сфальсифицированному обвинению в заговоре с целью свержения коммунистического правительства и реставрации капитализма в ходе серии сталинских «антисемитских» процессов. Рудольф Сланский, противник тоталитарного режима, принимал участие в событиях «Пражской весны» 1968 г., был исключен из КПЧ, став известным публицистом подпольной печати и активным участником «Бархатной революции» 1989 г.

Поддерживая те силы на Украине, которые выступали за полную ликвидацию коммунистической системы и получение независимости, Сланский одновременно стремился в условиях распада хозяйственных связей советской системы укрепить базу экономического сотрудничества между Прагой и Киевом. В результате визита было подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, четырнадцать статей которого стали основой строительства торгово-экономических и политических отношений двух стран. ЧСФР могла рассчитывать на доступ к украинским рынкам сбыта своих промышленных товаров, а Украина – на политическую поддержку своей государственности. Уже 8 декабря 1991 г. ЧСФР признала независимость Украины, а 30 января 1992 г. между государствами были установлены дипломатические отношения. 25 мая 1992 г. состоялся визит в Киев премьер-министра ЧСФР М. Чалфи, в ходе которого был согласован и парафирован Договор о дружбе и добрососедских отношениях двух стран.

Однако наметившийся было подъем в украинско-чехословацких отношениях вскоре сменился замедлением темпов развития сотрудничества. Главной причиной этого стало не принципиальное изменение позиции какой-либо из сторон, а начавшийся процесс

распада Чехословакии, который привел в начале 1993 г. к образованию независимых Чехии и Словакии. Отныне Украина не имела общей границы с Чехией, что сказалось на характере двусторонних отношений, из которых постепенно уходила эмоциональная окраска, характерная для рубежа 1980–1990-х годов. При этом, в то время как Киев выделил в качестве одного из приоритетных направлений внешней политики западно-европейский вектор в рамках складывающейся концепции «многовекторности», для Чехии безусловным приоритетом стали отношения с западными партнерами.

В целом на протяжении 1990-х годов разрыв в темпах и эффективности проведения социально-экономических и политических реформ между Украиной и Чехией возрастал. На двустороннем сотрудничестве сказывались последствия резкого разрыва торгово-экономических связей в рамках Совета экономической взаимопомощи. Так, в 1993 г. украинский экспорт в Чехию составлял менее 50% объема экспорта за 1991 г.

Распад Чехословакии переложил на словацкую сторону окончательное согласование с Киевом имеющего давнюю историю вопроса о государственной границе и территориальной принадлежности Закарпатской области. На протяжении многих веков Закарпатье (территория 12,8 тыс. кв. км) на юго-западе Украины много раз переходило из рук в руки. До Первой мировой войны она входила в Австро-Венгерскую империю, с 1919 по 1938 гг. – пребывала в составе Чехословакии. После раздела Чехословакии в 1938 г. в Закарпатье была провозглашена независимая украинская держава, которая была оккупирована Венгрией. По итогам Второй мировой войны Закарпатье был присоединено к СССР и вошло в состав Украинской ССР. Хотя уже по переписи 1959 г. в Закарпатье проживало всего 1,3% словаков, тем не менее в ЧСФР и особенно в Словакии имелись силы, считавшие необходимым добиваться возвращения Закарпатья. Безусловно, эти планы были оторваны от реальности, однако само наличие данного вопроса могло охладить отношения между новыми государствами.

Еще в конце 1992 г. словак Михал Ковач, председатель Федеральной ассамблеи Чехословакии, побывал с визитом в Киеве и обсудил перспективы дальнейшего развития отношений Украины с Чехией и Словакией как самостоятельными государствами. Наконец, во время визита в Киев 29–30 июня 1993 г. Михала Ковача как президента Словакии, был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве, заложивший базу для экономического сотрудничества и констатировавший отказ обеих сторон от территориальных претензий (в результате чего был окончательно урегулирован вопрос о принадлежности Закарпатья).

Леонид Кучма придал украинской внешней политике более системный характер на западном направлении. Сближение с единой Европой стало рассматриваться в качестве одного из важнейших направлений внешней политики страны. В 1998 г. указом Президента Украины была утверждена стратегия европейской интеграции, согласно которой членство в ЕС определялось долговременной стратегической целью. По мнению современных украинских историков, данная стратегия представляла собой фактически развернутую программу вхождения в европейское пространство².

Надежды Киева на вхождение в единую Европу, несмотря на кажущуюся с высоты настоящего момента их иллюзорность, тем не менее имели под собой определенные основания, главным из которых являлось содержание Маастрихтского договора 1992 г., практически совпавшего с распадом СССР и социалистической системы. Современные исследователи обращают особое внимание на то, что договор внес существенные изменения в философию интеграции: на смену принципу равноправного объединения всех государств-членов пришел принцип «Европы нескольких скоростей»³. Это предопределило последующее расширение Евросоюза путем включения новых членов из числа центрально-восточноевропейских государств. Не прошло и года после заключения Маастрихтского договора, как ЕС уже подписал соглашения об ассоциированном членстве с Венгрией, Польшей, Чехией и Словакией, а на заседании Европейского Совета в Копенгагене в 1993 г. было принято принципиальное решение о новом расширении Евросоюза. В числе главных условий для претендентов были создание конкурентоспособной рыночной экономики, формирование стабильного демократического государства и приведение национальных законодательств в соответствие с законодательством ЕС. Два первых условия полностью соотносились с декларируемыми задачами новых властей большинства стран Центрально-Восточной Европы, в том числе и Украины.

Стремление Киева к развитию отношений с западными партнерами нашло безусловную поддержку в Праге, которая выразилась, в частности, в вовлечении Киева в региональные интеграционные процессы в Центрально-Восточной Европе. Во многом благодаря активной поддержке Чехии в 1996 г. Украина была принята в ряды членов Центрально-европейской инициативы – межправительственной организации по политическому, экономическому и культурному сотрудничеству, созданной в 1989 г. и охватившей практически все страны региона.

Украинское руководство вынашивало планы ускорения процессов евроинтеграции также посредством подключения к работе

Вышеградской группы, образованной в 1991 г. и объединившей четыре центрально-европейские государства: Польшу, Чехию, Словакию и Венгрию⁴. Цели Вышеградской четверки были выражены в совместной декларации о стремлении к интеграции в европейские структуры. Однако из-за большой разницы в экономическом положении члены Вышеградской четверки осторожно отнеслись к предложениям украинской стороны относительно участия в данном объединении. Аналогично не были поддержаны Прагой и другими центрально-европейскими партнерами планы Киева по присоединению к Центральноевропейскому соглашению о свободной торговле (ЦЕФТА), подписанному в декабре 1992 г. Венгрией, Польшей, Словакией и Чехией и вступившему в силу 1 марта 1993 г.

Другими важными причинами сомнений, проявляемых пражскими политиками и экономистами относительно стремления Украины стать полноправным участником евроинтеграционных процессов, стали, без сомнения, нестабильная система государственного управления, неотрегулированность механизмов взаимодействия между ветвями власти, что осложняло контакты с украинской стороной. Кроме этого, следует учитывать сам характер внешней политики Киева, который, следуя концепции многовекторности, балансировал между Западом и Россией. Некоторые западные исследователи стали именовать это «двузначностью многовекторной политики»⁵.

Тем не менее двусторонние политические и особенно торгово-экономические отношения между Чехией и Украиной развивались. В 1994 г. был подписан договор между Правительством Украины и Правительством Чешской Республики о торгово-экономических связях и научно-техническом сотрудничестве. 26 апреля 1995 г. во время визита украинского лидера в Прагу Леонид Кучма и чешский президент Вацлав Гавел подписали Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Украиной и Чешской Республикой, который свидетельствовал о том, что в отношениях двух стран стали преобладать экономические интересы. После этого последовало заключение целой серии соглашений, касающихся взаимного трудоустройства граждан Украины и граждан Чешской Республики (ЧР) (актуального, прежде всего, для украинцев, выезжающих на работу в Чехию), о международных автомобильных перевозках, об избежании двойного налогообложения, о кредитовании и т. д. В декабре 1995 г. была образована совместная комиссия по вопросам торгово-экономического сотрудничества. Положительная динамика была налицо: если для первой половины 1990-х годов была характерна очевидная слабость договорно-правовой базы сотрудничества двух стран (существовало всего несколько соглашений), то

к 2000 г. только экономические отношения двух стран регулировались 33 правовыми документами.

Чехия импортировала из Украины железную руду, черные металлы, полуфабрикаты, продукцию химической промышленности. Экспорт из Чехии составляли, преимущественно, промышленные товары. На протяжении 1990-х годов Украина неизменно входила в число двадцати крупнейших торговых партнеров Чешской Республики. При этом большую часть указанного периода Украина имела отрицательный торговый баланс с Чехией, и лишь в 1999 г. он стал положительным, составив +10 млн долл. Развивалось сотрудничество ряда крупнейших чешских и украинских фирм и корпораций. Так, наладились прочные связи «Шкоды-Прага», «ЧЕЗ»⁶ и «ZVVZ A.S.»⁷ с «Укринтерэнерго», «Шкоды-ЯМ»⁸ с украинскими АЭС.

На дальнейшее развитие украинско-чешского сотрудничества в начале 2000-х годов существенное влияние оказал процесс вхождения Чешской Республики в Европейский Союз и НАТО. Весной 2000 г. Чехия под давлением Евросоюза заявила о денонсации Договора о безвизовом режиме с Украиной. В 2003 г. Прага денонсировала договор о торгово-экономическом сотрудничестве.

Вместе с тем в украинско-чешских торгово-экономических отношениях наблюдались определенные позитивные тенденции. В 2000 г. состоялся обмен визитами парламентских делегаций двух стран. В 2000–2003 гг. состоялось около двадцати встреч и переговоров между официальными представителями Чехии и Украины на разных уровнях. В результате к концу 2003 г. чешско-украинские отношения регулировались 70 различными договорами, соглашениями и протоколами. Объем чешско-украинской торговли на протяжении данного периода рос в среднем на 10–12% ежегодно. К концу 2003 г. торговый оборот между странами составлял 530,7 млн долл. Общий рост двусторонней торговли был обусловлен во многом развитием сотрудничества между отдельными чешскими и украинскими фирмами и предприятиями, оживлением инвестиционной активности. Так, в 2000–2003 гг. чешские компании инвестировали 40,7 млн долл. в развитие почти 300 украинских фирм и предприятий. Однако в начале 2000-х годов Украина имела в торговле с Чешской Республикой дефицит, который достигал 209 млн долл. Это было вызвано введением Чехией защитных санкций на поставки украинской металлопродукции и антидемпинговыми расследованиями против ряда украинских производителей.

Надеясь на ответную помощь Праги в вопросах, связанных с углублением сотрудничества с ЕС, Киев нередко занимал благоприятную по отношению к Чехии позицию на международной арене. Так, Украина поддержала кандидатуру министра иностранных

дел ЧР Яна Кована на пост председателя Генеральной Ассамблеи ООН, а следующего министра иностранных дел ЧР И. Динсберга – на пост Верховного комиссара ООН по правам человека. Чехия, в свою очередь, неоднократно оказывала поддержку Украине в Парламентской Ассамблее Совета Европы, в ряде других европейских межгосударственных учреждений.

В 2004 г. Чехия стала полноправным членом Евросоюза. В стране определяющими стали образцы европейской демократии и рыночной экономики. Украина в эти годы переживала острые политические противостояния. Но это не помешало углублению торгово-экономического сотрудничества двух стран. Общий объем украинско-чешской торговли в 2005 г. составлял 970,9 млн долл. Но санкции на поставки ряда продукции из Украины в ЧР и антидемпинговые расследования против украинских производителей обусловили увеличение дефицита торгового баланса Украины с ЧР до 217,1 млн долл.

«Оранжевая революция» заметно активизировала политические контакты с Чехией. С заявлениями о поддержке «оранжевых» выступили экс-президент Чешской Республики Вацлав Гавел и нынешний президент Вацлав Клаус, Украину в разгар кризиса посещали чешские депутаты и сенаторы, журналисты и члены неправительственных организаций. Произошло взаимное смягчение визового режима по линии Украина–Евросоюз. Так, Украина ввела безвизовый режим для граждан ЕС, а Чехия в ответ – консульский сбор за визы для украинских граждан. В 2007 г. в Донецке было открыто еще одно чешское Генеральное консульство.

После прихода к власти на Украине лидера «оранжевых» и «Нашей Украины» Виктора Ющенко был осуществлен ряд визитов на высшем уровне. Кульминацией активности стал государственный визит президента Чехии Вацлава Клауса в Украину в июне 2005 г., а также официальный визит премьер-министра Украины Юрия Еханурова в Прагу в феврале 2006 г. Следом состоялись визиты министра иностранных дел Украины Бориса Тарасюка в Прагу и главы правительства Чешской Республики Мирека Тополанека в Киев. В 2007 и 2009 гг. Прагу посещал Виктор Ющенко. Также оживились экспертные консультации и межпарламентские переговоры.

Чешское правительство оказало большое влияние на исход переговоров между представителями Вышеградской четверки и вице-премьером Украины Романом Безсмертным в Праге в июне 2005 г., когда была подписана совместная декларация, поддерживающая Украину в ее усилиях стать членом евроатлантических и европейских структур и Международной торговой организации. В декларации, кроме прочего, говорилось о поддержке смягчения визового

режима с Украиной и необходимости уважения общих европейских ценностей. Председатель чешской Гражданской демократической партии Мирек Тополанек заявил в ходе этой встречи, что «Украину нужно поддержать, но ее дорога будет долгой». В то же время Роман Безмертный отметил, что «подписи под декларацией означают доверие, выраженное новой демократией и новому правительству». По его мнению, «Европа должна была бы создавать себя из своего центра, а не из Франции и Голландии», недвусмысленно намекая на необходимость усиления позиций новых членов Евросоюза, наиболее активно поддерживающих процесс расширения ЕС на восток⁹.

В апреле 2008 г. министр иностранных дел Украины Владимир Огрызко в Праге принял участие во встрече министров иностранных дел стран Вышеградской четверки (В-4) в рамках председательства Чешской Республики. По итогам встречи было принято общее заявление министров иностранных дел стран Вышеградской четверки, Украины и Швеции относительно европейской интеграции, а также общее заявление министров иностранных дел стран В-4, в которой была задекларирована поддержка присоединения Украины к Плану действий по членству в НАТО (ПДЧ), реализация курса на евроатлантическую интеграцию Украины и предоставление содействия в проведении информационной кампании о НАТО¹⁰.

Однако итоговое решение НАТО оказалось неблагоприятным по отношению к планам Киева, отодвигая возможность присоединения страны к ПДЧ на неопределенный срок. Равным образом и руководство Евросоюза в конечном итоге избегало твердых и конкретных обещаний. Становилось все более очевидным, что поддержка со стороны Чехии, как и со стороны других новых членов ЕС и НАТО, евроинтеграционных и евроатлантических устремлений Киева была явно недостаточной для того, что способствовать положительному решению вопроса о конкретных этапах и формате вхождения Украины в перечисленные структуры.

Победа оранжевых и заметный крен в сторону Западной и Центральной Европы в политике Киева повлекла за собой активизацию украинско-чешского экономического взаимодействия. По данным, озвученным главой агентства «CzechTrade» в Украине Алешом Сынеком, чешский экспорт в Украину в 2005 и 2006 гг. рос в среднем на 50% в год¹¹. При этом основная часть товарооборота приходилась, как и прежде, на машиностроительную и энергетическую отрасли, наметилась интенсификация в области медицинских продуктов.

В 2007 г., по данным министерства промышленности и торговли Чешской Республики, общий товарооборот между Чехией и Украиной составил порядка 1,9 млн евро, при этом объем чешского экспорта преобладал над объемом импорта из Украины. Главной

составляющей чешского экспорта (59%) по-прежнему являлось машинное оборудование и транспорт, в то время как из Украины в Чехию, в основном (48, 9%), поставлялось сырье. Заместитель министра промышленности и торговли Чехии Томаш Хинер отмечал, что «с точки зрения взаимного товарооборота (по сравнению с другими странами бывшего Советского Союза) Украина находилась на втором месте после России, с чем была связана поддержка чешских инвесторов в Украине, а также создание благоприятных условий для украинских инвесторов в Чехии»¹². В «Экономической стратегии Чехии на 2006–2010 гг.» Украина была заявлена как одно из приоритетных государств. В 2008 г. украинский экспорт в Чехию вырос еще на 59%, но по-прежнему оставался меньше аналогичного показателя.

Основными украинскими экспортёрами в ЧР являлись Полтавский и Криворожский горно-обогатительные комбинаты, металлургические предприятия им. Ильича (Мариуполь), «Азовсталь», «Запорожсталь», «Алчевский», фирма «Интерпайп», химические предприятия ОАО «Стирол» и ОАО «Ровноазот», «Кривориж-НДИБудмаш», «УкрграфитПВП», АО «Днепрошина», на рынке авиаперевозок успешно работала компания «Аэросвит». Увеличилось количество сделок на рынке недвижимости. Важной составляющей украинского-чешского сотрудничества была реализация совместных проектов в сфере инвестирования, промышленной кооперации, сельского хозяйства, включая участие чешской стороны в модернизации действующих и строительстве новых украинских АЭС, модернизации объектов теплоэнергетики, транспортном машиностроении, сотрудничестве в выращивании, переработке рапса и производстве из него на Украине биотоплива, производство в Украине с помощью современных технологий шин для колесной техники.

5 марта 2007 г. Украина и ЕС начали переговоры о новом базовом соглашении о торговле, а 18 февраля 2008 г. начались переговоры о создании зоны свободной торговли. На саммите Украина–ЕС 9 сентября 2008 г. было решено, что новое соглашение будет иметь название Соглашения об ассоциации и будет включать в себя создание зоны свободной торговли. Активное участие в переговорах приняли представители Чехии.

Однако необходимо отметить, что, приветствуя приход к власти в Киеве «оранжевых» во главе с Виктором Ющенко и высоко оценивая большую открытость Украины для западных партнеров, чешские фирмы, по словам того же Алеша Сынека, при заключении реальных контрактов не делали различий между сторонниками правящей коалиции и оппозиции, которую они именовали «синими»¹³.

Кроме того, чешские экономисты неизменно отмечали наличие проблем в таможенной области и в сфере сертификации.

В числе наиболее острых проблем украинско-чешских отношений на протяжении рассматриваемого периода выделялся вопрос о положении в Чехии украинских нелегальных мигрантов. Согласно различным экспертным оценкам, в Чешской Республике одновременно находились от 200 до 300 тыс. нелегалов из Украины. Попытки регулировать отношения между украинской диаспорой и чешскими властями предпринимал Форум украинцев Чешской Республики, поддерживаемый рядом украинских и чешских фирм и организаций.

Чехия, с начала 2009 г. принявшая на себя председательство в Европейском Союзе, оказалась в центре газового конфликта между Россией и Украиной. С одной стороны, Пражский Град в числе других европейских правительств ощущал определенные потери в ходе кризиса (по данным на 6 января 2009 г. Чехия недополучила 75% газа, шедшего транзитом через Украину), с другой – стал важным участником переговорного процесса. В ходе конфликта чешское правительство и представители Чехии в ЕС занимали в целом нейтральную позицию, ориентируясь на достижение скорейшего компромисса и возобновление поставок газа. Однако в конце января 2010 г., уже после возобновления поставок, Ярослав Башта, Чрезвычайный и Полномочный посол Чехии в Украине, заявил, что газовый конфликт с Россией ускорит интеграцию Украины в Евросоюз, прежде всего в энергетической сфере, и что Евросоюзу следовало бы немедленно задуматься о строительстве новых альтернативных газопроводов и линий энергоснабжения между странами ЕС¹⁴.

Чехия вошла в число государств ЕС, наиболее активно поддерживавших идею включения Украины в проект «Восточное партнерство». Дополнительные заверения в этом были получены Виктором Ющенко в ходе визита в Прагу в марте 2009 г. от его чешского коллеги Вацлава Клауса, заявившего, что ЧР «не только поддерживает проект на словах, но и принимает в нем активное участие»¹⁵. Учредительная встреча в рамках программы, ставившей целью сближение ЕС с шестью странами бывшего СССР: Украиной, Молдавией, Азербайджаном, Арменией, Грузией и Белоруссией, состоялась в Праге 7 мая 2009 г.

Сокрушительное поражение Виктора Ющенко на президентских выборах в 2010 г. и приход к власти Виктора Януковича ознаменовали начало нового этапа в украинско-чешских отношениях, которые, как и прежние, в настоящее время отличаются неоднозначностью оценок со стороны исследователей и экспертов. С одной стороны, в первой половине 2010 г. продолжалось расширение сотрудни-

чества в ряде отраслей. Стало известно об успешном завершении переговоров между украинской корпорацией «Богдан» и чешской компанией «Segeles» о начале совместной работы по производству троллейбусов. Вместе с тем в сентябре 2010 г. министры иностранных дел Чехии, Польши и Швеции признали факт существования значительных трудностей в ходе переговоров с Украиной по подготовке соглашения об углубленной и всесторонней свободной торговле (ДСФТА), что исключало на тот момент возможность представления новых предложений для сотрудничества восточным партнерам ЕС¹⁶.

В целом на протяжении 1990–2000-х годов отношения между Чехией и Украиной характеризовались преимущественно ростом активности экономического взаимодействия и успешной кооперацией по ряду важных вопросов мировой политики, несмотря на отсутствие общих границ и членство в различных международных организациях (с одной стороны – Евросоюз и НАТО, с другой – СНГ). При этом, если для Праги важность Украины, прежде всего, обуславливалась наличием достаточно емкого рынка сбыта промышленных товаров, а также транзитом энергоносителей, то Киев видел в Чехии стратегического партнера, способного повлиять на процесс интеграции в Евросоюз и (до поражения Виктора Ющенко) с НАТО.

Нормализация отношений между Украиной и Россией, коррекция внешнеполитической доктрины Киева в 2010 г. повлекли за собой снятие с повестки дня украинско-чешских переговоров различного уровня вопроса о вступлении Украины в НАТО. Вместе с тем вопрос о дальнейшем сближении Украины с Евросоюзом продолжал оставаться одним из ключевых как для украинских политиков, так и для их чешских коллег.

Примечания

- ¹ *Алексю Н., Бовуа Д., Люкре М.-Э., Ключовский Е., Самсонович Г., Вандич П.* История Центрально-Восточной Европы. СПб.: Евразия, 2009. С. 613–615.
- ² *История Украины. Научно-популярные очерки / Под ред. В.А. Смолия.* М.: Олма Медиа Групп, 2008. С. 963.
- ³ *Модели региональной интеграции: прошлое и настоящее.* М.: Ол Би Принт, 2010. С. 111–112.
- ⁴ Все члены Вышеградской группы 1 мая 2004 г. стали членами Европейского союза.
- ⁵ *Постсоветские государства / Под ред. Ж. Радвани.* М.: NOTA-BENE, 2008. С. 59.

- ⁶ ЧЕЗ (ИЕЗ) – крупнейшая энергетическая компания Чехии.
- ⁷ ZVVZ A.S. (расположен в г. Милевско) – крупный производитель и поставщик оборудования очистки и транспортировки газов.
- ⁸ «Шкода-ЯМ» («Шкода-Ядерное машиностроение») – крупный производитель реакторов и другого оборудования для атомной промышленности.
- ⁹ Вышеградская четверка поддержит Украину на ее пути в Европу [Электронный ресурс] // Радио Прага. [Praha, 2005] URL: <http://www.radio.cz/ru/novosti/67294> (дата обращения: 12.01.2011).
- ¹⁰ Вышеградская четверка пообещала Украине поддержку [Электронный ресурс] // Информационное агентство «УРА-Информ. Донбасс». [Донецк, 2008]. URL: <http://www.ura.dn.ua/23.04.2008/52840.html> (дата обращения: 12.01.2011).
- ¹¹ Агентству «Czech Trade» – 10 лет [Электронный ресурс] // Компания «Эмиграция». [М., 2007]. URL: <http://www.emigranty.ru/news.php?nid=31199> (дата обращения: 12.01.2011).
- ¹² Чехия поддерживает участие Украины в ФТА [Электронный ресурс] // Компания «Эмиграция». [М., 2007]. URL: <http://www.emigranty.ru/news.php?nid=48037> (дата обращения: 12.01.2011).
- ¹³ Агентству «Czech Trade» – 10 лет.
- ¹⁴ Посол Чехии: газовый конфликт ускорить интеграцию Украины до ЕС [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. [Berlin, 2009]. URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,3978119,00.html> (дата обращения: 12.01.2011).
- ¹⁵ Президент принял Виктора Ющенко [Электронный ресурс] // Доска объявлений: Прага, Чехия. [Praha, 2009]. URL: http://www.ruweb.cz/stat/422_stat.html (дата обращения: 12.01.2011).
- ¹⁶ В ЕС заявляют, что переговоры с Украиной зашли в тупик [Электронный ресурс] // Информационное агентство «УНИАН». [Киев, 2010]. URL: <http://unian.net/rus/news/news-395321.html> (дата обращения: 12.01.2011).

ПРОЦЕСС НОРМАЛИЗАЦИИ АРМЯНО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ, ВЫЗОВЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена рассмотрению динамики двусторонних отношений между Арменией и Турцией в постсоветский период.

Автор анализирует основные причины и последствия кризисов в отношениях между соседними государствами, их влияние на безопасность всего Южного Кавказа. Особое внимание уделяется выявлению причин, делающих востребованным процесс армяно-турецкой нормализации даже в самые сложные для двух стран периоды.

Ключевые слова: этнополитический конфликт, нормализация армяно-турецких отношений, геополитика, безопасность.

Геополитические перспективы Южного Кавказа (Закавказья) во многом зависят от динамики армяно-турецких отношений. После распада Советского Союза конфронтационные отношения между этими двумя государствами существенно затрудняют превращение Кавказского региона (и без того имеющего множество неразрешенных этнополитических конфликтов) в территорию мира и поступательного развития. В самом деле, в случае нормализации армяно-турецких отношений появляются дополнительные предпосылки для урегулирования застарелого конфликта между Арменией и Азербайджаном (стратегическим союзником Турецкой Республики) из-за Нагорного Карабаха. Открытие армяно-турецкой границы позволяет Армении вырваться из региональной изоляции (сегодня эта республика из четырех межгосударственных границ имеет две закрытые), стать транзитной страной и получить выход в Европу. Для Турции же улучшение отношений с соседом позволяет существенно приблизиться к трем ее стратегическим внешнеполитическим целям: сближению с Европейским Союзом и

выходу на новый уровень интеграции с ЕС, широкому проникновению на Кавказ (не ограничиваясь кооперацией с Азербайджаном) и превращению в самостоятельный (менее зависимый от США и НАТО) центр в Евразии. Однако за 19 лет, прошедших после распада СССР и появления на карте мира нового независимого государства Армении, два соседних государства так и не смогли перейти от конфронтации к добрососедству.

Целью настоящей статьи является исследование динамики армяно-турецкой нормализации. Сегодня, когда этот процесс оказался в фокусе информационного внимания, вокруг него сформировалось много мифов и клише. К таким мы можем отнести представление об этом процессе, как деле только последних двух лет, а также выводы об имитационном характере самих армяно-турецких переговоров, имманентной неготовности сторон искать и находить компромиссы. Мы попытаемся проанализировать различные фазы двусторонних армяно-турецких отношений, объяснить причины подъемов и спадов переговорного процесса. Хронологические рамки статьи охватывают период с 1991 по 2010 г. Выбор этих рамок легко объясним. Мы рассматриваем армяно-турецкие отношения в период после распада Советского Союза (важнейшей составной части процесса распада ялтинско-потсдамской модели международных отношений). Предшествующие исторические события исследуются нами только в контексте армянской и турецкой «политики истории» (то есть использования исторических фактов, как политического инструмента элитами двух стран).

1990-е годы: первые шаги навстречу друг другу

Новейшая история двусторонних отношений между Турцией и Арменией началась после распада Советского Союза и провозглашения независимости бывшей Армянской ССР. По справедливому замечанию турецкого исследователя М. Айдына, «отношения с Арменией были для Турции особенно сложным вопросом из-за наследия взаимного недоверия между обеими странами и народами, а также исторического багажа, от которого они не сумели освободиться»¹. Однако и Анкара, и Ереван проявили значительный интерес к установлению добрососедских отношений. Турецкая Республика признала независимость Армении уже 16 декабря 1991 г. (т. е. через 8 дней после подписания Беловежских соглашений и за 5 дней до принятия Алма-Атинской Декларации, зафиксировавшей основные принципы Содружества Независимых Государств). Схожим образом армянская политическая элита пыталась начать отношения с Турцией «с чисто-

го листа». Еще в конце 1989 г. будущий первый президент Армении Л.А. Тер-Петросян говорил о пантюркизме, как «об окончательно перевернутой странице в истории Турции»². Идея примирения с турками была одной из центральных в программе первого армянского постсоветского правительства, состоявшего из представителей АОД (Армянского общенационального движения). Встав во главе Армении, это правительство стало проводить в жизнь курс на «историческое примирение» с соседним государством. В июне 1992 г. Л.А. Тер-Петросян встретился с премьер-министром Турецкой Республики Сулейманом Демирелем. Это произошло в рамках Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), проекта, нацеленного на экономическую интеграцию стран Кавказа и Черноморского бассейна, инициированного Турцией. Затем два лидера провели двустороннюю встречу. В апреле 1992 г. Ереван посетил посол Турции в РФ В. Вурал, а в августе 1992 г. делегация турецкого МИД. Улучшение отношений между двумя странами стало очевидным: именно через Турцию в Армению (уже заблокированную со стороны Азербайджана) было поставлено 100 тыс. тонн пшеницы, отсюда начались поставки электроэнергии³. Однако практически сразу же после распада Советского Союза в армяно-турецких отношениях остро встал вопрос границ. Ереван критически относился к существованию границы, установленной в соответствии с мирным договором 1921 г. между Турцией и Армянской Республикой в период ее недолгой независимости (1918–1920 гг.). Эти границы были признаны РСФСР (а затем и СССР). После обретения независимости депутаты национального парламента Армении заявили, что отказываются от признания границ, установленных не Ереваном, а Москвой. В итоге уже весной 1992 г. Анкара заявила, что будущее установление дипломатических отношений возможно только после снятия всех пограничных споров и формально-правового признания Ереваном сложившихся на 1991 г. границ⁴.

Помимо проблемы границ напряженность в отношениях между двумя странами усиливалась из-за разных трактовок событий 1915 г. в Османской империи. В пункте 11 Декларации о независимости Армении (была принята 23 августа 1990 г.) провозглашалась такая цель нового государства, как «международное признание геноцида армян 1915 г. в Османской Турции и Западной Армении»⁵.

Таким образом, помимо гуманитарного аспекта (необходимость признания понесенных армянским народом жертв) в этом документе содержалось определение части территории современной Турецкой Республики, как «Западной Армении».

«Жирный крест» на первой попытке нормализовать двусторонние отношения поставила эскалация нагорно-карабахского

конфликта между Арменией, де-факто государством Нагорно-Карабахской Республикой (провозглашена в сентябре 1991 г.) с одной стороны и Азербайджаном с другой. В 1993 г. после отражения попыток Азербайджана подавить армянское вооруженное сопротивление в Нагорном Карабахе (лето 1992 г. стало пиком военных успехов азербайджанской армии), формирования НКР при поддержке регулярной армии Армении предприняли ряд успешных военных операций. При этом армянские силы выходят за пределы территории бывшей НКАО (Нагорно-Карабахской Автономной области в составе Азербайджанской ССР), занимая поочередно Кельбаджарский (апрель 1993 г.), Физулинский и Джебраильский (август 1993 г.), Кубатлинский (август–сентябрь 1993 г.), Зангеланский (ноябрь 1993 г.) районы. Все эти операции сопровождались эксцессами по отношению к этническим азербайджанцам.

Наращивание вооруженного противостояния спровоцировало открытое выступление Турции на стороне тюркоязычного Азербайджана, отношения с которым в Анкаре рассматривались как приоритетные. В апреле 1993 г. Турция закрыла свою сухопутную границу с Арменией (это чуть более 300 км.). Между тем наилучшего варианта развития событий удалось избежать. И хотя общественное мнение внутри Турции требовало более жестких мер в отношении к Армении и более действенной поддержки Азербайджана, официальная Анкара ушла от прямого вовлечения в военное противоборство. Турецкая дипломатия прибегла по большей части к «мягкой силе», стремясь мобилизовать международное общественное мнение против действий Еревана. Именно тогда в широкий оборот были запущены такие словосочетания, как «армянское вторжение», «армянская агрессия» или «оккупация»⁶.

Внутри Турции велась также информационная кампания по обличению Армении, якобы оказывающей помощь Рабочей Партии Курдистана (организации, которую в Турции рассматривают, как террористическую)⁷.

После того, как 12 мая 1994 г. вошло в силу Соглашение о бессрочном прекращении огня в зоне нагорно-карабахского конфликта, Турция выступила с инициативой размещения в регионе международных миротворческих сил. Впрочем, эта идея до сих пор не реализована. Нагорный Карабах представляет собой уникальную «горячую точку» постсоветского пространства, в которой противников не разделяют миротворцы, а перемирие держится на основе одного юридически обязывающего документа (хотя и периодически нарушается мелкими стычками и перестрелками). В итоге, по справедливому замечанию ереванских политологов А. Искандаряна и С. Минасяна, армяно-турецкие отношения перешли в фазу «статике»⁸.

Армяно-турецкие отношения: 15 лет «застоя»

В 1993–2008 гг. в процессе армяно-турецкой нормализации наступила продолжительная пауза. Армения осталась единственным государством Южного Кавказа, с которым у Турции не было дипломатических отношений. С помощью закрытия сухопутной границы с Арменией Анкара пыталась усилить геополитическую изоляцию последней (к этому времени сухопутная граница с Азербайджаном была уже закрыта). Эта изоляция еще усилилась после того, как Турция с помощью нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан (открыт 13 июля 2006 г., общая протяженность 1 773 м) и газопровода Баку–Тбилиси–Эрзерум (открыт 25 марта 2007 г., общая протяженность 970 км) укрепила коммуникационные связи с двумя другими кавказскими республиками – Грузией и Азербайджаном. Эту же линию по усилению региональной изоляции Армении должен был продолжить и железнодорожный проект Баку–Ахалкалаки–Тбилиси–Карс (его реализация началась в 2007 г. при решающей финансовой роли Турции). В этот период Анкара стала выдвигать предварительные условия для возможности нормализации отношений с Арменией. В 1996 г. турецкий МИД выступил с заявлением о том, что «до тех пор, пока Армения не предпримет шаги в направлении достижения соглашений с Азербайджаном, решение держать на замке границу останется в силе»⁹. Практически в течение всех лет «застоя» эта позиция в той или иной мере воспроизводилась. Позиция же Армении по отношению к Турции значительно ужесточилась, когда президентское кресло занял Р. Кочарян (занимал эту должность в 1998–2008 гг.). Как утверждают ереванские политологи, именно тогда тема международного признания геноцида армян стала рассматриваться как «неконвенциональное оружие» против Турции. Выступая на 53-й сессии ООН, Р. Кочарян попытался вернуть в сферу международной политики «армянский вопрос». Позиция второго президента Армении по всему комплексу армяно-турецких отношений была в целом гораздо более жесткой. В работе саммита ОЧЭС, прошедшего в Стамбуле в июне 2007 г., Р. Кочарян не принял участия. Он мотивировал свой отказ отсутствием дипломатических отношений между странами¹⁰.

Между тем даже резкое ухудшение двусторонних отношений не привело к их полной и окончательной «заморозке». Внутри самой Турции высказывались мнения о том, что сухопутная блокада не достигает своей цели. Об этом, в частности, заявляли представители администрации пограничных с Арменией регионов. Так, губернатор Карса Т. Мутлуер подчеркивал: «В нашей провинции на глазах умирает жизнь из-за того, что нет прямого выхода за рубеж»¹¹. В 1996 г. в

двусторонних отношениях было пробито воздушное окно, открылось авиационное сообщение Ереван – Стамбул (позже к нему добавится рейс Ереван – Анталия). В 1995 г. Стамбул посетил спикер национального парламента Армении Б. Аракцян. Заметим, что этот визит состоялся в год, который не только Армения, но и армяне диаспоры отмечали, как 80-летие геноцида армян в Османской империи. Несмотря на закрытие сухопутной границы между двумя странами в течение всего «застойного периода» регулярно осуществлялся торговый оборот (как правило, через третьи страны). По мнению Сопредседателя Турецко-Армянского делового Совета Каана Сояка (апрель 2009 г.) товарооборот между Турцией и Арменией в нынешних условиях (отсутствие дипломатических отношений и закрытая сухопутная граница) составляет 150 млн долл. И в случае открытия границы он может вырасти до 300 млн¹² В 2001–2004 гг. функционировала Турецко-Армянская комиссия по примирению, в ходе которой на уровне экспертов высказывалась идея о желательности нормализации двусторонних отношений (а в перспективе и исторического примирения). Все эти факты сами по себе и вместе взятые создавали предпосылки для выхода из застоя и перехода к новой попытке преодоления конфронтационного сценария.

Армяно-турецкие отношения в 2008–2009 гг.: «ветер перемен»

9 июля 2008 года во влиятельном издании «Wall Street Journal Europe» вышла статья президента Армении С. Саркисяна с «говорящим» заголовком «Мы готовы разговаривать с Турцией», в которой армянский лидер справедливо констатировал, что и турки и армяне пытаются разными способами преодолевать закрытую сухопутную границу: «Они получают выгоду от регулярных рейсов из Еревана в Стамбул и Анталию. Есть многочисленные автобусные маршруты и такси через Грузию, и даже грузовики предпринимая долгие объезды, таким образом помогая торговле между нашими странами». Статья привлекала к себе интерес не только потому, что глава Республики Армения (государства, у которого нет дипломатических отношений с Турцией, зато имеется длинный список исторических обид и претензий) призывал соседнюю страну к пересмотру внешнеполитических приоритетов. Автор – это человек, никогда не принадлежавший к «либеральному лагерю» внутри Армении и ранее не замеченный в стремлениях к улучшению двусторонних отношений с Турцией. Напомним, что Серж Саркисян до своего президентства занимал ключевые позиции в силовых структурах

Армении (т. е. по определению более консервативной части республиканского истеблишмента, привыкшего просто в силу профессии с подозрением относиться к соседней державе). Однако экспромт 9 июля был хорошо подготовлен, поскольку приглашение посетить футбольный матч между армянской и турецкой командами в рамках отборочного цикла чемпионата мира было озвучено С. Саркисяном за две недели до публикации в известном издании. Однако, и это приглашение стало итогом начавшегося непубличного переговорного процесса между Ереваном и Анкарой. Что же заставило третьего президента Армении констатировать: «Не существует альтернативы установлению нормальных отношений между нашими двумя странами. Я надеюсь, что наши правительства смогут пройти через порог новой открытой двери»?¹³

С нашей точки зрения, в случае с Арменией существовало несколько резонансов для такой «смены вех». Одним из главных последствий нагорно-карабахского конфликта стала экономическая и геополитическая изоляция Армении. Республика имеет только два «окна» в мир в виде Ирана и Грузии. И оба эти окна ненадежны. Первое слишком зависит от реализации американского проекта «Большой Ближний Восток». И успех, и провал этого проекта так или иначе повлияют на ситуацию в Иране (в свете последних тенденций почему-то не слишком верится в позитивный результат). Второе делает Армению заложником российско-грузинских отношений. «Пятидневная война» в Грузии в августе 2008 г. воочию продемонстрировала эту зависимость (а также уязвимость позиций Армении). В этом плане определенное потепление армяно-турецких отношений могло бы оторвать весь комплекс отношений между Анкарой и Ереваном от разрешения нагорно-карабахского конфликта. В таком развитии событий и Вашингтон и Москва обозначили свою заинтересованность в 2007–2008 гг.

Что касается Турции, то, во-первых, эта страна после 1991 г. переросла уровень «старшего брата» Азербайджана и стремится прийти на Кавказ посредством «обнуления проблем с соседями». Эта стратегия уже принесла свои плоды на ближневосточном направлении турецкой политики. «Турция заново открывает Ближний Восток». С помощью этой удачной метафоры аналитик известной «RAND Corporation» С. Ларраби пытается описать те усилия, которые в последние годы предпринимает Анкара в этом крайне сложном для глобальной повестки дня регионе. За последние пять лет Анкара сделала серьезнейший прорыв в развитии двусторонних отношений с Сирией, хотя еще в начале 2000-х годов отношения Анкары и Дамаска были «в минусах», а эксперты даже обсуждали возможные военные сценарии. В 2004 г. впервые в истории си-

рийский президент посетил Турцию. Сегодня же дипломаты двух стран в конструктивном ключе обсуждают такие вопросы, как разделение водных ресурсов Евфрата или противодействие курдскому движению. Это, среди прочего, сделало Дамаск намного более осторожным в подходах к признанию геноцида армян. И последнее соображение (по порядку, но не по важности) – интерес Турции к Европе, который посредством «обнуления отношений с соседом» только усиливается¹⁴.

В 2008–2009 гг. Армения и Турция пытались стремительно наверстать упущенные за 15 лет возможности. 6 сентября 2008 г. президент Турции Абдулла Гюль впервые посетил Ереван (его визит назвали «футбольной дипломатией»), а 22 апреля 2009 г. при посредничестве швейцарских дипломатов Ереван и Анкара подписали «Дорожную карту» конкретных мероприятий по нормализации отношений. Однако наибольшего продвижения в процессе нормализации Армения и Турция достигли 10 октября 2009 г., подписав в Цюрихе «Протокол о развитии двусторонних отношений» и «Протокол об установлении дипломатических отношений».

Подписание этих документов стало не просто значительным шагом вперед в процессе примирения Армении и Турции хотя бы потому, что две страны взяли на себя и политические и юридические обязательства. В «Протоколах» были названы конкретные сроки реализации заложенных в них инициатив. Так, Анкара и Ереван в тексте «Протокола о развитии двусторонних отношений» «договорились открыть общую границу в течение двух месяцев после вступления в силу данного Протокола». В «Протоколе об установлении дипломатических отношений» стороны «договорились установить дипломатические отношения со дня подписания данного Протокола в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических отношениях от 1961 г., обменяться дипломатическими представительствами». Оба Протокола могли вступить в силу «в один и тот же день – в первый день месяца, следующего за обменом инструментами ратификации». Создание же рабочей группы под руководством двух министров иностранных дел с целью разработки механизмов работы межправительственной комиссии (и подкомиссий в ее составе) планировалось через два месяца после вступления в силу «Протокола о развитии двусторонних отношений между Республикой Армения и Турецкой Республикой». Таким образом, в разговоре Еревана и Анкары изменился не только тон, но сам язык этого разговора. Стороны от слов перешли к делу. Два Протокола дали свою интерпретацию такого критически важного для двусторонних отношений сюжета, как геноцид армян в Османской империи. Это – «диалог в исторической плоскости между двумя народами, направленный на

восстановление взаимного доверия, в том числе с помощью научного беспристрастного изучения исторических документов и архивов для уточнения имеющихся проблем и формулирования предложений». Этот диалог планировалось развивать в формате «подкомиссии, занимающейся исторической плоскостью» (она будет работать внутри армяно-турецкой межправительственной комиссии)¹⁵.

От прогресса к новому «застою»?

Однако два юридически обязывающих документа не прошли фазу ратификации в национальных парламентах Армении и Турции. Парламент Турецкой Республики начал рассмотрение двух протоколов практически сразу после их подписания 21 октября 2009 г. Оппозиция в знак протеста покинула зал заседаний, а многие представители правящей партии «Справедливость и развитие» вели себя весьма сдержанно. Это создало впечатление, что немедленная ратификация документов не входит в число их приоритетов. Турецкая элита позднее именно этими фактами оправдывала наступившую паузу в процессе нормализации взаимоотношений с соседом. Естественно, в позициях Анкары снова зазвучал «карабахский фактор». Эта тема, которая была проигнорирована Турцией во время подписания двух протоколов, получила второе рождение после цюрихской церемонии. О необходимости совместить два мирных процесса турецкий премьер Р.Т. Эрдоган заявил в ходе своих встреч с американским президентом Б. Обамой (7 декабря 2009 г.) и главой российского правительства В.В. Путиным (13 января 2010 г.).

В Армении же вхождение в фазу «застоя» также сопровождалось жесткими спорами и массовыми проявлениями публичного недовольства. Как бы то ни было, а 12 января 2010 г. Конституционный суд (высшая судебная инстанция Армении) признал: два армяно-турецких протокола соответствуют Основному закону страны. Казалось бы, вот он, долгожданный шаг к укоренению армяно-турецкого примирения в массовом сознании граждан Армении. И этот шаг приветствовал Госдеп США. Однако это решение вызвало жесткую реакцию Турции. Все дело в том, что Декларация о независимости Армении (считающаяся составной частью Основного закона страны) содержит пункты о необходимости международного признания геноцида армян и упоминание «Западной Армении». Таким образом, получалось, что подписанные Анкарой и Ереваном протоколы соответствуют требованиям не просто признания геноцида, но и определенного признания «Западной Армении», то есть территориальной проблемы.

Однако армяно-турецкое примирение никогда не было исключительно внутривосточной проблемой двух соседних стран-республик. Этот процесс в равной степени нельзя свести к формату взаимоотношения Еревана и Анкары друг с другом. Это – часть большой кавказской игры, в которой у «больших игроков» есть собственные соображения. И у США и у России были свои резоны для участия в армяно-турецкой «перезагрузке». В отличие от Грузии здесь позиции Москвы и Вашингтона полярно не отличаются друг от друга. И США и Россия каждый по-своему заинтересованы в кооперации с Турцией. Если США имеют высочайший уровень кооперации с Турцией в сфере безопасности (от него весьма проблематично отказаться), то Россия имеет серьезные интересы в развитии совместных энергетических проектов («Южный поток» – хороший тому пример). При этом Армения – важный партнер и Вашингтона и Москвы. И в первом и во втором случаях позиции армянского лобби нельзя сбрасывать со счетов. Что же произошло в «сухом остатке»? Активизация поисков возможных «схем по разменам». Как следствие, чем больше американские и российские политики говорили о невозможности объединения армяно-турецкого примирения и нагорно-карабахского урегулирования, тем сильнее эти два процесса сближались и влияли один на другой. Точнее сказать, они мультиплицировали и без того имеющиеся сложности в каждом из них.

В итоге 22 апреля 2010 г. в преддверии 95-й годовщины геноцида армян в Османской империи президент Армении С. Саркисян выступил с обращением к нации. В этом обращении он заявил о необходимости приостановки двух протоколов об установлении дипломатических отношений и развитии двусторонних связей, подписанных его страной и Турцией в октябре прошлого года в Цюрихе. По мнению армянского тюрколога Р. Мелконяна, президент Армении лишь формализовал фактический спад процесса нормализации¹⁶. Однако констатируя некий спад в сложной динамике армяно-турецкой нормализации, нельзя говорить о полной остановке всего процесса. Армянский лидер приостановил ратификацию протоколов, но не вышел из мирного процесса полностью. Два цюрихских документа не аннулированы, а глава Армении готов к продолжению диалога. В конце концов, мирные процессы развиваются практически всегда нелинейно. Для того чтобы идеи улучшения отношений с соседями, высказанные еще харизматическим президентом Турции Т. Озалом, сработали (например, в отношениях с Сирией или в меньшем объеме с Ираном и Грецией), потребовался не один год. В отношении же кипрского конфликта прорыва так и не достигнуто, несмотря на определенную позитивную динамику начала 2000-х годов. Недав-

ная победа на президентских выборах в непризнанной Турецкой Республике Северного Кипра Д. Эроглу, последовательного противника объединения острова – доказательство этого.

С армяно-турецким процессом та же история. Кризис и спад не означают политическую смерть. Идеи нормализации и примирения с соседом уже стали частью внутреннего дискурса и в Армении и в Турции. Сегодня уже не турки с армянами, а армяне с армянами и турки с турками спорят о том, что надо сделать, чтобы помириться. С меньшими издержками и затратами для себя, конечно же. Но в любом случае взаимоотношения вышли на иной уровень. Восторги, фотовспышки и дифирамбы подписантам протоколов остались в прошлом. Процесс нормализации отношений перешел в плоскость сложных согласований и торга как внутри самих «мирящихся» стран, так и за их пределами, между «большими державами». Однако примирение двух исторических противников уже не раз имело место быть, и Армения с Турцией не открывают здесь ничего принципиально нового. На сегодняшний день существует и опыт греко-турецких отношений, и болгаро-турецких, и польско-украинских, и польско-литовских, и германо-российских, и венгерско-румынских, не говоря уже об израильско-германском примирении и превращении в ближайших союзников в ЕС таких исторических противников как Германия и Франция. Естественно, историческое примирение должно, прежде всего, соответствовать национальным интересам примиряющихся сторон, а также быть политически рентабельным. В противном случае ожидать нового «ветра перемен» придется еще долго.

Примечания

- ¹ Айдын М. Турция и государства Кавказа // Кавказ и глобализация. 2006. № 1. С. 35.
- ² Цит. по: Куртов А.А., Халмухамедов А.М. Армения–Турция: противостояние или сотрудничество // Армения: проблемы независимого развития. М.: РИСИ, 1998. С. 450.
- ³ Искандарян А., Минасян С. Прагматичность политики сквозь реалии исторических ограничений: анализируя армяно-турецкий процесс. Ереван: Институт Кавказа, 2010. С. 7–8.
- ⁴ Айдын М. Указ. соч. С. 37.
- ⁵ Цит. по: Декларация о независимости Армении [Электронный ресурс] // Сайт Парламента Армении. [Ереван, 2008]. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2602&lang=rus> (дата обращения: 24.01.2011).
- ⁶ Financial Times Report on Turkey. 1993. May 7. P. 5.

- ⁷ Turkish Daily News. 1997. June 9. P. 3.
- ⁸ *Искандарян А., Минасян С.* Указ. соч. С. 8–9.
- ⁹ *Aydin M.* New Geopolitics of Central Asia and the Caucasus; Causes of Instability and Predicament. Ankara: Center for Strategic Research, 2000. P. 57.
- ¹⁰ *Мартirosян Т.* К вопросу о признании факта геноцида армян на геополитической доске Закавказья, Ближнего и Среднего Востока // Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 2 (32). С. 198–199.
- ¹¹ Цит. по: *Куртов А.А., Халмухамедов А.М.* Указ. соч. С. 459.
- ¹² Цит. по: Hurriyet: Какие экономические выгоды сулит нормализация армяно-турецких отношений [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «Панорама». [Ереван, 2009]. URL: <http://www.panorama.am/ru/politics/2009/09/04/huriet/> (дата обращения: 24.01.2011).
- ¹³ *Sargsyan S.* We are ready to talk to Turkey // Wall Street Journal Europe. 2008. July 9.
- ¹⁴ *Larrabee S.F.* Turkey Rediscovered the Middle East // Foreign Affairs. 2007. Vol. 86. No. 4. P. 103–114.
- ¹⁵ Цит. по: МИД Армении обнародовал армяно-турецкие протоколы: полные версии [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «Новости–Армения». [Ереван, 2009]. URL: <http://www.news.am/ru/news/3438.html> (дата обращения: 24.01.2011).
- ¹⁶ Цит. по: Президент Армении юридически ответил на фактически замороженный Турцией процесс: эксперт [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «Regnum». [М., 2009]. URL: <http://www.regnum.ru/news/1277126.html> (дата обращения: 24.01.2011).

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ
«КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЙ ДУГИ»
В БЕЛОРУССКОЙ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Современная внешняя политика Белоруссии находится в процессе трансформации, связанной с новыми подходами России к интеграционному строительству. В статье автор анализирует процесс постепенной смены приоритетов внешней политики Белоруссии – от односторонней ориентации на Россию к «концепции внешней дуги».

Ключевые слова: многовекторная дипломатия, «концепция внешней дуги», Движение неприсоединения.

События конца 2006 г. вокруг цен за российский газ поставили под угрозу белорусскую экономику и потребовали от Белоруссии выхода из образовавшейся политической изоляции между Россией и Западом путем поиска альтернативных поставщиков энергоресурсов. В статье автор намерен изучить феномен белорусской «концепции внешней дуги», проанализировать ее политико-экономическую составляющую.

Кризис 2006 г. в российско-белорусских отношениях продемонстрировал, что возможности Белоруссии для маневрирования между Россией и Западом ограничены. Москва не желает и дальше дотировать белорусскую экономику без реальных подвижек в интеграционном строительстве Союзного государства. А Брюссель требует радикальных изменений во внутренней политике, прежде всего в области демократии и прав человека, смены вектора внешней политики на прозападный. В первом случае Беларусь лишается экономического суверенитета и может раствориться в России, во втором – неизбежно свержение авторитарного режима, выстроенного А. Лукашенко. Таким образом, для Минска возник сложный вопрос, как найти дополнительные ресурсы для под-

держания дальнейшего устойчивого развития, избежать угрозы изоляции.

Поиски новых возможностей резко активизировались в конце 2006 г. Столкнувшись с проблемами и на Западе и на Востоке, белорусское руководство обратило взоры на другие страны и регионы мира. В повестку дня встал вопрос о переходе к многовекторной дипломатии, резкой активизации сотрудничества с новыми нарождающимися в мире центрами силы, стремлении опереться на них и использовать их ресурсы в диалоге с соседними Россией и Евросоюзом.

Знаковым событием в этой связи стало выступление А. Лукашенко на кубинском саммите Движения Неприсоединения в Гаване 12 сентября 2006 г., где он заметно отошел от антизападной и антиамериканской риторики, сконцентрировав внимание на развитии экономических связей. В частности, было сказано, что в настоящее время наиболее развитые страны нуждаются в тех возможностях, которые могут предоставить участники Движения неприсоединения: «Сегодня настал такой момент, когда богатые страны не могут дальше развиваться, не используя потенциал развивающихся стран, которые, в основном, входят в Движение неприсоединения. Подавляющее количество людских и природных ресурсов – до 80 % – сосредоточено здесь. Пришло время, когда богатые страны очень нуждаются в нас, и нам необходимо разумно воспользоваться этим моментом»¹.

В связи с этим стоит подробнее остановиться на роли Белоруссии в этой организации. Движение неприсоединения (см. Non-Aligned NAM) было образовано в прошлом веке как международная и внеблоковая организация группы развивающихся стран для отстаивания своих интересов. Одной из главных целей стран – членов Движения тогда было уйти от втягивания в орбиту одного из двух геополитических центров силы.

С позиции принципов членства, заложенных при основании Движения неприсоединения, участие Белоруссии в деятельности NAM выглядит абсурдным. Республика Белоруссия с 2000 г. числится в составе создаваемого Союзного государства, куда входит вместе с Россией, которая с полным правом может рассматриваться в качестве геополитического центра силы, наряду, например, с ЕС или США. Поэтому та активная роль, которую пытается играть Минск в Движении неприсоединения, заставляет, в том числе, сомневаться в искренности его намерений крепить реальный союз с Россией, и уже тем более интегрироваться в некое единое государство.

Принципиальной задачей Минска было извлечение из данного мероприятия политических, экономических и дипломатических

выгод. К числу последних относится преодоление частичной международной изоляции Белоруссии, в которой она оказалась после последних президентских выборов. Можно также предположить, что в планы главы белорусского государства входило реформирование Движения для защиты своих членов, «подвергшихся внешнему давлению или агрессии». Вместе с тем существует и точка зрения, что Белоруссию больше интересует не судьба Движения неприсоединения как международной организации развивающихся стран Юга и ее программа действий, а группа богатых ресурсами стран-членов².

На кубинском саммите А. Лукашенко впервые презентовал новую стратегию белорусской внешней политики, названную им «концепцией внешней дуги». Суть ее заключается в активизации новых векторов сотрудничества. По заявлениям официальных белорусских информационных источников, приоритеты «внешней дуги» выстраиваются следующим образом: во-первых, латиноамериканское направление, с упором на Бразилию, Боливию, Венесуэлу и Кубу; во-вторых, Ближний и Средний Восток, прежде всего Иран и страны Персидского залива; в-третьих, Восточная Азия, с особым вниманием, уделяемым Китаю, Вьетнаму, Малайзии³. Кроме того, значительное внимание было уделено активизации связей со странами – участницами СНГ помимо России.

За официальной презентацией концепции «внешней дуги» в 2006–2008 гг. последовали решительные усилия белорусской стороны по воплощению в жизнь ее политико-экономической составляющей. Белоруссия резко активизировалась на новых направлениях, уделяя приоритетное внимание развитию торговых связей, прежде всего с идеологически близкими по духу партнерами.

На латиноамериканском направлении особое внимание было уделено Венесуэле. Этому способствовали такие факторы, как дружеские отношения президентов А. Лукашенко и У. Чавеса, основанные на сходстве их политических режимов и взаимодополняемость экономик двух стран. «Мы хотим развивать свою страну – это нормальный торговый обмен: Беларусь способствует нашей индустриализации, а мы помогаем вам с энергоносителями», – вывел формулу президент Венесуэлы⁴.

В рамках развития сотрудничества между странами были интенсифицированы двусторонние визиты делегаций и официальных лиц, в ходе которых был подписан ряд важных документов и достигнуто немало договоренностей. Заключены многомиллионные контракты в таких сферах, как разработка нефтяных месторождений, строительство и архитектура, энергетика, машиностроение. Созданы механизмы сотрудничества в области науки, технологий, сельского хозяйства, производства продуктов питания, промыш-

ленности, горнорудного дела, в сфере энергетики, нефти и газа, нефтехимии⁵. 7–8 сентября 2006 г. в ходе визита официальной делегации Белоруссия подписала с Венесуэлой ряд контрактов в сфере военно-технического сотрудничества на сумму более 1 млрд долл.⁶

Одним из основных результатов совместной работы стало решение Президента Венесуэлы о выделении белорусским партнерам участков для самостоятельной добычи нефти. Уже сейчас в этих зонах, имеющих развитую инфраструктуру, можно добывать до 2 млн тонн нефти в год (при годовой потребности Беларуси в 20 млн т)⁷.

В инвестиционной сфере инициировано начало конкретной работы по созданию Двустороннего инвестиционного фонда, также Республика Белоруссия получила приглашение вступить в многосторонний Гуманитарный банк международного развития, создаваемый Венесуэлой, Ираном и Малайзией для обеспечения финансовой независимости стран – членов этого банка от международных финансовых организаций. Принципиальным для Белоруссии является возможность осуществления поставок белорусской техники и технологий в счет формирования доли участия Республики Белоруссии в этих финансовых организациях⁸.

Особую роль играют такие факторы как членство Венесуэлы в МЕРКОСУР и перспективы создания зоны свободной торговли в регионе, открывающие Минску возможности для закрепления на этом перспективном и быстро растущем рынке. Сотрудничество облегчается происшедшим в регионе в начале XXI в. «левым поворотом» – установлением социалистических режимов в целом ряде государств. Налицо стремление латиноамериканских стран уменьшить свою зависимость от США не только в политической и военной сферах, но и в экономической и технологической. Другими словами, та страна, которая вовремя предложит приемлемую альтернативу, получит колоссальные дивиденды⁹.

Сходную активность белорусское руководство демонстрировало на ближневосточном направлении, где в качестве основного центра приложения усилий выделялся Иран. Взаимоотношения Белоруссии и Ирана – пример того, как укрепление сотрудничества на политическом уровне ведет к развитию экономических связей. В целом между двумя странами налажено уже довольно тесное сотрудничество в сфере политики и единая точка зрения по вопросам мироустройства. А. Лукашенко и М. Ахмадинежад демонстрируют близость своих позиций по целому ряду международных вопросов, регулярно проводят встречи, поддерживают дружеские отношения. Именно политические контакты на высшем уровне и стали тем локомотивом, который потянул за собой сотрудничество в экономической, энергетической, финансовой и других сферах.

Тяготение Белоруссии к Ирану объяснимо. Тегеран из-за упрямства в сфере использования ядерной энергии стал жертвой международных санкций, а Минск стал «жертвой» нового прагматичного подхода России к энергетическим отношениям. Это побуждает Белоруссию к поиску альтернативных источников удовлетворения своих энергетических потребностей. Подобным источником вполне может стать Иран¹⁰. Иранская сторона продемонстрировала свою солидарность с таким подходом. «У нас есть огромные энергетические ресурсы, у вас – прекрасные специалисты и технологии. Это вместе должно послужить росту благосостояния наших народов». (Сейед Мохаммад Мехди Шахрахи)¹¹. В результате Белоруссия стала первой страной в истории современного Ирана, которая получила разрешение самостоятельно добывать нефть на его территории. Белорусской стороне предложено не только заниматься добычей, но и перерабатывать нефть в Иране либо забирать ее и продавать в любом регионе мира. Обсуждается в Минске и возможность строительства своего НПЗ в Иране¹².

По мнению Александра Лукашенко, сейчас белорусско-иранские отношения развиваются особенно динамично, и если удастся решить отдельные вопросы в таможенной и банковской сферах, то, по мнению белорусских официальных лиц, взаимный товарооборот может со временем достичь 1 млрд долл.¹³ В качестве иллюстрации возможностей для расширения белорусско-иранской торговли Президент Белоруссии привел такие цифры: на сегодняшний день Иран импортирует товаров в объеме 40 млрд долл. «Разве мы в этом импорте не можем занять определенную нишу? Пусть даже 10%. Это было бы 4 млрд долл. для развития экономики Беларуси»¹⁴.

Особое внимание А. Лукашенко стал уделять восточноазиатскому вектору внешней политики. Здесь на роль партнера № 1 выдвинулся социалистический Китай. Выступая с ежегодным посланием парламенту и белорусскому народу 23 мая 2006 г., президент Белоруссии А. Лукашенко назвал китайский вектор приоритетным для белорусской внешней политики. «Главным приоритетом белорусской внешней политики является Китай, который разделяет и поддерживает многие наши политические шаги»¹⁵. Лидер Белоруссии неоднократно заявлял о том, что у двух стран единые позиции на международной арене и абсолютно согласованная, идентичная внешняя политика. Республика Белоруссия и КНР занимают схожие позиции по основным международным проблемам, оказывают взаимную поддержку в процессе выборов в органы учреждений системы ООН, а также в ходе обсуждения значимых вопросов международного сотрудничества, в том числе в области прав человека.

В 2006 г. Китай занимал лишь 5-е место по объему товарооборота и экспорту Белоруссии среди стран вне СНГ, а также 4-е – по импорту. С принятием концепции «внешней дуги» была создана специальная белорусско-китайская комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству¹⁶. Уже в 2007 г. Белоруссия и Китай согласовали 27 совместных инвестиционных проектов на сумму 2,7 млрд долл.¹⁷ Стороны целенаправленно наращивают взаимный товарооборот, и если в 2006 г. этот показатель составлял 1 млрд долл., то в 2007 г. – 1,5 млрд долл., а в 2008 г. белорусско-китайский товарооборот достиг 2 млрд долл.¹⁸

Китай сегодня располагает значительными инвестиционными ресурсами и производит мирового уровня оборудование и технологии (но гораздо дешевле, чем западные производители) для многих отраслей народного хозяйства. С учетом этих двух факторов Белоруссия могла бы в течение нескольких лет переоснастить, модернизировать многие, если не большинство своих предприятий и отраслей. Однако несколько сдерживает китайских инвесторов и сложность белорусского налогового законодательства, громоздкость механизма согласования и принятия решений¹⁹.

По мнению российских экономистов, в ближайшие годы Китай для Белоруссии не сможет стать реальной альтернативой России, но лишь новым, очень важным и перспективным пространством для освоения белорусским обществом, государством, экономикой²⁰. В то же время в случае кризиса в отношениях с РФ Китай сможет помочь Белоруссии смикшировать часть негативных последствий.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В 2006 г., после победы на очередных президентских выборах, А. Лукашенко столкнулся с мощным давлением со стороны российского руководства, настаивавшего на реальной интеграции РФ и РБ. Категорическое нежелание белорусской стороны поступаться своим суверенитетом вынудило Россию пойти на свертывание предоставленных Белоруссии экономических преференций. Попытки компенсировать эти потери за счет активизации европейского вектора белорусской внешней политики ни к чему не привели, так как Брюссель добивался изменений во внутренней политике Белоруссии, неприемлемых для официального Минска.

Столкнувшись с угрозой дипломатической изоляции, а в перспективе – ухудшения условий для дальнейшего социально-экономического развития, белорусское руководство пошло на решительную диверсификацию своих контактов, переход к многовекторной дипломатии. С этой целью в сентябре 2006 г. была принята так называемая концепция «внешней дуги». В 2006–2008 гг. Белорусс-

сия осуществляла энергичное развитие новых направлений своей внешней политики в рамках этой концепции.

Несмотря на небольшой срок, уже сейчас можно говорить о наметившейся диверсификации белорусской внешней торговли, появлении новых источников энергоносителей (прежде всего Венесуэлы и Ирана), способных ослабить зависимость от поставок из России. Дальнейшее развитие новых векторов сотрудничества способно повысить устойчивость белорусской экономики, усилить позиции Минска в непростом диалоге с Москвой и Брюсселем.

Вместе с тем хотя активизация новых векторов белорусской внешней политики и связана с отходом от одновекторной пророссийской ориентации, это не означает, что она вредит Союзному государству. Ведь, несмотря на неоднократные заявления Минска о неприкосновенности независимости и суверенитета Республики, А. Лукашенко не критиковал сам проект Союза. Более того, внешнеполитическими успехами белорусской дипломатии может воспользоваться и Россия, которая в силу определенных международных обязательств не всегда может интенсивно контактировать с определенными странами в определенных регионах мира по определенным вопросам. Россия может использовать контакты Минска для решения своих задач в области политики, безопасности и обороны, науки, в торговле и энергетике, исходя из своих национальных интересов. Таким образом, можно сказать, что дипломатические успехи Республики Белоруссии, это, в каком-то смысле, определенные достижения в мировой политике и Союзного государства Россия–Белоруссия.

Примечания

- ¹ Президент Беларуси вернулся в Минск из Гаваны [Электронный ресурс] // Сайт белорусского информационного агентства «ТЕЛЕГРАФ». [Минск, 2006]. URL: <http://www.telegraf.by/belarus/2006/09/18/gavana/> (дата обращения: 18.11.2010).
- ² Большая дипломатия Минска [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал постсоветского пространства «МАТЕРИК». [М., 2007]. URL: <http://www.materik.ru/print.php?section=analitics&bulsectionid=15686> (дата обращения: 18.11.2010).
- ³ Президент вернулся из Гаваны [Электронный ресурс] // Интернет-сообщество «ТРЕТИЙ ПУТЬ» [Минск, 2006]. URL: <http://www.3dway.org/node/884> (дата обращения: 18.11.2010).
- ⁴ Беларусь–Венесуэла: большие деньги дружбе не помеха [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Народная воля». [Минск, 2008]. URL: <http://www.nv-online.info/index.php?c=nw&i=10106> (дата обращения: 18.11.2010).

- 5 Беларусь–Венесуэла: друзья и деловые партнеры [Электронный ресурс] // Сайт «Народная газета». [Минск, 2006]. URL: <http://www.ng.by/ru/articles/499/detail/7185/back.html> (дата обращения: 18.11.2010).
- 6 Беларусь и Венесуэла достигли договоренностей по сотрудничеству в машиностроении [Электронный ресурс] // Портал «ДЕЛОВАЯ ПРЕССА». [М., 2006]. URL: http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_21960_aId_393512.html (дата обращения: 18.11.2010).
- 7 Венесуэла выделит Беларуси дополнительные нефтеносные зоны [Электронный ресурс] // Сайт белорусского информационного агентства «ТЕЛЕГРАФ». [Минск, 2007]. URL: <http://www.telegraf.by/belarus/2007/03/26/contracts/> (дата обращения: 18.11.2010).
- 8 Беларусь–Венесуэла: стратегия партнерства [Электронный ресурс] // Интернет-газета Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации «БЕЛОРУССКОЕ ВРЕМЯ». [М., 2006]. URL: <http://www.belarustime.ru/print/information/interview/cc271c38b94d376e.html> (дата обращения: 18.11.2010).
- 9 Венесуэла может стать для Беларуси окном в Южную Америку [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал постсоветского пространства «МАТЕРИК». [М., 2007]. URL: <http://www.materik.ru/print.php?section=analitics&bulsectionid=15196> (дата обращения: 18.11.2010).
- 10 Там же.
- 11 Беларусь–Иран [Электронный ресурс] // Интернет-газета Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации «БЕЛОРУССКОЕ ВРЕМЯ». [М., 2006]. URL: <http://www.belarustime.ru/print/world/dipcourier/ebc39c2f3bf97f3.html> (дата обращения: 18.11.2010).
- 12 Там же.
- 13 Беларусь–Иран: взаимовыгодный и результативный диалог [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал постсоветского пространства «МАТЕРИК». [М., 2007]. URL: <http://www.materik.ru/print.php?section=analitics&bulsectionid=16523> (дата обращения: 18.11.2010).
- 14 Цифры преследуют Лукашенко [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал постсоветского пространства «МАТЕРИК». [М., 2007]. URL: <http://www.materik.ru/print.php?section=analitics&bulsectionid=16524> (дата обращения: 18.11.2010).
- 15 Китайский вектор белорусской внешней политики [Электронный ресурс] // Информационно-справочный портал Беларуси «INTERFAX.BY». [Минск, 2007]. URL: http://www.interfax.by/index.php?id=33&id_sp=23368&d=23&m=05&y=2006&lang=ru (дата обращения: 18.11.2010).
- 16 Белорусско-Китайская комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Белорусско-Китайской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству». [Минск, 2007]. URL: <http://www.belaruschina.by/ru/committee> (дата обращения: 18.11.2010).

- 17 Беларусь намерена реализовать с Китаем проекты на сумму 2,7 млрд долларов [Электронный ресурс] // Сайт белорусского информационного агентства «ТЕЛЕГРАФ». [Минск, 2007]. URL: <http://www.telegraf.by/belarus/2007/05/17/mlrd> (дата обращения: 18.11.2010).
- 18 *Тозик А.* Белорусско-китайский товарооборот в 2008 году приблизится к 2 млрд долл. [Электронный ресурс] // Сайт Белорусского телеграфного агентства «БЕЛТА». [Минск, 2008]. URL: http://www.belta.by/ru/news/archive?date=29_02_2008&page=2&id=203052 (дата обращения: 18.11.2010).
- 19 *Тозик А.* Беларусь и Китай всегда предсказуемые, надежные и стабильные партнеры [Электронный ресурс] // Сайт газеты Совета министров Республики Беларусь «РЭСПУБЛИКА». [Минск, 2007]. URL: http://www.respublika.info/4187/economu_enviro/article17678/print (дата обращения: 18.11.2010).
- 20 Союзная Белоруссия нужна России не меньше, чем армия и флот [Электронный ресурс] // Сайт Информационного агентства «РОСБАЛТ». [М., 2006]. URL: <http://www.rosbalt.ru/2006/04/12/250334.html> (дата обращения: 18.11.2010).

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КАЗАХСТАНА ПО ВОПРОСАМ БЕЗОПАСНОСТИ

Статья посвящена основным направлениям двустороннего сотрудничества России и Казахстана по вопросам безопасности и освоения космоса, инициативам стран Запада в данной сфере, анализу перспектив сотрудничества/конкуренции между ОДКБ и НАТО, а также рассмотрению роли Казахстана в этом процессе.

Ключевые слова: Россия, Казахстан, ОДКБ, НАТО, безопасность, Центральная Азия, Байконур.

Сотрудничество России и Казахстана в оборонной сфере началось вскоре после распада СССР. Бывший единый ВПК, общие угрозы, нестабильность в некоторых соседних с Россией и Казахстаном государствах – все это сближало два государства и заставляло интенсифицировать двусторонние отношения, в том числе и в вопросах безопасности, освоения космоса и т. д.

Правовая основа двустороннего сотрудничества

Для России Казахстан является ближайшим военно-политическим союзником в Центральной Азии и первым государством СНГ, с которым РФ в мае 1992 г. заключила Договор «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи»¹. Согласно этому Договору предусматривается создание общего военно-стратегического пространства, совместное использование военных баз, полигонов и иных военных объектов в случае угроз России или Казахстану. Другим основополагающим документом является Декларация

© Баскакова И.А., 2012

«О вечной дружбе и союзнничестве, ориентированном в XXI столетие» от 6 июля 1998 г.²

Кроме указанных выше документов вопросы совместного обеспечения безопасности регулируются также Договором «О военном сотрудничестве» от 28 марта 1994 г.³ и более чем 60 двусторонними соглашениями и договорами, подписанными в последующие годы.

Важным элементом российско-казахстанского военного сотрудничества является подготовка в России на льготной основе офицерских кадров для силовых структур Казахстана. Обучение казахстанских граждан проводится по единым с российскими военнослужащими программам⁴.

На основании соглашения, подписанного в 1995 г., Россия и Казахстан предпринимают совместные усилия по обеспечению безопасности казахстанской границы по внешнему периметру.

На территории Казахстана остались самые крупные в ближнем зарубежье военные объекты бывшего СССР. На основе двусторонних соглашений Россия сохранила их за собой (в качестве арендатора) и в настоящее время продолжает эксплуатировать в Казахстане семь крупных военных объектов. В том числе и космодром Байконур.

Значение Байконура для двустороннего сотрудничества. Аренда космодрома Россией

Важность Байконура для Москвы очевидна. Географическое положение космодрома позволяет запускать пилотируемые корабли, межпланетные станции и спутники (как спутники связи, так и шпионские) на геостационарную орбиту. По техническим причинам это не осуществимо с космодромами Плесецк и Капустин Яр на территории России. Сходные условия есть лишь на Дальнем Востоке, но космодром под Благовещенском пока не готов к использованию⁵.

На заре независимости президент Казахстана Нурсултан Назарбаев выступал с идеей создания на базе Байконура международного консорциума, где у России не было бы никаких преимуществ перед другими государствами. Разумеется, Москва выступила резко против, но эта идея еще несколько лет периодически вспоминалась казахстанскими властями.

В итоге в 1994 г. было заключено межправительственное соглашение об аренде Россией космодрома Байконур сроком на 20 лет (стоимость аренды – 115 млн долл./год)⁶.

В 2004 г. соглашение было продлено до 2050 г. Стоимость аренды не изменилась, но, согласно новым условиям, Россия обязана делиться с Казахстаном доходами от реализации совместных с ним проектов на Байконуре (например, ракетно-космический комплекс «Байтрек» на базе российского комплекса «Ангара»). Стоит отметить, что если российская сторона это соглашение ратифицировала сразу же, то РК только в апреле 2010 г. после ноты МИД РФ о приостановке других соглашений и работы по ракетно-космическому комплексу «Байтрек» до ратификации соглашения Казахстаном⁷.

В последние годы была начата подготовка строительства космодрома «Восточный» на Дальнем Востоке⁸. Кроме того, Россией было подписано соглашение с европейским космическим агентством об использовании космодрома во французской Гвиане⁹. Подобные решения вызывают беспокойство казахстанской стороны и, по словам главы Казкосмоса Талгата Мусабаева, ставят перед Казахстаном проблему использования Байконура: «Оборонные, гражданские пилотируемые пуски, которые в настоящее время осуществляются с космодрома Байконур, возможно, будут переведены на российские космодромы. Это по существу означает уход России с космодрома Байконур в недалеком будущем и ставит перед Казахстаном проблему его сохранения и перспектив дальнейшего функционирования¹⁰. Хотя подобной проблемы не видит министр промышленности и торговли РФ Виктор Христенко, заявляющий о том, что слухи по поводу ухода России с Байконура абсолютно беспочвенны, так как все российско-казахстанские проекты по использованию Байконура являются долгосрочными¹¹.

Стоит отметить, что во время визита Президента России Дмитрия Медведева в Казахстан в 2008 г. вопрос Байконура также затрагивался. В частности, был подписан документ, позволяющий на правовом уровне регулировать «нештатные ситуации» с ракетами, выводимыми на околоземную орбиту с космодрома Байконур. Были обсуждены вопросы запуска казахстанских спутников «Казсат-2» и «Казсат-3» в 2008–2010 гг., развития российско-казахстанского проекта «Байтрек», особой статьей упомянутого еще в соглашении 2004 г.¹², и было согласовано направление на МКС двух граждан Казахстана.

В настоящее время осуществляется еще один совместный проект, в рамках которого Казахстан намерен с помощью РФ создать на орбите собственную группировку из семи спутников, интегрированную в российскую Глобальную навигационную спутниковую систему (ГЛОНАСС). Кроме того, перспективным направлением сотрудничества между Россией и Казахстаном в сфере совместного освоения космоса является создание космических аппаратов с ядерными электроракетными двигательными установками на базе тер-

моэмиссионного реактора-преобразователя. С этой целью в марте 2006 г. была создана совместная группа из специалистов российской Ракетно-космической корпорации «Энергия» и Национального ядерного центра Казахстана¹³.

Существуют в двусторонних отношениях и другие проблемы. Например, Москва выступает против того, чтобы на территории Байконура, который находится под юрисдикцией России, появлялись казахстанские органы власти. Астана, напротив, считает это ущемлением своих прав. Также казахстанские власти предъявляют претензии в нарушении экологических норм: после запуска ракет и падения обломков происходит отравление людей гептилом¹⁴.

Еще одна проблемная зона – это случающиеся иногда на Байконуре неудачные запуски. Например, после падения российской ракеты-носителя «Днепр» в 2006 г. между Россией и Казахстаном возникли споры, касающиеся выплаты компенсаций пострадавшей стороне. Казахстан первоначально оценил совокупный экономический и экологический ущерб в 40,7 млрд тенге (330 млн долл.), что в два раза превышает ежегодную арендную плату России за использование Байконура. Но РФ отказалась выплачивать подобную сумму, и Казахстан был вынужден снизить свои требования до 141,8 млн тенге (1,11 млн долл.). Компенсация была выплачена и в январе 2007 г. Казахстан дал разрешение на возобновление запусков «Днепра»¹⁵.

Кроме совместных с Россией проектов Казахстан планирует создать на базе Байконура Международный центр космической индустрии со статусом специальной экономической зоны. Этот проект рассчитан на многостороннее сотрудничество в космической сфере и при значительном участии Казахстана¹⁶.

Несмотря на все существующие проблемы, Байконур очень важен как для России, так и для Казахстана. Для России – это пока единственный космодром, подходящий для абсолютного большинства запусков. Для Казахстана Байконур – это и местная «силиконовая долина», способствующая развитию научного потенциала страны, и фактор укрепления международного веса и престижа республики, и источник средств для пополнения бюджета.

Другие направления сотрудничества

С начала 2000-х годов, когда «Росвооружение» и «Казспецэкспорт» подписали генеральное соглашение, определяющее основные направления военно-технического сотрудничества, Астана стала активно закупать в России современное вооружение и военную технику, запасные части и комплектующие. В свою очередь, в Казахста-

не находятся ряд промышленных предприятий, ранее входивших в состав советского ВПК, а сейчас представляющие значительный интерес для Москвы (АО «Гранит» – испытание и обслуживание комплексов ПВО, Машиностроительный завод им. Кирова – производство торпедного оружия, Акционерное общество ВИКСТО – производство противокорабельных мин и др.). Москва и Астана, выражая заинтересованность в сохранении связей, рассматривают возможность для реанимирования указанных производств путем размещения заказов как для нужд ВС РФ, так и для организации совместного экспорта в третьи страны¹⁷.

Не стоит забывать, что Казахстан, как и другие государства Центральной Азии, реализуя многовекторный подход в своей внешней политике, проявляет повышенный интерес к расширению взаимодействия в военной области и с Западом, в первую очередь США и странами – членами НАТО. Наглядным подтверждением этому являются тактико-специальные миротворческие учения «Степной орел», которые прошли в сентябре 2008 г. на расположенном в Алматинской области Илийском полигоне Аэромобильных войск Вооруженных сил Казахстана с участием подразделений стран НАТО¹⁸.

Вынужденная многовекторность

К сожалению, иногда сама Россия подталкивает Казахстан к сотрудничеству с другими государствами из-за неконкурентоспособности российской продукции. Примером этого может быть решение о закупке южно-корейских кораблей для военно-морской группировки Казахстана на Каспии. По словам нынешнего главкома ВМС Жандарбека Жанзакова, приоритет в формировании собственных военно-морских сил на Каспии отдан южнокорейским судам, поскольку «корабли российского производства дороже».

Генерал-полковник Леонид Ивашов, долгое время возглавлявший в российском Министерстве обороны Главное управление международного военного сотрудничества, вспоминает, что в конце 1990-х годов президент Казахстана Н. Назарбаев обращался к тогдашнему главе РФ Борису Ельцину с просьбой помочь в оснащении своих ВМС российскими кораблями, однако «эта просьба осталась без ответа». По мнению Ивашова «российское руководство само виновато в том, что Казахстан активизирует свои военно-технические контакты с Южной Кореей. В результате наносится экономический ущерб нашему оборонному комплексу, который мог бы развивать оружейный морской бизнес с Казахстаном»¹⁹. Подобный пример не является единственным.

ОДКБ. Многостороннее сотрудничество под эгидой России

Кроме двустороннего у российско-казахстанского сотрудничества в военной сфере есть еще и многостороннее измерение – это Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Договор «О коллективной безопасности» был подписан Арменией, Казахстаном, Россией, Таджикистаном и Узбекистаном в 1992 г. В 1993 г. к нему присоединилась Белоруссия.

В начале 2000-х годов в связи с активизацией международного терроризма очевидной стала неготовность членов договора к принятию коллективных мер, направленных на обеспечение региональной безопасности. Борьбу с международным терроризмом возглавили США. Деятельность ДКБ ограничилась лишь тем, что его члены поддержали США их союзников вплоть до согласия на предоставление им военных баз на своей территории (Узбекистан и Киргизия), но собственных активных действий не предпринимали.

Тем не менее, учитывая все возрастающую афганскую угрозу, было решено преобразовать договор в альянс большей степени военно-политической интеграции – Организацию Договора о коллективной безопасности²⁰.

Было принято решение о создании системы коллективной безопасности ОДКБ, построенной по региональному принципу из трех группировок (восточноевропейская, кавказская и центральноазиатская). С 2001 г. началось формирование Коллективных сил быстрого развертывания Центральноазиатского региона. В их состав вошли по одному батальону от России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана общей численностью 1,5 тыс. человек. Впрочем, выделенные батальоны не стали менять место постоянной дислокации, ограничившись совместным участием в ежегодных учениях «Рубеж», на которых отрабатывали подавление мелких конфликтов и антитеррористические действия²¹.

Позиция Казахстана и других стран ОДКБ в отношении грузино-осетинского конфликта

Значительную роль в эволюции ОДКБ сыграл конфликт в Южной Осетии в августе 2008 г. Государства-члены на встрече в Москве в сентябре 2008 г. приняли совместное заявление, осудившее действия Грузии и поддержавшее активную роль России в обеспечении мира на Кавказе. Следствием войны стала активизация внимания

к конкретным планам укрепления военного сотрудничества и формированию Коллективных сил оперативного реагирования.

Во-первых, грузино-осетинский конфликт указал на недостаточные боевые ресурсы для «военно-политического сдерживания» в регионе, а во-вторых, он практически привел Россию к ситуации политического противостояния с Западом, который не одобрил ввод российской армии на территорию Южной Осетии. Партнеры по ОДКБ россияне поддержали сдержанно, и независимость Южной Осетии и Абхазии ни одна из стран-участниц так и не признала. Казахские власти свою позицию выразили в следующих заявлениях. К Западу: «Мы не поддерживаем одностороннюю критику, которая звучала в адрес России». К России: «Мы с пониманием относимся к мерам, которые предприняла Россия для остановки кровопролития». Решение правительства РК о направлении гуманитарного груза в Тбилиси объемом 165 тонн на сумму 55 млн тенге было оформлено как неофициальное признание независимости Южной Осетии. В соответствующем постановлении говорится «об оказании гуманитарной помощи гражданскому населению Грузии, пострадавшему в результате грузино-югоосетинского конфликта». Не грузино-российского, а грузино-югоосетинского²². Тем не менее, официального признания за прошедшие со времени конфликта четыре года так и не последовало.

Цели России и Казахстана в ОДКБ

Россия стремится к «наращиванию военной составляющей ОДКБ» и созданию коллективных сил «не хуже, чем у Североатлантического альянса». 4 февраля 2009 г. на внеочередной сессии СКБ при ОДКБ было решено создать коллективные силы оперативного реагирования (КСОР), численностью в 10 раз большей, чем их предшественник КСБР. Причем в их состав должны войти не только военные части, но и спецподразделения правоохранительных органов и спецслужб. По замыслу руководства СКБ, новая структура должна стать эффективным универсальным инструментом для отражения военной агрессии, проведения спецопераций по ликвидации террористов и экстремистов, борьбы с организованной преступностью и наркотрафиком, а также ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций²³. У участников ОДКБ есть намерение в дальнейшем создать совместные системы ПВО. Реализация этих планов позволила бы превратить ОДКБ в полноценный военно-политический союз.

Но не все члены ОДКБ в равной степени готовы к такой интеграции. Если Президент Республики Казахстан Нурсултан Назар-

баев выступает с предложением о подключении к КСОР еще и сил МЧС, МВД и спецслужб²⁴, то президент Узбекистана Ислам Каримов рассматривает участие своей страны в КСОР не на постоянной основе, а на принципах делегирования подразделений для участия в отдельных операциях²⁵. Глава МИД Белоруссии Сергей Мартынов заявляет, что «белорусское законодательство не предусматривает участие белорусских солдат в военных действиях за рубежом»²⁶.

Участие в ОДКБ Казахстана обусловлено реальным геополитическим геоэкономическим раскладом, сложившимся в регионе. В рамках решения важнейших задач обеспечения национальной безопасности Астана считает: «...укрепление системы сотрудничества в Центральноазиатском регионе через активное участие Казахстана в договорах и международных структурах обеспечения коллективной безопасности, в первую очередь ОДКБ и ШОС»²⁷.

Сотрудничество ОДКБ и ШОС

Что касается взаимодействия ОДКБ и ШОС, то учитывая идентичность стоящих перед ними вызовов и существенное совпадение их состава, организации выступили с совместным предложением о формировании по параметру афганской границы пояса антитеррористической, антинаркотической и финансовой безопасности. Дальнейшее наращивание взаимодействия между этими двумя организациями в сфере борьбы с наркотиками остается в числе приоритетов совместной деятельности на основе действующего меморандума о взаимопонимании, заключенного между ШОС и ОДКБ²⁸.

С другой стороны, схожесть проблем и состава участников может негативно влиять на развитие сотрудничества, приводя к параллелизму в проектах решения проблем. Доминирование Китая в ШОС и лидерство России в ОДКБ также может создать дополнительные трудности в сотрудничестве.

Членство в ОДКБ и партнерство с НАТО. Совместимо ли это?

Еще сложнее обстоят отношения ОДКБ с НАТО. В Москве с неослабевающим беспокойством наблюдают за активностью НАТО на постсоветском пространстве. Раздражение Кремля вызывают часто звучавшие до недавнего времени заявления о потенциальном членстве в НАТО Украины²⁹ и Грузии. В качестве своего ответа российская сторона заявляет о желании превратить ОДКБ в «между-

народную многофункциональную и универсальную организацию, которая своими комплексными методами могла бы противодействовать всему комплексу угроз»³⁰. Таким образом, функционирование международной организации на постсоветском пространстве с активной ролью РФ является частью долгосрочной политики, а ОДКБ является одним из краеугольных элементов этой стратегии.

Но по целому ряду вопросов ОДКБ готова сотрудничать с НАТО, что отвечает их взаимным интересам. Победа талибов в Афганистане может иметь катастрофические последствия для региональной безопасности в Центральной Азии, где, в случае роста социальной или межэтнической напряженности, вместо «оранжевых» могут начать происходить «зеленые революции» под знаменами Ислама, приводящие к свержению светских режимов и дестабилизации региона.

С приходом Барака Обамы и провозглашением новой стратегии для Афганистана (один из важнейших элементов этой стратегии – увеличение американского воинского контингента), НАТО была поставлена перед необходимостью достижения с Россией договоренности о праве на транзит через территорию РФ и стран Центральной Азии не только гражданских, но и военных грузов. В итоге необходимые соглашения не только с Россией³¹, но и с Казахстаном были заключены³².

С другой стороны, стоит отметить тот факт, что решение о проведении учений КСОР «Взаимодействие–2009» было принято после того, как стало известно об учениях НАТО в Грузии в рамках программы «Партнерство во имя мира». Казахстан от участия в учениях Северного альянса отказался, сославшись на отсутствие времени, а вот на учения КСОР время нашлось. Но отказ от одних учений ни в коем случае не означает отказа или сокращения сотрудничества Казахстана с НАТО в целом.

В самой НАТО пока доминирует американская позиция, которая заключается в том, что надо развивать контакты на двустороннем уровне в рамках программы «Партнерство во имя мира» и Совета евро-атлантического партнерства. Кроме того, в настоящее время НАТО вряд ли станет заострять особое внимание на участии Казахстана или другой страны Центральной Азии в создании группировки ОДКБ. Однако в будущем ситуация может измениться. «Нельзя одновременно участвовать в программах НАТО и быть членом ОДКБ. Формально пока такое положение существует со всеми республиками Центральной Азии, но ресурс такой ситуации уменьшается, он закончится, и рано или поздно нужно будет определяться и отказываться от так называемой “многовекторности”. Иначе все подобные начинания станут еще одним примером неэф-

фektivности интеграции в таком формате», – полагает директор регионального Центральноазиатского филиала Института стран СНГ Александр Князев³³. С его мнением сложно не согласиться.

Россия была первым крупным государством, начавшим активно развивать сотрудничество с Казахстаном в оборонной сфере. Но за прошедшие 20 лет ситуация кардинально поменялась. В Центральную Азию пришли и западные государства, и Китай. Несмотря на то, что пока России удастся сохранять свои позиции главного партнера РК по всему спектру вопросов, включая военное сотрудничество, с каждым годом делать это все сложнее. В свою очередь власти Казахстана будут поставлены перед выбором, которого они избегали все годы, – определение ключевого партнера. У Москвы еще есть шанс, что выбор будет сделан именно в ее пользу.

Примечания

- ¹ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и республикой Казахстан [Электронный ресурс] // Инновации и предпринимательство. [М.]. URL: http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_41379.html (дата обращения: 03.02.2011).
- ² Декларация между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о вечной дружбе и союзничестве, ориентированном в XXI столетие [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. [М.]. URL: http://www.mid.ru/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/a517b3b5b8d35561c32568890029bb5a?OpenDocument (дата обращения: 03.02.2011).
- ³ Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о военном сотрудничестве [Электронный ресурс] // Правотека.ру – портал правовой помощи. [М., 2005]. URL: <http://www.pravoteka.ru/pst/1/249.html> (дата обращения: 03.02.2011).
- ⁴ Цыганок А. Наследники империи. Военное сотрудничество стран СНГ (анализ) [Электронный ресурс] // Сайт «ЦентрАзия». [М, 2009]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1139813760> (дата обращения: 03.02.2011).
- ⁵ Цехмистренко С. Между Москвой и Алма-Атой пролегла байконурская тень // Коммерсантъ. 1994. 25 февраля.
- ⁶ Договор аренды комплекса «Байконур» между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Официальный сайт администрации города Байконур. URL: <http://www.baykonuradm.ru/index.php?mod1=npb1&npbid=38> (дата обращения 03.02.2011).
- ⁷ Парламент РК ратифицировал соглашение с РФ, продлевающее аренду космодрома Байконур до 2050 г. [Электронный ресурс] // Лента новостей «Новости – Казахстан». [Астана, 2010]. URL: <http://www.newskaz.ru/politics/20100409/521835.html> (дата обращения 03.02.2011).

- ⁸ *Горайнов А.* Космические планы [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Российская газета» [М., 2008]. URL: <http://www.rg.ru/2008/01/30/reg-priamurje/sevastyanov.html> (дата обращения 03.02.2011).
- ⁹ *Понсе Г.* Байконур: Казахстан оказывает давление на Россию [Электронный ресурс] // Сайт «Inopressa». [М., 2009]. URL: <http://www.inopressa.ru/lepoint/2009/11/25/14:50:00/kazakhstan> (дата обращения 03.02.2011).
- ¹⁰ Строительство РФ своего космодрома ставит перед Казахстаном проблему [Электронный ресурс] // Лента новостей «Новости – Казахстан». [Астана, 2009]. URL: <http://www.newskaz.ru/society/20090424/191875-print.html> (дата обращения 03.02.2011).
- ¹¹ Россия не откажется от Байконура [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал РЕСПУБЛИКА. [Астана, 2009]. URL: <http://www.respublika-kaz.info/news/politics/3977/> (дата обращения: 03.02.2011).
- ¹² *Корбут А.* Российские войска вскоре покинут космодром Байконур [Электронный ресурс] // Сайт проекта «Война и мир». [М., 2008]. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/23892/> (дата обращения: 03.02.2011).
- ¹³ Казахстан является ключевым партнером России в центральноазиатском регионе – мнение экспертов из Узбекистана [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «Kazinform». [Астана, 2008]. URL: <http://www.inform.kz/rus/article/221315> (дата обращения 03.02.2011).
- ¹⁴ *Панфилова В.* Министр иностранных дел Казахстана получил полную поддержку Москвы [Электронный ресурс] // Сайт «Информационно-Аналитического Центра». [М., 2009]. URL: <http://ia-centr.ru/expert/6478/> (дата обращения 03.02.2011).
- ¹⁵ Россия и Казахстан согласовали компенсацию за упавший «Протон» [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства Lenta.ru. [М., 2007]. URL: <http://lenta.ru/news/2007/01/08/dnegr/> (дата обращения: 03.02.2011).
- ¹⁶ *Кабикьзы С.* Байконур – это уникальная школа сотрудничества и патриотизма [Электронный ресурс] // НОМАД, Казахстан. [Астана, 2007]. URL: <http://www.nomad.su/?a=10-200703190030> (дата обращения: 03.02.2011).
- ¹⁷ *Парамонов В., Строков А., Столповский О.* Россия и Китай в Центральной Азии: Экономика, политика, безопасность. Бишкек, 2008. С. 88.
- ¹⁸ Казахстан является ключевым партнером России в центральноазиатском регионе.
- ¹⁹ *Корбут А.* Казахстанский военно-морской кулак [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Военно-промышленный курьер». [М., 2009]. URL: <http://www.vpk-news.ru/45-311/2009-05-02-13-24-14/5374> (дата обращения: 03.02.2011).
- ²⁰ Перспективы сотрудничества Казахстана и России в новых геополитических условиях: Материалы 4-й двусторонней международной научно-практической конференции КИСИ–ИМЭМО (г. Москва, 9 апреля 2009 г.). Алматы: КИСИ, 2009. С. 23.
- ²¹ *Мартин К.* Центральноазиатский театр коллективных действий [Электронный ресурс] // Сайт журнала «Эксперт». [М., 2009]. URL: http://www.expert.ru/print-issues/kazakhstan/2009/23/vooruzhennye_sily/ (дата обращения: 03.02.2011).

- 22 Кузьмин Н. Взаимное влияние людей и территорий [Электронный ресурс] // Сайт журнала «Эксперт». [М., 2008]. URL: http://www.expert.ru/printissues/kazakhstan/2008/36/konflikt_na_kavkaze/ (дата обращения: 03.02.2011).
- 23 Мартин К. Указ. соч.
- 24 Первая декада февраля [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический сайт «НАМАКОН». [М., 2009]. URL: <http://www.namakon.ru/monitoring.php?list=2&id=349&p=6> (дата обращения: 03.02.2011).
- 25 Шишлин В. ОДКБ обретает боевую мощь. На саммите в Москве решили создать Коллективные силы оперативного реагирования [Электронный ресурс] // Сайт «ЦентрАзия». [М., 2009]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1233772200> (дата обращения: 03.02.2011).
- 26 Савин О. Оппозиция в России требует отставки Путина [Электронный ресурс] // BBC Русская служба. [М., 2009]. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_7880000/7880368.stm (дата обращения: 03.02.2011).
- 27 Президент РК обозначил главные задачи в сфере укрепления национальной безопасности [Электронный ресурс] // Сайт «Gazeta.kz». [Астана, 2009]. URL: <http://war.gazeta.kz/article/68986/> (дата обращения: 03.02.2011).
- 28 План действий государств – членов Шанхайской организации сотрудничества и Исламской Республики Афганистан по проблемам борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью [Электронный ресурс] // Официальный сайт Шанхайской организации сотрудничества [Пекин, 2009]. URL: <http://www.sectesco.org/RU/show.asp?id=182> (дата обращения: 03.02.2011).
- 29 Продление аренды Россией Севастополя до 2047 г. снимает вопрос о членстве Украины в НАТО с повестки дня.
- 30 Елизарова В. Мы взяли курс на трансформацию ОДКБ из военно-политической структуры в многофункциональную организацию [Электронный ресурс] // Официальный сайт Казахстанского института стратегических исследований. [Алматы, 2006]. URL: <http://www.kisi.kz/site.html?id=3938> (дата обращения: 03.02.2011).
- 31 Бийет А. Россия дает согласие на транзит грузов НАТО в Центральную Азию [Электронный ресурс] // Сайт «ИноСМИ». [М., 2009]. URL: http://www.inosmi.ru/middle_asia/20090505/248878.html (дата обращения: 03.02.2011).
- 32 Барановская М. Франция и Казахстан договорились о транзите военных грузов в Афганистан [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «Detsche Welle». [Берлин, 2009]. URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,4762744,00.html> (дата обращения: 03.02.2011).
- 33 Мартин К. Указ. соч.

КАЗАХСТАНСКО-УЗБЕКИСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ МЕСТО В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Статья посвящена анализу сотрудничества Казахстана и Узбекистана. Автор рассматривает место и роль данных государств в современной геополитической системе, а также политику мировых держав в отношении этих стран.

Ключевые слова: Центральная Азия, Казахстан, Узбекистан, Россия, Китай, США, мировые державы, международные отношения, интеграционные процессы.

В результате распада Советского Союза перед новыми независимыми государствами на постсоветском пространстве встал вопрос о формировании равноправных и взаимовыгодных отношений на базе международноправовых норм и принципов с учетом сложившихся к тому времени геополитических реалий. Важное значение это имело и для стран постсоветской Центральной Азии, вставших наряду с другими государствами на путь суверенного развития и приступивших к созданию системы межгосударственных экономических, политических и культурных отношений.

Казахстан и Узбекистан можно отнести к наиболее значимым стратегическим партнерам в Центральной Азии – регионе, на территории которого сосредоточены большие запасы природных ресурсов (углеводороды, уран, золото, газ, нефть, цветные металлы). Оба государства обладают весомым экономическим и человеческим потенциалом, связаны общими историческими, географическими, культурными, религиозными и языковыми корнями, наконец, достаточно протяженной общей границей (2 203 км).

Республика Казахстан на сегодняшний день является одним из наиболее стабильных как в политическом, так и в экономическом

плане государств на постсоветском пространстве. Географическое положение страны имеет свои плюсы и минусы. Хотя Казахстан не имеет выхода к океанам, в то же время по площади это крупнейшее государство в центре Евразии (2 724,9 тыс. кв. км), через которое проходят стратегически важные транзитные транспортные артерии. При этом Казахстан граничит с супердержавами, значительно превосходящими его по площади, населению, по уровню социально-экономического развития (Россия и Китай), а также с Ираном (граница проходит по Каспийскому морю), претендующим на роль регионального центра. Эти обстоятельства сказываются на внешнеполитической линии Казахстана, который по объективным причинам проводит курс, учитывающий интересы влиятельных соседей.

Казахстанское руководство сумело извлечь выгоду из такого положения, балансируя между партнерами и превращаясь в государство, которое само стало претендовать на роль регионального лидера, а также, наряду с Россией, одного из ведущих участников и инициаторов, региональных и межрегиональных интеграционных проектов. Так, еще в конце 1991 – начале 1992 г. во многом именно по инициативе бессменного до сих пор лидера страны Н. Назарбаева обрело нынешние границы Содружество Независимых Государств, Казахстан проявил себя как активный член таких организаций как Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), наконец, с начала 2010 г. трем крупным торговым партнерам – России, Беларуси и Казахстану – удалось оформить Таможенный союз. В теоретическом плане Казахстан взял на вооружение концепцию евразийства, модернизировав и адаптировав ее к новым условиям.

Узбекистан, уступая Казахстану по площади практически в шесть раз (территория Казахстана 2 724,9 тыс. кв. км, территория Узбекистана – 447,4 тыс. кв. км.), тем не менее превосходит его по численности населения (Казахстан – 15,571 млн чел., Узбекистан – более 27,625 млн чел.), по европейским меркам является территориально достаточно крупным государством. При этом границы Узбекистана гораздо менее безопасные, особенно с Афганистаном. Все это, а также особенности предшествующего историко-культурного развития привели к тому, что внешнеполитический курс Узбекистана формировался в постсоветский период на основе умеренного изоляционизма, определенной закрытости страны и дистанцированности от интеграционных проектов, несмотря на формальное членство в ряде интеграционных организаций.

Географическая близость и наличие общих социально-экономических проблем (торговое сотрудничество, экологическая ситуация в Приарале, вопросы технологий экономного водопользования,

миграционные проблемы, сотрудничество в сфере мелиорации, национальная безопасность) изначально толкали Казахстан и Узбекистан на путь стратегического партнерства. При этом различия в подходах к решению ряда глобальных задач, стоящих перед двумя государствами, а также скрытое или явное соперничество между лидерами периодически обостряли отношения между рассматриваемыми странами, делая их конкурентами. Лидеры обоих государств открыто демонстрируют свои притязания на лидерство в центральноазиатском регионе. В частности, И. Каримов не раз заявлял о преемственности государственности современного Узбекистана и государства Тимуридов, власть которых, как известно, распространялась в течение определенного времени на большую часть территории Центральной Азии. Многогранность форм и методов взаимодействия Казахстана и Узбекистана учитывалась внешними партнерами, которые всегда стремились использовать сложившуюся ситуацию в свою пользу.

Отношения Узбекистана с Казахстаном носили сложный характер еще с советских времен. Во многом наследием общего советского прошлого стали сложности в вопросе легитимации общей границы. Исторически на этих землях жили казахи, узбеки, таджики и представители других народов. В разные периоды создавались и распадались государства, а вместе с ними менялись и границы. В период советской власти границы между республиками изменялись несколько раз. Например, если в 1924 г. в результате политики размежевания Каракалпакия вошла в состав Казахской АССР, то в 1936 г. по решению Москвы она вошел в состав Узбекской АССР.

В постсоветский период в результате долгого и напряженного переговорного процесса Казахстану и Узбекистану удалось урегулировать споры по вопросам делимитации и демаркации государственной границы, острые вопросы были решены на компромиссной основе. Н. Назарбаев отметил, что в вопросе делимитации границ между Казахстаном и Узбекистаном теперь «не осталось нерешенных вопросов», И. Каримов в свою очередь подчеркнул, что это – результат «мудрого государственного компромисса». Так, поселок Багыс перешел к Казахстану. Пять населенных пунктов, расположенных вдоль Арнасайской плотины, где проживают преимущественно казахи, по обоюдной договоренности перешли к Казахстану. Поселок Туркестанец, принадлежавший ранее Казахстану, отошел к Узбекистану. Казахстанский лидер особо подчеркнул, что жителям поселка Туркестанец гарантирована возможность переехать на жительство в Казахстан со статусом оралмана. Три поселка Кызылординской области, где проживает преимущественно узбекское население, были переданы в состав Узбекистана.

Дипломатические отношения между независимыми Казахстаном и Узбекистаном были установлены 23 ноября 1992 г. Двусторонняя договорно-правовая база насчитывает в настоящее время более ста совместных документов по различным областям деятельности. основополагающим документом стал Договор о вечной дружбе между Республикой Узбекистан и Республикой Казахстан, подписанный 30 октября 1998 г. За время независимого существования Казахстана и Узбекистана стороны неоднократно обменивались визитами на высшем уровне. Так, состоялось несколько визитов И. Каримова в Казахстан – в 1997, 2001, 2002, 2008 гг. Особую значимость имел официальный визит Президента Узбекистана в Астану 9 сентября 2002 г., когда между странами был подписан Договор о делимитации отдельных участков общей государственной границы, который полностью завершил определение линии совместной границы. Оба Договора о казахстанско-узбекской Государственной границе вступили в силу 5 сентября 2003 г.

Состоялось четыре визита Назарбаева в Узбекистан – в 1994, 1998, 2006 и 2010 гг. Значимым событием в развитии двустороннего взаимодействия стал государственный визит Президента Казахстана в Узбекистан в марте 2006 г., в ходе которого было принято решение об учреждении Межгосударственного координационного совета (МКС) под патронажем президентов двух стран с целью эффективного решения приоритетных вопросов двустороннего сотрудничества¹. Во время официального визита Назарбаева в Узбекистан 16–17 марта 2010 г. обсуждались вопросы дальнейшего развития казахстанско-узбекистанских отношений в политической, торгово-экономической и культурно-гуманитарной сферах. Казахстанские СМИ расценили итоги визита как начало нового витка во взаимоотношениях двух стран в сторону кардинального улучшения.

Вместе с тем не раз в истории внешнеполитических отношений обоих государств Узбекистан в лице его президента И. Каримова противодействовал инициативам Астаны. Так, в апреле 2008 г. во время визита Каримова в Астану Назарбаев выдвинул «идею о создании союза центральноазиатских государств»². Президент Узбекистана не воспринял эту идею, мотивировав тем, что экономика государств региона разнопланова, и региональная интеграция может нанести еще больший ущерб экономикам центральноазиатских стран.

Казахстан счел своим приоритетом проведение в 2010 г. саммита ОБСЕ в Астане, поскольку президенту страны Н. Назарбаеву исполнилось 70 лет, и собрать всех ведущих мировых лидеров в своей столице – дело не только большого престижа, но и огромной важности с точки зрения тех преобразований, которые он осуще-

ствяет не только в самом Казахстане, но и в деле развития интеграционных процессов во всей Центральной Азии. Когда в Вене обсуждалась сама идея провести в этом году саммит ОБСЕ именно в Казахстане, то свое несогласие с ней высказала лишь одна страна – Узбекистан. Но и здесь стороны пришли к дипломатическому компромиссу. И. Каримов поддержал идею проведения саммита ОБСЕ в 2010 г. в Астане. Казахстан же в ответ поддержал позицию Узбекистана против строительства Рогунской ГЭС в Таджикистане и Камбаратинской ГЭС в Кыргызстане без предварительного проведения международной экспертизы данных проектов. Кроме того, Казахстан и Узбекистан договорились увеличить взаимный торговый оборот.

В официальных казахстанских СМИ часто говорилось о лидирующем положении Казахстана в регионе. Собственно, практически все меры Астаны, направленные на развитие позитивного внешне-политического имиджа Казахстана, так или иначе, позиционируют Казахстан как лидирующее в Центральной Азии государство. Председательство Казахстана в ОБСЕ оценивается Астаной как эпохальное событие для всего региона. И. Каримов, в свою очередь, неоднократно указывал на то, что «курс казахстанской власти, по сути дела, противоречит национальным интересам страны»³. В частности, во время одного из заседаний парламента он заявил, что в Казахстане ущемляются интересы коренного этноса и его роль в национальном строительстве.

В двусторонних отношениях между республиками важную роль играет присутствие казахского национального меньшинства в Узбекистане и узбекской диаспоры в Казахстане. Ухудшение социально-экономического положения значительной части населения Узбекистана оказало влияние на развитие ряда негативных для Казахстана процессов. Это, прежде всего, увеличивающиеся потоки нелегальных трудовых мигрантов, создающих напряжение на казахстанском рынке труда. Число выезжающих за пределы республики граждан Узбекистана в поисках работы увеличивается с каждым годом. При этом миграционные процессы сопровождаются ростом преступности, в том числе связанной с незаконным распространением наркотиков.

Особую актуальность проблеме нелегальной узбекской миграции придает то, что она направлена, в первую очередь, в южные области Казахстана, где сохраняется высокая плотность и большой естественный прирост населения. Приток мигрантов обостряет эти особенности и повышает интенсивность нагрузки в социально-экономической сфере. Противоречия между казахами и узбеками возникают на почве конкуренции за рабочие места, претензий относи-

тельно уровня оплаты труда (как правило, труд узбекских рабочих оценивается существенно дешевле казахских).

Казахстан проводит политику поощрения возвращающихся казахов на историческую родину, хотя пока этот процесс нельзя признать вполне эффективным⁴. В Узбекистане подобной программы по стимулированию возвращения узбеков нет, так как отсутствует необходимость механического увеличения населения в силу его резкого естественного роста. Таким образом, глобальная цель и задача казахстанского руководства в демографической сфере заключается в увеличении населения страны и приведении его в пропорциональное соответствие с территорией. Для этого используется как механический способ (возвращение зарубежных казахов на историческую родину), так и естественный способ роста населения (например, материальное поощрение женщин). В Узбекистане такая цель отсутствует, и, наоборот, существует проблема перенаселенности.

Серьезное значение в миграционных процессах имеет и религиозный фактор. Узбеки традиционно были и остаются более религиозными (Исламский религиозный центр всего бывшего Советского Союза был в Ташкенте), казахи значительно в меньшей степени привержены исламу. Если в Узбекистане мусульмане составляют до 90% всего населения (узбеки, таджики, казахи, каракалпаки, уйгуры, татары, крымские татары, турки-месхетинцы), то в Казахстане мусульмане едва достигают 65% населения (казахи, уйгуры, татары, дунгане, чеченцы, ингуши, турки)⁵.

И Казахстан и Узбекистан представляют собой государства, вызывающие огромный интерес мирового сообщества. Речь здесь идет в первую очередь о России, США, Китае, а также о военно-политических и экономических блоках, таких как НАТО, государства исламского мира, Европейский союз.

Для России Казахстан является ключевым партнером в масштабе всего постсоветского пространства. Это касается как экономических проектов, в частности, связанных с развитием газотранспортной инфраструктуры, так и политических и культурных. Узбекистан же в условиях, когда глубоко укоренившееся соперничество между Узбекистаном и Казахстаном за региональное лидерство оказалось достаточно сильным, является важным инструментом, с помощью выстраивания отношений с которым появляется возможность оказывать определенное давление на Астану.

За 20 лет, прошедших после обретения независимости Россией и Узбекистаном, в двусторонних отношениях были различные периоды, но в настоящее время есть все основания говорить, что Ташкент и Москва убедились в том, что именно стратегическое

партнерство и союзнические отношения являются основой российско-узбекистанского сотрудничества. За последние годы подписано более 150 документов, регулирующих взаимодействие в самых различных областях – политической, экономической, военно-технической, гуманитарной и многих других, активно реализуются проекты в области⁶.

Для США важно укрепление своих позиций как в Узбекистане, так и в Казахстане. Однако если Казахстан рассматривается ими как территория между Россией и Китаем, которые по многим направлениям являются конкурентами США в мировом масштабе, то Узбекистан – это страна, которая является одним из важных транспортных коридоров для доставки грузов невоенного назначения контингенту в Афганистане.

Для Китая Казахстан – важнейший объект на данном этапе, прежде всего, экономической экспансии. Завоевание рынка Казахстана, наполнение его китайскими товарами и в результате рост экономического влияния Китая – вот наиболее актуальные задачи. Интерес Китая понятен: он стремится расширить географию своего присутствия в Казахстане и укрепиться в тех регионах, где доминируют Россия и Запад. Любое ослабление политического влияния России в Казахстане почти автоматически приводит к росту политического веса Китая. Узбекистан для Китая также исключительно важен. Узбеки в этническом отношении близки к уйгурам. Строящаяся железная дорога Кашгар–Андижан, которая свяжет Китай с Узбекистаном, будет способствовать установлению непосредственного экономического и торгового контакта и несколько ослабит экспортно-импортные возможности Казахстана, так как товары пойдут по более короткому пути из Китая в Узбекистан. Кыргызстан, по чьей территории пройдет эта железнодорожная магистраль, также будет иметь выгоду, получая прибыль от транзита⁷.

ЕС в своих отношениях со странами Центральной Азии делает ставку на совместные экономические интересы. Кроме того, европейские страны целенаправленно продвигают в регионе свои технические регламенты, стандарты качества, создавая базу для дальнейшего расширения влияния.

Североатлантический альянс постепенно усиливает свое влияние как в Узбекистане, так и в Казахстане. Сотрудничество государств Центральной Азии с НАТО на практике началось с подписания программы НАТО «Партнерство во имя мира» (ПИМ) в 1994 г. и подкреплено на практике военным присутствием в странах региона. Реальным проявлением такого сотрудничества является создание Центральноазиатского батальона, регулярно участвующего в военных учениях совместно с государствами – членами НАТО.

В целом сотрудничество между Казахстаном и Узбекистаном имеет положительную динамику. Договорно-правовая база казахстанско-узбекистанских отношений охватывает практически все грани сотрудничества. Товарооборот между Казахстаном и Узбекистаном достаточно стабилен. У двух государств одна цель – сохранить стабильность и мир в регионе и всесторонне развивать тесные добрососедские связи. Казахстан и Узбекистан как два важных государства центральноазиатского региона имеют огромный потенциал для развития политических, экономических, культурно-гуманитарных отношений. В последнее время получили свое развитие культурные связи между двумя странами. Были восстановлены многие традиции культурного взаимодействия, возникли новые его формы, осуществлены меры по развитию сотрудничества в области подготовки кадров, науки и здравоохранения. Взаимодействие стран в этих сферах позволило добиться некоторых положительных количественных и качественных изменений, создать основу для возможных интеграционных процессов.

В условиях активной политики ведущих мировых держав в Центральной Азии Казахстану и Узбекистану приходится делать непростой выбор: с кем и в каких сферах сотрудничать. От этого во многом будет зависеть не только будущее самих стран, но и обстановка в регионе и их взаимоотношения друг с другом. Согласованные действия двух государств во взаимодействии с РФ, США, ЕС, а также региональными лидерами в лице Китая, Турции, Ирана, Пакистана, Индии и других, позволят достичь необходимых результатов в деле укрепления стабильности во всем Центральноазиатском регионе.

Примечания

- ¹ Основные направления двустороннего сотрудничества Казахстана и Узбекистана (1991–2006 гг.) // Вестник национальной Академии РК. 2006. № 5. С. 93–96.
- ² Назарбаев Н.А. Послание Президента РК народу Казахстана. Казахстан на пути ускоренной экономической, социальной и политической модернизации // Казахстанская правда. 2005. 19 февраля.
- ³ Новый виток во взаимоотношениях Астаны и Ташкента? [Электронный ресурс] // Сайт Информационного агентства «Фергана». [М., 2010]. URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=6530> (дата обращения: 14.02.2011).
- ⁴ Казахская и узбекская диаспора: важный фактор развития отношений между Казахстаном и Узбекистаном. Хронология, структура и некоторые закономерности формирования казахской государственности // Материалы

Международной научно-теоретической конференции, посвященной 70-летию юбилею доктора юридических наук, профессора, академика Академии юридических наук РК Т. Агдарбекова, 7–8 ноября 2008 г. Туркестан: МКТУ им. Х.А. Ясави, 2008. С. 535–540.

- 5 *Хаджи М.* Узбекистан–Казахстан: «вечная» дружба с визовой отметкой?! [Электронный ресурс] // Сайт Интернет-газеты Zona Kz. [Астана, 2010]. URL: <http://www.zonakz.net/articles/12989> (дата обращения: 14.02.2011).
- 6 *Мухаметшин Ф.М.* Россия–Узбекистан: Стратегическое партнерство и союзнические отношения в действии [Электронный ресурс] // Сайт кафедры стран постсоветского зарубежья РГГУ. [М., 2007]. URL: <http://www.postsoviet.ru/page.php?pid=55> (дата обращения: 14.02.2011).
- 7 Геополитические условия сотрудничества Казахстана и Узбекистана в период суверенитета // Отан тарихы. 2009. № 4. С. 28–35.

В.И. Журавлёва

РУСИСТИКА/СОВЕТОЛОГИЯ В США, АМЕРИКАНИСТИКА В РОССИИ: ОПЫТ ВЗАИМНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

Статья посвящена обзору результатов международной конференции «Русистика/советология в США, американистика в России: опыт взаимных репрезентаций». Особое внимание уделяется тому, как идеи, актуализированные в ходе диалога российских и американских ученых, будут способствовать подготовке второго двуязычного сборника в рамках международного проекта, инициированного В.И. Журавлёвой (РГГУ) и И.И. Куриллой (ВолГУ) в 2008 г. при финансовой поддержке Института им. Дж. Кеннана.

Ключевые слова: русистика, советология, американистика, российско-американские отношения, имагология международных отношений.

16–17 февраля 2011 г. в Российском государственном гуманитарном университете прошла международная научная конференция «Русистика/советология в США, американистика в России: опыт взаимных репрезентаций», организованная руководителем Научно-образовательной программы по американистике РГГУ, доцентом кафедры мировой политики и международных отношений В.И. Журавлёвой при финансовой поддержке Посольства США в РФ, Программы Фулбрайта в России и Института им. Дж. Кеннана.

Конференция проводилась в рамках проекта Института им. Дж. Кеннана «Русистика/советология в США, американистика в России как научно-образовательный проект: опыт взаимных репрезентаций». Он был инициирован в 2008 г. В.И. Журавлёвой и И.И. Куриллой, а его первым этапом стало издание двуязычного сборника «Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций»¹.

По замыслу руководителей проекта традиционный подход к изучению американистики и русистики как академических направлений, который сводится к подготовке историографических работ в строго очерченном дисциплинарном поле истории, политологии, социологии, науки о международных отношениях, филологии, при всех его достоинствах, тем не менее нацелен на характеристику наблюдаемого общества как объекта и не рассматривает в качестве такового общество-наблюдатель. Однако именно в изучении другой страны влияние «социального заказа» настолько велико, что позволяет непредвзятому исследователю превращать «субъект» наблюдения в такой же «объект». Вот почему в рамках заявленного проекта речь идет не просто об историографии, а о социологии-науке в ее взаимосвязи с политической и общественной «повесткой дня», об интеграции изучения русистики/советологии в США и американистики в России в исследование имагологии российско-американских отношений в целом.

Имагология в данном случае выступает в качестве базовой исследовательской практики, позволяющей реформатировать методологию изучения российско-американских отношений на основе социокультурного подхода и с учетом того, что «Свое» американское/русское есть точка отсчета для восприятия «Другого»/«Иного» русского/американского². Поэтому, когда мы говорим о формировании знаний о США в России и о России в США, нас должен интересовать не только ответ на вопрос, какова была тематика исследований и какие подходы использовались для изучения другой страны, но и поиск ответа на вопрос о мотивациях, стоявших за интерпретациями развития наблюдаемого общества и определявших актуализацию одних его характеристик и маргинализацию других. Кроме того, объектом внимания должна стать двойная рефлексия – наши представления о том, «как они нас изучают».

Имагологический подход, основанный на социокультурном анализе, открывает широкие возможности для понимания того, как формировалось и функционировало знание русских и американцев друг о друге в длительном временном диапазоне.

Его использование, во-первых, акцентирует внимание на роли Russian/Soviet Studies в США и американистики в Российской империи/СССР/постсоветской России в процессе конструирования «Я-концепции» и позволяет выявить корреляцию между внутренней и внешнеполитической «повесткой дня» общества-наблюдателя, с одной стороны, и формированием знаний о наблюдаемом обществе, с другой. И в «американском» и в «русском» случаях изучение инационального опыта вписывалось в общественно-политические дискуссии о собственной идентичности, а работа ака-

демических центров советологии и американистики вообще может быть интерпретирована как механизм идеологической консолидации общества и его внутренней мобилизации.

Во-вторых, имагологический подход позволяет расширить хронологические рамки проблемы изучения друг друга, так как знания и представления о России в США и о США в России складывались на протяжении длительного периода (начиная уже с XVIII в.), что актуализирует исследование соотношения академической и социокультурной «повестки дня» на протяжении всего периода двусторонних отношений.

Для многих американцев СССР был реинкарнацией Российской империи, отношение к нему основывалось на стереотипах и мифах, созданных в предшествовавший исторический период, сохранялась удивительная преемственность в использовании коммуникативных стратегий и риторических приемов, посредством которых конструировался образ России вообще и русского «Другого» в частности. В свою очередь, образы Соединенных Штатов, бытовавшие в Советском Союзе, берут начало не только в марксистско-ленинской ортодоксии, но и в представлениях, выработанных в дореволюционный период первым поколением отечественных американистов.

В-третьих, социокультурный анализ обращает нас к изучению «человеческого измерения» процесса развития русистики в Соединенных Штатах и американистики в Российской империи/СССР/постсоветской России.

Д. Дэвис и Ю. Трани в своей монографии 2009 г. «Кривые зеркала: США и их отношения с Россией и Китаем в XX веке» подчеркивали, насколько по-разному стало развиваться русиеведение и китаеведение в США вследствие того, что у истоков первого стоял Джордж Кеннан, а второго – Уильям Рокхилл, что знания о России несли в американскую университетскую среду русские эмигранты, позиционировавшие совершенно определенное видение покинутой ими страны, а на распространение представлений о Китае оказывали влияние американские миссионеры. В свою очередь, Д. Энгерман рассматривал рост уровня профессионализации экспертов по России в США как один из трех основных факторов, которые оказывали влияние на ее восприятие по другую сторону Атлантики, начиная с XIX в.³

И, наконец, имагологический подход углубляет наши представления о влиянии академических центров по изучению России и США на выстраивание, соответственно, российского/американского векторов внешней политики двух стран в XIX – начале XXI в.

Именно эти проблемы оказались в центре внимания участников проходившей в РГГУ международной конференции, имевшей ярко

выраженный междисциплинарный характер. В ней принимали участие историки, филологи, политологи, культурологи, социальные антропологи из 25 вузов и научных центров России, из Белоруссии, Казахстана, республики Татарстан, из Соединенных Штатов Америки, а также из Великобритании и Швеции.

Конференцию открывал ректор РГГУ Ефим Иосифович Пивовар, подчеркнувший своевременность российско-американского академического диалога об итогах и перспективах развитии русистики и американистики, и заместитель главы миссии, советник-посланник Посольства США в РФ Эрик Рубин, обративший особое внимание на значение проблематики конференции для разрушения мифов и стереотипов взаимовосприятия.

В пленарных докладах, с которыми выступили В.И. Журавлёва; И.И. Курилла, д-р ист. наук, профессор, директор Центра «Американа» ВолГУ; Ю.Н. Роголев, канд. ист. наук, профессор, директор центра по изучению США им. Ф.Д. Рузвельта МГУ; М. Крамер, профессор, директор Программы по изучению холодной войны Гарвардского университета; В.В. Согрин, д-р ист. наук, профессор МГИМО, руководитель Центра Североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН; Э.Д. Колиха, директор Программы Фулбрайта в России; Т.Д. Венедиктова, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой теории дискурса и коммуникации МГУ, рассматривались основные проблемы, связанные с изучением американистики и русистики/советологии как научно-образовательных направлений в длительном временном диапазоне, с традиционными подходами и новыми исследовательскими практиками, которые могут быть использованы для понимания того, как происходило в прошлом и происходит в настоящем академическое осмысление развития другой страны и другого народа, с перспективами диалога историографий двух стран, с особенностями встраивания страноведческих курсов в региональные исследования, со сравнительным анализом литературной американистики в США и России в контексте различных культур интерпретации.

В рамках конференции работали пять секций и круглый стол.

Доклады, представленные в секции «Русистика в США, американистика в России: от века XIX к веку XX» (модераторы: В.И. Журавлёва, Н.Е. Сол, профессор университета Канзаса)⁴, были посвящены характеристике состава первых групп российских американистов и американских русистов, их профессиональной, политической и идеологической принадлежности, выявлению роли русской эмиграции в развитии Russian/Soviet Studies в США, принципиальным образом повлиявшей на формирование долгосрочного видения России американцами.

Выступавшие заострили внимание не только на корреляции между «повесткой дня» общества-наблюдателя и тематическими приоритетами исследования другой страны и другого народа, но и на различных аспектах «человеческого измерения» процесса изучения друг друга. Докладчики представили емкие портреты тех, кто сыграл ключевую роль в становлении русистики и американистики, будь то дипломаты, переводчики, публицисты, бизнесмены, университетские профессора или, наконец, русские эмигранты-историки и социологи.

Работа этой секции подтвердила тезис о том, что при формировании академического инонационального знания происходит наложение двух уровней восприятия «инаковости», обозначенных франко-болгарским ученым Ц. Тодоровым: праксеологического (сравнение себя с «Другим» через уподобление, противопоставление, безразличие, когда происходит приручение «Другого», а если потребуются, и его «одомашнивание») и эпистемологического, который, собственно говоря, и должен стать уровнем американистики и русистики (не знакомство-узнавание, а изучение-познание, без чего невозможно понимание и принятие идентичности «Другого»)⁵.

Тесно взаимосвязанная с предыдущей секцией и ставшая ее хронологическим продолжением секция «Советология в США, американистика в СССР: «изучение врага»» (модераторы: В.О. Печатнов, д-р ист. наук, профессор МГИМО(У), Н.И. Егорова, д-р ист. наук, зав. Центром по изучению холодной войны ИВИ РАН, М. Крамер, Д. Энгерман, профессор истории Университета Брандейса)⁶ расширила контекст дискуссии за счет проблематики холодной войны.

Докладчики обратили особое внимание на выявление факторов, способствовавших становлению советологии в США в начальный период биполярного противостояния, на принципиально значимую роль политических лидеров в СССР в формировании знаний о Соединенных Штатах Америки, на корреляцию между тематическими приоритетами советологии и американистики и изменением климата двусторонних отношений, на социальный и профессиональный состав экспертов по СССР и США, наконец, на стремление советологов и американистов вписать внешнеполитическую экспертизу в решение вопросов, стоявших во внутривнутриполитической «повестке дня».

Выступления участников секции продемонстрировали, как обеспокоенность биполяризацией мира повлияла, пусть и в различной степени, на развитие советологии и американистики в ведущих университетских центрах США и СССР и привела к взаимодействию между правительством и академической наукой по подготовке экспертов, имевших достаточно корректные представления о реалиях развития другой страны. В случае с США поддержка со

стороны государства (в особенности в период Второй мировой войны и на начальном этапе холодной войны) способствовала бурному развитию советологии в американских университетах, изменив их мир и, в тоже время, оказав влияние на становление общественных наук в целом.

Работа секции позволяет обратить внимание на очень важный момент. Несмотря на выполнение «идеологического заказа», диктовавшего тематические приоритеты американистам и советологам, та тщательность, с которой они прописывали образ противника в рамках «enemy studies», может быть отнесена к своеобразным положительным результатам изучения друг друга в период «холодной войны», также как может быть отнесено к ее положительным результатам формирование «культуры сдерживания».

Доклады, представленные в секции «Изучение друг друга сквозь призму культуры» (модераторы: д-р филол. наук, профессор РГГУ И.В. Морозова; канд. филол. наук, директор Центра Россия – США О.А. Зиновьева)⁷, были нацелены на выявление различных дискурсов взаимных репрезентаций Российской империи/СССР/постсоветской России и США в национальном культурном пространстве. В центре дискуссии оказались две проблемы: русистика/славистика в США как поле конструирования образа «Другого» (рецепция классического наследия Л. Толстого, русско-еврейской литературы, феномен профессора-слависта как точка пересечения «Я-образа» и образа «Другого») и имагология в различных медиа-текстах (сравнительный анализ «Я-концепции» в урбанистическом пространстве, стереотип и образ «Другого/Чужого» в массовой киноиндустрии, экранизация литературной классики «Другого» как конфликт идеологии и саморефлексии). В целом доклады продемонстрировали продуктивность междисциплинарного подхода к изучению образа «Другого».

Секция «Образ русского/американского “Другого” в учебниках, университетских курсах и школьных программах» (модераторы: И.И. Курилла, М.И. Титер, Ph.D., профессор РГГУ)⁸ стала непосредственным продолжением дискуссии, начатой авторским коллективом сборника «Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций». Вошедшие в него статьи со всей очевидностью продемонстрировали: во-первых, насколько учебники и учебные пособия играли важную роль в конструировании и тиражировании инациональных образов; во-вторых, насколько эти образы оказывались полезными для изучения политического и социокультурного контекста общества, их проецирующего, как в этих учебных текстах о России/Соединенных Штатах проговаривалось не только авторское, но и коллективное «Я», ибо они принимали

участие в формировании национальной идентичности; в-третьих, насколько тесно связаны между собой учебный текст, правительственный курс и медийный бизнес.

Продолжая обсуждать этот круг проблем, докладчики заострили внимание на обсуждении вопроса о том, кто является «заказчиком» преподавания американистики/русистики. Ведь в то время как в США курсы по Russian Studies существуют на общеобразовательном уровне, в России они востребованы лишь на уровне профессиональной подготовки.

Отдельной темой обсуждения стали учебники. Причем использование междисциплинарного подхода позволило обратить внимание на тот факт, что при анализе учебного текста как механизма формирования идентичности важна не только методическая конструкция и принцип отбора материала, но и лингвистический подход. Например, в американских текстах о Второй мировой войне действия США описываются в активном залоге, а России – в пассивном («американцы разбили японцев», но «немцы сдались русским»).

Предметом дискуссии в секции «Русистика и американистика в контексте гуманитарных наук: междисциплинарный диалог» (модераторы: Е.Г. Трубина, д-р филос. наук, профессор Уральского государственного университета; М. Рифкин-Фиш, профессор антропологии Университета Северной Каролины)⁹ стал вопрос о сложностях сочетания междисциплинарного и межнационального, а точнее, российско-американского диалога. Так в рецензиях российских историков на книгу Р. Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии» за критикой недостатков источниковедческой базы терялось признание методологического новаторства автора; самопрославление свободной и независимой прессы США велось посредством противопоставления заведомо несвободным медиа Советского Союза, при том что некоторые формы массового убеждения неизбежны для общества любой природы; феминизм, пришедший в Россию одновременно с теми текстами, которые он критикует, помешал российскому гендерно-чувствительному сообществу продуктивно использовать проблематизацию американского патриархата в соответствующей версии феминизма для постановки вопроса об аналогичном советском и постсоветском явлении; диалог между российскими и американскими философами затрудняется различием подходов, так как в фокусе российского философствования оказываются великие идеи и их роль в жизни общества, а американского – вопрос о том, насколько эти идеи верны.

Все это обуславливает необходимость выработки своего рода «меморандума о взаимопонимании» при организации совместных

российско-американских научных проектов, что должно помочь представителям различных культур интерпретации достичь желаемого консенсуса и сделать сотрудничество результативным.

В ходе работы итогового «круглого стола»: «Изучение друг друга после окончания холодной войны: итоги и перспективы» (ведущий – Е.И. Пивовар, ректор РГГУ, член-корреспондент РАН, д-р ист. наук, профессор) обсуждались вопросы, актуализировавшиеся в секционных дискуссиях и расширяющие проблемное поле будущего двуязычного сборника «Русистика/советология в США, американистика в России как научно-образовательный проект: опыт взаимных репрезентаций»¹⁰: о возможности использования наработок «enemy studies» для изучения образов новых враждебных «Других» США и России в начале XXI в.; о корреляции между различными уровнями восприятия другой страны и другого народа – правительственным, медийным, академическим, рядовых людей (идея, озвученная профессором Дж. Райдером), и в связи с этим о роли русистов и американистов в подготовке будущей политической элиты и в популяризации корректных знаний о США/России в национальных СМИ; о значении американистики и русистики/советологии, во-первых, в изучении реальных социокультурных процессов; во-вторых, в развитии общественных наук; в-третьих, в судьбах гуманитарного знания в американских и российских университетах; о соотношении профессиональной и национальной идентичности; об исследовании институциональной стороны развития американистики в СССР, в то время как в США уже появились специальные работы об институционализации советологии¹¹; наконец, о необходимости синтеза имагологического анализа, историко-культурного подхода и литературоведческой компаративистики для развития междисциплинарности в сфере исследований взаимных репрезентаций.

Работу конференции завершала организованная при поддержке Института им. Дж. Кеннана презентация книги «Дилеммы разнообразия после окончания холодной войны: анализ культурных различий американскими и российскими исследователями» (ведущий – Т.Д. Венедиктова, рецензент – Г.И. Зверева, д-р ист. наук, профессор, завкафедрой истории и теории культуры РГГУ). Книга явилась итогом междисциплинарного международного проекта «Разнообразие культур в современном мире» и вышла в Международном центре Вудро Вильсона в 2010 г. под редакцией американского антрополога М. Рифкин-Фиш и российского философа и антрополога Е. Трубиной¹². Основным предметом дискуссии стала привычная для американского академического сообщества, но достаточно новаторская для российского проблематика «diversity».

В ее трактовке проявляется расхождение американского и российского подходов, приводящее к разности приоритетов. Если в первом случае речь идет о прославлении разнообразия, то во втором, преимущественно, об опасностях внутреннего разброда. В итоге при отсутствии готового мета-языка сходные культурные явления могут описываться совершенно по-разному. Презентация книги заострила внимание на вопросе о целесообразности привлечения аутсайдеров, мыслящих непривычными категориями, в национальный научный дискурс, что может придать ему динамику и способствовать появлению его нового измерения. Именно за это ратует М. Рифкин-Фиш. Однако очевидно, что подобные «интервенции» извне сами инсайдеры профессиональной культуры склонны воспринимать как непродуктивные, недостаточно профессиональные, нечетко ориентированные.

В любом случае, плодотворная дискуссия, инициированная обсуждением книги, интересной и сложной по замыслу, насыщенной идеями и написанной на актуальную тему, продиктованную самим процессом глобализации, выводит нас на еще одну проблему, значимую для заявленного проекта – академическое измерение культурного пограничья как предмет профессиональной рефлексии.

Во время работы конференции Посольство США в Москве организовало фотовыставку «Послы американского джаза», посвященную одной из страниц истории культурной дипломатии Соединенных Штатов в период холодной войны. Во второй половине 1950-х годов при финансовой поддержке госдепартамента в борьбу за «умы и сердца» людей в различных странах мира вступили известные джазовые музыканты. В 1956 г. Диззи Гиллеспи и его оркестр, совершив турне по Южной Европе и Ближнему Востоку, открыли период «джазовой дипломатии», продолжавшийся два десятилетия. Затем в Южную Азию, Африку, Восточную Европу последовали Дэйв Брубек, Бенни Гудмен, Луи Армстронг, Дюк Эллингтон, Бенни Картер, Майлс Дэвис и другие звезды американского джаза. В 1962 г. в СССР приезжал Бенни Гудмен, который за пять недель дал 30 концертов в шести городах России, колоссально расширив представление советских людей о массовой культуре американцев¹³. Выставка, ставшая важной составляющей работы конференции, наглядно подтвердила плодотворность использования имагологического подхода для изучения американцами и русскими друг друга.

В заключение хотелось бы выразить благодарность администрации РГУ и лично ректору Ефиму Иосифовичу Пивовару, Посольству США в РФ и лично послу Джону Байерли, Программе Фулбрайта в России и лично ее директору Энтони Колиха,

Институту им. Дж. Кеннана и лично его директору Блэру Рублу за поддержку, оказанную при организации этого международного форума, который призван способствовать переформатированию русистики в США и американистики в России как научно-образовательных проектов.

Примечания

- ¹ Сборник вышел в 2009 г. под редакцией В.И. Журавлёвой и И.И. Куриллы. Обсуждение книги см.: Роль учебников в формировании взаимных репрезентаций русских и американцев. Дискуссия // Вестник Института Кеннана в России. Выпуск 16. М., 2009. С. 74–94. Электронную версию книги см.: <http://www.kennan.ru/index.php/rus/Biblioteka/Knigi/Rossiya-i-SSHA-na-stranichah-uchebnikov-opyt-vzaimnyh-reprezentacij> URL:
- ² О методологии имагологического исследования подробнее см.: *Журавлёва В.И.* Изучение имагологии российско-американских отношений по обе стороны Атлантики: итоги и перспективы // Американский ежегодник, 2008/2009. М., 2010. С. 142–166.
- ³ *Engerman D.C.* Modernization from the Other Shore. American Intellectuals and the Romance of Russian Development. Cambridge, Massachusetts and London, England, 2003.
- ⁴ С докладами выступили: И.И. Курилла, В.В. Носков, д-р ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН; В.И. Журавлёва, Н.Е. Сол, А.Б. Окунь, канд. ист. наук, доцент Самарского государственного университета; Н.И. Осипов, канд. ист. наук, доцент Евразийской академии; Ю.Ю. Хмелевская, канд. ист. наук, доцент Южно-Уральского государственного университета; М.Б. Буланова, канд. филос. наук, доцент РГГУ.
- ⁵ *Todorov T.* The Conquest of America: The Question of the Other. N.Y., 1982. P. 185–186.
- ⁶ С докладами выступили: Д. Айерс, профессор критической теории Университета Кента; Н. Сорин-Чайков, преподаватель социальной антропологии Кембриджского университета, Д. Энгерман, В.М. Зубок, профессор истории Университета Темпл; И.В. Гайдук, канд. ист. наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН; О.В. Павленко, канд. ист. наук, доцент РГГУ, А.А. Киличенков, д-р ист. наук, профессор РГГУ; С.И. Жук, профессор истории Ball State университета; Б.Р. Рахимзянов, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; В.И. Меньковский, д-р ист. наук, профессор Белорусского государственного университета; Р.Х. Проп, аспирантка Кембриджского университета.
- ⁷ С докладами выступили: Г.В. Алексеева, канд. филол. наук, зав. отделом научно-исследовательской работы Государственного музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»; Г.А. Элиасберг, канд. филол. наук, преподаватель РГГУ;

Л.Ф. Кацис, д-р филол. наук, профессор РГГУ; О.А. Зиновьева; Д. Модianos, Ph.D., вице-президент по стратегическому планированию Университета Центральной Флориды; И.В. Морозова; О.Ю. Анцыферова, д-р филол. наук, доцент Ивановского государственного университета.

- ⁸ С докладами выступили: А.А. Арустамова, канд. филол. наук, доцент Пермского государственного университета; Б.А. Дессантс, профессор истории Университета Шиппенсбурга; Е.С. Гриценко, д-р филол. наук, профессор Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова; Д.В. Козлов, канд. ист. наук, доцент Иркутского государственного университета; М.И. Титер; У.Б. Уайзенхант, профессор истории колледжа Д. Пейдж; И.М. Супоницкая, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; М.И. Рыхтик, д-р полит. наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
- ⁹ С докладами выступили: Е.М. Болтунова, канд. ист. наук, доцент РГГУ; И.О. Дементьев, канд. ист. наук, доцент Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград); Н. Рудакова, Ph.D., доцент Калифорнийского университета, Л.Н. Попкова, канд. ист. наук, доцент Самарского государственного университета; В.Н. Коньшев, д-р полит. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; А.Б. Безбородов, д-р ист. наук, профессор РГГУ; Р. Хоуэлл, профессор философии Университета штата Нью-Йорк; В.В. Папиорковский, д-р экон. наук, профессор Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук; Д.Дж. О'Брайн, профессор социологии Университета Миссури-Колумбия; С.К. Вегрен, профессор политологии Южного методистского университета Техаса.
- ¹⁰ Сборник выйдет в 2012 г. под редакцией В.И. Журавлёвой и И.И. Куриллы при финансовой поддержке Института им. Дж. Кеннана.
- ¹¹ См., например: *Engerman D. Know Your Enemy. The Rise and Fall of America's Soviet Experts.* Oxford University Press, 2009; О постановке проблемы в России см.: *Журавлёва В.И., Курилла И.И.* Проблемы развития американистики в постсоветской России // Американский ежегодник, 2005. М., 2007. С. 80–93; *Kurilla I.I., Zhuravleva V.I.* Teaching U.S. History in Russia: Issues, Challenges, and Prospects // *Journal of American History.* 2010. Vol. 96. No. 4. March. P. 1138–1144.
- ¹² *Dilemmas of Diversity after the Cold War: Analyses of Cultural Differences by U.S. and Russia-Based Scholars* / Ed. by Michele Rivkin-Fish and Elena Trubina. Washington: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2010. С книгой можно ознакомиться в библиотеке РГГУ.
- ¹³ Об этой выставке см.: *America's Jazz Ambassadors Embrace the World* <http://www.meridian.org/jazzambassadors>

ABSTRACTS

Z.T. Aliev

ECOLOGICAL ASPECTS OF THE NATIONAL SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT POLICY

Since 1970 the international community has been developing the concept of sustainable development which corresponds to the specific features of every continent, region or country. Rapidly developing industry in highly populated regions and industrialized countries make scientific community anxious with inefficient use of natural resources and lack of emissions control plan. Clear plan of political actions on international level is needed to make economics recourses-saving and preserve natural recourses for further generations. Without accurate, weighed and coordinated political decisions there will be impossible to face the upcoming threats.

Keywords: sustainable development, national development strategy, renewable energy sources, politics of preserving resources for further generations.

D.N. Androsova

EDUCATING STUDENTS FROM SOCIALIST COUNTRIES IN SOVIET UNIVERSITIES. 1956–1964: THE LEGAL ASPECT

The article analyzes the legal framework of academic exchange program between the USSR and socialist countries during the «Thaw» period. The author emphasises the correlation between academic relations and geopolitical situation.

Keywords: foreign students, the USSR, socialist countries, bilateral agreements, academic exchange.

I.A. Baskakova

RUSSIA-KAZAKHSTAN COOPERATION IN THE SECURITY SPHERE

The article is devoted to the main aspects of Russia-Kazakhstan bilateral cooperation in the security and space exploration, to the

Western initiatives, to the analysis of CSTO–NATO cooperation and competition, and to Kazakhstan’s role in this process.

Keywords: Russia, Kazakhstan, CSTO, NATO, security, Central Asia, Baikonur.

V.V. Bedran

MECHANISM OF U.S. ANTI-IRAQ INFORMATION WAR AT THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY

The article analyzes the US information strategy during the Iraq war in the early 21st century, considering different dimensions of the information and communicative component of the US policy. The author demonstrates advantages and shortcomings of various manipulative technologies and traces the outcome of the US-Iraq information war.

Keywords: USA-Iraq war, information war, communicative strategies, US foreign policy, psychological operations in Iraq.

V.I. Denisov

KOREAN NUCLEAR CRISIS: PROSPECTS OF SETTLEMENT

The article focuses on the evolution of nuclear crisis on the Korean Peninsula, its influence on the situation in the North East Asia. The author analyzes role of Russia, China and other states interested in political settlement of the complicated situation in this region.

Keywords: nuclear crisis, North East Asia, Korean Peninsula, six-party talks, UN Security Council.

M.A. Elfimov

JOHN RAWL’S “THE LAW OF PEOPLES” AND ITS ROLE IN INTERNATIONAL RELATIONS THEORY

This article is dedicated to John Rawls’s “Law of peoples” in the context of theory and history of international relations.

Keywords: Theory of Justice, The Law of Peoples, tolerance, international relations, well-ordered society, rogue states.

A.V. Guschin

THE DELIMITATION OF POLISH EASTERN BORDERS IN 1918–1923

The article is dedicated to the problem of delimitation of Poland's eastern borders after the First World War. The author places particular emphasis on the discussion of this problem during Paris Peace Conference and on the role of the Soviet Russia in the territorial delimitation.

Keywords: Paris Peace Conference, Eastern Galicia, delimitation, Entente.

D.S. Kachkov

POST-SOVIET RUSSIA'S RE-ENTRY INTO THE WORLD POLITICS AS SEEN BY FRENCH MASS-MEDIA

The article is dedicated to the analysis of the French mass media discourse concerning Russian international activity at the beginning of the 21st century. From author's point of view, articles in the center-right "Le Figaro", the center-left "Le Monde," and left-wing "La Liberation" demonstrate that in the West, Russia's international revival revives the fear and prejudices from the times of the Cold War.

Keywords: Russia's international revival, great power, empire, energy resources, Gazprom, Cold War, nationalism, human rights.

I.E. Khanova

KAZAKHSTAN-UZBEKISTAN RELATIONS WITHIN MODERN GEOPOLITICAL SYSTEM

This article describes cooperation between Kazakhstan and Uzbekistan. The author examines the roles and positions of the countries in modern geopolitical system and puts a particular emphasis on the politics of other world powers toward Kazakhstan and Uzbekistan.

Keywords: Central Asia, Kazakhstan, Uzbekistan, Russia, China, USA, world powers, international relations, integration processes.

O.A. Khlopov

RUSSIAN-CHINESE ENERGY COOPERATION IN THE CONTEXT OF GLOBAL GEOECONOMIC CHANGES

The article covers problems of economic and political alignment of forces in the early 21st century considering the growing role of energy resources in the world politics and gradual transition to a new model of economic development and technological structure. China has become actively involved in global processes, demonstrating a high rate of economic growth. This country became a key player in a new system of geo-economic and political relations. Russia and China have common interests in the energy sphere; they are interested in bilateral economic cooperation and in partnership within joint projects for the development of the Far East.

Keywords: energy resources, Russia-China cooperation, energy security, Central Asia, geo-economic space.

A.S. Levchenkov

UKRAINIAN-CZECH RELATIONS: 1991–2010

This article analyzes the main stages and trends of Ukrainian-Czech relations in 1991–2010. The author places a particular emphasis on the impact that the European integration ideas, the cooperation with NATO, and the energy sphere partnership have upon those bilateral relations.

Keywords: Ukraine, Czech Republic, Czechoslovakia, foreign policy, the Central-Eastern Europe, the European Union, NATO, European integration, the Visegrad Group.

S.M. Markedonov

THE ARMENIAN-TURKISH NORMALIZATION PROCESS: PROBLEMS, CHALLENGES, PROSPECTS

The article is focused upon the Armenian-Turkish bilateral relations dynamics in the post-Soviet period.

The author analyzes main prerequisites and consequences of the crises between the two neighbors and their impact on the South Caucasus security. Special attention is paid to the reasons which make the Armenian-Turkish normalization even more of a necessity in the most complicated times for both countries.

Keywords: ethnopolitical conflict, the normalization of Armenian-Turkish relation, geopolitics, security.

O.V. Pavlenko

GEOPOLITICAL PLANNING OF THE “BIG EUROPEAN WAR” IN 1910–1914: THE RUSSIAN VIEW

The article considers military mobilizing plans and the big European war projections developed by Russian war experts during 1910–1913. They could foresee the First World War's course precisely enough. By the year 1912, Russian elite had formed an opinion that the Empire's western borders were in imminent danger. Bloc diplomacy transformed the image of “the West” and “the western threat” of those days. Great Britain and France (Russia's allies in the Entente) were excluded from the discourse of “hostility.” The image of Germany and Austria-Hungary, on the other hand, acquired a completely different meaning in geopolitical texts. The author's analysis ignores journalistic works and is based on the documents compiled by high-ranking officials in their capacity as foreign policy experts.

Keywords: the First World War, geopolitics, Russia, Germany, Austria-Hungary, militarization.

S.A. Romanenko

INTERETHNIC CONTRADICTIONS, REGIONAL CONSCIOUSNESS AND POLITICAL ALLIANCES IN THE SOUTHERN MIDDLE EUROPE (IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

The article deals with the correlation between three elements of the ideology of national movements in Central Europe at the end of the 19th century – beginning of the 20th century – historical roots, regional aspects and internal alliances. Different peoples of the region belonged to multinational empire, the Habsburg Monarchy. Internal ethnic and political conflicts were determined by the relationship of Austro-Hungary with its neighbors as well. The component of collective consciousness of these peoples was its belonging to the region of Central Europe. These national movements intended both to overtake the Western Europe and surpass the Eastern Europe. As an alternatives to the imperial structure of Austria-Hungary as the multinational state were considered various types of federation or

confederation (to be maintained) or alliances of national independent states in the case of its disintegration.

Keywords: Austria-Hungary, ethnopolitical area, nationalism, historical and geographical region, national self-determination, interethnic and interstate conflicts, union of states, empire, federation.

T.F. Sabitov

HISPANICS' INFLUENCE ON THE IMAGE OF CONTEMPORARY IMMIGRANT IN THE UNITED STATES

The article covers the problems of contemporary Latin American immigration to the United States, which is unique due to its large scale, illegal character, regional concentration, and stability. The author examines the shift of the assimilation paradigm and American myths associated with immigrants. Special attention is paid to the Hispanics' influence on the image of contemporary immigrant in the United States.

Keywords: immigration, national identity, the image of an immigrant, Hispanics, assimilation paradigm, Melting Pot, multiculturalism, national security.

N.S. Samarkina

EXPORT POTENTIAL OF RUSSIA AND THE UNITED STATES ON THE WORLD WEAPONS AND MILITARY EQUIPMENT MARKET AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

At the beginning of the 21st century the world weapons and military equipment market remained the field of a tough competition between leading exporters. The United States was the key player in this market. Russia ranked second though its positions were gradually weakening. The author offers the comparative analysis of those countries (policies in the field of military Research & Development and its arms export strategy in 2000–2010) while taking into account their total export potential.

Keywords: Military-industrial complex, military sale/export, Research & Development (R&D).

A.G. Senokosov

BRIC AS A NEW INTEGRATION FRAMEWORK FOR LEADING COUNTRIES OF THE DEVELOPING WORLD

The article deals with BRIC, a new international organization founded in 2008–2009 as an alliance of the key developing countries: Brazil, Russia, India, and China. The author traces the history of this organization, its structure, the relations between its partners in different periods of modern history; the article particularly emphasizes the reaction of the West to the foundation of BRIC.

Keywords: The BRIC countries, “The Big Four”, the international integration, political and economic cooperation.

M.M. Sirotinskaya

“DO YOU CLAIM THE PROTECION OF THE UNITED STATES? THAN YOU SHALL HAVE IT!” THE “KOSTZA AFFAIR” AS SEEN BY “THE NEW YORK TIMES”

The article analyzes the reaction of the New York public and its opinion toward the young Hungarian Martin Koszta’s liberation by the U.S. Captain Duncan N. Ingraham in July 1853 in Smirna (Turkey). Takes on the “Koszta affair” by New Yorkers who took part in the rally in honour of Ingraham on September 22, 1853 reflected their nationalism, their political creed, and their understanding of the U.S. mission abroad.

Keywords: the US diplomacy, public opinion, American immigrants, Martin Koszta, Duncan Ingraham, William Marcy.

E.V. Vasilyev

ROLE AND SIGNIFICANCE OF THE «EXTERNAL BULGE CONCEPT» IN BELARUS FOREIGN POLICY

Modern foreign policy of Belarus is being transformed due to Russia’s new approaches to the integration process. The author analyzes gradual change in Belarus’s foreign policy priorities from unilateral orientation to the “external bulge concept.

Keywords: multilateral diplomacy, the «external bulge concept», Nonaligned Movement.

D.A. Zhuravlev

COMMUNICATIVE ASPECT OF TERRORISM
IN THE POSTMODERN SYSTEM: THE THEATER
OF TERROR AND THE SOCIETY OF THE SPECTACLE

International terrorism has become the absolute Evil that confronts the Good and the Order in political discourse. Information-communicative component of terrorism is a dominant force in its functioning and development. Both these ideas make us think of the absolute System that acts primarily in the information and communicative sphere and is a binary (hostile) opposition to its, one would think, implacable enemy – terrorism that possesses an absolute weapon – death. The analysis of such concepts as the society of the Spectacle (Guy Debord), the third order of simulacra, the symbolic exchange (J. Baudrillard), the Empire (M. Hardt, A. Negri) provides us with the apparatus to analyze the interconnection and mutual dependence of the System and terrorism.

Keywords: System, Spectacle, Empire, simulacrum, symbolic exchange, death, terrorism.

V.I. Zhuravleva

THE RUSSIAN “OTHER” IN AMERICAN POLITICAL CARTOONS:
FROM THE 19th CENTURY TO THE 21st CENTURY

This article examines visual representations of the Russian Empire/ the Soviet Union/ post-Soviet Russia in American political cartoons thus offering an opportunity to better understand the role of the demonic and the romantic Russian Other in the construction of American identity in a long-term perspective. The author analyzes political cartoons as valuable primary sources because American cartoonists expressed in graphic form what could not always be easily verbalized, and also revealed unspoken assumptions about foreign nations, including national character and future prospects; they also affirmed or defined national identity, labeling or categorizing foreign peoples or countries, constructing mental maps of the world, and defining America’s place and role in it. Political cartoons served as an indicator of public sentiments and at the same time as a stereotype-forming mechanism.

The author’s analysis of political cartoons will contribute to a broader understanding of America’s long-lived myths about Russia (the “Evil Empire” and the immutable “everlasting Rus” – Russia as the demonic Other; a country ready to be instantaneously transformed according to the Western blueprint of the universal modernization process, into “the

United States of Russia” – Russia as the romantic Other) and will give an opportunity to tease out the communicative strategies used to code American public opinion from the early 20th century on (“Civilization vs. Barbarism,” “Democracy vs. Despotism,” “Freedom vs. Slavery,” “the West vs. Asia/the Orient,” “Light vs. Darkness”).

This article which is based on a broad range of graphic sources from the American press and represents the results of the author’s cooperation with Professor David Foglesong, helps: (1) to analyze the U.S. policy toward Russia within the imagology of international relations; (2) to examine the U.S. foreign policy as a vital sphere where national identity is redefined and reaffirmed, and to demonstrate how the Russian “Other” was used, in part, to construct the American “Self”; (3) to understand those “cycles of hopes and disappointments” in the Americans’ perception of Russian modernization, which arise not only from Russian/Soviet realities, but from the American social and cultural context as well.

Keywords: Russian-American Relations, imagology, visual image, ethnic stereotypes, identity, political /cultural myth.

V.I. Zhuravleva

RUSSIAN/SOVIET STUDIES IN THE UNITED STATES, AMERICAN STUDIES IN RUSSIA: MUTUAL REPRESENTATIONS

This article is devoted to the results of international conference «Russian/Soviet Studies in the United States, American Studies in Russia: Mutual Representations». Special emphasis has been made on how to utilize the considerations and ideas from the dialogue of Russian and American Scholars in the implementation of the second bilingual volume within the international project initiated by Victoria I. Zhuravleva (the Russian State University for the Humanities) and Ivan I. Kurilla (Vologograd State University) in 2008 under the financial support of the Kennan Institute.

Keywords: Russian Studies, Sovietology, American Studies, Russian-American relations, imagology of international relations.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Алиев Заур Табризович* – кандидат политических наук, доцент кафедры культуры мира и демократии РГГУ, zaur-aliev75@mail.ru.
- Андросова Дарья Николаевна* – аспирантка кафедры отечественной истории новейшего времени РГГУ, androssova@yandex.ru.
- Баскакова Ирина Андреевна* – аспирантка кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, обладательница второго места на межвузовском конкурсе дипломных работ, организуемом МГИМО, irenthel1st@yandex.ru.
- Бедрань Валерия Викторовна* – выпускница Отделения международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, победитель Конкурса выпускных квалификационных работ РГГУ 2010, bedran.v.v@gmail.com.
- Васильев Евсей Владимирович* – аспирант кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, yevsey@bk.ru.
- Гущин Александр Владимирович* – кандидат исторических наук, доцент кафедры стран постсоветского зарубежья РГГУ, a_guschin301178@mail.ru.
- Денисов Валерий Иосифович* – доктор исторических наук, профессор МГИМО(У), профессор кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, vid1941@bk.ru.
- Елфимов Максим Александрович* – аспирант кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, maxelfimov@list.ru.
- Журавлёв Денис Александрович* – кандидат политических наук, преподаватель кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, zhuravlev.denis@gmail.com.
- Журавлёва Виктория Ивановна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, руководитель программы по американистике РГГУ, заместитель руководителя Отделения международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, zhuravlevavic@mail.ru.
- Качков Дмитрий Степанович* – аспирант кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, ameros@mail.ru.
- Левченков Александр Станиславович* – кандидат исторических наук, доцент кафедры стран постсоветского зарубежья РГГУ, bohem2001@mail.ru.
- Маркедонов Сергей Мирославович* – кандидат исторических наук, доцент РГГУ, заместитель директора Института политического и

- военного анализа, эксперт Совета Европы и Федерального собрания РФ, smarkpost@gmail.com.
- Павленко Ольга Вячеславовна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, руководитель Отделения международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ, заместитель директора Историко-архивного института РГГУ, olgaravlenko@mail.ru.
- Романенко Сергей Александрович* – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, serg.hist@gmail.com.
- Сабитов Тимур Фаилович* – аспирант кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, timur_tmb@mail.ru.
- Самаркина Нина Сергеевна* – аспирантка кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, nina-samarkina@rambler.ru.
- Сенокосов Алексей Георгиевич* – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, senokosov@inbox.ru.
- Сиротинская Мария Моисеевна* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, masha_sirotinskaia@mail.ru.
- Ханова Ирина Евгеньевна* – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры стран постсоветского зарубежья РГГУ, irkh_76@mail.ru.
- Хлопов Олег Анатольевич* – кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, univer619@mail.ru.

GENERAL DATA ABOUT THE AUTHORS

Aliev Zaur T. has a Ph. D. in Political Sciences, he is a Senior Lecturer at the RSUH Department of Culture of Peace and Democracy, zaur-aliev75@mail.ru.

Androsova Daria N. is a post-graduate student at the RSUH Department of Soviet and Post-Soviet Russian History, androsova@yandex.ru.

Baskakova Irina A. is a post-graduate student at the RSUH Department of World Politics and International Relations, she is a prizewinner of the Inter-university Competition of final qualification projects organized by the Moscow State Institute of International Relations, irenthe1st@yandex.ru.

Bedran Valeriya V. is an alumna of the RSUH Division of International relations and Area Studies and she is a prizewinner of the RSUH Competition-2010 of final qualification projects, bedran.v.v@gmail.com.

Guschin Aleksandr V. has a Ph. D. in History, he is an Associate Professor at the RSUH Department of Post-Soviet States, a_guschin301178@mail.ru.

Denisov Valery I. has the Degree of a Doctor of Historical Sciences, he is a Full Professor at the Moscow State Institute of International Relations and he is a Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations, vid1941@bk.ru.

Elfimov Maksim A. is a post-graduate student at the RSUH Department of World Politics and International Relations, maxelfimov@list.ru.

Kachkov Dmitry S. is a post-graduate student at the RSUH Department of World Politics and International Relations, ameros@mail.ru.

Khanova Irina E. has a Ph. D. in Philosophy, she is a Senior Lecturer at the RSUH Department of Post-Soviet States, irkh_76@mail.ru.

Khlopov Oleg A. has a Ph. D. in Political Sciences, he is an Associate Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations, univer619@mail.ru.

Leochenkov Alexander S. has a Ph. D. in History, he is an Associate Professor at the RSUH Department of Post-Soviet States, bohém2001@mail.ru.

Markedonov Sergei M. has a Ph. D. in History, he is an Associate Professor at RSUH, he is a Deputy Director of the Institute for Political and Military Analysis, and he is an expert of the Council of Europe and the Russian Federal Assembly, smarkpost@gmail.com.

Pavlenko Olga V. has a Ph. D. in History, she is an Associate Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations, she is a Director of the RSUH Division of International Relations and Area

- Studies, and she is a Vice-Director of the RSUH Institute for History and Archives, olgapavlenko@mail.ru.
- Romanenko Sergei A.* has a Ph. D. in History, he is a Senior Research Fellow at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, serg.ist@gmail.com.
- Sabitov Timur F.* is a post-graduate student at the RSUH Department of World Politics and International Relations, timur_tmb@mail.ru.
- Samarkina Nina S.* is a post-graduate student at the RSUH Department of World Politics and International Relations, nina-samarkina@rambler.ru.
- Senokosov Alexey G.* has a Ph. D. in History, he is an Assistant Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations, senokosov@inbox.ru.
- Sirotinskaia Maria M.* has a Ph. D. in History, she is a Senior Research Fellow at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, masha_sirotinskaia@mail.ru.
- Vasilyev Yevsey V.* is a post-graduate student at the RSUH Department of World Politics and International Relations, yevsey@bk.ru.
- Zhuravlev Denis A.* has a Ph. D. in Political Sciences, he is a Lecturer at the RSUH Department of World Politics and International Relations, zhuravlev.denis@gmail.com.
- Zhuravleva Victoria I.* has a Ph. D. in History, she is an Associate Professor at the RSUH Department of World Politics and International Relations, she is a Director of the RSUH American Studies Program, and she is a Vice-Director of the RSUH Division of International Relations and Area Studies, zhuravlevavic@mail.ru.

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *Н.П. Гаврикова*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 21,5.
Тираж 1050 экз. Заказ № 45

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru